

*Antenap
DFOA*

- [Александр Дюма](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [Часть первая](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
 - [IX](#)
 - [X](#)
 - [XI](#)
 - [XII](#)
 - [XIII](#)
 - [XIV](#)
 - [XV](#)
 - [XVI](#)
 - [XVII](#)
 - [XVIII](#)
 - [XIX](#)
 - [XX](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
 - [IX](#)
 - [X](#)
 - [XI](#)
 - [XII](#)
 - [XIII](#)
 - [XIV](#)

- [XV](#)
 - [XVI](#)
 - [XVII](#)
 - [XVIII](#)
 - [XIX](#)
 - [XX](#)
 - [XXI](#)
 - [XXII](#)
 - [XXIII](#)
 - [XXIV](#)
 - [XXV](#)
 - [КОММЕНТАРИИ](#)
 - [notes](#)
 - [Note1](#)
 - [Note2](#)
 - [Note3](#)
 - [Note4](#)
 - [Note5](#)
 - [Note6](#)
 - [Note7](#)
 - [Note8](#)
 - [Note9](#)
 - [Note10](#)
 - [Note11](#)
 - [Note12](#)
 - [Note13](#)
 - [Note14](#)
 - [Note15](#)
 - [Note16](#)
 - [Note17](#)
 - [Note18](#)
-

Александр Дюма
Царица Сладострастия

ПРЕДИСЛОВИЕ

Возможно, наши читатели еще не забыли публикацию «Мемуаров княгини Монако» в «Мушкетере» и помнят, каким неожиданным и странным образом эти записки попали ко мне в руки.

Не занимаясь обычно публикациями такого рода, я дал просмотреть эти мемуары одной даме из числа моих приятельниц, женщине чрезвычайно умной; у этой моей приятельницы был лишь один недостаток, который в данном случае становился достоинством: она считала себя старухой, ибо, начитавшись хроник и мемуаров прошлых веков, вообразила, что когда-то знала описанных в них героев.

«Мемуары княгини Монако», подготовленные ею к печати и опубликованные мною в «Мушкетере», имели огромный успех.

Из этого воспоследовало то, что моя знакомая стала настойчиво упрашивать меня заняться поиском новых мемуаров. И тут мне вспомнилось, что, оказавшись однажды в городе ***, где мне предстояло задержаться часов на пять, я, не зная, чем занять это время, отправился навестить своего друга, работавшего в местной библиотеке.

Зная о моем пристрастии к старинным рукописям, он позволил мне ознакомиться с ценнейшими рукописями этой библиотеки, и я с чутьем, каким обладают люди, привычные к подобным поискам, чуть ли не сразу натолкнулся на одну из них, носящую название: «Мемуары Жанны д'Альбер, графини ди Верруа, по прозвищу Царица Сладострастия».

К сожалению, мне удалось прочесть лишь первую тетрадь, но и этого оказалось достаточно: записки графини произвели на меня глубокое впечатление.

Вот почему, когда моя знакомая спросила, нет ли у меня других мемуаров, над которыми ей можно было бы потрудиться так же, как она это сделала с рукописью княгини Монако, я вспомнил о мемуарах графини ди Верруа.

Я тут же отправил моему другу-библиотекарю письмо, в котором просил его выслать мне не сами эти мемуары — ибо мне было известно, что по решению муниципального совета города ни одну рукопись нельзя было выносить за порог библиотеки, — а их копию, сделанную как можно быстрее.

Рукопись оказалась настоящей находкой!

Графиня ди Верруа играла очень важную роль при савойском и

французском дворах.

Она была современница восьми римских пап: Климента X, Иннокентия XI, Александра VIII, Иннокентия XII, Климента XI, Иннокентия XIII, Бенедикта XIII и Климента XII; трех императоров: Леопольда I, Иосифа I и Карла VI; двух королей Франции: Людовика XIV и Людовика XV; двух королей Испании: Карла II и Филиппа V; четырех королей Англии: Карла II, Якова II, Вильгельма III и Георга I.

Она была знакома с герцогом Вандомским, Вильруа, Катина, Вилларом, принцем Евгением, Вольтером, Мариво, регентом, герцогом и герцогиней Менскими, со всеми выдающимися мыслителями и всеми доблестными мужами Франции.

В течение десяти-двенадцати лет она была официальной любовницей Виктора Амедея.

После своего бегства из Пьемонта, сохранив старые знакомства в Турине, графиня сумела завязать новые связи с Испанией.

И наконец, ее жизнь имела романтическую сторону, которая прекрасно соответствовала жанру публикаций, столь полюбившихся моей старой знакомой.

Через три недели рукопись уже была у меня.

Но в течение этих дней, борясь с нетерпением, я решил перелистать Сен-Симона.

Я вспомнил, что в своих мемуарах он посвятил целый параграф, почти главу, госпоже графине ди Верруа. Перечитав все, что Сен-Симон написал о ней, и обнаружив, что приведенные им сведения полностью совпадают с тем, что мне помнилось из рукописи графини, я вырвал три или четыре страницы из книги Сен-Симона, на которых шла речь об этой даме, и послал их моей знакомой, чтобы они послужили ей в качестве предисловия; впрочем, моя приятельница знала о них не хуже меня, а может быть и лучше.

Вот этот отрывок:

"Среди стольких важных обстоятельств, подготавливавших величайшие события, случилась одна совершенно частная, но такая необычайная история, что о ней следует коротко упомянуть.

Немало лет прошло с тех пор, как графиня ди Верруа поселилась в Турине и стала официальной любовницей герцога Савойского; она дочь герцога де Люина от его второй жены, которая одновременно приходилась ему теткой, поскольку была сводной сестрой его матери, знаменитой герцогини де Шеврёз.

Большое число детей от этого второго брака вынуждало герцога де

Люина, человека небогатого, пристраивать своих дочерей всеми возможными способами. Все его дочери были хороши собой, а эта была просто красавица; в 1683 году ее, совсем юную, выдали замуж в Пьемонт; когда это произошло, ей не было и четырнадцати лет. Ее свекровь состояла придворной дамой герцогини Савойской; она была вдова и пользовалась большим уважением. Граф (и) Верруа был очень молод, красив, прекрасно сложен, богат, умен и чрезвычайно учтив.

Его юная супруга тоже была весьма умна и впоследствии отличалась логическим и цепким умом и склонностью повелевать. Молодожены очень полюбили друг друга и прожили несколько счастливых лет.

Герцог Савойский, также человек молодой, часто встречался с юной Верруа благодаря положению вдовствующей графини и нашел, что малышка вполне в его вкусе; она это заметила, рассказала все мужу и свекрови, но они ограничились похвалой в ее адрес и не придали новости никакого значения.

Герцог Савойский удвоил рвение: вопреки принятым при дворе правилам и собственным склонностям, он стал устраивать празднества. Юная Верруа догадалась, что он старается для нее, и делала все возможное, чтобы не присутствовать на этих увеселениях, но старуха-свекровь рассердилась на свою невестку и выбрала ее, заявив, что та слишком важничает и что все это выдумки, порожденные ее самовлюбленностью!

Муж: был помягче, но тоже пожелал, чтобы она присутствовала на этих празднествах, и сказал, что, если бы даже герцог Савойский был в нее влюблен, он, граф, уверен в своей жене и ни его чести, ни его положению не подобает, чтобы она пренебрегала хоть чем-нибудь.

Герцогу Савойскому удалось поговорить с ней; она сообщила об этом мужу и свекрови и пустила в ход все мыслимые настояния, умоляя их уехать вместе с нею на время в деревню. Они ни за что на это не согласились и стали грубо обращаться с ней; тогда, не зная более, что ей делать, она притворилась больной и заявила, что ей необходимо отправиться на воды в Бурбон, а затем отправила письмо герцогу де Люину: она не осмелилась написать отцу о своем трудном положении и, сообщая ему, что ее не пускают в Париж, умоляла его приехать в Бурбон, где ей предстоит рассказать ему о делах, самым чувствительным образом касающихся его самого.

Господин де Люин прибыл в Бурбон одновременно с дочерью; ее сопровождал дядя мужа, аббат ди Верруа, которого называли также аббат делла Скалья по их родовому имени. Он был уже немолод и, занимая в прошлом значительные должности и исполняя дипломатические

поручения, стал в конце концов государственным министром.

Человек величайшего благородства, г-н де Люин, узнав из рассказа дочери, что ей угрожает двойная опасность — любовь герцога Савойского и безрассудное поведение свекрови и мужа, — содрогнулся от ужаса и решил отправить ее в Париж, чтобы она побыла там до тех пор, пока герцог не забудет ее или не увлечется еще кем-нибудь. Было более чем разумно и уместно, чтобы граф ди Верруа в свои лета приехал к нему повидать Францию и жизнь при дворе, воспользовавшись мирной передышкой в Савоие. Господин де Люин был убежден, что столь почтенный и искушенный в делах человек, каким казался старый аббат ди Верруа, примет его точку зрения и поможет осуществлению намеченного им плана. И он заговорил с ним об этом с той энергией, с тем красноречием и с той душевной теплотой, какие были свойственны ему от природы, а будучи исполнены его мудростью и благочестием, сделались еще более убедительными; но он никак не мог предположить, что исповедуется лису и одновременно волку, помышляющему лишь о том, как бы украсть его овечку.

Старый аббат безумно влюбился в жену своего племянника и никоим образом не собирался разлучаться с нею. Но, опасаясь герцога де Люина, по дороге в Бурбон он сдерживал свои чувства; он боялся, как бы тот не разгадал его сластолюбивых замыслов, и не позволял себе ничего, кроме неусыпных забот и всевозможных знаков внимания, которые должны были проложить путь к сердцу графини; но стоило презренному старику выпроводить герцога де Люина в Париж, как он открылся его дочери в своей безумной любви, что, конечно, не могло быть встречено благосклонно, — и тогда его страсть обратилась в ярость. Аббат досаждал племяннице как мог, а по возвращении в Турин не гнушался ничем, лишь бы настроить против нее свекровь и мужа и сделать ее несчастной; она терпела какое-то время, но в конце концов добродетель не устояла против этого безумия и издевательств семьи: чтобы избавиться от мучений, она покорила и отдалась герцогу Савойскому.

Ну, чем не роман?! Однако все это произошло в наше время и на глазах у всех.

Скандалная огласка привела всех ди Верруа в отчаяние, но винить им было некого, кроме самих себя.

В скором времени новая любовница стала безраздельно царить при дворе герцога Савойского, а сам повелитель был распростерт у ее ног и чтит ее как богиню. Используя благосклонность любовника, она добилась для себя особых привилегий, внушила страх министрам и заставила их

считаться с собой. Ее высокомерие вызывало всеобщую ненависть.

Графиню отравили, но герцог Савойский заставил ее принять чудесное противоядие, которое она хранила при себе.

Она выздоровела, красота ее ничуть не увяла, однако у нее остались досадные недомогания, в целом не отразившиеся на ее физическом состоянии.

Графиня по-прежнему повелевала при дворе.

В конце концов случилось так, что она заболела оспой; герцог Савойский в течение всей болезни ухаживал за ней, как сиделка, и, хотя лицо у нее пострадало, не стал любить ее после этого меньше. Но любил он ее по-своему: держал взаперти, поскольку сам предпочитал уединение, и, часто работая со своими министрами в ее покоях, совершенно не посвящал в свои дела.

Герцог щедро одаривал ее; помимо денег, она получала от него драгоценные камни необычайной красоты, множество дорогих украшений, разнообразное движимое имущество, так что в конце концов стала богатой.

И тогда несвобода, в которой ей приходилось находиться, стала тяготить ее и она решила удалиться от двора, а чтобы осуществить задуманное, упросила шевалье де Люина, своего брата, с отличием служившего во флоте, приехать повидаться с ней.

Брат приехал в Турин, они разработали план и, упрятав все, что можно было, в надежное место, осуществили бегство.

Брат и сестра воспользовались тем временем, когда герцог Савойский — это было примерно 15 октября — отправился в путешествие в Шамбери, и тайно покинули его владения, не вызвав никаких подозрений; графиня не оставила любовнику даже письма. Герцог, оскорбленный до крайности, именно так изложил случившееся Вернону, своему послу во Франции.

Графиня добралась со своим братом до нашей границы и направилась в Париж, где на первое время укрылась в монастыре.

Семья мужа и ее собственные родственники узнали об этом лишь тогда, когда все уже свершилось.

В течение двенадцати или пятнадцати лет она была королевой в Пьемонте, а здесь оказалась совсем скромным частным лицом. Господин и г-жа де Шеврёз сначала никак не хотели видеть ее, но позднее, уступив ее настойчивым хлопотам и уговорам доброжелателей, упрекавших их в том, что они не протянули руки женщине, порвавшей с развратной и позорной жизнью, согласились принять ее.

Постепенно перед ней открылись двери других домов, и, когда ее положение немного укрепилось, она приобрела дом, завела в нем хороший

стол и, высоко чтя семейные связи и хорошо зная свет, в скором времени сумела привлечь к себе многих; мало-помалу она вновь обрела столь свойственный ей надменный вид и своим умом, обходительностью и учтивостью сумела добиться, что все окружающие примирились с этим.

Богатство позволило ей в дальнейшем создать собственный двор из ближайших родственников и друзей, и, пребывая в нем, она так умело разбиралась в обстоятельствах, что научилась чуть ли не управлять ими и стала заметно влиять на государственные дела; но этот период ее жизни выходит за рамки наших «Мемуаров».

В Турине она оставила весьма привлекательного сына и дочь, которых герцог Савойский, следуя в этом отношении примеру короля, признал.

Сын умер, не успев вступить в брак; герцог Савойский его очень любил и думал лишь о том, как его возвысить. Дочь вышла замуж за влюбившегося в нее князя де Кариньяна. Он был единственный сын знаменитого немого, старшего брата графа Суасонского, отца последнего графа Суасонского и принца Евгения.

Таким образом, князь де Кариньян становился наследником герцога Савойского, если бы тот остался бездетным.

Герцог Савойский весьма пылко любил свою незаконнорожденную дочь и обходился с нею так же, как король обходился с герцогиней Орлеанской.

После кончины короля супруги прибыли в Париж, чтобы пополнить двор г-жи ди Верруа и нещадно грабить Францию" [note 1](#)

Мемуары этой женщины, дорогие читатели, и предлагает вашему вниманию моя ученая подруга; они не имеют ничего общего с ее или моим литературным творчеством: это записки самой г-жи ди Верруа.

Алекс. Дюма.

Часть первая

Прежде всего я должна дать отчет моим читателям (хотя, в сущности, пишу лишь для себя и некоторых моих друзей) о причинах, которые заставили меня приступить к созданию этих мемуаров, и об обстоятельствах, при которых они создавались.

Вчера г-н де Вольтер уехал от меня в час ночи. Он отужинал в моем доме в компании двух незадачливых умников, которых он просил меня принять хотя бы раз, что позволило бы им, ссылаясь на этот визит, получить право входа туда, куда без этого их ни за что бы не допустили.

Господина де Вольтера всегда сопровождают два-три второразрядных подопечных, которых он всюду проталкивает, во-первых, поскольку это способствует поддержанию его собственной популярности, а во-вторых, поскольку ему прекрасно известно, что даже с его помощью они далеко не пойдут. Что касается меня, то я с удовольствием оказываю покровительство этим беднягам, зарабатывающим на жизнь своим пером. Неизвестно, что с ними произойдет в дальнейшем, но если они останутся педантами-буквоедами или переписчиками — вы всего-навсего совершите добрый поступок, а если им с грехом пополам удастся взобраться на Парнас — ваш добрый поступок может принести вам выгоду. Я говорю об этом так, между прочим, поскольку подобная порода людей меня нисколько не занимает, за исключением тех из них, кто, подобно г-ну де Вольтеру, достиг вершин; что же касается лиц, упомянутых мною выше, то скорее всего я их никогда больше не увижу и затруднюсь вспомнить их имена. Два часа, проведенные в моем доме, спутники г-на де Вольтера, подобные истуканам, просидели перед прекрасными каминными подставками времен Франциска I, за которые на днях я так дорого заплатила одному еврею и которые составляют мне такую милую и славную компанию, когда я в одиночестве предаюсь воспоминаниям и помешиваю угли.

Внешность и нрав г-на де Вольтера не всегда бывают приятны, но это восполняется весьма редким талантом, которого недостает многим выдающимся умам: умением приятно вести беседу. Его речь отличается живостью и блеском; те, кому не довелось быть тому свидетелями, могут составить о ней представление, прочитав некоторые прекрасные сцены из «Нанины» или «Блудного сына». В них без всякой вычурности и педантизма великолепно переплетены колкие остроты, интересные рассуждения, удачные параллели, ученые споры. В таком же стиле

написаны многие его письма, и нужно признать, что беседы г-на де Вольтера весьма их напоминают. Его речь обладает еще одним большим достоинством: когда он пребывает в хорошем настроении или когда круг людей, с кем он ведет разговор, нравится ему, он оживляет все сказанное блеском глаз, красноречивыми жестами, умением быть веселым, учтивым и терпеливым. Многие из тех, кто приходил к нему с предубеждением по отношению к нему, уходили взволнованными и плененными им.

Господин де Вольтер и я беседовали так, словно мы были одни; он читал мне стихи, и я слушала, делая вид, что нахожу их превосходными, хотя эти сочинения не казались мне намного лучше тех, что посвящали мне итальянские поэты в те времена, когда я была почти что герцогиней. Ведь тогда я все воспринимала сквозь призму восторженности, которая присуща молодости.

Думая доставить мне большое удовольствие, он прочел мне отрывок из брошюрки некоего Мелона, секретаря регента; эта брошюрка носит название «Политический опыт о торговле», и в ней содержится похвала в мой адрес:

«...Я смотрю на вас, сударыня, как на один из величайших примеров, подтверждающих эту истину. Сколько семей живут исключительно благодаря покровительству, которое вы оказываете искусствам! Стоит нам разлюбить картины, эстампы, всякого рода редкости — и самое малое двадцать тысяч человек ждет мгновенное разорение в Париже, после чего они будут вынуждены отправиться на поиски работы к иностранцу».

В этом, на мой взгляд, г-н Мелон был совершенно прав; я считаю, что если мы, люди знатного происхождения, не будем заботиться о служителях искусства и не обеспечим им вполне достойное место в обществе, то в один прекрасный день они возымеют желание поискать для себя лучшей судьбы, а когда их поиск увенчается успехом, нам будет немного стыдно.

Но вернемся к г-ну де Вольтеру. Итак, он прочел мне стихи, несколько строк из брошюрки г-на Мелона, затем очень остроумно и тонко стал говорить о нынешних временах — предмете, в котором я уже не так хорошо разбираюсь, наверное потому, что постарела; конечно же, он перешел к настоящему только для того, чтобы я рассказала ему о прошлом, когда, на мой взгляд, все было намного лучше, потому, быть может, что я была тогда молода.

Я исполнила его желание и отправилась в прошлое — в путешествие по цветущему саду моей юности.

Он слушал меня с величайшим вниманием.

— Это было, — рассказывала я ему, — во время войны, которую

герцог Савойский в союзе с имперцами вел против Франции.

Войска Людовика XIV заняли Пьемонт, и г-н де Лафейад осадил Турин. Его королевское высочество герцог Орлеанский был одним из командующих армией.

В первый же день принц послал в город офицера-парламентера, чтобы выяснить, где расположена ставка герцога Савойского: он хотел уберечь ее от обстрела. Кроме того, герцог Орлеанский предлагал принцессам и сыновьям его королевского высочества пропуска, чтобы они, не подвергаясь опасности, могли удалиться куда им будет угодно. Король оказывал им все эти милости, желая угодить герцогине Бургундской и не нанося при этом ущерба успеху своего оружия и своим политическим интересам.

Герцог принял парламентаря.

«Сударь, — сказал он, — передайте герцогу Орлеанскому и г-ну де Лафейаду, что я должным образом тронут поступком вашего повелителя, короля Франции. Но я не принимаю его предложений. Моя ставка находится везде, где мое присутствие необходимо для защиты города; к тому же я не могу согласиться, чтобы оберегали меня, в то время как мои подданные подвергаются опасности. Что же касается моей матери, жены и детей, то в тот день, когда мне будет угодно удалить их, они уедут из города, не прибегая ни к чьей другой защите, кроме моей. Прошу вас поблагодарить от моего имени вашего генерала, сударь».

Офицер с почтением поклонился.

«А теперь мы отправимся в церковь и возблагодарим Бога за снятие осады с Барселоны, затем начнется небольшой праздник, и мы просим вас почтить его своим присутствием. Потом вы сможете рассказать, что двор в Турине и под обстрелом французских ядер все так же блестящ, как во времена своего величия. Вы увидите местных дам, убедитесь, что они могут соперничать с самыми красивыми женщинами на свете, и, надеюсь, вы засвидетельствуете это перед лицом как наших друзей, так и наших врагов».

Парламентер запомнил эти гордые слова и передал их герцогу Орлеанскому (именно от него я и узнала обо всем этом). Офицер присутствовал на празднике, вел себя очень любезно — с той изумительной непринужденностью, с какой французы применяются к обстоятельствам. Придворные дамы пустили в ход все свое кокетство и самые соблазнительные улыбки; все они, без исключения, воздали должное его галантности: они говорили, что гость должен увезти с собой благоухание их красоты, дабы вызвать ревность у всех женщин Франции и свести с ума

всех французских сеньоров.

Неоспоримо то, что французский офицер привез оттуда рассказ о прелестном увлечении герцога Орлеанского, который сам поведал мне о нем, не требуя соблюдать тайну. Бедный принц, как известно, пережил немало любовных авантюр, но ни одна из них не была столь приятной и чарующей, как эта.

Герцог горел желанием увидеть свою сестру-принцессу, которую он очень любил. До того, как ему стали приписывать связь с собственными дочерьми, принцессу считали его любовницей, но, может быть, ничего подобного не происходило ни с ней, ни с другими. На принца никогда не клеветали так, как в те времена, когда он стал регентом, хотя у него и без того было достаточно пороков, и приписывать ему новые не было нужды.

В те времена принц был красив, совсем молод, но уже распушен, впрочем все еще романтичен, очень умен, образован, храбр и добр; из всех потомков Генриха IV он больше всех был похож на него, даже внешне. И лучшей похвалы, чем такое сравнение, для него не было.

Он велел испросить у своего зятя пропуск, с тем чтобы провести денек у принцессы Марии Анны, дал слово чести, что не будет видеть то, что ему не положено видеть, и никого не посвятит в свой план. А для этого переоденется так, чтобы его не узнали.

Герцог Савойский не сомневался в порядочности оклеветанного бедняги и послал ему пропуск, выразив надежду, что тот послужит ему не один раз. Филипп Орлеанский в тот же вечер облачился в наряд испанского горца (их было немало в обеих армиях), подошел к городским воротам совершенно один, показал пропуск и спросил, как пройти к дворцу.

Его ждали только на следующий день, и не было отдано никакого приказа о том, чтобы его впустили; как же явиться к герцогине в такой час, в подобном наряде и не вызвать подозрений?

Принц доверился случаю, проник в дворцовый сад, который был еще открыт из-за жары, а также потому, что Виктор Амедей давал здесь приют тем горожанам, чьи дома подвергались наибольшей опасности; в саду, таким образом, собралась значительная толпа людей.

Никем не замеченный, он бродил там, вглядываясь и лица и пытаясь найти среди встречавшихся ему людей хотя бы одного человека, который заслуживал бы доверия настолько, чтобы позволить себе заговорить с ним.

Господин регент всегда любил приключения, особенно непохожие на прежние. Ему казалось очень забавным, что он затерялся среди людей, не узнававших того, кого они так ненавидели. Впечатление, которое произвело бы на эту и без того напуганную толпу его имя, произнесенное вслух,

нельзя было предугадать. Возможно, он стал бы жертвой этих людей, а вместе с ним опасности подверглась бы и герцогиня, и слепое доверие, которое эти люди питали к своему властелину, несомненно, пошатнулось бы. Естественно, что герцога Савойского при мысли о возможной оплошности шурина бросало в дрожь.

Внимательно разглядывая хорошеньких девушек и горя желанием приблизиться к ним, он обратил внимание на двух довольно элегантно одетых и чрезвычайно милых красоток, которые, беседуя, гуляли вдвоем. Он пошел вслед за юными особами, прислушиваясь к их щебетанию не столько для того, чтобы почерпнуть сведения об интересующем его предмете, сколько для того, чтобы узнать что-нибудь о них самих.

Он услышал то и другое, и случай, его бог, ему необыкновенно помог. Именно эти девушки служили горничными у герцогини, и одна из них, та, что была красивее, пользовалась, видимо, ее особым расположением.

Они рассказывали друг другу тысячу историй, связанных с дворцовыми интрижками, смеясь от всей души, несмотря на общую печаль, и сплетничая о г-же ди Сан Себастьяно, любовнице короля, как верные служанки, больше радеющие о счастье их повелительницы, нежели она сама.

В конце сада девушки разошлись; та, что была красивее, поцеловала приятельницу и вернулась во дворец, а другая тем временем пошла дальше.

Принц ждал этого мгновения и приблизился к ней.

При всей своей внешней простоте девушка не была дикарка: она не убежала от молодого и очень вежливого красавца, который, сняв шляпу, спросил, не может ли она провести его в покои госпожи герцогини и дать ему возможность поговорить с одной из ее фрейлин или с одной из ее горничных.

Девушка посмотрела на него с подозрением и, замявшись, произнесла:

«Я как раз одна из ее горничных, сударь, но чего вы хотите от ее королевского высочества?» .

«Она несомненно вознаградит того, кто введет меня к ней; у меня послание, которое она ждет».

«Письмо?»

«Нет, устное послание; мне нужно поговорить с ней самой».

«От кого вы прибыли?»

«От ее брата», — совсем тихо ответил он.

«Тсс!.. Следуйте за мной и молчите».

«Вот пропуск господина герцога Савойского, позволяющий мне свободно входить в город и выходить из него. Видите, я вас вовсе не

обманиваю».

Девушка ответила многозначительной улыбкой: она выросла в собственных глазах при мысли о том, что оказалась причастной к великой тайне. Она пошла вперед, знаком пригласив принца следовать за ней, и так они подошли к лестнице, ведущей к покоям герцогини и спускающейся прямо в цветник.

Девушка прошла первой, посоветовав ему ступать потише; она поднялась на два этажа, впустила его в крохотную чистенькую комнату, закрыла за собой дверь и после этого с решительным видом обратилась к нему:

«Ну а теперь скажите, чего вы хотите от госпожи герцогини?»

Принц рассмеялся:

«Я должен поговорить с ней, а не с вами, прелестное дитя».

«С нашей принцессой, какой бы доброй она ни была, поговорить не так-то просто».

«Я явился сюда от господина герцога Орлеанского, и у меня устное послание для госпожи герцогини, она ждет меня; надо только дать ей знать, что я здесь, любопытная ты кумушка».

Малышка все еще сомневалась и строила гримаску, делавшую ее прехорошенькой. Принцу она казалась более привлекательной, чем знатные дамы, и ему страшно хотелось сказать ей об этом, а Филипп Орлеанский был не из тех мужчин, что противятся своим желаниям, если подворачивается удобный случай.

«Синьорина, назовите ваше имя, пожалуйста», — промолвил он.

«Джузеппа, сударь».

«Синьорина Джузеппа, ваша любезность не уступает вашей красоте, и я горю желанием довериться вам, если только ваше умение хранить тайну не уступает вашей любезности и вашей красоте».

«Ах, сударь, конечно, я умею хранить тайны».

«Тогда вы узнаете все. Но данное мне поручение не настолько спешно, чтобы я мог забыть о себе, перед тем как приступить к его исполнению. Я долго бродил по городу, устал и умираю от голода. Нельзя ли устроить небольшой ужин до того, как я отправлюсь к ее королевскому высочеству, ведь, возможно, там меня задержат надолго и я очень поздно вернусь к моему повелителю?»

«Я сейчас же провожу вас в буфетную».

«Да, конечно».

«Так идемте».

«Я готов... Но в буфетной станут гадать: „Кто такой это? незнакомец?»

Зачем он сюда явился?“»

«Это правда».

«И тогда произойдет одно из двух: вы бросите тень либо на вашу повелительницу, либо на себя».

«Вы правы».

«Так что же делать?»

«Поужинайте где-нибудь в другом месте».

«Не годится: меня не должны видеть в другом месте. Если узнают, что я француз, меня разорвут на куски».

«О Боже!» — воскликнула девушка, ужаснувшись от одной такой мысли.

«Есть, конечно, другой выход...» — неуверенно начал принц.

«Какой?» — горя нетерпением, перебила его Джузеппа.

«Вы никогда на это не согласитесь».

«Но скажите же!» — решительно произнесла она.

«Не могли бы вы пойти за едой и принести мне ее сюда?»

«В мою комнату, сударь?» — краснея, воскликнула Джузеппа.

«Да, в вашу комнату, прекрасная Джузеппа; а что в этом дурного? Я ведь уже в ней нахожусь, и какая разница, сижу я здесь или стою».

Приведенный довод был подкреплён улыбкой и взглядом, встретившим ответный девичий взгляд, который остановился на красивом и очень искреннем, честном, открытом лице; выражение его было многообещающим и говорило столь же ясно, как самые прекрасные слова:

«Вы очаровательны, и я вас люблю».

Джузеппа была порядочная девушка, но кокетка, она хотела нравиться, была очень уверена в себе; кроме того, ей очень льстило, что она принимает у себя посланца герцога Орлеанского и, возможно, его доверенное лицо. Воображение юной девицы проделывает большой путь за один краткий миг, а в конце всех ее мечтаний — всегда замужество. Такой статный француз может оказаться хорошей партией, а ее повелительница со своим августейшим братом могли бы соединить их и, кто знает, даже подарить приданое!..

«В конце концов, — подумала она, — ведь это замечательный поступок — не допустить, чтобы молодой человек пострадал или попал в руки этих злодеев, которые желают убивать французов. Убивать французов! А ведь среди них есть такие обходительные кавалеры!»

И она решилась.

Принц устроился у открытого окна, выходящего в парк. Уже совсем стемнело. Наступила ночь, благоуханная, искрящаяся июньская ночь

Италии. Чтобы чувствовать себя более непринужденно, он отбросил в сторону и плащ и шляпу, затем поблагодарил девушку с пылкостью, которой она вовсе не испугалась, а напротив, обрадовалась.

Казалось, ее планы начали осуществляться; чтобы один из подобных ему задумал соблазнить ее, такое ей даже в голову не приходило; слава Богу, настоящего сеньора она бы поостереглась, но такого молодого кавалера, к тому же, судя по всему, совсем бедного горца!.. А какого красавца!

«Подождите здесь, — сказала она принцу, — я скоро вернусь, придется кое-что украсть для вас. Принесу что смогу, и вам придется довольствоваться этим. Кстати, вы будете ужинать в темноте, при свете луны; огонь нас выдаст, и тогда я пропала. Ждите!»

Она оставила герцога Орлеанского одного не более чем на полчаса и вернулась с изысканным ужином, унеся его из буфетной; с игривостью и очарованием, свойственными ее возрасту, девушка поведала, к каким хитростям ей пришлось прибегнуть, чтобы раздобыть эти блюда, которые она по ходу рассказа расставляла на маленьком столике перед рассыпавшимся в благодарностях герцогом.

«Надеюсь, вы накроете на двоих?» — спросил он.

«Да уж, конечно, а то мне придется лечь спать голодной. Я сказала, что останусь в покоях ее высочества, буду ждать ее распоряжений и вниз не спущусь».

Они сели за стол вдвоем, молодые, красивые, веселые: один — настолько испорченный, что весьма правдоподобно разыгрывал святую невинность; другая — настолько простодушная, что ничего не заподозрила.

Он вскружил девушке голову похвалами, дурачествами; заинтересовал, рассмешил, растрогал ее, затем, наконец, заговорил об опасностях, окружавших его, о смерти, нависшей над его головой во время этой ужасной осады, о жизни, которую он может потерять, такой прекрасной и многообещающей для человека его возраста.

«О, если б я мог испытать счастье! Если бы пережил несколько сладостных мгновений перед тем, как покинуть этот мир!»

Бедная крошка, на свое несчастье, принесла бутылку сицилийского вина, которое так быстро ударяет в сердце и голову. И опять же, на свою беду, она, привыкшая к трезвости, выпила его; а хуже всего было то, что молодой и прекрасный принц был так красноречив и страстен.

Вечер был наполнен возбуждающими ароматами, свойственными только теплему климату; Джузеппа подумала, что молодой человек вполне заслуживает крупицы счастья на этой земле и было бы жестокостью,

варварством отказать ему в поцелуе, о котором он так настойчиво молил. А потом он убедил Джузеппу, что любит ее, что без нее не сможет теперь жить, внушил все то, что влюбленные так ловко внушают девушкам, которые слушают их и позволяют обмануть себя, поскольку прежде всего обманывают себя сами.

В итоге, вместо того чтобы отправиться ужинать со своей сестрой, увидевшись с нею в тот же вечер, герцог предстал перед ней лишь на следующий день, словно только что прибыл.

Он не смел поднять глаза на Джузеппу: узнав о его высоком ранге, она была очень смущена и несчастна. Как бы то ни было, в дальнейшем это не мешало принцу навещать ее тайком довольно часто, даже в разгар боевых действий или во время ружейной пальбы. Привкус опасности придавал особую остроту его мимолетному увлечению, разжигая страсть, которой суждено было продлиться дольше обычного.

Судя по всему, и девушка примирилась со случившимся.

Покидая Италию, принц признался во всем герцогине и попросил ее выдать свою возлюбленную замуж, возложив на себя заботу о ее приданом.

Джузеппа обвенчалась с неким Паоло Мариани.

Этот Мариани в молодости был очень богат, но разорительные пристрастия уже поглотили большую часть его состояния.

Впрочем, вся жизнь этого человека была странной; я опишу далее ужасные, кровавые события, составившие роковую историю его семьи.

Что же касается его самого, то, поступив на службу к князю де Кариньяну, он приехал с ним в Париж и долгое время жил во дворце Суасон. Как известно, князь получил привилегию предоставлять помещения для продажи акций банка Ло. Мариани занимался сдачей внаем построек, где совершались сделки, и, будучи человеком не слишком щепетильным, за короткое время сумел сколотить на этом состояние. Затем он вошел в число приближенных кардинала Дюбуа: выполнял его прихоти, а порой был соучастником его распутных развлечений. Дюбуа иногда навещался к итальянцу и однажды увидел в его доме Джузеппу, представшую перед ним во всем блеске своей пышной, не увядшей к тридцати годам красоты. Он увидел также очаровательное юное создание четырнадцати лет, плод любви Джузеппы и герцога Орлеанского.

Министр регента, ничего не знавший о его туринском приключении, тут же замыслил соблазнить обеих женщин. Ему достанется мать, герцогу Орлеанскому — дочь. То было вполне обычное дело для этого подлого сводника.

Дочку Джузеппы звали Терезой; она была красива, как непорочный

ангел: огромные черные глаза, излучающие чистый свет, нежный лоб, божественная улыбка, тонкая талия, способная вызвать зависть двадцати самых стройных кокеток.

Джузеппа была женщина нестрогих нравов, такой она, наверное, и осталась, ведь я знаю, что она никогда не любила того человека, за кого ей пришлось выйти замуж, да и он, впрочем, не внушая любви своей супруге, находил утешение на стороне. Но Джузеппа любила свою дочь и предпочла бы скорее увидеть ее мертвой, нежели чьей-нибудь любовницей, будь то самого принца.

У сердца — свои причуды: нет более ревностных защитников добродетели, чем те, кто был далек от нее в своей жизненной практике.

Дюбуа, знавший, как легко было найти подход к итальянке (так обычно называли Джузеппу), направил к ней пройдоху Лафара. Госпожа Мариани приняла капитана в прелестном будуаре, обтянутом, украшенном и обставленном так, как это делают модные содержанки.

Следует заметить, что, к чести итальянки и к стыду Лафара, его хлопоты не увенчались успехом.

Капитан встал, собираясь уйти.

«Подумайте об этом хорошенько», — сказал он.

«Уже поздно, разговор окончен, — ответила Джузеппа, — обязанности хозяйки дома призывают меня, я вас оставляю».

«О! Никто и не задумается, с кем и зачем вы уединились в этом таинственном будуаре».

«Но как только задумаются, начнут предполагать дурное, и ваше присутствие...»

«Не забывайте, от кого я пришел умолять вас».

«Я хочу об этом забыть: глупец завоевывает сердце женщины для друга, подлец покупает его для вельможи».

«Берегитесь кардинала!»

«Я?!»

«Вам известно, как он мстит своим врагам».

«Врагам, пусть, — с презрением и твердостью ответила Джузеппа, — но мне...»

«Да, вам, ведь он вас любит, а отвергнутая любовь обращается в ненависть».

«О! Запоры Бастилии не устоят против меня; кстати, уже поздно».

«Да, сударыня, поздно. Но только одно последнее слово. Вам известен девиз кардинала: „Если что-то не дается само, надо брать его силой“. Вы отказываете — он возьмет».

Лафар ушел.

Через несколько дней Мариани — ведь он мог помешать — бросили в Бастилию: предлогов было предостаточно. А Джузеппу похитили как-то вечером, когда она выходила из дома г-жи де Тансен.

Лафар приехал, чтобы утешить малышку Терезу, и посоветовал ей броситься к ногам Дюбуа, молить его о милости к матери и Мариани, которого она называла своим отцом.

Дюбуа принял хорошенькую девочку великолепно и пообещал в тот же вечер представить ее принцу. А до тех пор ее оставили в покоях министра; когда же наступила ночь, ее действительно отвели в укромный домик, где регент проводил иногда вечера и где нередко добродетель приносила себя в жертву.

Малышка Тереза, поверившая красивым словам Лафара и втайне уже очарованная им, последовала за молодым человеком; он же не прочь был взрастить в сердце девушки росток любви, уже пустивший корни, но регент...

— Но регент тоже любил ранние плоды, особенно, если он сам бросил семя, — заметил Вольтер, перебив меня и намекая на отцовство герцога в случае с Терезой.

— Вот и вы, господин де Вольтер, вы, человек, который пишет историю, тоже клеветеете на него, как другие! — ответила я. — В таком случае, вам нет необходимости слушать этот рассказ до конца.

— Мне будет приятно узнать о развязке из ваших мемуаров.

— Значит, вы хотите, чтобы я написала мемуары?

— Вам давно пора начать работу над ними; нельзя обкрадывать историю и хранить лишь для себя подобные тайны. Немало людей расскажет потомкам о битвах, переговорах, великих политических событиях; но особый мир дамских салонов, альковов и уединенных кабинетов знают только актеры, игравшие в нем определенную роль, и только они могут открыть нам его.

— Мне писать об этом? Вы шутите!

— А почему бы и нет?

— Но у меня никогда не получится.

— А разве вы не пишете ежедневно чудесные письма?

— Письма — это не мемуары.

— Разве вы не сочиняете прелестные стихи?

— Всего лишь четыре строки за всю жизнь.

— Но разве в Академии не заседают люди, написавшие лишь одну строку, следовательно, на три меньше, чем вы?

— Но объясните мне сначала, как надо писать.

— О графиня! Как писала госпожа де Куланж, госпожа де Севинье? Как вы сами пишете?

— Все равно, дайте мне урок.

— Изложите на бумаге все, что вы мне рассказали сегодня вечером, а также множество других историй и еще, и еще — все, что в конце концов вы сможете вспомнить, и ничего больше не понадобится, клянусь вам. Ваш стиль, как и ваш ум, непритязателен; расскажите о том, что вы видели необычного, любопытного в жизни, а если вдруг и начнете привирать, то будете этим лишь еще более достойны походить на историков всех веков, которые никогда не стеснялись этого в прошлом, не стесняются в настоящем и тем более не будут стесняться в будущем.

С этими словами г-н де Вольтер встал, поклонился и ушел в сопровождении двоих своих подопечных, кричавших ему вслед, что он должен принять их в своем жилище, которое, в академической манере, слывет передней Обители Муз.

Оставшись одна, я позвала своих горничных и легла, но, вместо того чтобы спать, как мне следовало бы, всю ночь думала о последних словах г-на де Вольтера. Теперь мне часто не спится: это обычно бывает с теми, кто много пережил в прошлом и кого мало что ждет впереди. Почувствовав, что мое старое сердце забилося при мысли о том, как я изображу на бумаге, увижу своими глазами и доверю чужим глазам ту молодость, которую мне никогда и нигде уже не воскресить, кроме как в собственных воспоминаниях, вдохновившись одобрительными речами этого человека, обычно награждавшего окружающих лишь оскорблениями или лестью, я решила приступить к работе над мемуарами. Постараюсь написать их как можно скорее, чтобы довести до конца или, по меньшей мере, до того времени, когда я перестала жить благодаря другим и ради других. Остальное принадлежит лишь Богу и мне самой.

Итак, сегодня, 8 октября 1734 года, я начинаю описывать историю моей жизни; я расскажу обо всем, что интересно будет узнать, и уделю делам правительств такое же внимание, как и отдельным людям. Правда — приятный предмет для размышлений, и еще приятнее было бы бросить ее в лицо тем, кто стесняет нашу свободу: такое удовлетворение может быть даровано в этом мире лишь при определенных условиях; возможно, это будет одним из райских наслаждений, хотя рассчитывать на него особенно не приходится.

Я не знаю, оценят ли, даже после моей смерти, редкие читатели, кому доведется пробежать глазами эти мемуары, четыре строки, при помощи

которых г-н де Вольтер, подобно парфянину, вонзил, убегая, стрелу честолюбия в мое сердце; я не знаю, повторяю, оценят ли, даже после моей смерти, редкие читатели, кому доведется пробежать глазами эти мемуары, четыре строки, на которые намекал г-н де Вольтер и которые представляют собой всего лишь катрен, сочиненный мной за неделю до того разговора в качестве эпитафии для моей могилы; вот он:

Царица Сладострастия здесь в могиле,
Та, что себе, дабы не прогадать,
Сумела сотворить Эдем и благодать
В юдоли грешной, где ее любили. [note 2](#)

Но оценят их люди или нет, следует знать, что я не всегда была той Царицей Сладострастия, которая так славится в Париже вот уже тридцать лет. Именно в этих мемуарах и надо объяснить, почему я ею стала. Ведь в самом деле, Жанна д'Альбер де Люин так далека от графини ди Верруа, нынешней Царицы Сладострастия. Их мысли и чувства похожи не более, чем их лица, и одному Богу известно, какой я была и какой стала. Быть может, кто-нибудь другой помнит прежнюю графиню; я же, слава Богу, забыла. И это избавляет меня еще от одной печали.

Что же касается того, как я выгляжу теперь, то мое зеркало берет на себя смелость каждый день говорить мне об этом. Оно жестокий, но искренний друг, и далеко не сразу — да, признаю, не сразу, — но я все же научилась прощать ему этот недостаток, искупаемый упомянутым достоинством.

II

Я родилась 18 сентября 1670 года, того самого года, когда г-н де Боссюз, которого я видела, будучи еще совсем маленькой, издал свой великий возглас: «Мадам умирает. Мадам умерла!», а это означает, что сегодня, то есть 8 октября 1734 года, в день, когда я начинаю писать свои мемуары, мне уже исполнилось шестьдесят четыре года.

Мой отец — сын герцога де Люина, любимца Людовика XIII и одного из участников ужасной трагедии, связанной с Кончини, и Мари де Роган, которая более известна под именем герцогини де Шеврёз, полученным ею от ее второго мужа, нежели как герцогиня де Люин или госпожа коннетабльша, — по первому мужу. У моего отца не было братьев, только единоутробная сестра, мадемуазель де Шеврёз, прославившаяся во времена Фронды своими любовными отношениями с коадьютором, который позднее стал знаменитым и беспокойным кардиналом де Рецем.

Поскольку мне не пристало злословить о собственной семье, то, надеюсь, от меня не ждут рассказов о скандальных похождениях тетушки. Впрочем, в мемуарах того времени обо всем этом сказано предостаточно.

Итак, то ли дух соперничества, то ли материнская холодность по отношению к дочери тому причиной, но вся нежность моей бабушки, герцогини де Люин-Шеврёз, излилась на моего отца, которому она передала доставшееся ей от второго мужа герцогство Шеврёз, хотя отец не имел на него никаких прав. Между нами говоря, мы не очень кичимся нашим происхождением, ибо прекрасно знаем, что возвышение семьи д'Альбер началось с благосклонности Людовика XIII, завоеванной мастерством моего деда в дрессировке сорокопутов, с помощью которых молодой король охотился на маленьких птичек в садах Лувра.

Таким образом, для моего отца приобщение к Лотарингскому дому даже через столь не прямое наследование было большой честью, а вместе с тем и не менее значительной выгодой. Помимо этого, чтобы укрепить его положение в свете, бабушка женила моего будущего отца на своей единокровной сестре, дочери ее отца, герцога де Монбазона, и той самой герцогини де Монбазон, которая прославилась своими бесконечными ссорами с г-жой де Лонгвиль и загадочная и кровавая смерть которой послужила причиной того, что г-н де Ране из простого аббата, не гнушавшегося суетных радостей, столь несовместимых с его духовным званием, превратился в монаха-трапписта.

Теперь вам известно мое происхождение, а также то, что мои бабушки, действуя подобно Сиду г-на Корнеля, то есть искусными ходами, положили начало славе женщин нашего рода на поприще любовных походов и политических интриг; так что не надо слишком осуждать и меня: если я ступила на тот же путь, то это всего лишь означает, что я пошла по их стопам (кстати, в то время эта тропинка была так исхожена, что очень напоминала торную дорогу).

Несмотря на упомянутое родство, моя мать была благочестивой и достойной женщиной. Мой отец даже в большей степени, чем она, если такое возможно, обладал всеми добродетелями, которые отсутствовали у большинства моих предков. Моральные устои родителей стали залогом их супружеской верности, способствовавшей появлению на свет многочисленного потомства. Детей воспитывали в строгости нравов, которая сегодня может показаться чрезвычайно смешной, но во времена правления г-жи де Ментенон неожиданно оказалась уместной. Однако мои отец и мать следовали в этом не моде, а собственному пристрастию к добру.

Ко времени моего рождения даже король, хотя и не на собственном примере, уже начал проявлять склонность к этим преобразованиям, приставив к дофину строгих прелатов и ученых богословов.

Отец был не очень богат, и, поскольку у него не было желания насильно отдавать нас в монахини, он стал подумывать о том, как сбыть нас с рук и наилучшим образом пристроить в соответствии с нашим происхождением и вопреки недостатку состояния, который препятствовал нашему замужеству. Мы были очень хороши собой, особенно я: меня считали самой красивой из сестер; друзья настойчиво убеждали нас, что эта красота, добродетель и родственные связи — вполне достаточное приданое, и, какие бы мы ни были бедные, будь мы даже еще беднее, нам можно притязать на самую лучшую партию.

Обстоятельства сложились так, что в тот год, когда мне должно было исполниться тринадцать лет, один родственник моей матери был отправлен с миссией в Савойю; там, во время переговоров, которые были на него возложены, он познакомился с г-жой ди Верруа и ее сыном. Случайно речь зашла обо мне; не знаю, как это вышло, но он нарисовал такой портрет моей юной особы, что граф пришел в восторг, и вот уже аббат де Леон (так звали родственника моей матери) загорелся идеей дополнить свою посольскую миссию переговорами о моем замужестве. Графиня ди Верруа была придворной дамой герцогини Савойской и вдовой; она играла важную роль при дворе; богатство матери и сына определялось не только их

владениями, но и высоким положением. Это была прекрасная партия, и, когда родителям было сделано такое предложение, они дали согласие; моим же мнением по поводу этого брака никто не думал интересоваться, и в один прекрасный день мне было объявлено, что надо заказывать свадебный гардероб и готовиться к отъезду. Никто, естественно, не считал себя обязанным проявлять по отношению ко мне большую деликатность.

До этого о замужестве я еще не задумывалась, и первое огорчение, которое причинила мне предстоящая перемена в моей жизни, было связано с моей большой куклой чуть ли не с меня ростом: обычно я наряжала ее в свои платья и теперь захотела, чтобы ей непременно сшили такие же свадебные наряды, как мне; для моего отца это было равносильно замужеству еще одной дочери. Но, поскольку мы были не так богаты, чтобы позволять себе подобные глупости, отец положил конец моему ребячеству категорическим: «Нет, не позволяю!»

Со стороны отца было бы благоразумнее воспрепятствовать столь раннему браку, и главное, ему не следовало отпускать меня так далеко. Мы с сестрами опасались «брачной ссылки», но наши страхи простирались не дальше провинции, какого-нибудь замка или какого-нибудь отдаленного губернаторства, откуда раз в два года можно было бы приезжать ко двору в сопровождении свиты, состоящей из компаньенок, капеллана и конюшего. Даже это было бы тяжело. Но другая страна — Савойя! Казалось, меня отправляют в чистилище, уготованное мне раньше срока; признаюсь, я вовсе не была готова к тому, что встретила там.

Высказывать свое мнение по поводу предстоящего замужества я не осмеливалась, понимая, что ничего не достигну неповиновением. Я плакала тайком вместе со служанкой Бабеттой, которая не желала расставаться со мной и которую я, и правда, повсюду возила с собой; родители охотно согласились оставить девушку со мной, чем я была очень довольна, ибо добрая Бабетта не раз выхаживала меня, утешала и именно ей я обязана жизнью, как вы узнаете в дальнейшем.

Мне показали портрет г-на ди Верруа: жених был молод, строен, хорош лицом; к портрету было приложено письмо, исполненное желанием молодого человека понравиться мне. Гувернантка убеждала меня, что все это следует ценить и впредь не слишком расстраиваться. Поскольку она была опытнее меня, я поверила ей и каждый вечер стала разглядывать милое лицо того, кого впоследствии мне суждено было так сильно полюбить и о ком я так тосковала на протяжении всей моей жизни. Наверное, немногие поверят этому, но тем не менее я говорю истинную правду.

Если не считать отказа моего отца в свадебном наряде моей кукле, родители и г-н ди Верруа проявили по отношению ко мне большую щедрость. Мать подарила мне великолепный набор венецианских кружев, полученных ею от моей бабушки; кружева были расшиты родовыми гербами, и все кругом говорили, что такой красоты они не видели уже давно.

Господин ди Верруа прислал мне изумительные семейные драгоценности: их блеск ослепил меня; разглядывая одним глазом украшения, а другим — его портрет, я восхищалась великолепием камней, но еще больше — красотой жениха. В тот же вечер в мою комнату поднялись сестры, достали из шкатулок бриллиантовые украшения и надели на меня; я была раздавлена их тяжестью, но так горда, что, казалось, выросла на целую голову.

— О дорогая Жанна, — воскликнула младшая сестра, — вы похожи на королеву и, конечно, когда-нибудь станете ею!

С тех пор я часто вспоминала эти слова, оказавшиеся почти пророческими. Я ведь и в самом деле стала почти королевой.

Господин ди Верруа приехал накануне подписания брачного контракта; он сообщил о своем приезде и прислал отцу прекрасный подарок, которого никто не ожидал; затем мать пригласила меня к себе, и я по сей день помню ее слова, как будто они были произнесены вчера.

— Дочь моя, — сказала она, — сегодня вечером будьте готовы к встрече с графом ди Верруа, вашим будущим супругом; мы приняли его предложение не только потому, что он богат и из хорошей семьи, но еще и потому, что он человек порядочный, благочестивый и умный; такой супруг сделает вас счастливой, если вы сами того захотите. В госпоже свекрови вы найдете даже больше достоинств, чем в вашей собственной матери, и, кроме того, искреннюю доброту и образованность. Выполняйте свой долг по отношению к ней и вашему мужу и будьте смиреннейшей подданной Савойского дома. По знатности герцоги Савойские стоят сразу за королем. Забудьте, что вы француженка, и постарайтесь полюбить вашу новую родину так же, как вы любили страну, где родились. Вы, конечно, не скоро увидите нас снова. Не забывайте о том, чему мы вас учили и никогда не поступайте так, чтобы нам суждено было пожалеть о своей любви к вам. Наши напутствия и молитвы будут сопровождать дочь, с которой нам предстоит расстаться; самое лучшее и самое главное наше пожелание состоит в том, чтобы вам не пришлось когда-нибудь вернуться назад.

Слушая эти слова, я чуть было не расплакалась, но сдержалась; моя мать, великолепно владевшая собой, казалась мне такой спокойной,

невозмутимой, что я не заметила ее волнения, и мои слезы так и не пролились.

— А теперь идите, дочь моя, — добавила мать под конец, — и оденьтесь как подобает; вас уведомят, когда настанет время для выхода.

Я вернулась в свою комнату, где меня с нетерпением ждали сестры, жаждавшие узнать, что говорят девушке, когда она готовится выйти замуж. Чтобы скоротать время, они нарядили мою большую куклу, надев на нее мое самое красивое платье и все мои бриллианты; кукла была причесана так же как я, на ней были мои кружева, и ее поставили прямо напротив большого портрета короля Людовика XIII. Бедная кукла! Бедняжка Жаклин! Как она была хороша и как любима мною! Жаклин Баварская, да и только! — как в той красивой истории, которую мы читали.

Увидев, что кукла просто мой образ и подобие, я не смогла сдержать слез, накопившихся в глубине моего сердца во время разговора с матерью, и они потекли по моим щекам, а затем по личику Жаклин, которую я целовала, рыдая. Роли переменились: теперь я была матерью, а Жаклин — дочкой.

— О моя дорогая Жаклин, моя хорошая Жаклин! — причитала я. — Неужели мне придется вас покинуть?

Почему же мать не сказала мне таких слов? Конечно, это было бы не столь благопристойно, но, мне кажется, по-матерински естественнее.

Увидев, как я плачу, сестры тоже разрыдались и обняли меня.

— Нет, сестричка, — тоном великодушия воскликнула старшая, — поскольку вы уезжаете, Жаклин будет принадлежать вам одной.

Необходимо объяснить, почему я выделила слово «великодушие».

Жаклин была моей неделимой собственностью, как говорил управляющий Дампьера по поводу небольшого поля, принадлежавшего нам, но непонятно каким образом оказавшегося собственностью его трех сыновей.

— Жаклин будет принадлежать вам одной, мы вам ее отдаем.

— О! — воскликнула я. — По крайней мере, я не все сразу потеряю.

— Но у вас будет муж, — с досадой в голосе сказала вторая из моих сестер, — а у нас нет. Муж, который дарит такие бриллианты, вполне стоит Жаклин, ведь она никогда ничего не дарит, а наоборот, всегда надо что-то отдавать ей.

Выделенные слова характеризуют обеих моих сестер без всяких прикрас.

III

В разгар этих стенаний и жалоб в комнату вошли Бабетта и другие горничные для того, чтобы заняться нашим туалетом. Пришлось ради меня раздеть принцессу Баварскую. По правде говоря, в этом наряде я выглядела не старше ее, да и на невесту была не так похожа. Однако эта маленькая особа, то есть я, в свадебном наряде показалась мне вдвое значительнее. Я повернулась к зеркалу и склонилась в реверансе перед портретом короля. Наклоняясь, я старалась вытянуть шлейф как можно дальше и изобразить герцогиню де Ришелье в тот момент, когда она представляет дам королеве; все это я делала для того, чтобы скоротать время. Мне казалось, г-н ди Верруа не появится никогда.

Но вот за мной пришли.

В первую минуту я очень смутилась, но затем приободрилась, вспомнив, что на мне платье с воротничком из фламандского кружева, как у моей матери, корсет и шлейф, так что я непременно должна была выглядеть важной особой. Я пошла за г-ном де Маглуаром, конюшим герцогини, и моей служанкой Бабеттой, открывавшей передо мной двери, и наконец переступила порог парадного зала, где все присутствующие выстроились в порядке, принятом на больших приемах.

Мои провожатые отошли в сторону.

Я вошла.

Навстречу мне устремилась моя мать; она взяла меня за руку, и я склонилась в реверансе; затем мать подвела меня к высокому худому человеку в фиолетовом камзоле, небрежно причесанному, с носом, похожим на ястребиный клюв; у него было высокомерное и суровое лицо, рыскающий взгляд, глаза навывкате — короче, выглядел он как наглейший в мире человек.

Я пережила минуту ужаса, подумав, что мне был прислан не тот портрет и я стою перед своим будущим мужем. Фиолетовая одежда должна была бы успокоить меня; но в то время я еще не знала значения цвета в костюме и невольно задрожала. Может быть, то было предчувствием несчастий, которые обрушатся на меня в будущем по вине этого человека?..

— Господин аббат делла Скалья, — обратилась к нему моя мать, — перед вами мадемуазель д'Альбер, моя дочь.

Я не поднимала глаз, поняв, что этот фиолетовый господин — дядя графа ди Верруа, брат его отца; тот самый аббат делла Скалья ди Верруа,

который должен был сопровождать племянника в его поездке во Францию и вместе с послом герцога Савойского и многими другими вельможами, имеющими честь состоять у него на службе, вести жениха к алтарю. У аббата был приглушенный и, казалось, всегда взволнованный голос; слушая его, можно было сильно обмануться и подумать, что он добр. Но стоило посмотреть на него, и тут же возникали сомнения, а при более близком знакомстве в доброту его и вовсе нельзя было поверить.

Впрочем, перед вами всего лишь набросок. Сам портрет я постараюсь написать позднее.

— Мадемуазель намного красивее ее портрета, — сказал он, — и я уверен, что она значительно умнее, чем можно судить по ее письмам. Впрочем и письма и портрет очаровали нас; судя по всему, мы будем счастливее, чем ожидали.

Этот комплимент позднее дословно передал мне мой брат, поскольку сама я в то время просто ничего не слышала. Я ждала, что произойдет дальше. К тому же, этот священник очень странно смотрел на меня и от его взгляда мне было не по себе.

Аббат в свою очередь взял руку г-на ди Верруа и подвел его ко мне.

— Мадемуазель, перед вами счастливейший из смертных, — едва улыбнувшись, произнес он с едкой иронией.

Такой способ представления будущего супруга был, по меньшей мере, дерзким: что за этим должно было последовать? Наступит ли и в самом деле предсказанное аббатом счастье? Увы! Делла Скалья никогда не слыл великим пророком.

Когда с реверансами и представлениями было покончено, мы сели в круг и начался разговор.

Аббат обратился ко мне с несколькими вопросами, приправленными комплиментами; моя мать не давала мне возможности ответить, опасаясь то ли моей застенчивости, то ли моей смелости: она не настолько хорошо знала меня, чтобы быть уверенной во мне. Заботы, связанные с придворной жизнью, светские обязанности и тысяча других дел не давали ей возможности постоянно следить за дочерьми и знать их так, как могло бы быть, если бы мы принадлежали к любому другому сословию.

Господин ди Верруа заговорил со мной; я взглянула на него, чтобы ответить, и была настолько очарована, что не смогла произнести ни слова. Ему было тогда около двадцати двух лет, глаза и волосы — красивее не найти ей всей Италии, фигура — предел мечтаний, улыбка — в обрамлении жемчужных зубов, руки настоящего вельможи, достойного служить королеве. Господин ди Верруа блистал изысканной речью, и было

видно, как он старается понравиться мне, девочке, за которой до сей поры никто и никогда не ухаживал. Столь очаровательный муж очень льстил моему тщеславию. Я сгорала от нетерпения, хотела покинуть его и рассказать обо всем так, как делал это шевалье де Гиз, когда ему сопутствовал успех у женщин; но выйти из зала во время помолвки и заключения брачного контракта не так-то легко.

Прием продлился до десяти вечера.

Весь следующий день был посвящен визитам к родственникам, еще один день — посещению близких друзей, на третий день состоялись приемы в Версале и у принцев крови. Мой отец возил повсюду своего будущего зятя. Это напоминало головокружительный вихрь, и до самого дня свадьбы у меня просто не было времени прийти в себя. Мы с Бабеттой перебрались из той части дома, где жили с сестрами, в покои г-жи де Шеврёз, которыми у нас пользовались лишь в особых случаях. Церемония венчания проходила в домашней церкви. Король не любил, когда иностранцев венчали у него. Гостей собралось очень много. Аббат ди Верруа отказался совершать обряд, сославшись на близкое родство с женихом. Но дело в том, что он вообще не служил в церкви, а священнический сан просто помогал ему в тяжелые минуты, — по крайней мере, он так понимал свое духовное призвание.

После обеда, ужина и всего остального настало время для брачной ночи, и по обычаю каждому из новобрачных была торжественно вручена ночная рубашка.

Мы остались одни.

Отсутствие опеки было для меня совсем новым ощущением. Господин ди Верруа проявил себя очень достойным и умным человеком. Я была слишком молода и неопытна, чтобы самой думать о любви или заставить кого-нибудь подумать о ней. Однако я убеждена, что та любовь, которую я питала к нему в дальнейшем, зародилась именно в тот день. Мы долго разговаривали, и я перестала бояться его; я открыла ему свое детское сердечко, обещала не жалеть о том, что оставляю здесь, последовав за ним на его прекрасную родину, в Италию, и выразила надежду, что полюблю его мать так же, как полюбила его. Увы! Я не подозревала, как далеко заведет меня это обещание и как тяжело будет сдержать его.

Итак, если не в действительности, то хотя бы в глазах света, я стала графиней ди Верруа; во мне не осталось ничего от мадемуазель д'Альбер, даже имени, которое после моего замужества перешло к младшей сестре. Еще несколько дней меня продержали в Париже, в Версале и Дампьере, показывая то Одним, то другим придворным. Затем стали поговаривать о

том, что пора складывать сундуки, и был назначен день моего отъезда.

Господин ди Верруа привез с собой весьма большую свиту. Нам предстояло путешествовать в карете, запряженной шестью лошадьми. Далее следовал экипаж аббата, а затем — коляска, где разместились мои служанки; нас сопровождало множество верховых и даже пажи, что во Франции позволялось лишь титулованным особам, но савойские вельможи не отказались от этой привилегии. Все мои родные обнимали меня и плакали; мать и даже отец забыли о соблюдении благопристойности и дали волю чувствам; сестры проливали потоки слез, и, уже сев в карету, я увидели, как младшая из сестер, девочка шести-семи лет, бежит ко мне, с большим трудом удерживая в руках Жаклин Баварскую в праздничном платье — том самом платье, какое на нее надели в день моей помолвки, — и с растрепанными волосами. Сестричка попыталась подняться на подножку, чтобы дотянуться до нас, но, поскольку ей никак это не удавалось, она стала кричать:

— Послушайте, госпожа графиня ди Верруа, позаботьтесь о Жаклин, умоляю вас.

Господин ди Верруа тоже вскрикнул, требуя объяснить, что означает эта сиена.

— О сударь, — взмолилась я, заливаясь слезами, — это Жаклин.

Наверное, интонация, с которой Филиппу Доброму сообщали о несчастьях подлинной принцессы, была не трагичнее моей.

— О! Зачем нам нужна Жаклин в дороге? — самым серьезным тоном спросил граф. — Прощайтесь с куклой, сударыня, и мужественно расстаньтесь с ней.

— Сударь, — ответила я, — сестры отдали мне Жаклин, я увезу ее с собой, оставьте мне Жаклин!

Бабетта, уже севшая в коляску, услышала мои крики и прыгнула на землю, подбежала и поняла, о чем идет речь. Я прижимала Жаклин к своему сердцу.

— Госпожа графиня, — сказала Бабетта, — господину графу не нравится ваше ребячество; подумайте, кто вы теперь и куда едете!

Я разрыдалась еще сильнее. Но г-н ди Верруа не рассердился, а напротив, был тронут моим горем.

— Я вовсе не против того, чтобы взять Жаклин, — сказал он, — если вы так хотите этого. Только, с вашего разрешения, лучше уложить ее в сундук; мне кажется, совсем не обязательно держать ее в нашей карете.

— В сундук! — воскликнула я. — О сударь, ей будет очень плохо в сундуке.

Господин ди Верруа не смог удержаться от смеха и предложил промежуточный вариант: Жаклин поедет в коляске со слугами.

Я согласилась на эту жертву, ибо так ласково было движение губ говорящего, а особенно — выражение его глаз.

У г-на ди Верруа был такой взгляд, против которого трудно устоять. Жаклин тщательно укутали и отдали под присмотр Бабетте, пообещавшей очень внимательно заботиться о ней на протяжении всего пути.

Я успокоилась: с Бабеттой Жаклин ни в чем не будет нуждаться.

Вот какой я была, когда меня выдали замуж!

IV

В пути аббат дела Скалья часто пересаживался в нашу карету. Он пичкал меня сладостями и нравоучениями — и то и другое одинаково не нравилось мне. Бывают люди, чьи духи не пахнут, бриллианты не играют и заботы о вас не доставляют радости. С ними неприятно все, даже любовь.

Мой преподобный дядюшка имел несчастье принадлежать к этой породе.

Инстинкт не обманывал меня.

Что же касается моего мужа, то у него был лишь один недостаток — его семья; не будь ее, граф ди Верруа был бы совершенством: такой человек заслуживает любви самых строптивых из женщин. Терпение и нежность не изменили ему ни разу на протяжении этого долгого пути, хотя, как мне теперь кажется, я, конечно, была невыносимой спутницей. Он исполнял малейшие мои капризы, предугадывал все мои желания, охранял мой сон, веселился как ребенок, очень мило играл со мною, так что я не чувствовала разницы в нашем возрасте. Он даже посадил Жаклин рядом с собою, и когда мне показалось, что он слишком нежен с нею, я сама отослала ее в другую коляску. Кажется, она пробудила во мне ревность.

Все как будто складывалось как нельзя лучше, и на третий или четвертый день пути я уже нисколько ни о чем не тосковала.

Мы перебрались через Альпы по перевалу Мон-Сени. Со всей искренностью души я предвкушала тот миг, когда окажусь в глубине долины, которая вдруг открылась в двух-трех тысячах футов подо мною.

Я добралась туда, как добираются, увы! до самых далеких целей, и в скором времени перед нами предстала великолепная страна, над которой царил Турин. Я была в восторге, потому что всегда любила красивые пейзажи.

Но я заметила, что, в отличие от меня, муж мой совсем загрустил, и вид у него стал совсем печальный. Его уже не трогали мои шалости, не заражала моя веселость; более того, он стал грубо обращаться с принцессой Баварской, а когда я спросила его, в чем дело, он ответил, что виной тому — перемена настроения, и только. На почтовой станции я посоветовалась с одной из своих служанок по имени Марион — после Бабетты я любила ее больше всех других, — и та дала мне обещание понаблюдать за ним и на следующей остановке сказать, что она думает об этой перемене в нем.

Я с нетерпением ждала следующей остановки.

Аббат делла Скалья, напротив, становился все веселее и ироничнее по мере того, как возрастали печаль и беспокойство моего мужа.

Когда мы расположились на последний ночлег, ко мне в спальню прибежала совершенно испуганная Марион.

— Дорогая моя Марион, — спросила я, — что случилось, чем ты так встревожена?

— Госпожа, о госпожа! — ответила бедная девушка. — Случилось то, чего мы не ожидали, и поверьте, вы не напрасно беспокоились.

— Так что же произошло?

— Господин граф только что велел запереть Жаклин в кованый сундук.

— Но кованый сундук — это же гроб!

— Бог ты мой, конечно! Если не считать остального.

— Остального? Что же еще? Скажи мне, я хочу знать.

— Ну, так вот, судя по всему, госпожа вдовствующая графиня постоянно пребывает в плохом настроении, бранится с утра до вечера, и поэтому господин граф ужасно ее боится, а господин аббат делла Скалья всегда берет сторону своей сестры.

— Ты в этом уверена, Марион?

— Как и в том, что когда-нибудь умру, госпожа графиня; камердинер господина аббата только что разговорился и рассказал мне обо всем, чего с ним ни разу не случилось со времени нашего отъезда из Парижа.

— Боже мой! Что же с нами будет? Так вот почему господин граф так изменился со вчерашнего дня! Он приближается к своей матери и уже ощущает ее влияние.

С этого времени мне с трудом удавалось скрывать все, что я узнала. Пришлось вести себя как наказанная маленькая девочка. Я не соизволила пожаловаться на то, что у меня отняли Жаклин, хотя это и приводило меня в бешенство, и предалась угрюмости, чтобы показать свой характер.

О! Каким же далеким все это видится мне теперь! Сколько событий, страданий, слез, страхов, жертв, да и ошибок выпало на мою долю! Но я не могу удержаться от того, чтобы не бросить снисходительный взгляд на последние минуты моего детства, не могу обойти молчанием эту грань между двумя эпохами моей жизни.

В тот же вечер мы прибыли в Турин. На верхней ступени лестницы своего дворца меня встретила свекровь, госпожа вдовствующая графиня ди Верруа.

Я не очень люблю рисовать портреты, они редко передают подлинные черты человека, ведь люди совершают поступки и только тогда

раскрываются перед нами. Вы увидите, как поведет себя г-жа ди Верруа, и сами сможете о ней судить.

Если говорить о ее внешнем облике, то следует сказать, что графиня была красивая важная дама пятидесяти лет; она поздно вышла замуж, и так и сохранила чопорность и раздраженность старой девы. Царственная посадка головы, хищные глаза, привыкшие повелевать, медленные, но величественные жесты — в ней было все, что необходимо для того, чтобы управлять другими и подавлять их — особенно детей.

Она холодно, как подобает настоящей свекрови, обняла меня. Мой муж взял ее руку, но не поцеловал, а скорее поднес к своим губам, и мне показалось, что он дрожит.

А я подумала: за кого он боится — за меня или за себя?

Позднее я убедилась, что за нас двоих.

Аббату был адресован дружеский поклон, на который тот ответил с надменным видом. Я сразу поняла, что они не любят друг друга.

Но, как я убедилась в дальнейшем, они дорожат своими отношениями.

Эта женщина и этот мужчина обменялись взглядами, значение которых открылось мне позднее. Аббат, казалось, говорил: «Вот соперница, которую я привез, и вы будете нуждаться во мне как никогда». Госпожа ди Верруа принимала его поддержку с горькой досадой, но все же принимала.

— Добро пожаловать, сударыня, — сказала мне свекровь, — хотя вы и заставили себя ждать.

— Дороги оказались плохи и не помогли нам в нашей спешке, — попытался оправдаться мой муж.

— Это не имеет значения; вы были в пути на четыре дня дольше обычного; могли бы приехать и пораньше: ее королевское высочество напомнило мне об этом еще вчера вечером.

— Заигравшись на тропинках, можно и забыться, — сказал аббат.

— Кто это играл? — вспыхнув, спросила г-жа ди Верруа.

— Я, сударыня, — быстро ответил граф.

— Они, — добавил великодушный аббат.

— О! Так вот с каким нетерпением ты рвался к матери! Я запомню это. Граф ди Верруа опустил голову, не решаясь возразить. А я была удивлена и озадачена больше, чем он, ибо происходящее было совсем ново для меня: как бы строги и непреклонны ни были мои отец и мать, они никогда не стали бы разговаривать так ни с одной из дочерей.

Громадный темный дворец с вымощенным плитами полом и мраморными ступенями сковал мое сердце льдом; стемнело, дымящиеся факелы освещали ближайшее пространство, но широкие галереи

оставались в тени и выглядели в самом деле ужасающе. Госпожа ди Верруа шла рядом и разглядывала меня как купленный товар или парадную лошадь, на которой придется выезжать на следующий день. Она первой вошла в огромный зал, где собралось двадцать или тридцать более или менее близких родственников семьи ди Верруа, и всем им я должна была сделать реверанс.

Их одежда показалась мне странной, лица — серьезными, как будто эти люди сошли с семейных портретов, получив от управляющего замка разрешение покинуть на минутку рамы картин. Впрочем, почти все они были люди очень знатные и занимали важные должности при дворе. Моя свекровь была придворной дамой герцогини Савойской, все еще остававшейся регентшей или, по крайней мере, обладавшей ее властью, благодаря чему г-жа ди Верруа имела большое влияние при дворе и широко пользовалась им, но не столько для поддержки друзей, сколько для того, чтобы навредить тем, кто был ей неуютен.

В тот день я совсем не запомнила тех, кому меня представляли, видела все как в тумане, настолько пугали меня огромные глаза свекрови.

Меня подводили то к одному, то к другому гостю, называли его имя и говорили:

— Поздоровайтесь, графиня!.. Это ваш дядюшка, господин... Поздоровайтесь, графиня, это ваша кузина, госпожа...

О Боже! Сколько же их у меня, этих дядюшек, кузин, и всем надо делать реверанс! Знакомство длилось более полутора часов. Я умирала от голода и еле сдерживалась, чтобы не заплакать.

Мой муж шел сзади, как ребенок, привязанный к нашим юбкам. Он показался мне совсем маленьким, и не знаю, то ли детское безрассудство, то ли женская глупость тому виной, но я всей душой привязалась к нему как раз поэтому, привязалась сильнее, чем это могло быть, если бы он командовал всем этим парадом, вместо того чтобы подчиняться.

Между тем, я бросала завистливые взгляды на буфет, заставленный мороженым и фруктами. К нему подходили все, кроме меня, той, в честь которой он был здесь поставлен. Это были настоящие танталовы муки.

И тут я на минуту взбунтовалась, хотя до сих пор не понимаю, как могла на это решиться; я оставила своего седьмого троюродного брата (он замер посреди зала как вкопанный), направилась в дальний конец большой комнаты, прямо к тому месту, где у стола с подносами и бокалами стоял чрезвычайно лощеный и чрезвычайно солидный господин, и попросила его обслужить меня. Он очень быстро подал мне апельсин и что-то еще в изумительно красивой серебряной посуде. Свекровь удивленно посмотрела

на меня: я уверена, что с этой минуты она уже считала меня способной на что угодно. Мой поступок насторожил ее, и она решила держать меня в строгости, полагая, что это единственный способ заставить меня подчиняться ей.

Может быть, именно этой ее ярости, вызванной моим голодным желудком, я обязана несчастьем всей моей жизни!

Проглотив апельсин и не помню что еще, я снова подошла к г-же ди Верруа, которая ожидала меня, поджав губы.

— Не знаю, сударыня, — сказала она, — быть может, при французском дворе и не принято отвечать на приветствие родственников, но двор Турина все еще придерживается этих правил, предупреждаю вас.

Аббат дела Скалья состроил мину и сделал жест, означавший: «Ну, что я вам говорил?»

Не знаю, что бы произошло, если б слуги не пригласили гостей к ужину, позволив мне вздохнуть с большим облегчением. Я поняла, что высокое положение — тяжелая ноша, и с умилением вспомнила прошлое, мою маленькую комнату, сестер, наши радужные мечты и нашу свободу!

Ужин длился бесконечно: гостей обслуживали по-королевски, с пышностью, превосходящей роскошь трапез в домах наших вельмож; в Савойе знать была не так разорена, как во Франции, она не пострадала от войн Лиги, эшафотов г-на де Ришелье и батальев времен Фронды; большинство савойских семей могли черпать свои богатства прямо из сокровищниц, пополненных несколькими поколениями предков.

Наконец, мы поднялись из-за стола и могли подумать об отдыхе. Меня торжественно повели в парадные покои: свекровь уступила мне их, не преминув заметить, что эту честь я должна оплатить послушанием.

Вот дословно то, что она мне сказала:

— С этого дня я ничто в этом доме, теперь вы будете управлять им.

Но увидев, что я встrepенулась, добавила:

— Не буду возражать, если вы попросите у меня совета; но если я дам его, то потребую, чтобы вы ему следовали. Я знаю эту страну, и знаю хорошо; вы же с ней незнакомы, вы молоды, а я стара: следовательно, есть все основания для того, чтобы вы меня слушались.

Я была в замешательстве и не знала, что ответить. Муж пришел мне на помощь:

— Госпожа ди Верруа будет счастлива подчиняться вам, как делаю это я, матушка, и вы найдете в нас одинаковое смирение, одинаковую почтительность.

Я не могла опомниться от удивления, настолько все, что я увидела,

смущало меня: такая роскошь, такое богатство наряду с безоговорочным рабством представлялись мне, совсем молоденькой девушке, странной формой существования. Я понимала, что для г-на ди Верруа подобное поведение было противоестественным и чувствовала: он стесняется меня и, наверное, в большей степени — других. Мне не терпелось остаться с ним наедине и объясниться. Муж пошел проводить мать, но я надеялась, что он вернется ко мне. Какое-то время я прождала его стоя, не желая ложиться спать, однако, после того как пробило полночь, служанки раздели меня. Я оставила у себя Марион, она уложила меня в постель, и мы проболтали почти до двух часов ночи. Бедняжка падала от усталости, и я отослала ее. Еще несколько минут я боролась со сном. Но в конце концов глаза мои закрылись сами собой.

Господин ди Верруа так и не пришел.

Проснувшись, я внимательно огляделась; в спальне — никого, я провела ночь совсем одна.

На мой звонок вошла Марион и отодвинула шторы. Было уже довольно позднее утро.

Марион почти с тем же вниманием, но с большим беспокойством, чем я, осмотрела комнату; затем она на цыпочках, слоимо боясь, что ее шаги услышат, подошла к моей кровати и с очень таинственным видом сообщила, что г-н ди Верруа занимает смежную комнату, почти такую же, как моя, и что перед нашим приездом вдова ди Верруа велела замуровать все двери, соединяющие наши покои, от первой до последней.

— О госпожа! — испуганно сказала мне Марион. — Здесь вы будете маленькой девочкой гораздо в большей степени, чем в доме родителей!

— Как ты об этом догадалась, Марион? — спросила я.

— Это не догадка, не такая уж я проницательная: я узнала об этом от здешних слуг. Госпожа вдовствующая графиня не допускает никаких возражений; она желает командовать как королева, а господин граф — просто первый среди ее слуг.

— Но что же тогда будет со мной? — воскликнула я и со слезами на глазах продолжала: — О Боже! Боже мой! Как же я буду тосковать здесь! Если б только я могла запереться в своей комнате! Так нет же, мне придется готовиться к завтраку, затем надевать парадное платье и ехать ко двору, чтобы приветствовать ее королевское высочество и герцога Савойского.

— Что поделаешь, госпожа! Замуж выходят не для того, чтобы развлекаться.

— О нет! Мы это еще посмотрим... Ручаюсь тебе, моя бедная Марион! Ты уже знаешь, какая юбка, какой шлейф и какие драгоценности мне нужны; приготовь все это и принеси мне Жаклин, она хоть немного утешит меня. Я поговорю с ней о Франции! О Боже! Почему я не там, не в своей бедной Франции! А Бабетта уже встала?

— Кажется, да, мадемуазель.

— Пусть тогда и она придет. Марион пошла выполнять приказание. Бедняжка Бабетта избегала меня с самого начала нашей поездки; я не понимала причины столь явного безразличия. Теперь мне известно, в чем было дело: эта замечательная женщина приберегала себя для трудных времен. Она боялась оказаться между мною и мужем в роли ненужной

советчицы; Бабетта предвидела, что девушку, оторванную от родных и оказавшуюся во власти чужих людей, ждут тяжелые испытания. Но, прежде чем давать советы, она хотела знать, как использовать свое влияние. Поэтому в то утро она пришла лишь для того, чтобы осведомиться о моем здоровье и осмотреть мой наряд; я засыпала ее тысячью вопросов, но напрасно. Заботливо оглядев меня, она ограничилась короткими и пустыми ответами.

— Но господин ди Верруа, господин ди Верруа, — повторила я, теряя терпение, — неужели я не увижу его? Пойди за ним, Бабетта, скажи, что я жду его.

Я трижды посылала за ним, но безрезультатно; на четвертый раз Бабетта вернулась и сказала мне, наконец, что граф находится у своей матери и придет повидать меня после того, как выйдет от нее.

— Вечно с ним его мать, Бабетта! Но он ведь не ее муж.

— Наверное, господину графу надо обсудить с ней важные дела, — сказала мне Бабетта, — следует и об этом подумать, сударыня, не стоит мучить себя, чтобы не волновать господина графа.

Увы! Во мне было так мало терпения, столь необходимого женам, особенно в моем положении. Я была горячеей, вспыльчивой и ревливой, как тигрица, — и это еще слабо сказано.

В то время я уже испытывала к г-ну ди Верруа довольно сильное чувство, предвещавшее многое в будущем, и том числе и склонность к ревности, которой, вероятно, я обязана всеми моими ошибками. Нетерпение и гнев по поводу столь открытого посягательства на мое счастье терзали меня; еще немного и я, наверное, позволила бы себе выходку, подобную вчерашней: пошла бы сама за г-ном ди Верруа к его матери, но в эту минуту он вошел.

Муж холодно поцеловал меня в лоб, а я жестом попросила Бабетту и Марион оставить нас наедине. Он прохаживался по комнате и выглядел очень смущенным. Я смотрела, как он ходит взад-вперед, и задала ему десятка два вопросов. Но он продолжал шагать, не отвечая мне. — Но, сударь, объяснитесь же, — настаивала я, тормоша Жаклин, которая была здесь ни при чем, хотя именно на нее я вылила весь избыток своего гнева. — Почему я не видела нас со вчерашнего дня? Почему ваша досточтимая матушка, объявившая меня хозяйкой дома, оставила за собой право разлучать нас? Что я ей такое сделала? Скажите!

— Дорогая графиня, — ответил мне муж, — придется упрятать принцессу Баварскую.

— Но почему? Она мой единственный друг, и вы хотите разлучить

меня с ней!

— Пусть она поживет в одной из дальних комнат, куда сможем приходить только мы с вами, я так хочу и охотно соглашусь на это; но следите за тем, чтобы ее никто не увидел, даже ваши горничные-итальянки.

— Почему?

Господин ди Верруа рассмеялся:

— Боже мой, я скажу вам, почему, дорогая графиня: потому что в Пьемонте замужние дамы не играют в куклы.

— Достаточно, сударь. Речь идет сейчас не о Жаклин, а о нас, о вашей перемене по отношению ко мне. Быть может, вы считаете меня слишком маленькой, чтобы заметить это и понять причины происходящего? Ваша досточтимая матушка не любит меня; ваша досточтимая матушка хочет помешать вам быть со мной; ваша досточтимая матушка желает царить в этом дворце и сделать из меня абсолютно покорную служанку, склоняющуюся перед ее величием. Так вот, этого не будет, слышите, господин граф; пусть она оставит себе свое величие, я на него не притязаю, я бы предпочла побольше свободы! Но вы, вы! Вы же мой муж, а я ваша жена, и вы должны любить меня, а не свою мать, если, конечно, не задались целью сделать меня несчастной; вы должны обращаться со мной так же как обращались в Париже, быть таким, каким были в начале, а не в конце поездки. Согласны?

Я никогда не видела, чтобы мужчина смущался так, как это произошло с бедным графом во время этой семейной сцены. Тем не менее он уже был готов объясниться со мной, но в это мгновение вслед за конюшим, открывавшим перед ней двери, вошла г-жа ди Верруа в сопровождении двух компаньонов.

Она была в парадном платье и собиралась ехать ко двору.

Я и не подумала извиниться перед ней за то, что до сих пор не повидалась с нею и не засвидетельствовала ей своего почтения; в данную минуту она была мне совершенно ненавистна и я скорее бросила бы в ее адрес оскорбления, нежели комплименты.

— Надеюсь, дочь моя, — сказала она, войдя в комнату, — что вы скоро будете готовы и не заставите ждать ее королевское высочество. Я отправляюсь во дворец; но предупреждаю вас, что через два часа вы должны присоединиться там ко мне.

Слова «дочь моя» прозвучали как шпильки, а слово «должны» усугубило такой смысл.

Будь я на три-четыре года постарше, я бы лучше знала, как себя вести, не смолчала бы, а ответила и, возможно, спасла бы свое будущее.

Но что, по-вашему, могла я ответить в свои тринадцать с половиной лет? В миг затишья, последовавшего за ее указанием, взгляд свекрови упал на

бедняжку Жаклин, и я увидела, как вздрогнул мой муж, с беспокойством следивший глазами за графиней. Вдова устремила к дивану, на котором лежала невинная принцесса, и, приподняв ее, с презрительной миной спросила, не ожидаю ли я в ближайшее время рождения дочери.

— Предусмотрительность — хорошее качество, — продолжала графиня, — она доказывает, что вы умеете думать о будущем: привезти из Парижа игрушки для своих детей, едва успев выйти замуж! Ну-ну! Я вижу, что вы будете прекрасной матерью: повезло же моим внукам. А покамест, — добавила она, повернувшись к одному из слуг, — унесите это в какую-нибудь дальнюю комнату и пусть игрушку запрут до того времени, когда она понадобится.

Тон г-жи ди Верруа не допускал возражений. Принцессу Баварскую унесли, и я ее больше никогда не видела.

Одному Богу известно, что стало с бедняжкой Жаклин.

И если я так подробно остановилась на этом, казалось бы, столь незначительном обстоятельстве, то только потому, что оно очень сильно повлияло на всю мою дальнейшую жизнь: дело в том, что, по сути, самодурство моей свекрови оказалось первым проявлением ненависти, возникшей между нами с этого дня. Отняв у меня последний залог привязанности моих сестер, воспоминание о моем детстве, толкнув меня в мою женскую жизнь через ворота слез, свекровь глубоко ранила меня: она выказала мне свою решимость никогда не считаться со мной, подчинить своему игу и, наконец, лишить меня всех надежд на счастье.

Я же была настолько бесхитростной, что не смогла скрыть своей ненависти, жажды бунта, и с этого дня мы со свекровью не обмолвились между собой ни одним добрым словом.

Вот так из малой песчинки рождается риф.

Теперь мы на время оставим г-на ди Верруа, Жаклин Баварскую и меня и займемся савойским двором, тем, что тогда там происходило; расскажем о людях, которые бывали во дворце, и прежде всего о великом государе, прославившем свое правление с первых же его дней.

VI

Виктор Амедей II, которого во Франции мы называли господи ном Савойским, еще находился под опекой ее королевского высочества герцогини-матери; о ней мы и поговорим в первую очередь, ибо ее королевское высочество была главной фигурой этого двора. Она величала себя королевским титулом, но на каком основании — понятия не имею, ибо ее отец был вовсе не король, а милейший герцог Немурский, которого во времена первого регентства обожали все женщины; да, то были веселые годы: с утра до вечера все были заняты только тем, что дрались на дуэлях и занимались любовью, переходили из одного лагеря в другой, сменив любовника или любовницу; вздыхали вместе, не говоря уж об остальном, с тем, чтобы на следующий день обменяться пулями из пищали, предварительно договорившись не стрелять в лицо, так как глазами в те времена дорожили больше, чем жизнью, и обезображенному мужчине уже нечего было ждать от судьбы, свидетельство чему — г-н де Ларошфуко. Именно по этой причине он стал мизантропом и написал свои прекрасные максимы, каких никогда бы не сочинил князь де Марсильяк.

Герцог Немурский дрался на дуэли со своим шурином герцогом де Бофором, и тот, не смущаясь родством, просто-напросто убил его из пистолета, заряженного тремя пулями. У герцога Немурского остались две дочери: одна из них вышла замуж за герцога Савойского, сына Кристины Французской, а другая — за Альфонса VI, короля Португалии. Вторая была решительной особой. Оказалось, что ее муж неспособен, на ее взгляд, выполнять обязанности супруга и короля. Она расторгла брак, сослала Альфонса в монастырь и вышла замуж за его брата, наследника трона. Она выиграла на этом вдвойне: сохранила корону и получила другого мужа.

Сестры очень любили друг друга: с давних пор они замыслили соединить брачными узами своих детей и как можно теснее сплотить свои государства. Вот почему ее королевское высочество, ставшая регентшей, и всецельная в своей стране королева Португалии решили женить Виктора Амедея на португальской инфанте, которая должна была унаследовать трон. Герцогу к тому времени едва исполнилось пятнадцать лет. Регентский совет сначала воспротивился этому браку; этот совет, созданный во исполнение предсмертной воли покойного герцога, состоял из людей неподкупных, ученых и талантливых, выделявшихся на фоне окружавшей их посредственности.

Но основным противником сговора был главный актер этой драмы — сам юный герцог. Ехать в Португалию, чтобы стать там королем, — такая перспектива не устраивала его: ему пришлось бы покинуть подданных, родину, а главное — свою первую любовь, ту любовь, что позднее вспыхнет еще раз и очень странным образом; этой любовью была молодая и прекрасная в ту пору маркиза ди Сан Себастьяно, находившаяся тогда в самом расцвете того страшного духа интриг и честолюбия, который позволял ей играть столь важную роль при дворе. Госпожа ди Сан Себастьяно отличалась непревзойденной ловкостью и хитростью. Она была дочь графа ди Кумиана, обер-гофмейстера герцогского двора и рыцаря ордена Благовещения, и числилась одной из фрейлин регентши. Смуглая и подвижная, она выглядела гораздо моложе своего возраста, и никто бы не догадался, какие затаенные мысли копошатся в этой хорошенькой головке.

Синьорина ди Кумиана была принята в свиту ее королевского высочества благодаря покровительству отца. Герцог был еще совсем молод, она тоже. И когда он стал отличать ее от остальных, уделять ей особое внимание, его семья и регентша встревожились.

Фрейлины занимали во дворце комнаты, не соединенные между собой; говорят, молодые люди пользовались этим обстоятельством, а синьорина ди Кумиана была не строже своих подруг, но, в отличие от них, у нее хотя бы было оправдание. Тот, кого она любила, и любила всю жизнь (мое свидетельство вряд ли вызывает сомнение), был не только повелитель для всех своих подданных, не только один из великих европейских государей, но и человек во всех отношениях выдающийся.

Бедняжка Кумиана, видя, как все покоряются принцу, тоже уступила; она имела неосторожность показать молодому герцогу дорогу в свою комнату; он постарался не забыть ее, и после второго посещения неосторожной фрейлине уже не в чем было ему отказывать.

Для Виктора Амедея наступила пора первых страстей, он только начинал познавать их. Его возлюбленная была предана ему бесконечно, и хотя он и она были страстно влюблены друг в друга, они все же ухитрялись скрывать свои отношения до того дня, когда последствия их свиданий стали заметны, а это было опасно. О том, что их ждало, страшно было и думать. Кумиана знала своего отца; честолюбие не могло заглушить у него понятие о чести, и соблазнитель его дочери, будь то принц или последний мужлан, не дождетсЯ от него ни милости, ни прощения.

Оказавшись в столь отчаянном положении, бедняжка, обладавшая большой силой характера, решила прибегнуть к вернейшему средству.

Прежде всего она пригласила к себе доктора Петекью, чтобы удостовериться в постигшей ее беде, а когда сомнений не осталось, она, ничего не сказав любовнику, приняла решение, которому герцог, возможно, воспротивился бы.

Виктор Амедей в то время был целиком во власти своей любви к юной Кумиане и не имел даже отдаленного представления о намерениях фрейлины. Именно эта любовь побудила его отказаться от брачного союза, задуманного матерью.

Причину отказа он не называл, выдвинув тысячу других возражений; он попытался даже сыграть на своей нежной привязанности к матери. Герцогиня была очень тронута этим, но не сдалась: корона сверкала у нее перед глазами, ослепляя своими лучами даже ее сердце.

Но прежде чем перейти к описанию истории, позволившей синьорине ди Кумиана преодолеть щекотливое положение, к которому привела ее любовь, надо немного рассказать об известной политической комедии — той, что Виктор Амедей разыграл сам и заставил разыгрывать свою мать в связи с его предполагаемой женитьбой на португальской инфанте.

В характере Виктора Амедея уже было заметно упорство, которое отчетливо проявилось позднее в том, как он владел собой и управлял другими. Сначала он тянул время, затем подыскивал разные отговорки, но прямо не отказывался и всячески лавировал. Герцогиня-мать терпеливо выслушала его, но затем заговорила резко, напомнив ему, что она регентша и мать; тогда молодой герцог решил быть с ней откровенным и раскрыл свои карты.

— Вы моя мать, и я счастлив этим, сударыня, — сказал он ей тоном, в котором впервые почтение отступило перед решимостью, — но вы остаетесь регентшей только потому, что мне еще не угодно править самому. Я совершеннолетний с четырнадцати лет и объявляю вам, что последний из приведенных вами доводов более не играет роли.

Герцогиня смотрела на него с ужасом.

— Ах, вот оно что! — произнесла она. — Что все это значит?

— Это значит, сударыня, что я не желаю жениться на инфанте, коль скоро вы об этом спрашиваете; это значит, что я не хочу покидать подданных, ибо они любят меня и я люблю их; это значит, что землями, передающимися по наследству в Савойском доме, должен управлять старший в роду, и я не нарушу своего долга по отношению к моему роду.

— Но, сын мой, это ведь прекрасный союз, о котором можно только мечтать: исполнились мои самые заветные желания; я не понимаю вашего сопротивления; вы впервые так говорите со мной. Бунтарство вам не

свойственно, оно исходит не от вас.

— То, что вы называете бунтарством, сударыня, я называю своим правом, и никто не внушал мне его: оно исходит от меня и ни от кого другого. Вы помните, как в двухлетнем возрасте я сам надел на себя цепь ордена Благовещения, не ожидая, пока мне ее дадут. Так вот тот ребенок стал теперь молодым человеком, и этим все сказано.

— Но Франция, сударь!.. Людовик Четырнадцатый!.

— Сударыня, вы француженка и питаете к Людовику Четырнадцатому больше уважения, нежели это подобает герцогине Савойской. Но я итальянец; я полновластный и независимый государь и до сих пор подчинялся лишь Богу и вам. Впредь я надеюсь полагаться только на Бога и свою шпагу.

Герцогиня Савойская была слишком хитра, чтобы настаивать; она призадумалась, прекрасно понимая, что ей не удастся диктовать сыну свою волю, как прежде: сначала он будет молча сопротивляться ей, а затем взбунтуется по-настоящему и будет поступать как ему заблагорассудится.

Несмотря на огромное желание осуществить столь дорогой ее сердцу план, герцогиня решила, что доверие и нежная привязанность сына стоят жертвы и лучше сохранить еще на несколько лет возможность спокойно править в Савойе, нежели ставить эту власть под удар, а затем лишиться всего.

После того как решение было принято, надо было найти выход из затруднительного положения, в каком оказалась Савойя: обещания были уже даны и Франция успела выразить свою волю; теперь необходимо было так хитро повести дело, чтобы, устранив все препятствия, прервать переговоры о браке и ничем за это не поплатиться. Герцогиня-мать относилась к той категории людей, которые все решают быстро и умеют выбирать средства для осуществления своих планов. Она придумала способ, делающий честь ее политическому чутью, хотя об этом мало известно, ибо подобные факты, как правило, не попадают в анналы истории.

Я же узнала о них от самого Виктора Амедея.

На следующий день герцогиня попросила сына посетить ее по окончании мессы: она хотела обсудить с ним важные дела. Он пришел и выглядел столь же непреклонным, как накануне. Герцогиня, заметившая его решимость, была опять поражена.

Тщедушный ребенок становился мужчиной, тот ребенок, который когда-то чуть не умер у нее на руках, оказавшись жертвой ее слепой любви и странных лекарств, какие он принимал. Со дня его рождения до

девятилетнего возраста герцогиня консультировалась со всеми медицинскими светилами Европы, она испробовала все способы лечения, рекомендованные ими, но тщетно: юный принц угасал.

Однажды его дядя дон Габриель — он был внебрачный сын его деда и очень любил своего племянника — приехал повидаться с ее королевским высочеством и посоветовал ей пригласить никому не известного человека, избавившего его от тяжелого желудочного заболевания совершенно особым способом лечения и ухода.

— Это прекрасный, великолепный врач; среди ученых он не пользуется большим авторитетом, но зато очень популярен среди народа в Турине, я за него ручаюсь. Вы же знаете, сударыня, как я люблю моего досточтимого племянника, как мне дорого его драгоценное здоровье, и должны поверить мне, если я прошу вас испытать моего Петекью.

Обрадованная тем, что обнаружился еще один врач, с кем она прежде не советовалась, и доверявшая, как господин Арган, оракулам «достойниissime факультете», герцогиня Савойская преисполнилась надежд и, громко закричав, потребовала немедленно привести его. Дон Габриель постоянно держал врача при себе и в тот же вечер привел его. Петекья осмотрел, прослушал, прощупал больного ребенка и вместо всяких снадобий, трав, эликсиров прописал иной режим питания, велел кормить его не кашей, а великолепными хлебными палочками, которые в Турине называют «гриссини».

За два месяца, избавившись от лекарств и полюбив хлебные палочки, королевский отпрыск сделался сильным, здоровым и, судя по всему, мог прожить еще сто лет. Благодарный герцог Амедей навсегда сохранил особое пристрастие к «гриссини» и никогда не ел другого хлеба.

Итак, после разговора, который я привожу, ее высочество герцогиня впервые осознала, что ей придется считаться со своим сыном.

Она приняла его с такими церемониями, к каким он не привык, но сделал вид, что не замечает этого, чтобы не отказываться от этого ритуала и вместе с тем не рассыпаться в благодарностях.

— Со вчерашнего дня я много думала, сын мой.

— Счастлив это слышать, сударыня; вы так мудры, что ваши размышления могут быть лишь благотворны.

— Вы очень решительны, сударь, и, судя по всему, ваша воля для вас закон.

— Сударыня, я учусь быть таким, каким должен стать когда-нибудь, а именно: способным приказывать другим, поэтому я приказываю самому себе, лучшего способа ведь не придумаешь, не так ли?

— Вы приказываете самому себе?.. Однако в данном случае вы оказываете сопротивление мне, отвергаете корону только потому, что какая-то честолюбивая и легкомысленная особа забавляется, пробуждая в вас желания, свойственные молодости, дабы руководить вами и направлять вас, как ей хочется. Не надейтесь обмануть меня, я ваша мать и повелительница в Турине, я знаю все: от меня ничего не скрыто.

Поняв, что его игру разгадали, принц покраснел, но не смутился.

— Прекрасно, сударыня, так что же вы хотели мне сказать? — спросил он, желая этим подчеркнуть, что она до сих пор еще ничего не сказала или что все ею сказанное — пустые слова. Герцогиня поняла его, однако во время этой встречи один старался перехитрить другого.

— Я действительно хотела поговорить с вами, сударь, о том, что сочла своим долгом удовлетворить ваше желание: поскольку брак с кузиной вам совсем не по душе, он не состоится.

Герцог поклонился:

— Чтобы быть в этом уверенным, мне не требовалось согласия вашего высочества.

Таким образом, герцог опять сумел оттолкнуть свою мать и она вынуждена была проглотить эту обиду, как и все остальное. Он не оставлял ей даже возможности простить его, ибо простил себя сам.

— Не знаю, так ли уж вы были уверены в этом, как вам теперь кажется, сударь; но в любом случае исполнять вашу волю придется вашей матери, и вы окажете мне честь, согласившись с этим.

Принц снова поклонился, но на этот раз молча.

— Угодно ли вам признать это? — добавила герцогиня, видя, что сын не отвечает ей.

— Я готов, сударыня.

— Поскольку мы уже дали слово, надо сделать вид, что нас вынуждают поступить иначе, не так ли?

— Слово дали вы, сударыня.

— Пусть так! Но до сих пор мое слово было одновременно и вашим, словом герцога Савойского, не забывайте этого. Следовательно, надо сделать так, чтобы решение казалось вынужденным и наша честь не была задета; видимо, только наши подданные могут возложить на себя это бремя.

— Я согласен с вами.

— Подчинимся же воле подданных. Иначе король Франции не простил бы нам, а он очень близкий сосед, могущественный и опасный!

— Я не люблю короля Франции, матушка, он слишком много мнит о

себе, потому что никому не удастся победить его; дайте мне время, и я скоро попытаюсь сделать это.

— О! Будьте осторожны!

— Я пока еще не правил самостоятельно, сударыня, и не пугайтесь, пока не увидите, как я это буду делать.

Получив отпор по всем вопросам, регентша свела разговор к задуманному ею плану: она представила его сыну во всех подробностях, с такой ясностью и четкостью, что он не удержался и похвалил ее. Герцог одобрил план и еще долго обсуждал его с регентшей. Роли были распределены: за исключением матери и сына, все действующие лица были искренними и вели себя по совести, в полном убеждении, что они действуют по собственной воле, подчиняясь внутреннему порыву.

На этом примере герцог Савойский под руководством ловкой любовницы и многоопытной матери учился политическим интригам, что было хорошей школой для него. Упомянутые события происходили примерно за год до моего приезда, и они были изложены мне в мельчайших подробностях как жертвами обмана, так и самими обманщиками.

VII

К концу 1680 года собрание выборных от сословий Португалии торжественно объявило об одобрении намеченного брака. Когда новость облетела Турин — а это произошло за несколько дней до разговора, приведенного выше, — итак, повторяю, когда эта новость облетела Турин, взбудоражилась вся страна. Все помнили о том, как прежние испанские короли правили в Неаполе и Милане, и понимали, чего можно ожидать в Пьемонте от вице-короля Португалии.

Вначале регентша осторожно препятствовала распространению этих слухов. Но теперь, напротив, ловкие агенты нашептывали повсюду, что нельзя допустить отъезда принца, нужно изо всех сил протестовать против его удаления и что, в конце концов, Виктор Амедей, сын местных герцогов, принадлежит народу, у которого никто не имеет права отнимать его; что жителям Пьемонта и Савойи лучше всем как один подняться, чем примириться с изгнанием их принца.

Маркиз ди Пьянджа и маркиз ди Парола возглавили сопротивление: это были именитые и влиятельные синьоры. Герцогиня-мать и молодой герцог не могли и желать ничего лучшего, ведь эти люди действовали по собственному побуждению.

Они так активно и искусно убеждали всех, что выборные от сословий Пьемонта и Савойи собрались, чтобы выразить свое несогласие, и в полном составе явились во дворец, чтобы вручить регентше прошение, на которое она не обратила внимания, заявив, что решение о браке уже принято и что вся Европа знает об этом и одобряет его, а потому она не желает слушать никаких возражений.

— Да, сударыня! — воскликнул маркиз ди Пьянджа. — Европа сказала свое слово, но не Пьемонт и не Савойя, хотя никого, кроме них, это не касается. Поэтому, сударыня, если вы не хотите, чтобы случилось великое несчастье, пожалейте нас и не настаивайте на столь жестоком решении.

Но регентша, напротив, ответила, что решение уже принято и она будет на нем настаивать; выборные от сословий ушли разочарованные и чуть ли не взбешенные; они собрались у Паролы, где высказывались самые противоречивые мнения.

— Все дело в регентше, это она велит заключить брак, — кричали со всех сторон, — но наш герцог не хочет покидать нас.

— Правильно, — говорил кто-то другой, — вы видели? У него были

слезы на глазах, когда ее королевское высочество говорила с нами.

— Надо встретиться с ним без нее! — слышалось два или три голоса.

— Да, без нее, пусть он выслушает нас, — подхватило большинство, — и скажет, каковы его подлинные намерения, ведь он наш повелитель, и если наш герцог прикажет не отпускать его, мы сделаем это даже вопреки герцогине.

И, словно одержимые, они начали выкрикивать хором:

— Наш герцог! Наш герцог!

Эти крики раздавались по всему городу; принц и регентша следили за развитием событий и, когда почувствовали, что время пришло, сделали последний ход. Герцогиня-мать уехала на неделю к своей свекрови в Верруа под предлогом визита вежливости, а также для того, чтобы осмотреть крепость, которую пришлось бы защищать в случае возможной войны. Виктор Амедей остался в Турине, и в тот же вечер депутация синьоров во главе со славным Пьянджей и великолепным Паролой — высокородными марионетками, веревочки которых герцогиня держала в своих руках, — явилась во дворец и потребовала встречи с юным принцем. Виктор Амедей заставил долго упрашивать себя, хотя ждал их с нетерпением, спрятавшись за шторой, и видел, как они пришли.

Синьоры так распались, что чуть не взломали дверь, а затем бросились к его ногам, умолая.

— О ваша светлость! — возопили они в один голос. -

Смилуйтесь; останьтесь с нами! Во имя Неба, не покидайте нас!

В этом стройном хоре выделялся голос маркиза ди Пьянджи, отличавшийся жалобной интонацией:

— Ваша светлость, госпожа регентша очень любит ваше высочество, но ее амбиции губят Савойю и вас. В чужой стране вы, без сомнения, пожалеете, что оставили своих подданных, верных слуг Савойского дома. Ваша светлость, подумайте о нас! Подумайте о нас!

Герцог, казалось, был глубоко тронут; он вытирал глаза, как будто плакал, пытался что-то сказать, но якобы не мог.

— Господа! Друзья мои! Маркиз ди Пьянджа! — бормотал он. — Я понимаю, я знаю... Но, но... что делать?

— Вы повелитель, ваша светлость, и всемогущий повелитель, ваша воля — закон для всех. Скажите, что вы не, согласны.

— Все решено, господа, — вновь заговорил принц, — согласие достигнуто, слово дано. Корабли, которые должны увезти меня в Португалию, уже в пути. Герцог Кордовский скоро высадится в Ницце и

будет ждать меня, чтобы сопровождать в Лиссабон. Я спрашиваю вас, господа, не слишком ли поздно?

— Откажитесь, ваша светлость, — ответил князь делла Цистерна, — народ Савойи и Пьемонта поднимется, чтобы удержать вас.

— А моя мать, господа? — воскликнул принц.

— Нам все известно, — энергично вмешался маркиз ди Симиана, — это ее высочество герцогиня принуждает вас.

— Кто меня принуждает?.. Господа, — сказал Виктор Амедей, — это суровое обвинение.

— Простите, ваша светлость, простите, — подхватил граф ди Прована ди Друент, бывший воспитатель герцога, — извините господина ди Симиана, может быть, он зашел в своих словах слишком далеко, но мы все думаем так же, как и он. Ваша прославленная матушка соблаговолила доверить мне воспитание вашего высочества; я не жалел сил, чтобы развить природные данные и вырастить великого государя и достойнейшего человека. Но я трудился для нас, во имя счастья и славы нашей страны. И именно наша страна должна воспользоваться благами вашего правления, а те, кто попытается помешать этому, должны быть устранены, кто бы они ни были.

— Синьор, — ответил юный герцог, — обратите внимание, что вы, мой воспитатель, призываете меня к неповиновению.

— Я призываю вас к выполнению долга, ваша светлость, подчинению закону, продиктованному вам самим

Господом. Принц не принадлежит своей матери, принц при надлежит своему народу. Вы не можете снять с себя это бремя, вам придется нести его до конца. Вы отвечаете за ваших подданных перед нашим общим владыкой — перед Богом! Вы останетесь!

— Вы останетесь, останетесь! — вторили остальные.

— Я не могу, господа, действительно не могу.

— И тем не менее вы должны нам это обещать.

И все присутствующие опустили на колени, протянув руки к принцу и восклицая:

— Останьтесь! Останьтесь!

Добрый юный принц еще несколько минут позволял, чтобы его упрашивали, затем сделал вид, что уступает, и наконец с трудом исторг из себя обещание, которое ему смертельно хотелось дать как можно скорее. Радость вырвалась из дворца на улицу, распространилась по городу, а оттуда по всей Савойе и Пьемонту.

Но исторгнутым обещанием дело не кончилось.

Принц притворился, что вспомнил вдруг о матери и задрожал при одном лишь воспоминании о ней.

— Но регентша? — начал он. — Господа, господа, как сообщить ей об этом, когда она вернется?..

— Госпожа регентша? — переспросил воспитатель герцога.

— Да, господин ди Прована.

— Позволит ли ваше высочество дать ему совет?

— Я всегда готов выслушать совет, сударь, вы это знаете, — смеясь, ответил принц, — даже если мне не придется следовать ему.

— Так вот, ваша светлость, госпожа регентша уже давно обрела большую власть над вашей душой; она привыкла повелевать и управлять вами; когда вы снова встретитесь с ней, ее влияние одержит верх и вы забудете о нас.

— Так что же тогда делать? — спросил принц.

— Необходимо избежать встречи с ней...

— Это невозможно, сударь, она возвращается через два дня.

— Она не вернется, если вы соблаговолите одобрить мое предложение.

— Говорите.

— Крепость Верруа — одна из самых защищенных в Савойе. Напишите несколько строк, ваша светлость, и госпожа регентша будет... нет, не арестована, а просто задержана в крепости или в своих покоях, и это продлится до тех пор, пока португальцам не будет послан отказ.

— О господи! Моя мать!..

— Поверьте, ваша светлость, герцогине будет оказано величайшее почтение, с ней будут обращаться так же как во дворце, и, за исключением свободы, она ничего не будет лишена.

— За исключением свободы!

— Любовь, которую питает госпожа герцогиня к вашему высочеству, слишком хорошо известна всем, и вряд ли можно сомневаться в том, что она простит вас.

— Нет, господа, нет, я не могу на это согласиться, — сказал принц.

Но последние слова были произнесены очень тихо; дворяне поняли, что нужно лишь проявить настойчивость; если принц и сопротивляется, то делает это лишь для того, чтобы соблюсти приличия, уступая якобы не по доброй воле. Наконец князю дела Цистерна, его близкому другу, пришла в голову идея отправить графине ди Верруа и ее сыну приказ задержать вдовствующую герцогиню Савойскую в их крепости вплоть до нового распоряжения, не выпускать ее ни под каким предлогом и во всем подчиняться лишь грамоте с подписью Виктора Амедея, удостоверенной

государственной печатью.

Приказ был составлен, оставалось лишь подписать его. Принц, отведя глаза и глубоко вздохнув, поставил подпись.

Послание передали курьеру и велели ему ехать по главной дороге. А в это время регентша возвращалась кружным путем; она прибыла в Турин через восемь часов после того, как собравшихся распустили. Чтобы подвести комедию к развязке, герцог притворился удивленным и подавленным; он зарыдал и при свидетелях, разумеется, бросился к ногам матери, признавшись в своей вине и вручив себя ее власти, чтобы она могла отомстить так, как ей захочется.

— Отказ уже послан в Португалию? — спросила регентша.

— Да, сударыня, — ответил юный принц, опустив глаза.

— Значит, сделать уже ничего нельзя?

— Невозможно, послание уже далеко.

— Что же, сын мой, если уж так случилось, пусть исполнится ваша воля! Дай Бог, чтобы вам никогда не пришлось раскаяться в этом! Однако я требую от вас свидетельства послушания.

— Какого угодно, сударыня, всего, что хотите, лишь бы вернуть ваше расположение ко мне.

— Виновные, то есть те, кто смутил вас, должны искупить вашу и свою собственную вину. Завтра же я прикажу арестовать их.

— О сударыня! Будьте осторожны! Их сторонники очень сильны.

— В Пинероло стоят французы: они вам помогут.

— А вы не боитесь показывать им дорогу к нашим городам? Они ведь ее не забудут в дальнейшем.

— Сын мой, я вручила вам шпагу вашего отца, и вы должны научиться пользоваться ею в борьбе с врагами вашего дома; я же принимаю друзей, призываю союзников, а значит, мне незачем их бояться.

Маркизы ди Пьянджа и ди Парола, а также граф ди Прована ди Друент были арестованы и посажены в тюрьму; они были в ярости и проклинали слабоволие принца.

— Какое будущее и какое правление нас ожидает! — говорили на всех углах. — Выдать своих друзей!

Позднее и друзья и враги прекрасно поняли, с каким принцем они имеют дело; тот, кто выдал их, умел править ими и защищать их. Его политическая уловка была чрезвычайно хитроумной, и он гордился ею как лучшим своим деянием.

— Вообразите только, — говорил он мне позднее, в те времена, когда он делился со мной всем, — в каком неприятном положении я мог

оказаться, женившись на инфанте Изабелле. Через два года королева Португалии родила бы сына, и мне пришлось бы возвращаться к моим суркам ни с чем; хорош бы я был в глазах Европы! Нет ничего глупее изгнанного короля, особенно по вине младенца-наследника. Мне было бы тяжело с этим смириться. Возможно, я бы отверг своего маленького шурина: отсюда — война против всех и угроза для моих владений. К тому же я бы овдовел, поскольку бедняжка-кузина умерла в тысяча шестьсот девяностом году и все мои права она унесла бы с собою. Таким образом, мне, наверно, повезло, что все случилось именно так, не правда ли?

Но забавно то (смешное ведь всегда скрывается за серьезным), что кардинал д'Эстре, а он был тогда послом Франции в Турине, в тот самый день, когда свадьба расстроилась, прислал герцогине-матери приуроченный к этому событию подарок, поставивший ее и его в неловкое положение: этот подарок он выписал из Парижа, а придумала его г-жа де Лафайет, автор «Заиды» и «Принцессы Клевской».

Он представлял собой ширму, на которой была изображена герцогиня-мать в окружении всех Добродетелей с их особыми атрибутами. Напротив нее стоял герцог Савойский — на изображении он был красивее, чем в жизни. Принцесса, окруженная Удовольствиями и Амурами (в одном из них легко было угадать г-жу ди Сан Себастьяно), указывала ему туда, где на фоне моря просматривались очертания Лиссабона, а над ними аллегорические фигуры Славы и Доброго имени дули в свои трубы и размахивали лавровыми венками вокруг девиза, позаимствованного, как мне было сказано, у пола Вергилия: *Matre dea monstrante viam*. [note 3](#)

Ширма была украшена драгоценнейшими алмазами и редчайшим жемчугом.

Словом, эта оплошность обошлась кардиналу д'Эстре в значительную сумму.

VIII

Итак, несмотря на подарок кардинала, на запоры, удерживающие и заложниках главарей взбунтовавшейся знати, несмотря на французских солдат в Пинероло, португальский брак не состоялся и Пьемонт сохранил своего принца. Именно этого и надо было добиться.

Но, поскольку маркиз ди Пьянджа и его товарищи по несчастью все еще находились в тюрьме, их друзья, оставшиеся на свободе, с утра до вечера досаждали герцогу своими просьбами об их освобождении.

— Никто не будет служить вам, ваша светлость, — во все горло кричал князь делла Цистерна, — если так награждают тех, кто был вам предан.

— Неужели, мой дорогой князь, — отвечал Виктор Амедей, хитро улыбаясь, — вы и в самом деле так полагаете? А я, тем не менее, очень рассчитываю на вас.

— Вы сообразовали помиловать пленников, ваша светлость?

— Это решаю не я, князь, а моя мать.

— Что ж, постарайтесь убедить герцогиню.

— Поскольку вы просите об этом, дорогой князь, я поговорю с ней сегодня же вечером.

И действительно, в тот же вечер герцог в сопровождении многочисленной свиты отправился к герцогине и со смущенным видом, часто скрывавшим его хитрость, сказал:

— Сударыня, я пришел просить вас о личном одолжении: освободите синьоров, которые, преданно служа мне, пытались склонить своего повелителя к нарушению долга. Не откажите мне в этом: я уже достаточно наказан тем, что имел несчастье вызвать ваше недовольство, и несправедливо, чтобы другие страдали из-за меня.

Герцогиня поняла, что сын больше не нуждается в ее опеке, что, сыгран маленькую роль, он осознал свою силу, и, как говорил король Карл IX на следующий день после Варфоломеевской ночи, осознал настолько, что мог уже показать, каковы его намерения.

Когда пленники пришли благодарить принца, ее высочество герцогиня почувствовала их чрезвычайную сдержанность, холодность и даже пренебрежение к ней.

— Итак, господа, — сказал Виктор Амедей, будто бы ничего не заметив, — кажется, мне не придется ехать в Португалию и у нас нет больше регентши.

Очевидно, синьоры все поняли: их лица совершенно преобразились, и с тех пор они так ревностно, так преданно служили своему повелителю, будто вовсе не он был повинен в том, что они провели несколько месяцев в тюрьме. Виктор Амедей больше никогда не объяснялся с ними и так и не открыл им подоплеку интриги; тайна хранилась надежно, хотя в нее были посвящены и женщины: регентша, г-жа ди Сан Себастьяно и я. Виктор Амедей и в те времена, когда был герцогом, и когда стал королем, делился секретами только со своими любовницами. Что же касается его матери, она имела право знать обо всем.

Я только что упомянула о г-же ди Сан Себастьяно. Вернемся же к деликатному положению, в котором она находилась, и к истории, которую я обещала рассказать.

История эта известна мне от Петекьи: он был в нее посвящен, и не случайно. Герцог же мне ничего не рассказывал. Это была тайна за семью печатями, и он не доверял ее мне. У него были на то свои основания и последующие события подтвердили его правоту.

Юная Кумиана решила поступить по своему усмотрению по трем соображениям.

Первое состояло в необходимости любой ценой спасти свою честь для того, чтобы не погубить себя окончательно во мнении света и не лишиться возможности когда-нибудь вновь появиться при дворе в ореоле внешне незапятнанной репутации и под прикрытием имени достопочтенного и высокогородного супруга.

Второе соображение доказывает, что, хотя фрейлина была еще очень молода, она обладала большим умом и опытом. Она поняла, что герцог еще не искушен и что он очень быстро насытится первой любовью, если все препятствия на пути будут устранены, особенно при дворе, где самые красивые женщины неизбежно будут одаривать могущественного, молодого и красивого принца своей благосклонностью. Любовь, ослабевающая сама по себе, размышляла Кумиана, не вспыхнет вновь никогда, в то время как узы разбитой любви становятся все крепче и теснее.

Третье соображение — желание во что бы то ни стало убедить герцога и герцогиню в том, что ее любовь была искренней и бескорыстной сердечной склонностью, а не холодным расчетом.

Честолюбивая молодая особа приняла решение без колебаний.

Однажды утром по окончании мессы она обратилась к регентше с нижайшей просьбой уделить ей несколько минут.

Герцогиня пригласила ее в свой кабинет.

— Говорите, синьорина, — сказала она.

Вид у герцогини был суров, ибо она предчувствовала какой-то умысел; ее высочество была женщина строгих правил и не отличалась снисходительностью к человеческим слабостям, поскольку сама никогда в жизни не уступала им.

Синьорина ди Кумиана, рыдая, бросилась к ее ногам.

— Ваше высочество, — воскликнула она, — пожалейте меня!

— Пожалеть вас! В связи с чем? — спросила регентша.

— О ваше высочество, я хочу признаться вам в том, что совершила великий грех.

— Грех? И вы хотите признаться мне, синьорина? Но я же не ваш исповедник.

Начало не сулило ничего хорошего, но уж если синьорина ди Кумиана принимала решение, она не отступала. И продолжая плакать, она снова заговорила:

— Ваше высочество, вы мать для всех ваших подданных: во имя Неба, защитите меня! Спасите меня!

— Спасти вас! Но от чего?

— От меня самой, ваше высочество, и от принца, ваше" го сына.

— О! — воскликнула герцогиня. — А не слишком ли поздно?

Тут смирение бедняжки стало еще заметнее, она опустила глаза еще ниже, моляще сложила руки и с рыданиями произнесла:

— Да, ваше высочество, поздно для спасения моей добродетели, но не для того, чтобы сохранить мою репутацию, честь одной из стариннейших фамилий в Италии и, быть может, покой принца Амедея. Умоляю вас, не отталкивайте меня!

И она тут же рассказала своей госпоже о том, как развивались ее отношения с принцем, о губительных последствиях этой любви, о затруднительном положении, в каком она оказалась, об отчаянии, разбившем ей сердце, и ужасном финале, которого следовало ожидать.

— Ваше высочество, — заявила она герцогине, — судите меня, как вы считаете нужным, но я не брошу своего ребенка. Если для него не будет найден отец, я объявлю на всю Европу, кому на самом деле он обязан своим рождением. Я не побоюсь огласки, лишь бы печальный плод моего греха был окружен заботой: он вправе ждать ее от матери. Герцог Савойский — справедливый принц и благороднейший дворянин: он говорил о том, что хочет признать ребенка и обеспечить его матери неуязвимое положение при дворе. Ведь примеров такого рода предостаточно везде, в частности во Франции.

— Но коль скоро ваша судьба решена, о чем же, синьорина, вы просите меня, — спросила герцогиня, — ведь мой сын все решил заранее? Вы помешали его женитьбе, являвшейся пределом моих мечтаний, вы превратили его в бунтаря и непослушного сына, и, наконец, вы испытали свою власть над ним. Чего вы еще хотите?

— Ваше высочество, прежде всего я хочу, я прошу, чтобы ваш сын вновь научился послушанию, которым не должен был пренебрегать, чтобы он отрекся от бунтарства, в котором вы так напрасно меня обвиняете. И еще я прошу, ваше высочество, дать мне мужа, который навсегда оторвет меня от принца, покроет мой грех своим именем и станет отцом моему ребенку. Так простите же меня, ваше высочество, из уважения к себе, благосклонности к моему отцу и ко мне, из любви к стране и ее единственной надежде — его высочеству!

Странной была эта просьба, и мало кто из девушек, несмотря на множество подобных случаев, имевших место при французском дворе, решились бы на такое. Ведь в словах молодой особы проявились благородство и честолюбие, величие и низость, цинизм и застенчивость — все черты ее характера. Теперь самое трудное было сделано, она осмелела и продолжила:

— Я не обольщаюсь и думаю, что мой план, вероятно, покажется вам еще одним проступком. И в самом деле, обман честного человека — это более чем проступок, это преступление; и все же необходимо, чтобы он был обманут! Со своей стороны должна признать, что мне было бы неприятно даже ногой коснуться человека, способного жениться на любовнице принца и знающего правду, но этот проступок, это преступление, ваше высочество, будет последним в моей жизни. Клянусь вам, что с того мгновения, когда я у алтаря дам обет посвятить свою жизнь счастью этого человека, я целиком отдам себя ему и своему ребенку; отрекусь от любовника и искуплю непорочной жизнью грехи, совершенные из-за моей преступной слабости, о чем я весьма сожалею. Верьте мне, моя жертва будет настолько велика, что большего и не потребуется! Я никогда не увижу принца: несчастная женщина, вынужденная возложить на плечи другого бесчестье прежней жизни, должна оставить на пороге брачной обители все свое прошлое и в будущем следовать обету чести, данному у алтаря. О ваше высочество! Верьте мне! Будьте милосердны! Я не развратница и не заслуживаю презрения. Я просто запуталась, но хочу вернуться на путь добродетели и на коленях молю вас о прощении; я возвращаю вам вашего сына, но, освобождая его от себя, приношу в жертву собственную свободу и счастье. Такой ценой я хочу заслужить ваше

прощение; так простите же меня, ваше высочество, простите!

Выслушав фрейлину, герцогиня невольно уступила порыву жалости и даже восхищения. Искренность девушки, ее глубокое раскаяние были очевидны. Она велела ей встать, усадила ее, попыталась утешить, и в конце концов сказала, что все трудности, связанные с ее сыном и г-ном ди Кумиана, она берет на себя, но с этого дня ей придется порвать с герцогом, не видаться с ним нигде, кроме как в обязательных случаях, не сообщать ему о принятом ею решении и предоставить герцогине Савойской возможность уладить все по ее усмотрению.

— Но, ваше высочество, — воскликнула бедняжка, — он во всем обвинит меня!

— Тем лучше!.. Если герцог сочтет вас виновной, он скорее забудет свою любовь.

— О ваше высочество! Расплата за мою слабость уже началась!.. Я подчиняюсь.

— В ближайшее время я выберу супруга, предназначенного вам мною, и назову его, — продолжала герцогиня-мать. — Подумайте об этом, синьорита, я становлюсь соучастницей ваших проступков, помогаю обману, и вам придется теперь быть в ответе за нас обеих.

— Не бойтесь ничего, ваше высочество, я даю твердое слово, и вы можете рассчитывать на меня!..

В тот же вечер герцогиня-мать вызвала к себе своего главного шталмейстера, графа ди Сан Себастьяно, человека честного, довольно грубого и немного высокомерного, однако славившегося своей добротой и преданностью; она выбрала его не случайно: этот господин был не из тех, кто позволяет сделки с честью, кто допускает игру страстей. Герцогиня заговорила с ним о синьорине ди Кумиана, расхваливала ее семью, упомянула о богатстве, красоте и даже добродетели девушки... Принцы и придворные ведь ничего не подозревают!

Господин ди Сан Себастьяно с присущей ему серьезностью выслушал все, что говорила герцогиня, и ни разу не возразил ей. Когда она закончила, он обратился к ней и спросил, означает ли это, что ее высочество удостоивает его чести предложить ему руку синьорины ди Кумиана.

— Да, сударь, и я убеждена, что, оказав эту великую честь, в то же время доставлю вам огромное удовольствие.

— Но одобрил ли этот союз господин ди Кумиана? Герцогиня-мать выпрямилась во весь рост:

— Я говорю вам, сударь, что мне угоден этот брак: не знаю, достаточно ли это для вас, но для графа ди Кумиана это вполне достаточно.

Эти слова были скорее брошены, как приказ, чем прозвучали, как объяснение.

Господин ди Сан Себастьяно поклонился с невозмутимостью уверенного в себе человека с безупречной репутацией.

— В тот день, когда я женюсь на синьорине ди Кумиана, — ответил он, — мне, к горькому моему сожалению, придется попросить ваше высочество об отставке.

— Но почему, сударь? — спросила герцогиня, испугавшись, что он что-то заподозрил.

— Потому что будущая графиня ди Сан Себастьяно молода и красива; вступив в брак по велению вашего высочества, а не по зову сердца, она, может быть, и полюбит своего мужа, но только оставаясь вдали от придворных волокит; а если так случится, что она не полюбит его или увлечется другим, то, насколько вам известно, ваше высочество, в нашем роду не терпят современной распушенности... Следовательно, нам с женой предпочтительнее будет удалиться в один из наших замков до тех пор, пока меня не полюбят настолько, чтобы я мог более не опасаться...

Намерения графа ди Сан Себастьяно превзошли все ожидания герцогини-матери.

— Вы правы, сударь, — сказала она, — и вольны поступать как того желаете.

Все решилось за несколько часов: граф ди Кумиана не высказал никаких возражений, его дочь — тем более.

На следующий день герцог Савойский, едва поднявшись с постели, узнал обо всем от матери; она сама пришла к нему и с большим трудом заставила смириться. Пришлось убеждать его в том, как важно для него не уподобиться Людовику XIV и не повторить историю с синьориной ди Манчини; все любовные связи такого рода заканчиваются унижительными пересудами, разрывами, разрушенными или, по меньшей мере, подорванными надеждами на счастье, и, наконец, несчастьем будущей молодой супруги, наивной и неизвестной принцессы, которой придется царить на этих обломках.

Герцог уступил хитрым уговорам матери, хотя, возможно, сделал это от досады; однако разрыв с синьориной ди Кумиана оставил в его сердце неизгладимый след, ту память, что живет в душе, когда чувства подавлены в момент их расцвета, когда ничто не остудило их, а отвращение и пресыщение еще не распростерли над ними свои черные крылья. Такие чувства всегда готовы вспыхнуть вновь: огонек теплится, и достаточно одного взгляда, чтобы разжечь эту искру.

Свадьба состоялась через неделю. Вечером, как того требовал придворный этикет, невеста была представлена их высочествам. На следующий день супруги отбыли в свое имение, где и оставались до 1703 года, когда умер г-н ди Сан Себастьяно. Вероятно, он так никогда и не почувствовал себя настолько любимым, чтобы рискнуть и вернуться ко двору.

Ребенок умер во время родов. Графиня вела себя безупречно; ее достоинство и скромность были выше всех похвал.

О ней не вспоминал никто, кроме того, кому не суждено было ее забыть. Эта история г-жи ди Сан Себастьяно во всех подробностях мало кому

известна. Мне ее доверил Петекья: он ничего не мог от меня утаить, хотя с другими был очень сдержан.

Что же касается Виктора Амедея, то он ни разу не произнес в моем присутствии имени г-жи ди Сан Себастьяно.

IX

Таким в общем чертах был двор герцога Савойского, когда я там появилась; более подробно я расскажу о нем в свое время и в другом месте. А теперь обратимся снова ко мне и моей жизни в доме свекрови, к тому, что со мной произошло и что вызывало у меня все новое и новое удивление. В этом доме жилось совсем не так, как во дворце Люинов!

Я остановилась на том, как меня представляли родственникам; все происходило как обычно. Иностранок всегда пристально рассматривают, изо всех сил критикуют, и главное — с пристрастием допрашивают; я старалась изо всех сил (к счастью, по-французски говорили все присутствующие). Мое великолепное венецианское кружево и драгоценности были высоко оценены. Герцогиня-мать приняла меня великолепно; она засыпала меня вопросами о французском дворе, на которые я не могла ответить, поскольку знала о нем только то, что слышала случайно во время бесед в гостиной, куда иногда спускались я и мои сестры, что нам редко позволяли.

Савойский двор был чопорным, церемонным, размеренным. Я не обнаружила здесь ни остроумия, ни раскованности, свойственных нашему французскому двору. Тон задавала герцогиня, а она отличалась строгостью манер, к тому же была набожна, и конечно же придворные стремились превзойти ее в этом. Само собой разумеется, моя свекровь усердствовала больше всех.

Герцогиня, имевшая савоярские корни, стала настоящей итальянкой; она совсем не скучала по Парижу, а если когда-то и сожалела или все еще сожалела о нем, то совсем не показывала этого. В ее присутствии я не испытывала робости, но при виде герцога Савойского смутилась: он мне совсем не понравился. Герцог пристально разглядывал меня, пока регентша беседовала со мной, затем удостоил меня нескольких слов и, перед тем как я удалилась, довольно громко, так, чтобы мне было слышно, сказал г-ну ди Сантина, одному из своих приближенных:

— О, бедный граф ди Верруа! Кому это пришла в голову глупость женить его на этой девчонке?

Слово «девчонка» меня так обидело, что я заплакала от досады, прикрывшись веером.

— Э-э! — подхватил аббат делла Скалья, также услышавший замечания герцога. — Девчонка может вырасти; не забудьте, что в ее жилах

течет кровь д'Альберов, Шеврёзов и Лонгвилей.

Аббат делла Скалья уже ощущал в себе первые искры роковой любви, впоследствии заставившей его преследовать меня с таким упорством. Он мне не нравился, и его высказывание, вместо того чтобы успокоить меня, лишь усилило мою досаду.

О загадки сердца! Все немило, что произносит ненавистный язык, и все прекрасно, что слетает с любимых уст!

Недалеко от Турина находится небольшой город Кивассо.

Название этого городка не раз промелькнет в этих мемуарах в связи с мрачными и ужасными событиями, о которых мы уже упоминали в начале книги; несколько членов семьи Мариани были их героями или их жертвами.

Однако пока еще не пришло время для рассказа о кровавой драме. Пока еще речь идет об одном из тех незначительных происшествий, что случались в нашем кругу по вине аббата делла Скалья, этого небескорыстного исполнителя воли моей свекрови, преследовавшего одну-единственную цель.

Посреди Кивассо расположен монастырь капуцинов. Живущие в нем монахи дали обет бедности, что не мешало герцогам Савойским и многим синьорам умножать богатства обители всяческими подношениями. Эти капуцины живут в роскоши и довольстве. Простые люди, однако, считают их бедными, ибо каждое утро некий брат Луиджи, сборщик подаяний, человек умный, хитрый и деятельный, в грязном тряпье и с сумой за плечами выходит из ворот монастыря, чтобы просить милостыню у верующих. Такой порядок сбора милостыни чаще всего лишь предлог, позволяющий плести самые разные интриги и вместе с тем укреплять у верующих набожность и склонность к самопожертвованию.

Луиджи — младший отпрыск одного добропорядочного пьемонтского рода. Неудовлетворенное честолюбие подтолкнуло его к вступлению в монашеский орден. И тогда в альковно-будуарных кознях проявился беспокойный и дерзкий нрав, каким его наделила судьба.

Мне неизвестно, при каких обстоятельствах он познакомился с аббатом делла Скалья. Достаточно сказать, что между ними сложились довольно близкие отношения. Эти, двое были действительно созданы для того, чтобы понимать друг друга.

Вскоре после того как я приехала в Турин, речь зашла о том, чтобы выбрать для меня духовного наставника; аббат делла Скалья пожелал возложить на себя заботу об этом выборе.

Дело это очень деликатное, ведь в то время в Пьемонте духовник легко

обретал власть над сердцем молодой женщины.

Мне, как уже говорилось, едва исполнилось четырнадцать лет. Аббат опасался моей неопытности и не хотел подчинять мою душу чьему-то абсолютному влиянию, полностью исключаящему его собственное.

Он руководил моей свекровью и захотел играть ту же роль при мне.

У аббата была своя цель.

Он велел заложить карету и поехал в монастырь Кивассо, где попросил о встрече с монахом, собирающим подаяние. Едва он назвал свое имя, его тут же с величайшим почтением пропустили.

Келья брата Луиджи выглядела странно. Она была похожа на лабораторию, заваленную необычного вида ретортами и колбами. Подозревали, что Луиджи занимается поисками философского камня. Не думаю, что ему когда-либо удалось добыть золото. Но если в чем и нет сомнений, то это в том, что он умел изготавливать множество эликсиров — и чудодейственных и ужасных. Эти снадобья возвращали здоровье, красоту (по крайней мере, так говорили), продлевали молодость, жизнь, когда угодно вызывали сон, а порой обрекали на медленную или мгновенную смерть.

Не припомню, какие травы обрабатывал Луиджи, чтобы извлечь из них драгоценную вытяжку, в ту минуту, когда к нему вошел аббат делла Скалья.

Монах, обычно высокомерный, смирил свою гордость и даже стал заискивать перед дядей моего мужа.

— Вы здесь, господин аббат?

— Тебя это удивляет?

— Да, ведь если вы пришли в эту бедную келью, значит, либо я нуждаюсь в вас, либо...

— ... либо я нуждаюсь в тебе.

— Вы сами это сказали.

— Так вот, ты мне нужен.

— О! — произнес Луиджи с еле заметной улыбкой.

— Ты, конечно, не забыл, что я спас тебе жизнь.

— Да, я был молод, мною владели страсти... страсти, которых я не мог сдержать! Я любил женщину, она меня обманула, и я убил ее.

— Но благодаря мне было удостоверено, что это не преступление, а самоубийство.

— Да, клянусь честью, я обязан вам жизнью! Позднее я опять полюбил: она была знатная дама, а я бедный дворянин. Она вышла замуж за вельможу. Я хотел покончить с собой. Но поразмыслив, я выбрал

кажущуюся смерть и реальную жизнь.

При последних двух словах во взгляде монаха промелькнул странный огонек.

— Да, да, Луиджи; вступление в орден люди называют смертью в миру, дураки! Они не знают, что под рясой капуцина таятся все мирские соблазны, и они обретаются там в полнейшей безопасности и в полнейшем спокойствии.

— Может быть!.. — заметил монах с сомнением в голосе. — Так что же я могу сделать для вас?

— Я прошу о трех услугах.

— Первая?

— Не можешь ли ты из множества приготовленных тобой таинственных эликсиров выбрать для меня тот, что за несколько дней может обезобразить самое красивое лицо?

Капуцин улыбнулся.

— Вы часто бываете при дворе, господин аббат? — спросил он.

— Моя семья занимает там самые видные должности.

— Ну что ж, в праздничный день взглянитесь хорошенько в красивые лица, искрящиеся молодостью, утонченностью, чистотой линий, в ослепительную белизну бархатной кожи, одухотворенность и кокетство женщины, сознающей свою красоту и неотразимость, и скажите себе: «Монах Луиджи смог бы придать этим чертам самую отвратительную личину».

Делла Скалья вздрогнул.

— О! Ничего не бойтесь! Здесь, в этих хрустальных сосудах живут все ужасы, которые могут быть исторгнуты из ада. Судьба отравила мое сердце ядом, для которого нет противоядия: я так же силен, как рок, и под этой рясой, открывающей передо мной все двери, я храню яды для души, а в этих растениях, которые я подвергаю обработке, в этих минеральных и животных соках, которые я готовлю, содержатся яды для тела, и против них бессильны все средства обыкновенной науки.

Луиджи произнес эти слова так энергично и с такой затаенной злобой, что делла Скалья едва не ужаснулся. На секунду он просто растерялся.

Монах воспринял его молчание как недоверие.

— Вы сомневаетесь? — спросил он с горькой усмешкой. — Тогда послушайте одну историю. Она случилась со мной; вы достаточно осведомлены о событиях моей жизни, и я не собираюсь скрывать от вас то, о чем вы еще не знаете.

— Слушаю тебя, — сказал аббат делла Скалья, которого всегда

интересовали коварные происки, — ведь за тобою водятся темные дела.

Вот эта история, которую я расскажу сама: в те времена она была окутана тайной, но позднее стала широко известна из-за нашумевшего судебного процесса.

Луиджи, конечно, был бы лаконичнее меня, но я, предаваясь воспоминаниям, немного увлекаюсь подробностями: все-таки я пишу мемуары, а не исторический очерк.

Может быть, я веду рассказ несколько беспорядочно, но надо учитывать, что свои воспоминания я по зернышку собираю в обширном поле моего прошлого.

День только начинался, и в те минуты, когда из монастыря капуцинов городка Кивассо вышел сборщик подаяний с сумой на плече, пробило четыре часа.

— Раненько вы отправляетесь в дорогу, брат Луиджи! — сказал ему, зевая, привратник, отпиривший дверь.

— Так надо, Пьетро: пыл христианского милосердия остывает каждым днем, и на сбор провизии, необходимой монастырю, уйдет полсуток, не меньше. Прошло то время, когда собранным за одно утро можно было полностью нагрузить мула, и теперь я буду рад, если к вечеру наполню суму наполовину.

— Бог свидетель, за словом вы в карман не лезете; ваше красноречие годится для всех, для людей простых и людей знатных... Святая Дева! Как вам прежде везло! На шесть миль вокруг не было хозяйки, не откладывавшей ежедневно что-нибудь для вас, и у меня до сих пор слюнки текут, как вспомню добрую провизию, собранную вами всего за несколько часов... В те времена привратнику всегда перепало кое-что от брата Луиджи!

— Болтун! Что ты тут нудишь мне после утренней мессы?

— О брат мой! Это память сердца!

— Ты хочешь сказать: желудка...

— А ведь как я был предан вам!

Монах обернулся и приблизился на два шага к брату-привратнику.

— Пьетро, — сказал он ему вполголоса, — оставайся таким же преданным, и, быть может, к нам вернутся те славные денечки... Но главное, помалкивай.

— Буду нем как могила.

— И по-прежнему готов служить мне?

— По-прежнему, брат Луиджи!.. Для вас — я всегда на посту и с ключами в руке.

— Тогда до вечера.

И сборщик пожертвований удалился бодрым шагом; монаху было уже за пятьдесят, но выглядел он еще очень молодо. Едва потеряв из виду стены монастыря, он заметил в ста шагах от себя высокого человека, быстро приближавшегося к нему; в правой руке мужчина держал тяжелую палку, а в левой — платок, которым он то и дело вытирал пот, струившийся

с лица.

«А! Так я и знал, — сказал себе монах, — это Бернардо Гавацца. Все очень просто: поскольку граф ди Мариани смирился с одинокой жизнью в Турине, Бернардо, естественно, стал хозяином на вилле Сантони. К несчастью для него, он устроил все без меня, решив, что достаточно силен и может пренебречь моими советами. Однако этой давней тайне, этому беззаконию должен быть положен конец, и, кажется, мы к нему приближаемся».

Затем громким голосом сборщик подаяний окликнул путника и, когда тот подошел совсем близко, заговорил с ним:

— Такая рань, а ты уже в пути, друг Бернардо!

— Что тут особенного? Вы ведь тоже в дороге, преподобный отец, и вряд ли это кого-нибудь удивит.

— Это естественно для меня: монастырь остался без хлеба, уже давно Всевышний не посылает своим чадам манну небесную, словно росу. Так что я вышел из монастыря, убежища, дарованного мне Богом, а ты, судя по всему, идешь от виллы Сантони, откуда граф Мариани прогнал тебя больше десяти месяцев назад и где я запретил тебе появляться... Ты оттуда идешь, признавайся?!

— Вы слишком любопытны нынешним утром, преподобный отец, — нахмутив брови, ответил Бернардо, и его пальцы сжали короткую палку, которой он был вооружен.

— Что поделаешь, любезный сын мой! В моем возрасте не меняют привычек, а я всегда стремился докопаться до того, что хотят скрыть от меня.

— Остерегайтесь, преподобный отец, бывают обстоятельства, когда это может навлечь на вас беду.

— Дитя! — сказал монах, гордо выпрямившись. — Храни тебя Бог, если ты попытаешься бороться против меня; прими мой совет и последуй ему: никогда больше не появляйся на вилле Сантони, откуда ты идешь и где, я уверен, ты провел ночь.

При этих словах тень пробежала по лбу Бернардо; из-под черных бровей его глаза метали молнии, а палка, которой он воспользовался как оружием, просвистела в воздухе; но монах уже приготовился к обороне: загородившись сумой как щитом, он одной рукой отразил предназначенный ему удар, а другой — в ту же секунду схватил противника за горло и опрокинул его к своим ногам.

— Я мог бы убить тебя, мерзавец! — сказал он, достав из-под сутаны длинный нож. — Пожалуй, мне даже следует это сделать...

Бернардо пришел в ужас; он не мог перевести дыхания, и смерть предстала перед ним во всем своем отвратительном облике, а ведь ему было всего двадцать пять лет.

— Пощадите! Пощадите! — бормотал он сдавленным голосом.

— Хорошо, я не трону тебя, но при одном условии: ты честно ответишь на все вопросы, которые я сейчас тебе задам.

— Преподобный отец, я исповедуюсь вам.

— Это будет слишком долго, и дорога не очень подходит для такого дела. Поднимись, сядем на краю вон того рва, и ты прямо ответишь на мои вопросы, большего я не требую.

С этими словами монах подал молодому человеку руку, тот проворно вскочил, и они пошли к месту, указанному страшным сборщиком подаяний.

— Прежде всего, — начал монах, не выпуская из рук свой длинный нож, — как мне кажется, на вилле Сантони определенно случилось нечто чрезвычайное.

— Преподобный отец, там произошло самое обычное и естественное событие: графиня Мариани родила ребенка мужского пола.

— Которому ты приходишься отцом?

— О! Ваше преподобие, вы говорите что-то чудовищное!

— Напротив, я тебе сейчас докажу, что все необычайно просто. Два года назад граф Карло Мариани взял в жены Анджелу, дочь маркиза Спенцо, умершего несколько месяцев спустя. От этого союза родился мальчик, ему сейчас чуть больше года... Тогда ты служил простым скотником у семейства Спенцо...

— Все так, падре: я ухаживал за скотиной, но был способен на большее, что и доказал.

— На чуть большее и значительно худшее, Бернардо! Не будем торопиться: солнце только встает на горизонте, поэтому слушай и наберись терпения. Я так хочу! Анджела Спенцо в шестнадцать лет была живой, пылкой, жадной до удовольствий. Ее отец стоял на краю могилы и не мог быть наставником дочери в делах этого мира. Вот почему стремления юной особы изменились; вместо того чтобы обратить свой взгляд вверх, она его опустила, и он упал на тебя...

— О падре! Падре!

— После этого ты уже не работал на скотном дворе, тебя научили читать, писать, ты стал доверенным лицом в Сантони.

— Ваша правда, преподобный отец, но что тут плохого?

— Мы сейчас подойдем к этому, сын мой. Вскоре граф Мариани попросил руки Анджелы, получил ее, и, как я только что сказал, по

истечении первого брачного года родился ребенок; но задолго до этого доброе согласие между супругами было нарушено; граф уехал в долгое путешествие и как раз сегодня исполнилось семь месяцев с тех пор, как он вновь появился на вилле Сантони, а через три дня снова покинул ее, чтобы поселиться в Турине, где он и находится по сей день... Все точно, Бернардо, не так ли?

— Увы, преподобный отец!..

— Да, все так и было, но этой истории надо положить конец: дитя прелюбодейки должно исчезнуть.

— О-о!

— Так надо, Бернардо; тогда все будет кончено и, быть может, душевный покой и счастье вновь воцарятся в этой семье.

— О отец! Но ребенок полон жизни, крепок и здоров...

— Он дитя преступления, Бернардо, и Бог проклял его еще до рождения; это мое последнее слово. К тому же, чего стоит жизнь новорожденного, который еще не осознал, что он живет?.. Сегодня вечером я дам тебе то, что нужно, чтобы вопрос о младенце больше не возникал. Ты придешь к воротам монастыря и попросишь пропустить тебя внутрь, понял?

— Я вынужден безоговорочно повиноваться моему властелину.

— И ты исчезнешь с виллы Сантони и никогда туда не вернешься, так?

При этих словах Бернардо рванулся как тигр, но сборщик подаяний вскочил на ноги одновременно с ним.

— Я требую этого, и так должно быть, — продолжал он, потрясая ножом.

— Значит так и будет, — ответил Бернардо, в отчаянии уронив голову на грудь, — но мне все же придется пойти сейчас в Кивассо, хотя бы для того, чтобы отвести подозрения.

— Иди же, я тебя не держу.

— О преподобный отец, я знаю, что нахожусь в вашей власти, вот уже четверть часа мне кажется, что я это не я, а просто какая-то тень.

— Таким ты и должен быть, Бернардо, оставайся в роли тени, если хочешь жить.

Сказав это, монах поднялся, жестом указал Бернардо дорогу в Кивассо, а сам пошел по направлению к вилле Сантони.

Какое чувство, какой интерес Луиджи были задеты в этом деле? Почему он с такой энергией и страстью вмешался в судьбу Бернардо и обитателей Сантони? Это станет ясно из дальнейших событий.

Когда брат Луиджи подошел к вилле Сантони, в доме царил

глубочайший покой; сначала ему сказали, что графиня Мариани слишком плохо себя чувствует и не может принять его как обычно.

— Ну-ну, — ответил он, отстраняя рукой слугу, говорившего ему это, — мне надо повидать маркизу Спенцо, и вы прекрасно знаете, что нет нужды докладывать обо мне или показывать дорогу.

Сказав это, Луиджи бросился на лестницу, и не прошло и минуты, как он уже входил в комнату маркизы ди Спенцо, матери графини Мариани, так плохо чувствовавшей себя в это время.

— Как вы меня напугали! — воскликнула вдова, увидев, кто вошел. — Ужасно, когда людей берут штурмом.

— Ах, дорогая моя Паола, разве вы не привыкли, что я всегда так появляюсь в трудные минуты?

— Не знаю, что сказать... Но сегодня...

— Сегодня, сударыня, торжественная дата, годовщина того дня, когда перед лицом Неба и по его велению вы вручили себя мне, а я отдал себя вам... Быть может, для вас это не более чем смутное воспоминание, но в моей душе оно не стерлось.

— О Луиджи! Как жестоко с вашей стороны говорить мне об этом в такую минуту!

— Но в этих словах, Паола, вся моя жизнь, в которой нет ничего, кроме самоотречения и преданности вам. Надо ли снова называть вещи своими именами?... Двадцать лет назад, на свое счастье или на свою беду, я повстречал вас во Дворце дожей в Венеции: вы были дочь знатного вельможи, а я всего лишь состоял служащим посольства; любовь заставила нас преодолеть разделяющее нас расстояние, вы стали моей; но проклятие! Через два месяца, подчинившись воле отца, вы вышли замуж за маркиза ди Спенцо... О! Какой ужасный пыткой это было для меня!.. Однако между нами не все еще было кончено: вы носили во чреве плод нашей любви, и в отсутствие вашего мужа, выполнявшего важную дипломатическую миссию, я один оказался около вас, когда на свет появилась Анджела.

— О! Пощади, пощади, Луиджи! Это ужасно.

— Ужасно для вас, сударыня, не спорю, но что касается меня, то лишь это воспоминание и заставляет меня сегодня дорожить жизнью... Вы лежали здесь, слабая, но с улыбкой на устах; когда я, тайком следивший за вами, услышал первые крики ребенка, странная мысль пронеслась у меня в голове: без колебаний я достал спрятанную у меня под одеждой печать с гербом моей семьи, последним отпрыском которой я являюсь, подержал ее над пламенем свечи и, когда она раскалилась, приложил ее к тельцу нашего ребенка, под правым соском девочки.

— Вы сделали это!..

— Сделал, сударыня, предвидя то, что случилось сегодня; кому нужны были бы мои советы, мои мольбы без этого доказательства?

— Луиджи, заклинаю вас, пощадите!

— О сударыня! Разве вы не понимаете, что счастье нашего ребенка мне дороже всего? Иначе зачем бы я пришел сюда?

— Так помогите же нам, мой добрый Луиджи, я ведь вижу, что вам все известно.

— Значит, я снова стал вашим добрым Луиджи?

— О Луиджи! Можете ли вы поверить, что когда-нибудь перестали быть дороги мне? Разве нас не соединяет одна из тех нитей, которые ничто не может разорвать, даже смерть?..

Да, Анджела виновна, очень виновна... но неужели у меня... у нас достанет смелости осуждать ее?

Умоляющий голос женщины, которую он так любил, произвел на монаха сильнейшее впечатление.

— Успокойтесь, Паола, — сказал он маркизе, беря ее руки в свои и нежно сжимая их, — я спасу ее... Ребенок родился раньше срока, следовательно...

— Вы ошибаетесь, Луиджи...

— Но так должно быть.

— Друг мой, вы меня пугаете.

— О, эти женщины! Вы были хладнокровны, когда я жертвовал ради вас своей свободой, будущим, всей жизнью, а сейчас приходите в ужас, думая о каком-то зародыше, не успевшем увидеть дневной свет, да ему и не положено его видеть, вы, конечно, понимаете это.

Луиджи произнес последние слова таким властным тоном, что маркиза не осмелилась возразить; она ждала, дрожа от страха, какое последнее слово скажет монах об участи несчастного ребенка, который только что родился и которому уже вынесен смертный приговор, но Луиджи замолчал, и надолго, а потом вдруг спросил, сообщили ли графу Мариани о родах Анджелы; маркиза ответила, что она пока не успела написать ему.

— Прекрасно, — ответил он, — сегодня не пишите; завтра ваше письмо станет длиннее на несколько строк, и вам больше не придется думать об этом.

— Останетесь ли вы с нами до завтра, чтобы поддержать меня в таких прискорбных обстоятельствах?

— Нет, Паола, в этом нет необходимости; но человек, на чью преданность вы привыкли полагаться, в последний раз проведет ночь в

этом доме; затем он вернется в ваше имение в Кивассо, которым, судя по всему, распоряжается как хозяин, если только вы не возложите на него управление вашей резиденцией в Турине, и он останется там до тех пор, пока волею обстоятельств не вернется окончательно к своему первоначальному состоянию, из какого вы, к несчастью, вытащили его.

— А, понимаю, вы говорите о Бернардо Гавайца... Пощадите, Луиджи, проявите милосердие к человеку, так преданному нам; я уверена, что он, не колеблясь, пожертвовал бы жизнью, чтобы услужить мне и дочери. Разве недостаточно того, что мой зять, граф ди Мариани, прогнал его, запретив навсегда появляться здесь?

— Бернардо придавал этому приказу большое значение, не так ли?

— Нет, он ему не подчинился, он знал, что Анджела страдает, понимал, что в некоторых случаях мы могли рассчитывать только на его силу, решительность, преданность, и он вернулся... О! Не торопитесь осуждать нас, вы не знаете, что собой являет так называемый граф Карло Мариани, которой представился нам как дворянин, а на самом деле всегда был последним мужланом. Он ведь пытался вначале навязать нам образ жизни безродных буржуа, к которому привык: появлялся перед молодой женой и садился за стол в сапогах, перепачканных в хлеву навозом, говорил только о пахоте, удобрениях, быках и овцах, а арендаторы его земель становились его ближайшими друзьями, если только они платили в срок, поскольку из-за отвратительной скупости в его душе никогда не оставалось места для жалости. Судите сами, как мы обрадовались, узнав, что он и в самом деле не дворянин, а имя, которым он прикрывается, происходит всего лишь от названия имения, купленного его отцом, который в течение двадцати лет на глазах у всех торговал в генуэзском порту. За этим открытием последовало судебное разбирательство. Мы обратились к правосудию с просьбой расторгнуть этот отвратительный брак и послали прошение его святейшеству папе, ведь только он один может окончательно разорвать узы, связавшие супругов у алтаря. Мариани не снизошел до оправданий и неожиданно отправился в дальнейшее путешествие, затем, несколько месяцев назад, вернулся и осмелился снова поселиться на этой вилле, являющейся частью приданого моей дочери, и даже попытался вновь завоевать расположение Анджелы. Не преуспев в этом, он стал осыпать мою бедную дочь грубейшими угрозами: Гавацца, однажды услышавший их, не смог сдержать негодования и позволил себе сказать, что такие слова — ярчайшее доказательство отсутствия благородной крови в нем. Мариани прогнал его; но я, обладая независимостью, вновь взяла его на службу и доверила ему управление моими владениями в Кивассо. А

теперь Мариани угрожает нам тем, что по возвращении возьмет в свои руки имение Сантони, в котором, по его словам, сосредоточены его собственные богатства и богатства жены, и будет лично управлять им... Так постарайтесь же понять нас, Луиджи, могли ли мы, пребывая в столь тяжелых обстоятельствах, отказаться от поддержки добрейшего человека, готового защищать нас от материальных посягательств, которыми нам угрожают?

— Я все понял, маркиза, но именно потому, что Мариани выглядит столь угрожающе, важно переиграть его по всем пунктам; а это значит, что Гавацца, проведя в Сантони только одну следующую ночь, должен уехать и никогда сюда не возвращаться... Так надо, Паола, и он поступит именно так, вам даже не придется просить его об этом, могу нас заверить... А теперь, госпожа маркиза, Луиджи исчезает, с вами остается лишь сборщик подаяний, умоляющий вас наполнить как можно полнее суму, которую он носит во искупление своих грехов.

— Это уже сделано, дорогой брат, и я надеюсь, там всего вдоволь; но почему вы покидаете нас так скоро?

— Я ухожу прямо сейчас, Паола; прежде чем вернуться в монастырь, мне нужно хотя бы показаться в какой-нибудь соседней деревне... Не следует пренебрегать такими мелочами, вы в этом когда-нибудь убедитесь.

В ту же минуту слуга принес тяжело нагруженную суму; монах, тем не менее, легко водрузил ее на плечо; затем, воздев руку, он тихим голосом благословил маркизу и вышел.

XI

— Эй, Пьетро, — позвал преподобный отец Луиджи, войдя в комнатку монастырского привратника, — десятая доля всего — твоя, но поторопись, заberi свое, а остальное — на кухню, там, наверное, заждались.

Пьетро набросился на суму с жадностью охотника, поймавшего долгожданную добычу. Однако ее содержимое сразу же поставило его в несколько затруднительное положение.

«Пять бутылок доброго старого вина, — рассуждал он, — как отделить от них десятую часть?.. Вычислять у меня времени нет, поставлю-ка одну сюда, а от остальных ничего не возьму, из скромности... Пять окороков, три каплуна, два зайца, всего — шесть штук, одна часть полагается мне, но какая?.. Возьму-ка я по штучке от каждого вида, чтобы не ошибиться...»

На этом этапе столь честного дележа раздался удар молотка; Пьетро скорчил довольно отвратительную мину и бросился открывать дверь; на пороге появился Бернардо Гавацца: он был бледен, в его глазах, казавшихся темнее обычного, можно было прочесть суровую, но твердую решимость.

— Вот и я, — коротко сказал он.

— Прекрасно, — ответил Луиджи, — такая точность — хорошее предзнаменование... Давай-ка, Пьетро, убери все это; поточнее сосчитаешь в другой раз.

— Как вам будет угодно, преподобный отец, — ответил привратник, проворно вывалив в углу половину содержимого сумы.

Добросовестно выполнив порученное дело, он поспешил отнести остальное на кухню; в это время Луиджи, за которым следовал Бернардо, отправился в лазарет, где хранилось множество лекарств, доверенных его учености. Луиджи был очень образован: химия в то время находилась еще в зародыше, но у него уже имелись важнейшие вещества, и он часто изготавливал такие смеси, которые по достоинству мог оценить лишь он один.

— Держи, — сказал он Бернардо, доставая из шкафа пузырек размером в палец, — одна капля жидкости из этого флакона на губах ребенка, и то, что завязалось вчера, развяжется сегодня.

— О преподобный отец! — печально заметил Гавацца. — Неужели вы не простите несчастное дитя?

— Это невозможно, Бернардо! Все, и прежде всего ты, заинтересованы

в том, чтобы он исчез как можно скорее. Разве ты не знаешь, что граф Мариани настороже и ему почти все известно? Что произойдет, если мы не будем действовать решительно? Рождение ребенка засвидетельствовано, будет установлено, что он родился жизнеспособным и в положенный срок, хотя после возвращения Мариани прошло меньше семи месяцев, а это значит, что во время зачатия он находился более чем в восьмистах льё от Италии... Что мы противопоставим всем этим доказательствам?.. Ты натворил бед, Бернардо, тебе и выкручиваться, а спасение — вот оно, другого быть не может... Не спорю, это крайняя мера, от которой отшатнется слабый духом; но ты, Гавацца, не трус, я в этом уверен.

Бернардо провел рукой полбу, как бы отгоняя навязчивую мысль.

— Нет, — сказал он, помолчав минуту, — я не трус, и поскольку ее можно спасти только такой ценой...

— Ты ее спасешь, не так ли?

— Надеюсь, у меня хватит смелости.

— Возьми же эту склянку и запомни: что бы ни случилось по твоей вине, ты окажешься в могиле до того, как с головы Анджелы упадет хотя бы один волос.

— Падре! Вы так ее любите, что нам невозможно не понять друг друга; я буду подчиняться вам, как ей самой, и если допускаю ошибку, пусть Бог простит меня.

Гавацца взял пузырек и удалился, но расстояние от монастыря до виллы он преодолевал довольно долго, ибо шел медленно, погружившись в печальные размышления. Время от времени он останавливался и чувствовал, что всеми силами души протестует против навязанного ему жертвоприношения; затем ему вдруг начинало казаться, что стальная стена встает между его сердцем и разумом, а необходимость подчиниться року представлялась особенно настоятельной и неумолимой.

К вилле Сантони Бернардо подошел поздним вечером; он еще не принял окончательного решения, но вместе с тем ощущал в душе силу и энергию, необходимые для того, чтобы подчиниться всемогущему и, возможно, непобедимому року. Пробило полночь, но поздний час не мог помешать человеку, уже давно свыкшемуся с этим домом и хорошо знавшему всех его обитателей, проникнуть внутрь. Нахмутив лоб, обливаясь горькими слезами, он молча пересек несколько комнат и вскоре вошел в спальню, где около колыбели новорожденного дремала кормилица. Здесь ему пришлось остановиться: ноги у него подкашивались. Однако, постояв немного, он, хоть и с трудом, дошел до колыбели и при тусклом свете лампы, горевшей рядом на столе, с волнением, до сих пор ему

незнакомым, стал рассматривать спавшего глубоким сном ребенка, затем упал на колени.

«Нет, — подумал он, стиснув руки и заливаясь слезами, — Бог не может требовать от меня такой ужасной жертвы... Бедное дитя, ты будешь жить, но никогда не узнаешь своего отца...»

И прислушавшись лишь к голосу сердца, Бернардо покинул комнату, куда пришел, чтобы совершить преступление.

Однако через три часа он вернулся с легким свертком в руках. Бернардо положил его в колыбель, где лежал ребенок Анджелы, его ребенок, и через минуту исчез, унеся с собой нечто похожее на то, что он оставил.

Он прошел полями к ферме, расположенной в двух льё от виллы Сантони; на пороге крестьянского дома его ждала женщина, он передал ей свой сверток, отсчитал золотые монеты и что-то сказал тихим голосом.

Уходя, он обернулся:

— Советую вам хранить то, что свершилось, в глубочайшей тайне; ваш ребенок не умер нынешней ночью, чудесный эликсир вернул ему жизнь. Вы ничего не должны рассказывать, правду можно будет открыть только после того, как я предупрежу вас об этом.

И Бернардо ушел.

На следующий день стало известно, что на вилле Сантони ночью умер сын Анджелы; и действительно, мертвое тельце новорожденного покоилось в колыбели.

Одновременно с этой неожиданной смертью семью Мариани поразило другое несчастье. От неизвестной болезни внезапно скончался старший сын графа.

Яд Луиджи сыграл свою роль этой трагедии, ведь именно Гаванца задумал это преступление и тайком совершил его.

— А! Преподобный отец, — шептал Бернардо, — ты говорил только о моем ребенке; может быть, этот тебе почему-то дороже?

Мариани почти в одно и то же время узнал о смерти своего старшего сына и кончине бедного малыша, родившегося после его возвращения в Италию.

Вначале граф был охвачен ужасом, ему казалось, что смерть витает вокруг него, но очень скоро он оправился от охватившего его страха.

«Меня хотят запугать, — размышлял он, — но это не удастся, на моей стороне — правое дело и справедливость, правосудие во всем разберется: от него никто не уйдет. Через неделю я буду на вилле Сантони, и пусть страшатся виновные! Я без устали буду искать людей, ставших моими

врагами, хотя и не знаю, по какой причине. Надо пролить свет на то, что произошло. Я всегда действовал открыто, и мне опасаться нечего. О! Меня презирают, ставят под сомнение графский титул, дарованный моему дяде, единственным наследником которого я являюсь. Я никогда не дорожил этим титулом, папаша Мариани был торговцем в Генуе, пусть так, не отрицаю, но он был человек добросердечный и порядочный, так что славным представителям семейства Спенцо не удастся опозорить никого из Мариани! Я поеду на виллу Сантони, где низость и преступление свили себе гнездо, и мы еще увидим, не окажутся ли сильнее честь и отвага!»

XII

Намерение г-на Мариани было слишком серьезным, чтобы что-нибудь могло помешать его осуществлению; он оставил необходимые распоряжения и отбыл из Турина с тем, чтобы окончательно обосноваться на вилле Сантони; крики и жалобы, скорее всего ожидавшие там графа, особенно его не занимали. К тому же он чувствовал, что сможет рассчитывать на уважение тех местных жителей и слуг, с кем ему предстояло иметь дело; знания в области земледелия и управления крестьянским хозяйством сдружили графа со многими мелкими землевладельцами в окрестностях Сантони во время его первого приезда в эти края. Его любили и уважали, но не потому, что он был синьором: одни считали его добрым соседом, другие — хорошим хозяином, ведь он охотно разговаривал на местном наречии с бедным людом, чтобы его лучше понимали, а в часы отдыха не гнушался обществом слуг и восседал за их столом, как патриарх.

Итак, г-н Мариани знал, как его примут местные жители и крестьяне, работающие в его владениях; однако в отношении приема, который ему окажут теща и жена, он был не так спокоен; но эти женщины не стали ждать его прибытия: узнав об отъезде графа из Турина, они покинули виллу Сантони и удалились в Кивассо, тем самым вручив себя покровительству Бернардо Гавацца, ставшего управляющим их имений.

С этого времени все определилось, непримиримость сторон была четко обозначена, но, к несчастью, разлад между супругами повлек за собой тяжелейшую из семейных проблем — проблему денег. Хотя маркиза ди Спенцо и лишилась большей части своего состояния, выдав дочь за графа Мариани, она все еще была очень богата; но ее расходы всегда превышали доходы, в результате чего в Кивассо очень скоро стала ощущаться нехватка средств, тогда как в Сантони при разумном и просвещенном хозяйствовании г-на Мариани царило изобилие.

Бернардо Гавацца дошел до отчаяния; он был очень ловок, умен, а как управляющий был вполне способен получить с вверенных ему земель тот доход, на который следовало рассчитывать, и он его получал, но этого оказалось недостаточно — необходимо было прибегнуть к займам.

— В конце концов, — воскликнул однажды Бернардо, выслушав горькие жалобы маркизы и ее дочери на плачевное состояние их финансов, — разве я виноват в том, что три четверти ваших доходов — в

руках Мариани, черт бы его побрал! А тяжба по поводу расторжения этого брака, наверное, никогда не кончится?

— К несчастью, — ответила маркиза, — святейший отец отослал наше дело на рассмотрение в Государственный совет; как известно, на это уйдет не менее десяти лет, а поскольку судьи Турина будут ждать решения римского суда...

— *Sangue mio!* [note 4](#) Значит, мне остается лишь смотреть, как эти обезьяньи лапы грабят вас?.. О! *Copro di Dio!* [note 5](#) Нет сил выносить такие муки, с этим надо покончить, ведь попади в него хоть одна освященная пуля... а это не так уж редко случается...

— Замолчите, Бернардо! — перебила его маркиза. -

Подобное рвение заставляет вас забыть об уважении, которое вы обязаны нам оказывать.

— Вы правы, госпожа маркиза, — ответил Гавацца, хотя ее слова ничуть не умили его ожесточенного пыла, — я вам всем обязан!.. Но кое-что я должен и ему, потому душой клянусь, он недолго будет этого дожидаться!..

Он все еще говорил, когда на пороге появился капуцин Луиджи, сохранивший привычку входить без доклада.

— Успокойтесь, Бернардо, — строго произнес он.

— О ваше преподобие, если бы вы знали...

— Я знаю все, что мне положено знать, и повторяю, что лучше иметь умного врага, чем друга такого свойства, как вы... Вы, что же, никогда не будете вести себя разумно?

Последние слова сопровождались столь многозначительным взглядом, что Бернардо задрожал.

— Разве это преступление — любить своих хозяев? — смиренно спросил он.

— Бывает и так, Гавацца, и в данном случае вы его совершаете.

— О преподобный отец! Неужели вы прогоните меня отсюда, как прогнали с виллы Сантони!

— Наверное, мне бы надо было это сделать! — воскликнул монах, и глаза его запылали огнем.

— Пощадите его, — поспешила вмешаться маркиза. Затем, склонившись к уху Луиджи, она добавила:

— Здесь он наш единственный защитник; во имя Всевышнего, не отнимайте его у нас!

Взгляд монаха тут же потух.

— Никогда не забывайте, — бросил он небрежно, — что злость — плохой советчик, и напоминайте об этом почаще вашему очень уж ретивому слуге... Надеюсь, господин Бернардо, вы теперь не станете разглагольствовать об освященной пуле?

Гавацца ничего не ответил; голова его упала на грудь, и, казалось, он глубоко задумался. Луиджи сразу понял, что происходило в его душе.

«Он хочет убить Мариани, — отметил он про себя, — обычными средствами его теперь не заставишь отказаться от этой навязчивой идеи; но, как бы то ни было, надо, чтобы он от нее отказался».

Дело в том, что в дальнейшем монах не намеревался разжигать ненависть между Спенцо и Мариани: наоборот, теперь в его планы входило полное их примирение, и, если бы оно состоялось, он намеревался обратиться к папе с ходатайством о снятии с него обета, что позволило бы ему после женитьбы на маркизе стать главой двух могущественных и уважаемых кланов, тем более полновластным, что его всемогущество опиралось бы на ужасные тайны и это обеспечило бы ему полное подчинение всех его новых родственников. То было бы прекрасным итогом жизни для бедного посольского служащего, которого любовный недуг заставил стать капуцином; Луиджи вынашивал эту мечту, полагая, что такой реванш уготован ему судьбой и он не должен упустить случай.

Монах догадывался, что Бернардо Гавацца тоже питает подобные надежды. И действительно, сердце Анджелы ему уже принадлежало; умри граф Мариани, он мог бы стать полным хозяином в Сантони и Кивассо, ведь Гавацца тоже владел страшной тайной.

Нетрудно понять, что именно поэтому освященная пуля, о которой говорил Гавацца, не устраивала Луиджи: надо было любой ценой помешать Бернардо осуществить задуманный им зловещий план, и средство для этого монаху тут же подсказала та самая наука, которую он постиг.

Гавацца спустился на кухню для того, чтобы слуги наполнили там суму капуцина, а в это время Луиджи взял палку, всегда служившую ему оружием, и острым ножом сделал на ней множество маленьких надрезов, так приподняв их края, что поверхность покрылась острыми шипами. Покончив с этим, монах поставил ее в угол комнаты, где на какое-то время он пожелал остаться один, чтобы, по его словам, прочесть особые молитвы, а затем вошел в покои маркизы ди Спенцо.

Когда Бернардо, которому не терпелось выпроводить капуцина, принес его суму, до отказа набитую провизией, тот уже четверть часа находился в обществе маркизы.

— Благодарю вас, сын мой, но окажите мне любезность и

распорядитесь, чтобы принесли мою палку — я оставил ее в комнате, где читал молитвы.

— Я сам схожу за ней, — живо откликнулся Бернардо и тут же возвратился, принеся Луиджи то, что он просил.

Капуцин, ухватившись за конец палки, резко выдернул ее из рук Бернардо. Деревянные шипы сделали свое дело, некоторые из них вонзились в его пальцы.

— Corpodì Vascchò! [note 6](#) — воскликнул Гавацца, дернувшись от боли. — На этой палке — шипы, я все пальцы исколол.

— Как я неловок, — сказал Луиджи, — прошу прощения. Покажите руку, если заноза проникла под кожу, я вытащу вам ее.

— О! Ничего страшного.

— Покажите же, опасно оставлять инородное тело под кожей. Да вот, посмотрите, — продолжал Луиджи, ухватив ладонь Бернардо, — рука кровоточит в нескольких местах. Я нас вылечу в дне секунды.

Говоря это, монах достал из кармана хрустальный игольник, вынул из него очень тонкую иглу и загнал острие под кожу на ладони Бернардо.

— Вот она, — сказал он, притворившись, что вытащил занозу и тут же бросил ее на пол, — большего и не требовалось, чтобы избавить вас от непрошеной гостьи.

Гавацца поблагодарил преподобного отца, но через несколько секунд почувствовал себя так плохо, что был вынужден удалиться и лечь в постель. На следующий день его охватила ужасная лихорадка, лицо побагровело, а все тело покрылось гнойничками... Сборщик подаяний заразил его оспой но всей ее страшной силе!

XIII

Все это происходило в разгар лета; палящий зной лишь способствовал быстрому развитию ужасной болезни, от которой страдал Гавацца, и, несмотря на все заботы окружающих, в скором времени несчастный оказался под угрозой смерти. Как вы могли заметить, он был человек смелый, решительный, способный на все ради удовлетворения чувства мести и своей алчности; но при всем этом в нем дремали религиозные чувства, которые вдруг проснулись перед лицом угрожавшей ему опасности; Луиджи, навешавший его каждый день, очень скоро забеспокоился, не зная, как тот себя поведет, ведь с этим человеком его связывала страшная тайна, и раскрытие ее могло повлечь за собой самые ужасные последствия, а больной уже несколько раз заговаривал об исповеди.

— Успокойтесь, Бернардо, — говорил ему монах, — у вас еще есть время подумать об этом.

Слова монаха, вместо того чтобы успокоить больного, усиливали вдвойне его страх перед Божьим возмездием.

«Этот человек, — думал Гавацца, — не хочет, чтобы я исповедовался; он боится, что священник захочет узнать, откуда взялся яд, которым он вынуждал меня воспользоваться со столь ужасной целью. Если так, тем хуже для него: каждому придется ответить на том свете за свои деяния, и я не могу обречь себя на вечное проклятие ради того, чтобы обеспечить Луиджи безнаказанность. При нем я больше не заговорю об исповеди, потому что у него достанет способов отправить меня на тот свет без покаяния».

В то же самое время и Луиджи поверил, что ему удалось успокоить Бернардо и тот перестал думать о смерти; вот почему монах удивился и ужаснулся, когда на следующее утро на пороге комнаты больного его остановила сиделка и попросила минуту подождать.

— Бедный Бернардо заканчивает свою исповедь, — добавила женщина, — он настоящий мученик и умирает как настоящий христианин...

— Он сейчас исповедуется? — воскликнул монах, не сумев полностью скрыть свой страх.

— Боже мой, ведь это я по его просьбе привела викария из нашего прихода; он человек святой, будьте уверены, и лучше любого другого

укажет ему путь на Небо...

Сиделка продолжала рассказывать, а монах, не слушая ее больше, уже открыл дверь и бросился к постели Бернардо.

— О отец мой! — воскликнул он, обращаясь к почтенному священнику, внимательно слушавшему исповедь кающегося грешника. — Разве вы не видите, что несчастный находится в бреду и не осознает, что говорит?

— Он совершенно в здравом уме, — ответил исповедник, явно чем-то взволнованный, — в его памяти нет никаких провалов, и горе вам, преподобный отец: вы появились в ту самую минуту, когда он был готов окончательно снять со своей души тяжкое бремя.

Луиджи понял, что Бернардо все рассказал.

— Повторяю, он бредит, — снова начал монах, — а ваше рвение погубит вас, ведь вы четверть часа вдыхали испарения его тела — для вас это смертный приговор.

Старик побледнел: Луиджи говорил с такой убежденностью, что было невозможно усомниться в правдивости сказанного им.

— Смотрите, — продолжал монах, не давая старику опомниться, — вот и липкий пот появился, каплями выступив у вас на лбу, а это роковой признак... Но, если позволите, я попытаюсь помочь вам...

И, достав из кармана платок, он быстро вытер виски исповедника, действительно покрывшиеся холодным потом от страха, вызванного словами, которые он только что услышал; но — странное дело! — в то время как монах прикладывал платок к влажному лбу священника, от платка отделялась какая-то пыль, облачком поднимавшаяся к потолку.

— Я задыхаюсь, — сказал исповедник слабеющим голосом, — мне не хватает воздуха!

Монах бросился к окну и открыл его; в ту же секунду послышался глухой стук: безжизненное тело священника упало на пол.

«Так надо было! — отметил про себя Луиджи, помогая старой сиделке. — Теперь мне уже не придется сомневаться в действенности порошка, это и в самом деле одно из самых ценных моих открытий».

Не прерывая свой внутренний монолог, он с помощью сиделки ухитрился усадить старика в кресло; но напрасны были все попытки оказать ему помощь: викарий расстался с жизнью, и напуганная сиделка побежала к хозяевам дома, чтобы сообщить о случившемся несчастье. Тогда Луиджи, оставшийся наедине с больным, приблизился к нему и, пальцем указав на труп священника, сказал:

— Бернардо, это ты убил его. Если бы ты предоставил мне заботу о

выборе исповедника, он бы не умер...

— О! — в ужасе откликнулся Бернардо. — Он не дал мне отпущения грехов, а я чувствую, что умираю!

— Нет, ты не умрешь и будешь подчиняться мне везде и всегда...

— Преподобный отец, вы, должно быть, олицетворяете ангела зла?

— Я тот, кем хочу быть, Гавацца, и тебе, в отличие от других, не следовало бы сомневаться в этом; тем не менее я представлю тебе новое доказательство моих возможностей. Хочешь умереть? Тогда я уйду, оставляя тебя в твоей постели, и меньше чем через час ты отдашь Богу душу... Хочешь жить? Тогда возьми вот этот пакетик, который я для тебя приготовил, положи его на грудь и лежи неподвижно несколько секунд; после этого сжигающий тебя жар утихнет, нарывы, покрывшие тело, начнут уменьшаться, ноги и руки обретут прежнюю гибкость, а через неделю ты сможешь приступить к своим прежним обязанностям. Тебя это удивляет, не так ли?

— Нет, ваше преподобие, меня это пугает, ибо я вынужден признать, что вы распоряжаетесь жизнью и смертью окружающих вас людей.

В то мгновение, когда больной произносил эти слова, на лестнице послышались шаги.

— Идут за этим несчастным, — произнес монах. — Пусть убирается с миром... А ты, Бернардо, выздоравливай поскорее, а затем пойдешь по той дороге, которую я тебе укажу, никуда не сворачивая, — только на этих условиях мое покровительство будет простираться над тобой.

Гавацца с трудом прошептал что-то похожее на слова благодарности, поскольку к крайней его слабости примешался ужас от того, что он сейчас увидел и услышал. Луиджи удалился. Труп священника унесли. Только после этого Бернардо смог вздохнуть посвободнее, немного придя в себя от страха. Он почувствовал, что лекарство монаха уже начинает действовать.

— Боже мой, — сказал он, — кажется, ко мне возвращается жизнь!..

— Сомневаетесь ли вы теперь в могуществе этих ядов, господин делла Скалья? — спросил монах, желая на этом завершить свой рассказ, и протянул собеседнику хрустальный пузырек, наполненный ужасной отравой, а также маленький игольник с иглой, напоминающей ту, чудовищные свойства которой испытал на себе Гавацца.

Аббат делла Скалья испугался и не решался взять в руки опасные орудия зла и уничтожения.

— Ничего не бойтесь, господин аббат, — сказал Луиджи, слегка улыбнувшись, — ведь вовсе не щепетильность останавливает вас: эти яды предназначены только для ваших врагов; если я правильно угадал, вам

нужны три вещи: во-первых, яд, разрушающий красоту, во-вторых, яд, убивающий тело целиком, а что в-третьих?

— В-третьих?

— Да.

— Яд, убивающий душу.

— Значит, вы верите в приворотные зелья? — спросил монах с еле заметной иронией.

— Нет.

— А в демонические силы?

— Не более того.

— Какую же отраву надеетесь вы получить, чтобы впрыснуть ее в душу?

— Словесную.

— Письменное слово, книги?

— Нет, устную речь; мне нужен хитрый и необычайно умный человек, способный завладеть сердцем юной девушки.

— Исповедник?

— Да, исповедник... иезуит.

— Понимаю вас. Завтра я пришлю к вам человека, прекрасно умеющего увлечь своими лукавыми речами сердца и души своей паствы и направить их туда, куда ему нужно.

— И вы назовете имя этого человека?

— Отец Добантон.

— Хорошо, можете рассчитывать на мою поддержку и признательность.

И аббат делла Скалья покинул монастырь Кивассо, уверенный в том, что все три яда послужат ему. Отец Луиджи сдержал слово.

На следующий день после приема у их высочеств я уже увидела назначенного мне исповедника.

То был иезуит отец Добантон, впоследствии ставший известным во Франции и Испании. Мне не понравился этот противный, худой и грязный монах, опускающий глаза и бросающий лицемерные взгляды из-под опущенных век.

Он приветствовал меня, скрестив руки на груди, как принято среди его собратьев; этот жест больше всего подчеркивал притворство иезуитов в сравнении с другими монахами, хотя в рядах их ордена и состояли величайшие святые и знаменитости. Отца Добантона хорошо знал исповедник герцога, один из начальствующих членов ордена иезуитов, человек замечательный и добрый; впоследствии он скончался при

странных обстоятельствах.

Король — в то время Виктор Амедей уже носил этот титул — осыпал его милостями и искренне любил.

Преподобный отец заболел, и король пришел его навестить. Едва были произнесены первые слова приветствий, — полагают, что церемония была сильно сокращена из-за состояния больного, приближавшегося к своему последнему часу, — как умирающий попросил своего августейшего духовного сына удалить всех из комнаты.

Король сделал знак, и все вышли.

Тогда, с трудом опершись на руку и приподнявшись, иезуит сказал:

— Государь, вы всегда были добры и необыкновенно внимательны ко мне; я хотел бы выразить вам свою признательность и не нашел ничего лучшего, как дать вам последний совет, но совет настолько важный, что, быть может, этого будет достаточно, чтобы отблагодарить вас: никогда не берите себе в исповедники иезуита!

И поскольку король попытался что-то сказать, продолжил:

— Не спрашивайте меня о причинах, заставивших дать вам такой совет; мне не дозволено раскрывать вам их.

Он упал на подушку, а вечером скончался.

(Примерно то же говорил Людовику XIV г-н Мазарини по поводу первых министров.)

Эта история известна мне от самого Виктора Амедея: он рассказывал ее множество раз.

И действительно, с тех пор король не брал себе в исповедники членов этого ордена, он даже запретил иезуитам быть наставниками в коллежах.

Отец Добантон был молод, слишком молод для исповедника: ему едва исполнилось тридцать лет; не знаю, почему для меня выбрали именно его или, скорее, я прекрасно это понимаю. Понадобился человек, состоящий в прекрасных отношениях с моей свекровью, чтобы она через него обрела полную власть надо мною.

Он задал мне два или три вопроса и, выслушав ответы, долго обдумывал их. Казалось, он искал в них какой-то скрытый смысл, вникая в мои слова, затем, спросил, как часто я прибегаю к таинству святой исповеди. Моя мать была очень набожной и водила нас на исповедь каждый месяц; я сказала ему об этом, и он одобрительно кивнул, бросив взгляд в сторону г-жи ди Верруа (моя свекровь присутствовала при разговоре, но сохраняла невозмутимость как в эту минуту, так и в течение дальнейшей беседы).

В присутствии всех этих людей мой муж выглядел совсем

мальчишкой: он не мог даже слова произнести, или, скорее всего, ему не позволяли вставить ни одного слова; конечно, он страдал, но не смел показать это. Подобное состояние души и сердца я всегда считала самым большим несчастьем в жизни; борьба слабости и скромности против сильной воли, ума и высокомерия кажется мне невыносимой и представляется настоящим адом.

Отец Добантон просидел до обеденного часа, и его пригласили к столу вместе с другим монахом, которого он привел с собой; тот ел так, что страшно было смотреть на него, и сильно позабавил меня: он явно находил, что наш стол лучше, чем в монастыре.

Во время обеда обсуждали, что делать с неким аббатом Пети, кюре прихода святого Леодегария, очень уважаемым в семье ди Верруа и ожидавшим, что ему будет поручено направлять мою душу.

— Покойный господин ди Верруа слушал его как оракула, — сказала свекровь, — и так возвысил, что он стал незаменимым в нашем доме: я всегда обращалась к нему за советом. Мой супруг отдал ему на воспитание нашего сына, когда мальчик был совсем еще крошкой; аббат с нетерпением ждал приезда моей невестки, чтобы стать ее духовником. Что я ему скажу? Держу пари, он появится сегодня же вечером.

— Сударыня, — ответил отец Добантон с непроницаемым видом, — я немедленно удалюсь, коль скоро мое присутствие смущает вас. Преподобные отцы пожелали привлечь к нашему ордену графиню ди Верруа и вас во имя высшего блага религии и в надежде на то, что это послужит вашему благу; но господин Пети очень достойный и очень ревностный служитель святой Церкви, он вполне может быть вашим наставником в делах этого и иного мира. Так что я удаляюсь. Однако, как мне кажется, следовало бы заранее предупредить святых отцов нашей обители; они, разумеется, не позволили бы себе делать такие предложения, зная, что их оттолкнут.

Невозможно описать, с каким выражением лица все это было сказано и сколько обещаний и угроз содержалось в движении его губ и ноздрей, раздувавшихся и сжимавшихся наподобие мехов. Что касается его глаз, то в них ничего нельзя было прочесть: они ничего не выражали и были скрыты за длинными ресницами, как за креповой занавеской.

Свекровь бросило в дрожь.

В те времена в Савойе орден слыл всемогущим. Через аббата делла Скалья был найден вполне подходящий способ проникнуть в наш дом, своего рода передовое оборонительное укрепление для наблюдения за двором; нас же отцы-иезуиты решили включить в число тех, кем они

хотели руководить; поводом тому, без сомнения, было положение вдовствующей графини, придворной дамы, чьи обязанности, полагали они, со временем перейдут ко мне. Именно поэтому отцы-иезуиты попросили в виде одолжения доверить заботы о моей душе отцу Добантону, одному из их светил, что он в дальнейшем действительно доказал, подарив миру буллу «Unigenitus» [note 7](#), написанную им в соавторстве с кардиналом Сапрани.

Свекровь не смогла им отказать: она испугалась. Гордая женщина согнулась как тростник; аббат делла Скалья дал ей понять, к каким последствиям может привести отказ; кюре Пети и дружба, которая ее с ним связывала, не могли противостоять могуществу этого ордена; только у Виктора Амедея хватило силы держать его в узде, однако не порывая с ним окончательно.

Я была совершенно безразлична ко всему происходящему, поскольку мне приходилось лишь подчиняться. И даже если бы мне позволили отвечать, я не знала бы, что сказать. С моей точки зрения, исповедник лишь воплощал собой исповедь — обряд малопрятный; я думала только о решетке с угрожающей дощечкой, о грехах, в которых надо признаваться, а покайся — искупать.

Аббат (мой дядя) видел в исповеди совсем другое: сверхъестественное влияние, не имеющее себе равных и непреодолимое; не раз я была удивлена и смущена теми странными мыслями, которые внедряли в мое сознание, и теми разрушительными чувствами, которые поселяли в мою душу.

Несомненно аббат делла Скалья испытал на мне все яды, полученные им от Луиджи, этого страшного капуцина.

Спор длился довольно долго; иезуит добился, чтобы его стали настойчиво просить не отказываться от нас. Даже мой муж по знаку матери нарушил молчание, подчеркнув, что моя молодость нуждается в покровительстве этого монаха.

Наконец аббат поклонился в знак согласия и сказал:

— Но хотя бы помните, сударь, что вы сами на этом настояли.

После обеда несколько человек нанесли нам визит. Обычно в этот час г-жа ди Верруа находилась во дворне, но ее высочество позволила ей отсутствовать в первые дни после моего приезда. Играли в реверси на большие ставки; меня заинтересовала игра аббата делла Скалья, считавшегося, несмотря на то, что он носил сутану, одним из лучших игроков своего времени. Он располагал довольно крупными доходами, получая их благодаря своим должностям при покойном герцоге и при ныне

правлящем, а также от нескольких монастырей. Его уважали, поскольку он был государственным секретарем; считалось, что у аббата выдающиеся деловые способности; но в обществе и в семье его недолюбливали. Я же просто боялась его.

За час до ужина старый дворецкий, родившийся в этом доме и любивший его как свой собственный, пришел доложить моей свекрови, что г-н кюре прихода святого Леодегардия вот-вот прибудет и заранее просит узнать, сообразовит ли графиня принять его.

Графиня, не задумываясь, ответила согласием.

— Он конечно же отужинает здесь? — спросил дворецкий.

— Разумеется, — сердито ответила свекровь (у нее только что был побит червовый валет).

Через несколько минут действительно вошел г-н Пети. Добродушие и почтенный облик аббата сразу же расположили меня в его пользу; почти совсем седые волосы — хотя ему было лет сорок пять — пятьдесят, не больше, — обрамляли лицо настоящего патриарха; безмятежная улыбка, спокойный ласковый взгляд позволяли составить представление о расположении духа и характере этого человека.

Он поздоровался с г-жой ди Верруа с такой непринужденностью, что я была этим тронута. Затем он взял за руку моего мужа и, притянув его поближе к себе, подошел вместе с ним ко мне; я же не произнесла ни слова, но смотрела на него, как вы понимаете, с большим вниманием.

— Добро пожаловать, сударыня, — сказал он, обратившись ко мне, — да снизойдет на вас и на дом, который вы почтили своим присутствием, благословение Господне!

Такие слова, конечно же, шли от сердца самого чистого из всех, какое мне довелось встретить с тех пор, как я покинула Францию, и они проникли мне и душу. Я поднялась и склонилась перед достойнейшим служителем Церкви в таком же реверансе, в каком склонялись перед его высочеством. Он добавил несколько ласковых слов обо мне, о моей семье, о доброй репутации моей матери, а затем отошел к графу, который, как мне показалось, впервые почувствовал себя легко и был рад непринужденной беседе.

Рядом с кюре находилось некое маленькое существо, очень скоро привлекавшее мое внимание, хотя никто с ним не разговаривал, не предлагал сесть, и, казалось, оно находится в комнате лишь для того, чтобы охранять шляпу г-на Пети и большую палку с набалдашником, возвышающимся над головой того, кто ее держал.

Это был мальчик примерно восьми или десяти лет, толстый,

одутловатый, с примечательным лицом: волосы пострижены под горшок, большой красный нос картошкой, насмешливо улыбающийся роте двумя рядами великолепных зубов, глаза-щелки, горевшие, тем не менее, как карбункулы, и беспрерывно озиравшиеся по сторонам. Можно было поклясться, что он видел все вокруг одновременно. На нем был черный, плотно облегающий фигуру камзол, короткие штаны того же цвета, а фиолетовые чулки подчеркивали полноту ног с икрами необыкновенной величины. Он был похож на аббата или, скорее, каноника в миниатюре — очень толстого, цветущего и забавного. Нельзя было сказать, что мальчик смотрелся как кукла, для этого он был слишком некрасив, но, взглянув на него, просто невозможно было оставаться в плохом настроении.

Впрочем, никто в этой комнате не обращал на него внимания; он находился здесь как обязательный и привычный предмет, никого не занимающий. Господин Пети время от времени подталкивал мальчика, видимо, для того, чтобы заставить его держаться прямо, и тогда тот начинал переминаясь с ноги на ногу, как птица, готовая уснуть, но вовремя разбуженная.

Обнаружив мальчика, я уже не упускала его из виду и по его горящим и сверкающим глазам заметила, что он тоже меня рассматривает. Пока моя свекровь сдавала карты, я склонилась к аббату делла Скалья и тихо спросила его, что это за малыш.

— Этот? — переспросил он, слегка пожимая плечами. — Это Мишон.

— Да, но кто он такой, этот Мишон?

— Господи! Мишон это Мишон... Осторожней, господин командор, вы теряете свое преимущество.

Больше мне ничего не удалось от него добиться.

Но, не получив ответа на свой вопрос, я продолжала искать разгадку. Подождав несколько минут, я поступила затем так, как делают дети, которых учат преодолевать страх: встала и храбро направилась к предмету моего любопытства; он же, заметив мое приближение, ничуть не смутился. Господин кюре подумал, что я собираюсь обратиться к нему, и с таким радушием и почтительностью приготовился выслушать меня, что это вызвало во мне раздражение, ведь у меня на уме было совсем другое.

Я была в том возрасте, когда юные создания нередко ведут себя дерзко и мало размышляют. Ответив на любезность г-на Пети реверансом, я обратилась непосредственно к мальчику, поинтересовавшись, кто он такой и как его зовут. Но он, ничего не сказав, лишь склонил передо мной голову, что, на мой взгляд, было недопустимо для человека, стоящего намного ниже меня по положению. Заметив мое удивление, добрый кюре перевел на

него взгляд, преисполненный отеческого расположения и любви:

— Кто он такой, сударыня? Это мой сын, мой дорогой Мишон. Не судите его строго за то, что он не знает придворного этикета, ведь он общается только со старыми священнослужителями, моей служанкой и синьорами, с которыми сталкиваются в гостиных графини ди Верруа, куда его любезно допускают, хотя на него никто не обращает здесь внимания.

— Но ведь я обратила на него внимание, сударь, и хочу поговорить с ним. Меня он интересует, и, к тому же, на вид он неглуп, — ответила я.

От этой похвалы в адрес ребенка, которого добрый кюре любил действительно как собственного сына, лицо его буквально расцвело.

— Неглуп, сударыня? Да, в противном случае я не стал бы говорить об этом в его присутствии; но он прекрасно знает, что не следует гордиться способностями, дарованными Господом Богом: нужно радоваться им и с их помощью добиваться славы, стараться использовать во благо людей в этом мире и во спасение своей души в мире ином.

Мишон склонился к руке своего покровителя и поцеловал ее с уважением, свидетельствующим о его нежной привязанности; но даже после этого он не произнес ни слова, что удивило меня и заставило проявить настойчивость.

Немой он или упрямится?

— Господин кюре, — произнесла я, — в чем же причина того, что ваш подопечный не только ничего не говорит сам, но и не отвечает, когда к нему обращаются?

— Сударыня, он не осмеливается: я запретил ему вмешиваться и какие бы то ни было разговоры.

— И нее же я хотела бы, чтобы он мне ответил, господин кюре; я вас прошу, ради меня, заставьте его заговорить.

— Ради вас, сударыня?! Он будет счастлив, что вы соизволите выслушать его.

Я села рядом с добрым священником. Мальчик по-прежнему стоял не шелохнувшись; однако его глаза говорили о многом, и я стала задавать ему вопросы. Он слегка покраснел, но тут же тонким и писклявым голосом стал отвечать с ясностью и точностью, которых я просто не ожидала.

Кюре улыбался и выглядел бесконечно счастливым.

— Сударыня, — вмешался он, когда я спросила Мишона, состоит ли он в родстве с г-ном Пети, — позвольте, я отвечу вместо него; мне лучше известно то, что произошло очень давно. Бедное дитя помнит лишь о моей привязанности к нему, но не знает ее источника. Мишон не имеет отношения к моей семье, он мой приемный сын. Мальчика родила очень

достойная и добрая женщина, бедная вдова, которая каждое утро перед работой посещала мессу и слушала мою проповедь; она никогда не пропускала службу и всегда садилась на одно и то же место, слева от алтаря, так что я поневоле всегда замечал ее. Когда у нее родился сын, она принесла его ко мне, попросила окрестить и выбрать для ребенка имя заступника. Я дал ему имя моего отца в надежде, что оно принесет ему счастье. С этого времени мать никогда не приходила одна, и я восхищался тем, как спокойно ведет себя толстый малыш, никогда не издававший ни единого крика. Так продолжалось почти год. И вдруг бедная женщина перестала появляться в церкви, ее не было уже три дня. Я знал, где она живет: ее чердак был самым жалким жилищем в моем приходе. Выйдя из церкви, я отправился к ней домой и застал ее почти умирающей в убогой постели: она прижимала к сердцу своего невинного младенца, но щеки его уже не были полными и румяными. Увидев меня, вдова вскрикнула от радости.

«О господин кюре, — запричитала она, — Небо вняло моей молитве, раз вы пришли».

«Надо было послать за мной, дочь моя, — сказал я ей. — Что с вами?»

«О господин кюре!..» — вздохнула она.

«Вам нужна помощь, — продолжал я, — почему вы не попросили меня об этом?»

«Слишком поздно, господин кюре! Я уже давно это знаю, моя болезнь неизлечима; смерть моего несчастного мужа нанесла мне такой удар, что от него трудно оправиться. Единственное, что я успела, — это родить моего сиротку и проследить за его первыми шагами; теперь я собираюсь покинуть его, оставив на попечение Господа Бога и на ваше, господин кюре, раз вы пришли».

Надо было бы иметь каменное сердце, чтобы не откликнуться на эту мольбу, и с тех пор...

— С тех пор, сударыня, — живо вмешался мальчик, — я не покидал господина кюре ни днем ни ночью, и только смерть разлучит нас. Он стал мне отцом; он любит меня, заботится обо мне и лелеет меня так же, как люблю и уважаю его я. Вот почему я нахожусь здесь и вот почему вы слышали все то, что мой дорогой отец рассказал вам. Вы прекрасно понимаете, что без него бедный малыш Мишон никогда бы не появился в доме госпожи ди Верруа.

С этого дня аббат Пети и его толстощекий подопечный Мишон чрезвычайно заинтересовали меня. Если б я была свободной и знала, куда подевалась бедненькая Жаклин Баварская, я бы непременно представила ей

моего малыша Мишона. Вне всякого сомнения, с той поры как я появилась при савойском дворе, знакомство с Мишоном оказалось для меня самым интересным из всех.

Но все же я перехожу к другому знакомству — ему суждено было оставить заметный след в истории моих чувств.

XIV

Не знаю, помните ли вы о некоем господине, у которого я в день приезда, умирая от голода, попросила апельсин; у него была приятная внешность, но по его простому платью я приняла этого человека за домашнего слугу. Никто меня не разубедил. Правда, я никого и не расспрашивала о нем до того, как увидела, что он садится за стол, да еще на одно из почетных мест; признаться, меня это очень удивило. И я не смогла удержаться от замечания и спросила мужа, принято ли в Италии, чтобы слуги ели за одним столом с хозяевами. Он заулыбался.

Улыбался же г-н ди Верруа неподражаемо. Рот его лишь чуть приоткрывался, и стоило печальной улыбке слегка тронуть его губы, как создавалось впечатление, что он раскаивается в том, что улыбнулся.

— Этот синьор, — ответил мне г-н ди Верруа (и он сделал упор на словах «этот синьор»), — далеко не похож на слугу, сударыня: это молодой немец высокого происхождения, путешествующий с целью образования. В Вене его прочат на самые высокие должности, и именно так его рекомендовали моему дяде аббату делла Скалья. Вот почему вы видите его на семейном приеме у моей матери. Это принц Дармштадтский. Его семья владеет множеством поместий; их приберегают для него в надежде, что он станет известной личностью. Наш двор, его собственный двор и его святейшество высоко ценят принца.

Не знаю, упомянула ли я, что меня поразила приятная внешность этого молодого человека, красота его лица и благородная осанка. Он был похож на переодетого принца, тем более что предпочитал всегда носить самую незаметную, самую простую одежду без всякого шитья, с очень скромными лентами и из темной ткани, и его бледное лицо и голубые глаза светились на этом фоне каким-то волшебным светом.

При дворе его называли Угрюмым Красавцем — в память об Амадисе Галльском, на которого он был во многом похож. Накануне он ничего не сказал мне о том, что собирается навестить меня, и я о нем просто не думала. Когда доложили о его приходе, я разговаривала с кюре; услышав имя принца, я подняла голову; он вошел, держась непринужденно и вместе с тем скромно. Его поклон относился ко всем присутствующим, но прежде всего ко мне: по крайней мере так мне показалось.

И действительно, обменявшись несколькими словами с г-жой ди Верруа и аббатом, он направился к тому месту, где находилась я, и снова

склонился передо мной в глубоком поклоне, не забыв выразить свое уважение г-ну Пети.

Я отвернулась от Мишона, а он, вновь встав в прежнюю позу, не подавал признаков жизни. Но я заметила, что малыш весь обратился в слух, когда принц Дармштадтский заговорил с нами.

О чем только не шла речь: о Франции, Империи, Савойе, Тоскане; немало было сказано и о том, что происходит в Турине в некоторых придворных кругах. И насколько принц был язвителен, настолько кюре — сдержан и снисходителен; один отличался юношеской горячностью и необузданностью, другой — невозмутимостью, свойственной зрелому возрасту, над которым властвует сердечный покой и безупречная совесть.

— Господин кюре, — говорил принц, — известно ли вам, что теперь, когда португальский брак определенно расстроился, герцога Савойского пытаются женить на принцессе Пармской?

— Возможно, принц, — ответил кюре, — я даже познакомился с одним плутом, который хвастается тем, что якобы опередил посла и являет собой фактотума его высокопреосвященства епископа.

— О-о! Я знаю, кого вы имеете в виду.

— Некого аббата... Альберо...

— Альберони!

— Вот именно.

— И вы его знаете?

— Он замучил меня своими посещениями: видно, считает меня влиятельнее, чем я есть на самом деле. Несмотря на свое могущество, он, мне кажется, был бы не прочь подыскать себе какое-нибудь место в Турине; в моем приходе есть одна незавидная вакансия — место каноника; он домогается, он жаждет его, как будто это *plus ultra* [note 8](#) в его карьере.

— Еще бы! Ведь он просто звонарь! Да был ли он посвящен в сан?

— Вот это-то мне и неизвестно; он, однако, утверждает, что посвящен. Впрочем, Альберони и не пытался убеждать меня в этом: по его словам, он сын садовника из окрестностей Пармы — более скромного происхождения он не мог для себя выбрать. Но поскольку у нас были сомнения, мы не разрешили ему совершать богослужение. Должность каноника была когда-то учреждена князем делла Цистерна из-за святотатства, допущенного его слугами примерно сто лет назад в том месте, где находится этот приход; князь построил там маленькую часовню, где должен служить каноник, и, хотя там просто нечего делать, ему предоставляется прекрасный дом, сад и довольно приличное жалованье — должность для настоящего бездельника, тупик карьеры! Никто о тебе не помнит, будто ты похоронен заживо. Этому

несчастному Альберони большего и не надо, и ему уже удалось бы получить это место, если бы он сумел доказать, что рукоположен. Князь предоставил мне право, выбрать каноника, что я и делаю.

— Будьте осторожны, господин кюре! Этот плут хитер и изворотлив, как десять иезуитских капитулов. Обратитесь к надежным источникам и не доверяйте тому, что он говорит.

Вот что значит случай и от чего зависят судьбы! Если бы принц Дармштадтский не насторожил кюре Пети, Альберони скорее всего получил бы место каноника, не достиг бы того положения, которое мы видели, и некоторые события этого века обернулись бы иначе.

Оглядываясь назад на свою жизнь, я вижу, к каким серьезным последствиям приводят порой ничтожные причины; то же, о котором я говорю, нельзя отнести к самым незаметным и наименее любопытным.

Принц Дармштадтский был человек чрезвычайно гибкого и многогранного ума; но вместе с тем его сознание, по его собственному определению, имело черную окраску: он все видел не так, как другие, не знал ни надежд, ни радостей, свойственных его возрасту, а ведь в то время ему было лет двадцать, не более, и уже тогда он вел себя настолько серьезно и рассудительно, что другие молодые синьоры подшучивали над ним. Он никогда не принимал участия в их разгульном веселье, жил уединенной жизнью в окружении книг, по вечерам появлялся при дворе или в гостиных дам, а иногда — на серьезных переговорах с государственными деятелями. О принце ходили слухи (я не раз слышала их), что он не любит женщин, что для столь юного возраста он слишком благоразумен и что, несомненно, есть какие-то скрытые причины такого необъяснимого и странного поведения (позднее я могла бы рассеять все эти сомнения и все объяснить).

Тогда, в 1683 году, для многих начинался путь славы. Так, почти одновременно со мной, но всего лишь на несколько недель, в Турин прибыл человек, впоследствии ставший знаменитым, поскольку именно он впервые доказал Людовику XIV, что тот не столь уж непобедим и может ошибаться, во что его величество до тех пор никак не хотел верить.

Я имею в виду принца Евгения Савойского; в то время ему было всего двадцать лет и он собирался предложить свои услуги императору.

Мне он встретился при дворе на приеме у герцогини-матери; он почти все время находился рядом со мной, рассказывая о Франции, о том, как грустно было ему покидать эту страну и оставшихся там друзей.

Он отправлялся на войну с турками, куда, вопреки воле короля, собрались также принцы де Конти (король не простил им этого бегства, и

принцам пришлось раскаиваться в содеянном всю жизнь).

Принц Евгений был сын знаменитой г-жи де Суасон, племянницы кардинала Мазарини, столь любимой Людовиком XIV в его молодости и столь обманутой им позднее. В 1680 году г-жа де Суасон вынуждена была покинуть Францию из-за суда над Лавуазен и Лавигурё, обвиненными в колдовстве и еще более страшных грехах. Преступницы бросили тень на графиню, ее стали подозревать в ряде отравлений, и если бы король, приняв во внимание его прежние с ней отношения, не позволил бы ей бежать, ее судил бы заседавший в Арсенале чрезвычайный суд, который, как утверждают, нашел в том, что ему удалось узнать, достаточно оснований, чтобы сжечь ее заживо. Король настолько был убежден в ее виновности, что однажды сказал ее зятю, герцогу Буйонскому (разговор происходил в присутствии моей матери, и она потом не раз рассказывала мне об этом):

— Я позволил госпоже графине — так ее называли — бежать из Франции; дай же Бог, чтобы мне не пришлось отчитываться перед Всевышнем и моими подданными в том, что я позволил ей уйти от правосудия!

Судя потому, что эта женщина совершила в дальнейшем и что нам еще предстоит увидеть, легко догадаться, что она способна на все и вряд ли кто-нибудь может искренне считать, что Лавуазен оклеветала ее. Собственный сын ни во что ее не ставил. В то время она жила в Брюсселе и готовилась к отъезду в Испанию.

Я спросила принца Евгения, собирается ли он повидать ее.

— Нет, — ответил он, — я еду прямо в Вену, а оттуда — в армию. И мне совсем не хочется, чтобы меня побили в церквах камнями, появившись я там в обществе госпожи де Суасон, как это случалось с другими. Судя по всему, фламандцы не склонны шутить, когда речь идет о дьяволе и его прислужниках.

Принц Евгений был невысокого роста, но довольно хорошо сложен и, несмотря на свою худобу и очень смуглый цвет лица, был очень привлекателен, черты его были красивы, а глаза горели огнем. Свои черные волосы он не прятал под париком, что выглядело необычно. При французском дворе он славился своими многочисленными любовными победами и во всех альковах одерживал верх, но этого ему было недостаточно: он хотел прославить свое имя и обеспечить себе более блестящее положение, нежели то, что уготовано младшим отпрыскам княжеского рода, как это случилось с его отцом, не пользовавшимся особым уважением знати.

Прежде всего он попросил доверить ему командование кавалерийской ротой, и надо было слышать, как он об этом рассказывал! Чтобы не получить отказ, принц обратился прямо к королю. Именно это его и погубило. Всемогущий в то время г-н де Лувуа, давно привыкший к низостям придворных, решил, что молодой человек слишком много себе позволяет, осмелившись пренебречь его согласием и поддержкой, и затаил смертельную ненависть к нему. Когда король заговорил с ним о юноше, г-н де Лувуа придал лицу презрительную мину и ответил, покачивая головой (этот жест был хорошо известен всем армейским офицерам и не предвещал ничего хорошего):

— Принц Евгений Савойский, государь! Но ведь ваше величество не помышляет о таком: он слишком слаб, слишком хрупок для того, чтобы быть военным, и не выдержит ни одного похода.

— Однако, сударь, нельзя отказать сыну графини Суасонской и племяннику кардинала Мазарини н такой ничтожной милости, как командование ротой. Как бы жалок он ни был, ему все же надо бросить кость.

— Ваше величество не знает этого молодого человека: он опасен, он любой ценой готов добиваться славы и признания.

— Любой ценой?! Но, мне кажется, он не большой вояка? — промолвил король.

— Да, но он из рода Дюнуа и состоит в родстве с Савойским домом, а иностранцы никогда не приносили нам удачи на занимаемых ими должностях.

Нескольких этих слов было достаточно, чтобы разубедить Людовика XIV, и без того не слишком расположенного к принцу Евгению. И когда принц предстал перед его величеством и, молча склонившись, как принято при французском дворе, ждал, что скажет король, тот ответил ему соответствующим образом:

— Я очень раздосадован, сударь, но вы слишком слабы, чтобы служить мне.

И он прошел дальше.

Молодой человек решил не сдаваться, обратил свой взгляд в другую сторону и, вздыхая, решил стать церковником.

«Если я недостаточно силен, чтобы служить королю, — сказал он себе, — у меня хватит сил, чтобы послужить Богу».

В итоге он отправился в приемную отца Лашеза, распоряжавшегося бенефициями, и смешался с толпой аббатов всех мастей, в кругу которых выглядел довольно странно. Он столь часто появлялся там, что в конце

концов г-н де Лувуа, самый мстительный из людей, распознал его под сутаной и опять закрыл ему дорогу: министр хотел взять реванш за то, что мать Евгения во времена своего могущества доставила ему немало хлопот. Когда аббат из Савойи стал исповедником, на его пути появилось еще одно препятствие, и на этот раз он был не вправе возражать.

— Сударь, — сказал ему отец Лашез, — вы слишком распущенны, чтобы служить Богу.

— О! Простите, отец мой, надо бы нам договориться, — возразил в раздражении принц, выведенный из себя замечанием отца Лашеза, — король сказал мне, что я слишком похож на капуцина, чтобы быть солдатом, а теперь вы говорите мне, что я слишком похож на солдата, чтобы быть капуцином. Кто же из вас двоих прав?

Правы были оба, поскольку и тот и другой стояли на своем.

Напрасно проситель пустил в ход все свои возможности — он ничего не получил, кроме отказов, что привело его в полнейшее отчаяние и заставило проникнуться страшной ненавистью к королю, нашему государю.

Когда принцы де Конти замыслили свою безрассудную вылазку в Венгрию, он решил присоединиться к ним.

— Только я, — сказал он своим друзьям, — никогда уже не вернусь.

Устав от унижений и ничего более не требуя, он уехал. Когда г-н де Лувуа узнал об этом, он проворчал, посмеиваясь:

— Тем лучше! Больше он не будет мешать нам в этой стране!

— О! — воскликнул принц, когда ему передали эти слова. — В таком случае я помешаю ему совсем по-другому. Я вернусь в страну, откуда он гонит меня, но уже с оружием в руках!

Он сдержал слово; Людовику XIV и Лувуа не раз пришлось пожалеть о том, что им не дано было предвидеть, какого полководца отослали они к своему врагу.

Принц Евгений питал особое, ни с чем не сравнимое отвращение к г-же де Ментенон. Много раз и при самых разных обстоятельствах я имела возможность убедиться в этом; его чувства по отношению к ней и королю были всегда неизменны: он адресовал им одни и те же угрозы.

— Если б я мог дойти до Парижа, — говорил он во время последней нашей встречи, — если б маршал де Виллар не остановил меня в Денене, а англичане явились в назначенное место, я повелевал бы в столице великого короля, и уж тогда эта Ментенон была бы заперта в монастыре на всю оставшуюся ее жизнь. Но Богу это не было угодно!

Может быть, я уделяю слишком много внимания принцу Евгению и

тому времени, когда он еще не был знаменит, но мне кажется, что именно сейчас стоит рассказать о начале пути и чрезвычайно трудных первых шагах человека, которого нам предстоит увидеть в блеске славы и величия.

Я всегда питала и до сих пор питаю к нему подлинно дружеские чувства и уверена, что он отвечает мне тем же. Иногда мы обмениваемся письмами. Когда я подойду к описанию битв и его великих побед, я постараюсь сделать это как можно лучше, хотя женщины не слишком много понимают в делах такого рода; правда, я имела возможность слышать рассказы об этих баталиях из уст других людей, и прежде всего от герцога Савойского, очень любившего вспоминать о них. Стремление убить ближнего более всего приносит славу героям. Войне, ее хитростям и стратегическим уловкам учатся так же, как игре на теорбе: это одновременно и наука и искусство. Я же слишком люблю покой, удобство и мир в моем жилище, свое благополучие, чтобы не испытывать отвращения к подобным тревогам и сражениям.

Герцог Савойский был еще довольно молод и всем сердцем еще предан синьорине ди Кумиана, так что после нашей первой встречи он даже не смотрел в мою сторону; что же касается меня, то я о нем просто не думала. Меня занимали два человека: прежде всего мой муж, затем — свекровь.

Я должна искренне и простодушно признаться: если бы г-жа ди Верруа была доброй и ласковой, если бы она позволила мне любить ее сына, не встала бы между нами со своей властью и капризами, возможно, мое чувство к нему осталось бы спокойным, а в наших отношениях не было бы надрывов и обострений; но усилия моей свекрови, вознамерившейся отнять у меня принадлежавшее мне место в сердце и в жизни г-на ди Верруа, привели к тому, что я сама приняла ее игру и стала более требовательной. Муж мой, полностью подчинившийся ей и ее власти, отвечал холодностью на мою нежность. Мать воспитывала его с колыбели; привыкнув слушаться ее во всем, даже в мыслях не допуская ничего, что вызвало бы ее неодобрение, он не смел и глаз поднять без ее разрешения. Он дрожал при одном воспоминании о ней даже в наших покоях, наедине со мной.

Однако привыкнуть можно ко всему, особенно в молодости; по истечении полугода моего пребывания в Турине я сама подчинилась этому игу и уже не помышляла о том, чтобы сбросить его, а если порой и ощущала тяжесть подобного существования, то старалась забыть, повторяя себе, что так должно и быть. Герцогиня Савойская была чрезвычайно внимательна к нам с мужем, по-матерински заботилась обо мне и тревожилась, видя меня такой серьезной.

— Куда подевался ваш веселый нрав, графинюшка? — часто спрашивала она меня.

Это обращение надолго закрепилось за мной как особый титул, отличающий меня от свекрови.

Я не осмелилась ответить принцессе: «Увы, сударыня, я утратила веселость одновременно со свободой, которой меня лишили, вместе с детскими мечтами, которые мне разбили! Я и в самом деле графинюшка, а Жанной д'Альбер остаюсь только перед Богом и супругом!»

В последних строчках заключена загадка, которую трудно объяснить, но очень скоро мне придется приступить к этому. Все это довольно

любопытно и заслуживает упоминания, несмотря на деликатность подобного сюжета, особенно если учесть, что я и есть его главная героиня. Я вовсе не ханжа, Боже упаси! В такой стране и в нынешнее время это было бы крайне смешно.

Однако есть нечто такое, о чем я не могу рассказать, а тем более не сумею написать. Об этом можно упомянуть лишь вскользь, между двумя улыбками, между двумя шутками, за которыми скрывается серьезность признания. Если бы г-н ди Верруа не умер, мне было бы труднее говорить о нем так, как я говорила и буду говорить в дальнейшем; и хотя этим мемуарам еще долго не суждено увидеть свет, во имя его я буду, скорее всего, сдержанна в своих жалобах. Меня увлекли, даже подтолкнули на тот путь, по которому я пошла, нанеся тяжкое оскорбление, и одного этого достаточно, чтобы с еще большим уважением относиться к его памяти. И если я стала Царицей Сладострастия, то такое произошло потому, что я способна испытывать всякие, даже столь тонкие чувства в любви, а это немаловажно.

Герцог Савойский почти всегда был рядом с нами; он не добивался ни одной женщины, и двор очень скучал оттого, что он больше не ухаживал за дамами. Но его дядя, дон Габриель, был большой волокита и неизменно подшучивал над постоянством герцога, приводя в пример своего отца.

— Если бы мой прославленный родитель был похож на вас, дорогой племянник, в настоящее время я не был бы генерал-лейтенантом вашей кавалерии и не пережил бы славных мгновений, дарованных мне в этом мире. Обладать женщиной и любить ее превыше всего — естественно; но когда она оставляет нас, надо поступать так же. Поскольку г-жа ди Сан Себастьяно предпочла отъявленного тупицу такому молодому и красивому принцу, как вы, она не заслуживает сожалений. Надо забыть и думать о ней. Разве мало женщин у вас при дворе? Такого выбора я и не припомню. О, был бы я в вашем возрасте!

— Сударь, любовь совсем меня не занимает; я думаю о том, что скоро мне исполнится двадцать лет, я стану совершеннолетним, не буду нуждаться в опеке и непременно пожелаю править самостоятельно.

— Кто вам мешает? Достаточно одного вашего слова — и регентство прекратится, ручаюсь вам в этом; госпожа герцогиня вовсе не страдает чрезмерным честолюбием и не станет удерживать власть любой ценой. Если хотите, я сам поговорю с ней!

— Нет, еще не время.

— Без конца ждать и тянуть — плохой образ действий.

Дон Габриель был странный человек. Он казался горбатым, хотя на

самом деле не был им, но из-за раны, полученной в молодости (он был очень храбр), ходил перекосившись на один бок. У него была явная склонность к музыке, и он щедро платил скрипачам, которые во время обеда играли ему симфонии. Другой его страстью была дрессировка щенков. Он посылал за ними во все края, каждый год ему привозили их во множестве, и он выбирал из них для себя питомцев.

Собаки дона Габриеля были действительно хорошо обучены, и на них было любопытно посмотреть. Они танцевали, играли по команде хозяина, на них надевали очень чистые одежонки, а клички им выбирали из прекраснейших исторических имен: это были Цезари, Помпеи, Карлы Великие, Баярды. Сучек называли по именам богинь: Венера, Юнона, Флора, Помона, Минерва — тут был весь Олимп.

У каждого щенка была своя изящная конура; у любимца по кличке Идоменей конуру называли «остров Крит». Все собаки жили в огромной комнате и покидали ее лишь для того, чтобы посетить хозяина. Весь двор ходил любоваться ими; великий приор — так называли дона Габриеля, судьбою предназначенного к вступлению в мальтийские рыцари, — был в восторге от успехов своих учеников и, когда публика была довольна ими, благодарил и кланялся посетителям, словно лицедей. Тем не менее, этот славный бастард был человек большого ума и настоящий полководец; в бою он сражался, как ландскнехт! Дон Габриель любил своих детей, и доказательства тому были представлены после его смерти.

Герцог Савойский еще восемь лет находился все в том же положении, что очень угнетало его. Он ни с кем не делился своими мыслями, но обдумывал великий план правления, идею которого ему якобы подсказали князь делла Чистерна и две-три юные головы, при всем том, что он значительно превосходил их умом. Такой план был разработан им к 1688 году, и мы подходим к этому времени.

Я уже рассказывала, что синьорина ди Кумиана вынуждена была скрыть поспешным замужеством плоды своей любви с герцогом Савойским. После отъезда она жила совершенно уединенно и скрытно в одном из замков графа ди Сан Себастьяне. При дворе о ней мало говорили, то ли из осторожности, то ли для того, чтобы поскорее забыть о женщине, которая могла стать всемогущей фавориткой.

Однажды герцог Савойский получил тайное послание и был очень взволнован тем, что узнал из него. Дон Габриель был в курсе любовных приключений племянника, и он рассказал мне обо всем.

— Хорошо, — сказал герцог посольному, — я приму меры.

Посольный удалился, а Виктор Амедей в сильном возбуждении принялся широким шагом ходить по кабинету, строя тысячу планов и тотчас же отказываясь от принятых.

А случилось вот что.

Прошло чуть больше полугода с тех пор, как синьорина ди Кумиана стала г-жой ди Сан Себастьяно, и намного раньше всех сроков, положенных природой, готова была разрешиться от бремени, что, соответственно, могло выдать момент зачатия.

Госпожа ди Сан Себастьяно умоляла герцога прийти на помощь и спасти ее. При ее изворотливости она и сама могла себя спасти. Но хитрая женщина

не собиралась упускать удобный случай, способный оживить в сердце Виктора Амедея воспоминание и любовь, которые в конце концов стираются с течением времени, если не позаботиться о том, чтобы разжечь их.

Письмо, посланное ею герцогу, было, между прочим, так искусно написано, что могло вызвать живой отклик в сердце, все еще хранящем любовь.

Она уверяла его, что готова была бы пожертвовать жизнью ради любви, но есть нечто выше ее любви — честь. И если прежде, поддавшись страсти, она могла рисковать своей репутацией, то теперь, когда ее честь одновременно является честью г-на ди Сан Себастьяно, ей невозможно себе этого позволить. И если она и страдает, то этим искупает свой грех; жертва, которую ей пришлось принести, — это расплата за прежнюю слабость. Но она уже не имеет права обречь на позор и отчаяние того, кто

поверил в нее и дал ей безупречное имя.

«Вы должны меня спасти, — продолжала она, — ибо я слишком сильно любила Вас; Вы должны сделать это и для г-на ди Сан Себастьяне, всегда преданно служившего Савойскому дому».

Герцог был в том возрасте, когда легко изобретают всякие уловки, поскольку готовы идти на все. Поэтому план был составлен им очень скоро.

Он немедленно вызвал в Турин г-на ди Сан Себастьяно, весьма удивившегося приказу своего государя. Тем не менее старый граф поспешил явиться на тайную встречу, назначенную ему герцогом Савойским. Получив известие о приезде графа, переодетый герцог с наступлением вечера пришел один в уединенный дом, расположенный в предместье Турина. Господин ди Сан Себастьяно ждал его.

— Ваше высочество посылали за мной, — сказал граф, — и я жду приказаний, испытывая благодарность за то, что вы вспомнили о старом слуге.

— Нет, о преданном друге, граф, и речь идет не о приказе, а о просьбе, с которой я хочу к вам обратиться.

— Ваша просьба — приказ для меня.

— Мне известна ваша преданность, и я благодарю вас за нее. Поэтому я и решил, что вы, самый достойный из дворян, больше всех подходите для выполнения важного поручения, от которого зависит величие Савойского дома. г

— Важное поручение? Для меня, живущего вдали от людей, отошедшего отдел и дипломатии?

— Именно потому, что вы удалились от двора, вам более чем кому-либо другому удобнее взять на себя поручение, которое я на вас возлагаю. Я посылаю вас в Венецию, к дожу; но вы поедете не как посол. Предположим, что это будет развлекательное путешествие для госпожи ди Сан Себастьяно.

— Ваше высочество, ее состояние не позволяет предпринимать длительных поездок.

— Тогда сделайте вид, что едете по делам; придумайте что хотите. Вот письмо для дожа Республики; вы должны оставаться в Венеции до моего появления там. Я приеду не таясь через несколько дней, чтобы присутствовать на карнавальных торжествах. Видите ли...

Господин ди Сан Себастьяно, ничего не подозревая, уехал, обремененный наставлениями Виктора Амедея.

Графиня ди Сан Себастьяно, якобы преисполненная заботы о муже, заставила его взять с собой домашнего врача. Он мог быть ему полезен, а

для нее представлял большую опасность.

Через два дня после отъезда супруга графиня почувствовала первые схватки. Об этом сообщили герцогу. Он покинул Турин и направился к замку г-жи ди Сан Себастьяно.

К графине Виктор Амедей послал выбранного им самим врача, человека надежного и преданного. Госпожа ди Сан Себастьяно родила крупного мальчика, славненького и здоровенького. Долгое время роды хранили в секрете: герцог Савойский позаботился о том, чтобы графа продержали в Венеции более трех месяцев, ибо сам он в том году так и не приехал на карнавал, как собирался, и лишь за несколько дней до возвращения в свой замок г-н ди Сан Себастьяно узнал, что родился наследник его титулов и богатств.

У графини хватило ума все это время пролежать в постели и почти не показываться слугам; лишь одна из ее горничных была посвящена в тайну.

Граф был в восторге от того, что супруга так скоро поправилась, а его сын так быстро развивается.

— Ребенку всего неделя, — говорил он, любуясь прекраснейшим отпрыском рода Сан Себастьяно, — а он уже такой крепыш, что ему дашь три месяца!

Граф и не подозревал, насколько точно он угадал возраст ребенка. Говорят, что г-жа ди Сан Себастьяно не смогла сдержать улыбки, а граф решил, что она улыбается от радости и материнской гордости.

Я не упомянула, что герцог Савойский в отсутствие графа имел тайное свидание с бывшей любовницей.

Встреча была душераздирающей и страстной. Я уже говорила о необыкновенной изворотливости синьорины ди Кумиана. Изворотливость и страсть сыграли здесь свою роль в полной мере.

Герцог напоминал ей о любви, разбитой столь роковым образом, говорил о пережитых волшебных ночах, переполненных наслаждением. Он жаждал оживить прошлое и пылал страстью больше, чем прежде.

Графиня казалась взволнованной, трепещущей, оскорбленной. Свои притворные порывы она смирjala внезапными угрызениями совести и то устремлялась к нему, теряя голову, то вырывалась из его объятий, призывая на помощь себе Бога, честь и добродетель. Она бросалась в ноги герцогу, проливая слезы, настоящие слезы, била себя в грудь, рвала на голове волосы, умоляя любовника пощадить ее слабость и пошатнувшуюся добродетель.

Герцог колебался, но все больше и больше восхищался ею, ведь она была так соблазнительна в своем отчаянии.

И в свою очередь он умолял ее, говорил о своих долгих терзаниях, бесконечных страданиях, бессонных ночах, наступивших после того, как она покинула его.

— Вы говорите, что любите меня, — вздыхал герцог, — и готовы позволить мне умереть!

Тогда она изобразила прекрасный душевный порыв, который определенно должен был произвести впечатление на Виктора Амедея:

— Умереть! Вам, кому я готова отдать всю свою кровь, всю себя? О! Чего стоит моя добродетель, когда речь идет о вашей жизни!

— Ты любишь меня, ты — моя!

— О да, твоя, и еще раз твоя; но милости прошу, прошу у тебя милости!

— О, говори! Говори! Чего ты хочешь — моих владений, моей жизни?

— Нет, нет. Но когда я опять стану твоей, возьми вот этот кинжал и убей меня!

И графиня метнулась к нему, исполненная твердой решимости.

Она жива до сих пор.

Но именно тогда появились первые ростки того безграничного доверия, которое впоследствии Виктор Амедей испытывал к этой новоявленной Ментенон.

XVII

Сегодня, не знаю почему, я хочу оставить в стороне двор и политику и рассказать вам о моем доме, моем супруге и первых днях замужества, так сильно повлиявших на всю мою жизнь.

Господин ди Верруа не догадывался, что лишает меня счастья и делает все, чтобы мы расстались навсегда... Кроме того, моя свекровь, — я заявляю здесь об этом, и дай Бог, чтобы мои слова попали на глаза всем женщинам, которые встанут между сыном и молодой женой, ими же выбранной! — да, моя свекровь оказалась непосредственной виновницей нашего разрыва и того вреда, который причинен мною г-нуди Верруа, если только я действительно причинила ему вред, о чем судить может лишь Бог, мне же самой об этом ничего неизвестно.

Я уже рассказывала о том, как вначале воспринимала свое рабство и, будучи маленькой девочкой, восставала против власти г-жи ди Верруа не больше, чем ее сын, достаточно взрослый для того, чтобы руководить собой, и вполне способный руководить нами двумя. Во дворце Люинов я привыкла к подчинению, но подчинению завуалированному, если можно так выразиться. Мне приказывали только тогда, когда считали совершенно естественным, что я покорюсь долгу, а мне казалось, что я делаю все по собственной воле, и это мне ничего не стоило. Моя мать была строга, требовательна, но добра и приветлива. А г-жа ди Верруа считала суровость достоинством, при всем том, что в ее суровости вовсе не было достоинства: она подавляла всех окружающих, заставляла подчиняться одному движению своей руки... Она решила, что и с годами я останусь маленькой девочкой, ребенком в полном смысле слова.

Впрочем, аббат делла Скалья тоже придерживался такого мнения: странная любовь, которую он питал ко мне, побуждала его ограждать меня от любого влияния, способного завладеть моим сердцем и чувствами.

Он понимал, что я еще слишком молода и что еще рано делать попытки обольстить меня. Аббат ожидал также, что отец Добантон подчинит своей воле мое сердце и разум...

Кроме того, он надеялся, что одиночество, притеснения и скука, окружавшая жену племянника, заставят ее однажды принять любое предложение, которое даст ей возможность освободиться от этой гнетущей обстановки.

Госпожа ди Верруа гоже опасалась власти любви, способной завладеть

сердцем ее сына; она как можно дальше отодвигала время предстоящей борьбы, ибо понимала, что победа будет не на ее стороне; она надеялась, выиграв время, прочно укрепить свою власть и стать такой сильной, что ее уже нельзя будет ниспровергнуть.

Я была помехой: она находила, что я не так глупа, как ей бы хотелось, и вместе с тем уже достаточно хороша, чтобы понять, какой стану в дальнейшем; у нее голова шла кругом при одной мысли о том, что она может оказаться в собственном доме на втором плане и будет вынуждена принять настоящую графиню ди Верруа — хозяйку дома, повелительницу, в то время как ей не останется ничего, кроме роли советчицы, чаще всего непризнанной. Поэтому она и решила окончательно подавить и сломить меня.

Наверное, ей бы это удалось, если бы не одно обстоятельство, которое возникло не по моему желанию — я на такое была неспособна, — а по воле случая и согласно природе. Вот так и происходит с планами и расчетами людей: достаточно секунды, чтобы разрушить их.

Когда я приехала в Турин, мне было около четырнадцати лет. Первые два года я провела под таким гнетом, что, по меньшей мере, могла сойти с ума, и планы моей свекрови увенчались бы полным успехом. Наша жизнь была расписана, как в монастыре. Мой муж занимался в своей комнате минералогией, к которой он пристрастился еще в Детстве, бегая по горам, и приходил ко мне только в определенные часы, но вечером — никогда.

Наши покои соединяла общая прихожая. Хотя я и любила своего мужа, мое воображение не простиралось дальше ласкового разговора, пожатия руки, обмена взглядом — короче, скромных и невинных радостей. Что же касается г-на ди Верруа, то он несомненно был более сведущ в таких вопросах; но его знание было подобно книге, хранящейся за семью печатями, книге, которая может быть открыта лишь по приказу хозяина.

Почти ежедневно мы обедали вдвоем, поскольку свекровь удерживали при дворе ее обязанности. Иногда у нас бывали гости: чаще всего — аббат дела Скалья, затем добрый кюре Пети с малышом Мишоном, стоявшим навтыжку за его стулом, кое-какие родственники или друзья, и, кроме того, нас окружало множество пажей и лакеев, всегда присутствующих в больших домах Италии. Словом, все выглядело очень торжественно. Когда мы были свободны от посещения двора, у нас устраивались многолюдные приемы. Я училась развлекать гостей — наука очень редкая, особенно за пределами Франции, где покойный король своим благородством и величием поневоле привил это умение всем дамам.

Я смертельно скучала! Я жила, если это можно назвать жизнью, в

холодном как лед мире. Единственно приятные минуты наступали тогда, когда приходил Мишон, чтобы от имени хозяина узнать, как идут мои дела, или передать от него послание; я обращалась с ним как с Жаклин; когда никто не видел, играла с ним, смеялась, глядя на него, наслаждаясь возможностью радоваться, ибо теперь позволяла себе улыбаться лишь перед зеркалом. Он любил меня почти так же, как самого славного аббата, и, мне кажется, мог бы покинуть его ради меня, хотя потом и раскаялся бы в этом.

Бабетта и Марион меня просто не узнавали: я приказывала им замолчать, когда они заводили речь о Франции, так как боялась, что буду страдать, сравнивая свою теперешнюю жизнь с прежней. Бабетта не досаждала мне расспросами: она лучше меня самой понимала, как я несчастна, ведь я еще не осознавала, что меня ждет.

Тем временем я подошла к тому возрасту, когда мысли преобразуются в чувства. Мне было шестнадцать лет, я была красива, любила украшать себя, нравилась сама себе, полагая, что у меня хорошенькое и приветливое личико. Но мне так хотелось услышать, как об этом говорят другие, они ведь, наверно, думали так же, но молчали — из уважения ко мне! Однако в моем возрасте об уважении еще не очень-то заботятся.

Я стала проводить больше времени за туалетом, тщательно подбирала наряды, меняла их трижды вдень, вздыхая оттого, что сидела одна в своей комнате, становившейся, впрочем, очень веселой, когда солнце проникало в огромное окно и освещало золотистыми лучами волосы прекрасных крестоносцев, изображенных на стенах, которые были расписаны фресками, как принято в этой стране. Нередко в часы моего одиночества я рассматривала эти фигуры и придумывала разные истории с их участием. Мне хотелось поговорить с ними и иногда даже казалось, что они вот-вот ответят мне; мысленно я превращала их в своих друзей, спутников, и мое воображение разыгрывалось настолько, что порой я почти видела, как они двигаются.

Среди этих фигур особенно дороги стали мне две из них, отнюдь не самые блестящие: бедные дети, пастушок и пастушка, расположившись под дубом, спокойно приглядывали за стадом, а рядом с ними лежала собака. Они сидели обнявшись и смотрели на проезжающий мимо кортеж уж не знаю какого французского короля, в свите которого выделялись три представителя рода Ла Скалья с гербовым щитом у бедра и гербовой нашивкой на груди. Мои влюбленные не обращали никакого внимания на золоченые доспехи и парчовые мантии! Они любили, и их руки, их губы тянулись друг к другу. Пастушок и пастушка с таким гордым

пренебрежением взирали на сильных мира сего, отправившихся в дальние края на поиски славы и богатства, тогда как они, бедные обитатели убогой хижины, обрели здесь радости разделенной любви. О! Насколько же они были богаче! Я уже догадывалась об этом, чувствовала это и, не умея выразить свои ощущения, просто смотрела на этих счастливиц, завидовала им, просила поделиться со мной частичкой их блаженства, в сущности не зная, что представляет собой счастье, которого я ждала с таким нетерпением и которое все не приходило.

Иногда прекрасными летними ночами, очень рано наступавшими в том году, я гуляла при свете луны под высокими деревьями, источавшими ароматы, которые проникают прямо в душу. Несбыточные мечты и видения проносились перед моим мысленным взором; я весело переступала по длинной, залитой лунным светом аллее и в конце ее оглядывалась, словно надеясь услышать шаги любимого, догоняющего меня; я радовалась шуму листвы и щебету птичек, суесящихся в гнездах, наслаждалась пением соловья, журчанием фонтанов и шумом водопадов, обрушивающихся на ракушки; но прежде всего я прислушивалась к собственному сердцу, в котором тихо звучала песня соловья, — и была одна!

Набрав букет любимых цветов, я плела венки *сop amore* [note 9](#), но потом бросала их подальше, не зная, что ответить на вопрос, который задавала себе: «Для кого все это?»

После этого я возвращалась домой, пыталась заснуть, но не могла сомкнуть глаз, не могла отогнать от себя эти тени, эти лунные блики на водной глади и бесконечные аллеи, где так и не прозвучал голос, откликающийся на мой зов, не могла забыть большие деревья и тихие стоны в шелесте листьев. Эти видения, заполнившие мои мечты, тревожили меня даже во сне.

О Жаклин Баварской я уже и не думала!

В скором времени герцогиня-мать должна была устроить в дворцовом саду большой праздник по случаю помолвки ее августейшего сына с французской принцессой Анной Марией Орлеанской, племянницей Людовика XIV, дочерью Месье, а следовательно, сестрой регента, хотя у них были разные матери, ибо эта принцесса была сестра королевы Испании и, как и та, дочь той несчастной Генриетты Английской, что была отравлена шевалье де Лорреном и маркизом д'Эффия.

Будущий брак устраивал всех: это был надежный и в то же время выгодный союз. Молодой герцог, не слишком горя желанием жениться, все же дал согласие, оставив за собой право руководствоваться своими политическими пристрастиями и интересами. Он тяготел к Австрийскому

дому и в дальнейшем доказал это.

Между тем вдовствующая герцогиня желала придать этому браку как можно больше блеска. С первых же торжеств, хотя принцесса на них еще не присутствовала, должны были начаться развлечения. По этому случаю мне было чуть ли не приказано облачиться в роскошнейшие платья. Моя свекровь не преминула заметить мне, что венецианское кружево герцогини Монбазонской будет в этот день вполне уместно в сочетании с драгоценностями и прекрасным жемчугом, который ее высочество регентша подарила мне незадолго до этого. Графиня ди Верруа хотела одеть меня по своему вкусу, чего я опасалась, и не без основания. Поскольку речь шла о том, чтобы выглядеть красивой, я набралась смелости; отважившись на своевольный поступок, я отправилась к мастерице и изменила заказ свекрови; г-жа ди Верруа не видела, как я одевалась, ибо ей пришлось быть во дворце уже накануне праздника, и я воспользовалась этим, чтобы украсить себя по собственному усмотрению.

Увы! По сей день помню, как это было. Мне никогда не забыть того наряда, первого туалета, надетого мною с желанием нравиться, первого платья, подарившего мне радость женщины, избавившейся от детских пеленок!

На мне была белоснежная юбка из тяжелого муара с вытканными на нем белыми цветами; к этой юбке крепился приподнятый на боку и чрезвычайно длинный шлейф из розовой парчи с серебряной нитью, снизу доверху задрапированный прекрасным венецианским кружевом, которое было приколото бриллиантовыми застешками с подвесками. Такая отделка шла в несколько рядов по всему наряду. Колье и серьги, так же как и диадема, были подобраны под эти украшения. В прическу была уложена нить жемчуга стоимостью в тридцать тысяч ливров: эти бусинки, играющие серебром среди бриллиантов и изумрудов, казалось, были рассеяны у меня в волосах.

Уверяют, что этот наряд был мне очень к лицу, и когда я вошла, то уловила шепот одобрения, который обычно отдается в нас радостью и гордостью. Чтобы подойти к их высочествам, находившимся в другом конце зала, мне пришлось пересечь его. Свекровь, увидев меня, побагровела от гнева, ибо не обнаружила на мне платья, придуманного ею: его должны были украшать двенадцать симметрично расположенных круглых камней, более или менее обработанных; эти камни свекровь называла «мазаринами дома ди Верруа» — вероятно, в подражание знаменитым Двенадцати мазаринам. Я предусмотрительно оставила их в футлярах.

Госпожа герцогиня чуть не вскрикнула от восторга.

— О! Вот это настоящая француженка! — сказала она. Глаза г-жи ди Верруа метали молнии. Она восприняла похвалы их высочеств с благодарностью кошки, лакающей подслащенный уксус. Герцог Савойский сделал три шага мне навстречу и произнес первый со времени отъезда графини ди Сан Себастьяно комплимент, обращенный к даме. Двор тут же начал перешептываться.

— Герцог упражняется в ожидании будущей супруги, — промолвил дон Габриель, — мы сами скоро в этом убедимся; наконец-то он опять стал молодым, а то ведь вел себя как старик.

Мой муж был ослеплен, голова у него пошла кругом. Повсюду говорили только обо мне, мое появление стало событием дня. Виктор Амедей удостоил меня чести, дважды пригласив на танец, и когда я в последний раз поклонилась ему в конце менюэта, он ответил мне с таким видом, что я задумалась. Позднее он признавался, что в тот день впервые ощутил признаки любви, вызвавшей столько шума в Европе.

С этого дня было признано, что я самая красивая женщина при дворе. Это провозгласили и повторяли на все лады. Я сама начинала верить, что так оно и есть. Господин ди Верруа был удивлен и, возможно, польщен таким триумфом, а моя свекровь напрасно теряла время, донимая его своими нравоучениями и придирками, — теперь он оказался хозяином положения.

После бала мы возвратились домой, но не одни: г-жа ди Верруа, освободившись от своих обязанностей, сопровождала нас; она опасалась последствий моего успеха. Я устала, хотела побыть одна и, поклонившись г-же ди Верруа, сделала прощальный жест мужу; он взял мою руку, поцеловал ее и удержал чуть больше, чем положено; когда я уходила к себе, он провожал меня взглядом, а его мать пыталась увести его под тем предлогом, что ей нужно показать ему важное письмо, — и это в три часа утра!

Свекровь легла спать спокойной, ведь долгие годы отделяли ее от первой молодости, если у нее вообще была первая молодость! На следующий день она забыла о том, что в мечтах можно зайти далеко и что препятствия вдвойне подогревают любовь.

Она поднялась в обычное время и вновь приступила к своим обязанностям при герцогине — словом, она предоставила нам свободу. Я уже писала, что ей пришлось долго раскаиваться в этом.

Марион вошла в мою комнату и раскрыла шторы; лучи солнца полились на мою кровать; я пришла в восторг, и, вместо первых слов, с

моих губ сорвалось пение.

— О сударыня! Какая красота! — воскликнула моя служанка. — Взгляните на клумбу, роса просто переливается на цветах. Если вы еще чувствуете усталость, прогулка освежит вас.

— Ты права, Марион, я наброшу на домашнее платье батистовую накидку с капюшоном и немного пробежусь по аллеям.

И я быстро соскочила с кровати, закуталась в то, что попало под руку, и выбежала из комнаты, радуясь, как птичка, вырвавшаяся из клетки.

Под окнами у меня была разбита клумба, от нее тянулась грабовая аллея, а за ней была рощица, подрезанная и подстриженная по французской моде. Я отправилась прямо туда, чтобы посидеть в тени и поразвлечься в свое удовольствие. Обогнув рощу, я вдруг увидела г-на ди Верруа: он шел навстречу, не замечая меня. Не знаю почему, но я невольно покраснела; пожалуй, не совсем так: покраснела, сама того не замечая, ибо не сразу обнаружила, как горят мои щеки.

В первое мгновение я хотела отступить, чтобы он меня не увидел, как будто в чем-то была виновата и меня следовало побранить.

Он шел, опустив голову и свесив руки, и был похож на человека, который о чем-то глубоко задумался. Я наблюдала за ним сквозь листву, сердце мое колотилось! Он двигался медленно, но подходил все ближе; скоро он должен был пройти около меня. По-видимому, он меня не заметил; я протянула руку и дотронулась до него; он вздрогнул, как будто получил жестокий удар, и наши глаза встретились. Мы оба покраснели одновременно.

— Ах! Это вы, сударыня? — сказал он мне дрожащим голосом.

— Да, сударь, и вы тоже здесь!

Мы выглядели глупо, как и положено влюбленным. Милая, очаровательная глупость! О ней всегда жалеют, особенно когда возвращается разум, потерянный от любви.

Казалось, мы впервые увидели друг друга и обнаружили в себе то, чего не подозревали, и это произошло мгновенно. Тысячи мыслей проносились у нас в голове, нам хотелось поговорить, но мы замолчали, видимо потому, что слишком много должны были сказать друг другу. Мы пошли рядом, и я смотрела себе под ноги. Он, очевидно, смотрел на меня, но украдкой.

— Сударыня, — обратился он вдруг ко мне, как будто принял отчаянное решение, — вы были очень красивы вчера!

Как, оказывается, трудно говорить комплимент жене! Я ответила ему глубоким реверансом и поклоном головы, означавшим: «Вы слишком

добры, сударь!»

Очередная глупость, но столь естественная и непреодолимая, что в таких обстоятельствах все попадают в эту ловушку.

— Но вы еще прекраснее сегодня, — продолжал он. Вот почему я сказала вам, что он, очевидно, смотрел на меня.

На этот раз я не сделала реверанса, не сказала глупости — просто ничего не ответила: я была очарована. Наступила минута молчания. И снова г-н ди Верруа нарушил ее:

— Моя мать сегодня не вернется.

Это означало: «Мы свободны и можем не расставаться». Я только того и хотела и самой лучезарной из улыбок подтвердила ему это.

— Не угодно ли вам прогуляться в карете до летней виллы? — неуверенно спросил он. — Вам нужно подышать свежим воздухом, а леса и сады так хороши в это время года.

— Охотно, но...

— Могу ли я надеяться, что вы окажете мне честь, позволив сопровождать вас?

— Если у вас нет других дел.

— О! Мы поедем сразу же после завтрака; я пойду распоряжусь. Вы согласны, не правда ли?

Я засмеялась как безумная и совершила этим детскую ошибку, из-за которой все чуть было не сорвалось. У меня еще не было ни опыта, ни хитрости для понимания того, что рядом с людьми, забывшими о своих цепях, не следует ими греметь: этот звон будит их, заставляет вспомнить о забытом.

— О! — воскликнула я. — Если госпожа ди Верруа узнает о нашей прогулке, она это не одобрит и, вернувшись из дворца, устроит нам настоящий скандал!

Мои слова были чем-то вроде ушата холодной воды, окатившего г-на ди Верруа; он отошел от меня, сильно побледнел и ничего не ответил на мою шутку. Только тогда я поняла, что натворила, и готова была откусить себе язык.

Он стоял так несколько минут и, может быть, простоял бы еще долго, если бы я не придумала одну уловку. Даже самые глупые и простодушные женщины инстинктом понимают, когда надо пустить в ход кокетство, чтобы закрепить свою победу. Я ловко набросила подол своего батистового халата на колючую ветку и шагнула вперед. Ткань порвалась; я попыталась отцепить ее и уколола руку, разумеется, слегка, но все же достаточно сильно, чтобы появилась капля крови и я получила право поднять крик.

Мой супруг обернулся.

— Видите, — сказала ему я, — я поранилась.

Ему пришлось посмотреть на меня, и этот взгляд оказался решающим в нашем положении и повлек за собой все остальное, ибо, взглянув на меня, он уже не мог опустить глаза. Он дотронулся до раненого пальца, дрожа, поднес его к губам и поцеловал, затем пожелал перевязать его своим носовым платком и готов был разорвать его на клочки, если б я ему это позволила.

После этого мать в очередной раз была забыта и я стала полной хозяйкой положения. К нему снова вернулась его уверенность. Он выглядел веселым, раскованным, без конца шутил. Проводив меня до моих покоев, он очень церемонно простился со мной, чтобы я могла заняться своим туалетом, а он — своим, но перед этим распорядился запрягать лошадей.

Я совершенно потеряла голову и очень радовалась; оставшись наедине со служанками, я захлопала в ладоши, кружась по комнате и болтая с Марион.

— Я еду с господином ди Верруа кататься по полям; свекровь не знает об этом и не узнает; мы будем одни, мы будем спокойны. Я постараюсь задержаться там до завтра, чтобы она, вернувшись домой, не нашла нас и стала разыскивать. Вы увидите, как это будет забавно! Расскажите, когда мы вернемся.

Я хотела лишь подшутить над г-жой ди Верруа, отомстить ей, но вместе с тем сердце мое сжималось, я испытывала незнакомое и приятное чувство, радость и боль, страх и надежду; я ждала... не знаю, чего, но чего-то ждала, чувствовала, что стою на пороге счастливой перемены в своей судьбе; г-н ди Верруа казался мне как никогда красивым, стройным, умным, особенно с той минуты, как он назвал меня красавицей. О! Какой чудный день мы проведем!..

Но препятствия продолжали возникать на моем пути; одна досадная случайность чуть не расстроила наши планы.

Неужели Небеса вознамерились разъединить нас навсегда?!

Доложили о приходе дяди г-на ди Верруа, аббата делла Скалья.

Наверно, сам черт рассказал ему о нашем замысле и он пришел, чтобы не допустить ее.

Он справился о г-же ди Верруа; ему ответили, что она у герцогини и весь день проведет с ней, выполняя свои обязанности при дворе.

Аббат увидел, что запрягают лошадей, и спросил, кто выезжает. Ему сказали, что приказ запрягать отдал г-н ди Верруа. Казалось, ответ удовлетворил его. Немного помедлив, он пришел в мои покои и попросил

доложить о своем приходе.

Нетрудно догадаться, как не хотелось мне принимать его. Я велела сказать, что лежу в постели, очень страдаю от мигрени — мигрень всегда была спасительной соломинкой для женщин! — и нуждаюсь в абсолютном покое.

Я хотела как можно скорее выпроводить аббата, дрожа от страха, что он встретится с г-ном ди Верруа. Появление дяди могло воскресить в памяти моего мужа образ его матери, ибо аббат достойно представлял ее, и тогда — прощай мое влияние и моя власть! Прощай прогулка по полям и, главное, сладостные, чудные мгновения, которые я предвидела таинственной силой интуиции!

Не знаю, догадался ли аббат о своем поражении по моему ответу; страсть склонна сомневаться во всем и идет от догадки к догадке. Как бы то ни было, но несколько минут он ходил взад и вперед по моей прихожей.

Наконец, он ушел.

Я вздохнула с облегчением: мой супруг не встретился с ним.

Мы наспех позавтракали, каждый у себя; я едва притронулась к еде и стремглав бросилась в зал, где г-н ди Верруа уже меня ждал. На нем был красно-коричневый камзол с золотистым отливом и голубым витиеватым узором, белый пояс с жемчужной бахромой и парик, красивее которого не было во всей Савойе. Я была в обычном утреннем платье также небесно-голубого цвета, хотя мы не обмолвились и словом о том, как будем одеты. Поверх платья я набросила роскошную длинную накидку, поскольку по юроду нам предстояло ехать в карете с прозрачными стеклами. Я придерживалась правила — и герцог Савойский разделял мое мнение, — что без атрибутов, соответствующих нашему положению, никогда нельзя появляться простому народу, дабы ни у кого не возникало соблазна отказать нам в должном почтении.

Отнимите у Юпитера его золотистое облако — и кто станет поддерживать его?

Итак, мы выехали, как всегда нарядно одетые. Мы пересекли город, почти не разговаривая — слишком много людей смотрело на нас; мы же испытывали то чувство стыдливости, какое присуще первому чувству, всегда таящемуся, словно оно преступно.

Но в дела смертных часто вмешивается дьявол, и он во второй раз решил показать свои когти. В то мгновение, когда мы выезжали из городских ворот, чтобы направиться к нашей вилле, на дороге поднялись клубы пыли и показалась карета в сопровождении большой свиты верховых и слуг; народ с криками освобождал путь — это ехал его

высочество герцог.

Супруг мой сразу вспомнил о матери: она конечно же находилась при герцогине, и снова заволновался.

— О! — сказал он мне, думая вслух. — Там моя мать!..

— Ну что за беда, сударь? Почему вы не можете подышать воздухом на этой дороге?

Он ничего не ответил и, как полагалось, вышел из кареты, чтобы приветствовать принца, проезжавшего мимо. Герцог Савойский освободил от этой обязанности дам: карета промчалась мимо нас как молния, и свекровь не заметила, что мы находились рядом; если бы она об этом догадалась, то, без сомнения, заставила бы остановиться свиту их высочеств, чтобы в свое удовольствие выбрать нас прямо на дороге.

Когда стих грохот колес и улеглась пыль, г-н ди Верруа спокойно вздохнул. Мы продолжили путь и постепенно стали вести себя свободнее друг с другом. Я смеялась, с трудом сдерживая восторг по поводу того, что мы так ловко провели нашего аргуса.

Ехали мы очень быстро; погода стояла великолепная, а места, проносившиеся мимо, казались просто волшебными. Что может быть лучше для счастья?

Когда тебе двадцать лет, жизнь кажется прекрасной. Она открылась нам тысячью чудес, засверкала всеми гранями, как волшебный кристалл, отражающий многоцветие солнечных лучей.

Увы! Лучи нередко гаснут, а кристалл разбивается, и от этого чуда остается лишь тусклый образ, смутное воспоминание.

Дом, куда мы ехали, был красив и уютен; он стоял у подножия горы, на берегу реки, был окружен густым лесом с высокими деревьями и благоухающими цветами — прекрасное место для того, чтобы укрыться в тени при жарком климате да еще в это время года. У г-на ди Верруа в каждом из его замков было достаточно слуг; он мог приехать в любое время без предупреждения и иметь все, что ему нужно, и никаких помех этому не было. Он тратил на содержание этих домов огромные средства, уходящие впустую, но по-другому поступать было невозможно.

В тот день мне достаточно было слово сказать, и нас уже ждал готовый обед и ужин. Я помню каждую мелочь, потому что для меня это был подлинный свадебный пир и, без сомнения, один из счастливейших вечеров в моей жизни.

XVIII

Я уже говорила, что наша вилла была расположена на берегу реки, у подножия горы, в прелестном месте, где было все: изумительный вид, чудесный воздух, волшебная природа. Прекрасная погода и солнце могли бы, наверное, оживить и мрамор. Никогда еще я не испытывала подобного ощущения.

Судя по всему, то же, что было со мной, происходило и с г-ном ди Верруа. Для него все было ново так же как для меня: если не считать некоторых шалостей с горничными и камеристками, он впервые оказался наедине с молодой, красивой женщиной высокого положения, женщиной, которой надо было понравиться, чтобы добиться ее, и эта женщина уже три года была его женой. Согласимся, что для любовных притязаний положение сложилось интересное. Для начинающего это было счастьем.

Обед был подан очень быстро; в больших итальянских домах всегда имеются блюда, приготовленные на случай надобности (во Франции подобный обычай ввел герцог де Мазарини). В одном из замков на моих глазах произошло даже нечто поистине трогательное. Его хозяин за участие в заговоре или, скорее, за то, что выдал какую-то тайну королю Франции, был изгнан Виктором Амедеем из своих владений. Я не называю имени этого человека, потому что обещала герцогу тщательно скрывать его и не посмею нарушить клятву; упомянутый синьор еще жив, за его историей скрывается тайна, которая может погубить всю его семью, после чего она никогда не оправится; кроме того, у меня есть обязательства по отношению к этому дому, связанные с моими детьми.

Итак, этого синьора отправили в изгнание, но каждый день в обычные часы стол был накрыт, дворецкий и слуги подавали яства. Они ставили блюда на стол, минуту стояли в почтительнейшем молчании, как будто маркиз в самом деле присутствовал в комнате, затем убирали приборы, а еду раздавали бедным, наказывая им помолиться за его превосходительство; на следующий день все повторялось. Об этом рассказали герцогу Савойскому; он был так поражен, что очень скоро вернул изгнанника из ссылки, заявив, что такой хороший хозяин не может быть плохим слугой ему.

Возвращаясь к нашему обеду. Перед тем как сесть за стол, мы гуляли; затем граф доставлял себе удовольствие показывать мне убранство дома, который я почти что не видела, ведь мы приезжали сюда только с г-жой ди

Верруа, а это означает, что после реверансов нам приходилось неподвижно восседать в креслах, выслушивая комплименты — «представительствовали», как она это называла. Теперь я увидела картины — обязательную принадлежность любого итальянского дворца, великолепную мебель, серебряную посуду и драгоценности — настоящие сокровища; но, главное, я увидела комнату, обивка которой — венгерское кружево по розовой парчовой ткани — выглядела как новая.

— О! Эта спальня совсем не обветшала, потому что мой отец боялся ее, — с улыбкой сказал мне граф.

— Боялся, сударь? Но почему?

— Мой дед отделал ее так перед своей свадьбой для молодой и прекрасной графини делла Специя, в которую он был страстно влюблен.

— И что же?

— Накануне свадьбы здесь появилась очень старая женщина, пожелавшая осмотреть дом, и прежде всего брачные покои, якобы для того, чтобы прочесть молитвы и отогнать злые чары; дед разрешил ей это: он был слишком влюблен и потому доверчив. Старуха обошла дворец снизу доверху, произнося какие-то заклинания, бормоча какие-то слова, пока она не встретила радостного новобрачного, довольного своей судьбой и полагавшего, что он счастливейший человек на свете.

— И это вполне естественно, ведь он так любил свою красавицу-невесту.

— Да, но старуха посмотрела на него с жалостью и начала причитать: «Увы! Господи! Да как же это возможно!» — пока он не спросил, к чему относятся ее слова.

«К тому, что я вижу», — ответила она.

«И что же вы видите такое страшное?»

«Ваше несчастье, синьор, а вы его не заслужили».

«Мое несчастье! Мое несчастье, да еще сегодня? О! Этого не может быть».

«Может, и еще как! Вы не женитесь на обожаемой невесте и...»

«Я не женюсь на своей невесте, хотя уже завтра поведу ее к алтарю?»

«Нет, когда вы поедете за ней, вы ее не найдете, а эта прекрасная спальня...»

«Что? Проклятая ведьма! Эта спальня...»

«... послужит лишь неверной любви. Женщины, которые поселятся здесь, будут обманывать своих мужей».

Мой дед в ярости велел прогнать старуху.

На следующий день на рассвете он поспешил к графине, но она,

переодевшись в пажа, уже успела упорхнуть со своим кузенком. В итоге эта красивая кровать, эти восхитительные украшения на туалетном столике и эта богатая мебель до сих пор никому не понадобились — настолько пугало моего деда и моего отца это предсказание. Тонкие батистовые простыни все еще застелены для неблагодарной графини делла Специя. Все осталось в том же состоянии, как было перед несостоявшейся свадьбой. Взгляните сами.

— Это любопытно, и я хочу занять эту комнату.

— Вы, сударыня? — очень взволнованно спросил он.

— Да, я не верю в предсказания и, между прочим, достаточно уверена в себе и в вас, чтобы их опровергнуть.

В эту минуту нам доложили, что обед подан. Мы спустились вниз. Трапеза прошла в молчании, как на свадьбе; нам нечего было сказать друг другу в присутствии людей, подававших нам; так что за столом мы сидели недолго: мне не терпелось встать со стула и продолжить прогулку, казавшуюся мне столь приятной. На этот раз мы сели в лодку и были похожи на школьников, сбежавших с урока и жаждущих испытать все что возможно, пока рядом нет наставника.

У г-на ди Верруа был прекрасный голос и музыкальный дар, свойственный всем итальянцам. Он запел песню венецианских гондольеров, какую они поют в лагунах. Много таких песен я слышала позднее во время путешествия в обществе Виктора Амедея, но редко их так прекрасно исполняли. Песня и покачивание лодки убаюкивали меня.

Я опустила голову на подушки, разложенные повсюду на турецкий манер, глаза мои закрылись, меня охватила нега; я не спала, но словно оторвалась от земли. Этот голос, что шепчет и повторяет так нежно слова любви на итальянском языке (этот язык сам по себе любовь и мелодия); запахи растений, купающихся в реке; благоухающие прибрежные заросли; ветви деревьев, усыпанные цветами и гирляндами ниспадающие к волнам реки; насекомые, с жужжанием порхающие вокруг нас; птички, прячущиеся в листве и, время от времени нарушая свой сон, оглашающие пространство гармоничными трелями; изнурительный летний зной и даже шум весел, рассекающих гладкие волны, — все восхищало меня, все наполняло неведомым блаженством, какого я не испытывала, пожалуй, с тех пор как поселилась в том мире, где все реально и где не бывает снов наяву, которые я предпочла бы назвать откровениями!

Мой супруг приблизился ко мне, коснулся губами моего уха и сказал... Что сказал? Не знаю... Но он говорил долго, и его слова проникали мне в сердце, наполняли его и оживляли, как роса оживляет цветы.

Я не отвечала — и слушала, слушала его. Его рука отыскала мою и сжала ее. Я прижалась к нему; наши слуги были далеко, на другом конце лодки; парчовые занавески скрывали нас от их взгляда, и мне был дарован первый поцелуй и то ощущение, которое невозможно забыть и пережить вновь. Среди всех невинных наслаждений это — самое мимолетное, но и самое сладостное из тех, что хочется получать и дарить!

Я не сказала об этом г-ну де Вольтеру, он посмеялся бы надо мною. В нынешний век вряд ли будет понятно, почему мы растрачивали нашу молодость на такие пустяки. Сегодня больше торопятся, живут широко. Эпоха Регентства излечила наше время от любовного томления: регент оказался отличным врачом подобных болезней. На мой взгляд, это беда, но я ничего не могу поделать, не могу вернуть нынешнему времени то, чего у него нет, а именно — утонченностей сердечных переживаний; нашему времени нужны лишь дела и уверенность, и для него наши грезы не стоят и шести денег. Но у каждого свой вкус. Для меня такие наслаждения всегда были дороже всех остальных радостей, и, вспоминая свои далекие юные годы, которыми, кстати, мне пришлось не слишком удачно распорядиться, я больше всего тоскую именно по этим сладостным мгновениям.

Спустилась ночь; настало время возвращаться в Турин к нашей чопорной жизни и таким тяжелым цепям. Господин ди Верруа смотрел на меня не отрываясь, а я не отводила глаз от него. И в голове у меня зародился план, свидетельствовавший, насколько я еще была маленькой девочкой; он предоставлял возможность подшутить над г-жой ди Верруа и в то же время обещал нам счастье.

— Друг мой, — сказала я (у меня хватило смелости сказать ему: «Друг мой!»), — а не остаться ли нам здесь на ужин?

— Вы так хотите? — с радостным и одновременно смущенным тоном переспросил он.

— Я была бы счастлива! Отдайте же распоряжения. Приказы были тотчас даны и тотчас исполнены.

Для нас был накрыт стол, но не в парадной столовой, а в цветущей беседке; горели факелы, вдали играла музыка, воды По плескались у наших ног, отражая огни, — это было прелестно!

Мы пили лакрима-кристи из хрустальных бокалов, изготовленных из местных горных пород, а когда поднялись, закончив десерт, было уже одиннадцать часов. Слишком поздно для возвращения в Турин! Госпожа ди Верруа, наверное, уже спит или осталась во дворце; так зачем возвращаться? Нас потом побранят, только и всего. Так почему же не

подарить себе драгоценные часы свободы и не продлить их как можно дольше?

Так мы думали про себя, ничего не произнося вслух, но понимали друг друга.

— А если остаться?! — воскликнули мы одновременно.

— Возможно ли это? — добавила я.

— А вы решитесь занять спальню бабушки? — ответил мне муж.

— Немедленно сделаю это.

Прекрасное венгерское кружево, золотые туалетные принадлежности, ангельское ложе впервые служили молодой женщине, невесте из дома ди Верруа. Увы! Приходится признать, что предсказание старухи оправдалось в полной мере. Если бы она солгала, эти мемуары не были бы написаны.

Что же мне предстоит рассказать? Абсолютно добродетельным женщинам почти нечего сказать о себе. Они интересуются другими людьми только в особых обстоятельствах, в зависимости от положения или обязанностей, дающих им возможность выведывать интересные тайны. Письма г-жи де Севинье были бы не настолько прелестны, если бы в них говорилось лишь о ней и о г-же де Гриньян, которую я всегда терпеть не могла. К счастью, у Людовика XIV были любовницы, у знатных дам — любовники, и она была полностью в курсе всех этих дел.

На следующий день нас разбудило послание от свекрови, пришедшей в бешенство. Она послала свою старшую служанку, пользовавшуюся ее полным доверием, вывести все, чем я занимаюсь, и проклинала должность, вынуждавшую ее оставаться при ее высочестве, не имея возможности убедиться своими глазами в том, чего она больше всего опасалась. Эта девушка, швейцарка по происхождению, называвшая себя мамзель Люс, сварливая по характеру и угрюмая с виду, была вполне достойной копией своей хозяйки, подражая ей в каждой черточке.

Марион ее терпеть не могла. В то утро она (мы взяли ее с собой), увидев посланницу, заявила, что пойдет узнать, проснулись ли господин граф и госпожа графиня и можно ли передать им письмо из дома.

— Проснулись! — подхватила Люс. — Разве они просыпаются одновременно? Такого с ними не случалось.

— Возможно, это случилось с ними сегодня, — ответила Марион с торжествующим видом. — Когда пребывают в одних покоях...

— Значит, господин граф находится в тех же покоях, что и госпожа графиня?

— Разве ему не полагается там быть?

— Прекрасно, дорогая, — ответила Люс, владевшая собой лучше, чем

Марион, — уж нас с тобой это никак не касается, хозяева знают, что делают. Прошу тебя, посмотри, могут ли меня принять.

Марион не нашлась, что ответить. Она приехала с нами сюда, потому что выполняла обязанности камеристки: Бабетта, страдающая частыми недомоганиями, осталась дома. Мне надоели итальянки. Я брала их с собой только по соображениям этикета; они страшно досаждали мне, и я полагала, что они по приказу свекрови шпионили за мной, в чем вовсе не ошибалась.

Войдя в спальню, Марион осторожно отодвинула золотые занавески у ангельской кровати, очень мило поклонилась нам и сообщила:

— Госпожа вдовствующая графиня прислала узнать, как поживают ваши превосходительства. Мамзель Люс находится здесь по ее поручению.

О, сила любви! Мой супруг не испугался, а начал смеяться.

— Впустите мамзель Люс, Марион, чтобы она могла сказать моей матери, что никогда в жизни я не чувствовал себя так хорошо.

Мамзель Люс, желтое ленты на ее чепце, вошла и от удивления застыла как вкопанная.

— Господин граф!.. — бормотала она. — Госпожа графиня...

— ... вдовствующая графиня! — подхватил мой муж, делая упор на первом слове. — Вдовствующая, мамзель Люс.

— Госпожа вдовствующая графиня, — повторила доверенная служанка с кислой, как простокваша, миной, — желает знать, хорошо ли ваши превосходительства провели ночь и почему они не возвратились вчера вечером в Турин; уж не состояние ли здоровья тому причиной?..

— Удовольствие тому причиной, мамзель Люс, и ничто другое, — ответила я. — Нам здесь было весело, и мы остались, вот и все. Передайте госпоже ди Верруа наши заверения в глубоком к ней почтении и скажите, что через... два-три дня мы непременно возвратимся в Турин.

— Однако, сударыня, ее высочество госпожа герцогиня не была предупреждена об этом.

— Я пошлю одного из дворян к госпоже герцогине, — перебил ее мой муж, в отсутствие матери ставший графом ди Верруа в полном смысле слова, — вам не о чем беспокоиться, мамзель Люс.

Я прикрыла лицо одеялом, поскольку умирала от желания засмеяться при виде того, как вытянулся нос у мамзель Люс. Мой супруг достиг в моих глазах высоты в тридцать локтей, как истукан Навуходносора в Священном Писании. Мамзель Люс в полной растерянности попятилась, мысленно составляя отчет о нас, который должен был вызвать переворот в доме г-жи ди Верруа. Марион проводила ее, почти настежь распахнув

дверь, и поклонилась с насмешливой иронией.

Взрывы нашего смеха раздались за спиной у мамзель Люс, окончательно приведя ее в отчаяние. Позже нам пришлось поплатиться за это; но разве молодость бывает предусмотрительна?

День промелькнул как сон, затем еще один и еще. Мы послали дворянина к их высочествам; г-же ди Верруа теперь нечего было сказать, поскольку герцогиня ответила нам, что ей было приятно узнать о нашей поездке на виллу Ла Смальта и что она разрешает нам пробывать там столько, сколько мы пожелаем.

Но, тем не менее, пришлось возвращаться, и не к себе домой, а к вдовствующей графине, ибо все же власть полностью находилась в ее руках.

Довольная тем, что мне удалось завоевать мужа, я и не помышляла о том, чтобы отнять у нее эту власть, и это было большой ошибкой. Графиня не смогла бы удержать ее, как прежде, и, кто знает, быть может, г-н ди Верруа обрел бы счастье рядом со мной, а я несомненно не стала бы Царицей Сладострастия.

Свекровь встретила нас так, как будто ничего не произошло, только следила своим проницательным взглядом за малейшими нашими улыбками — она была слишком хитра, чтобы раскрыть свои темные замыслы и начать жаловаться. Она говорила только об обычных вещах: о женитьбе его высочества герцога, о туалетах принцессы, о возложенных на нее обязанностях — обо всем, наконец, кроме того, что ее беспокоило. Меня она все же спросила, не хотела ли бы я стать придворной дамой молодой герцогини:

— Если вас это устраивает, я добьюсь назначения. Принцесса — француженка и будет вам очень рада, я уверена, дайте только согласие.

Я отказалась наотрез. Дворцовое рабство, каким бы блестящим оно ни было, никогда меня не привлекало. Я не люблю никому прислуживать, предпочитаю, чтобы служили мне: и то и другое не подходит для принцев. Герцог Савойский долгое время был для меня только любовником, подобным другим. Как только он стал проявлять свою власть, я порвала узы, превращавшиеся в цепи.

Мы увидим это в дальнейшем. Вернемся же, если позволите, ко двору, с которым мы временно расстались, к женитьбе принца и ко всему тому, что произошло до или после этого события. Настало время поговорить о Викторе Амедее, рассказать о его характере, даже более необыкновенном, чем говорят, — характере, который грядущим историкам трудно будет себе представить. Я изучила его лучше, чем кто-либо, и вполне могу его

описать, сделав это беспристрастно, ведь я была для графа подругой, советчицей, иногда он прислушивался ко мне; скажу все до конца: если бы он был жив, мне не было бы от него прощения.

Увы! Он опередил меня!..

XIX

Прежде чем говорить о герцоге Савойском, или, скорее, о первом короле Сардинии, следует упомянуть о человеке, о котором еще не было речи, хотя он заслуживает особого внимания незаурядностью своего характера и положения. Легко догадаться, что это принц Филиберто Амедео, глава родовой ветви Кариньяно и двоюродный брат Виктора Амедея.

Небо лишило его речи и слуха: бедный принц родился глухонемым; но Всевышний наделил его всеми другими талантами, и не будь этого недуга, он, без сомнения, стал бы одним из выдающихся людей своего века. Он обладал редкостным умом и необычайной прозорливостью и пользовался огромным доверием двоюродного брата, советовавшегося с ним, особенно в молодости, по всем вопросам, которые требовали тайны; достаточно было написать ему одно слово, остальное, как только его вводили в курс дела, он читал по глазам. Когда я приехала в Пьемонт, он был уже не молод, но я, тем не менее, хорошо узнала его. Его сын женился на моей дочери: это событие заставит нас вернуться к ним позднее.

Образование, полученное принцем в соответствии с распоряжениями его отца, принца Томмазо, было так хорошо продумано и обогатило столь плодородную почву, что Филиберто Амедео понимал почти все по движению губ и некоторым жестам. Я намеренно сказала о нем несколько слов перед тем, как перейти к Виктору Амедею, ибо принц Филиберто был причастен почти ко всем событиям, происходившим в начале правления его двоюродного брата. Вернемся же к главному герою моих мемуаров.

Виктор Амедей, едва получив корону, сделал вид, что не дорожит ею. С этого времени он решил играть определенную роль и скрывать свои мысли, что стало нормой для него. Принц был очень ловок и хитер, даже скрытен; другие говорят о его коварстве и вероломстве; он гордился тем, что его трудно разгадать, что он умеет таить свои замыслы, обманывать врагов и даже друзей. Притворяясь, что он люто ненавидит Людовика XIV, даже презирает короля за его частную жизнь, Виктор Амедей во всем подражал ему, даже в наименее похвальных делах. И не его вина, что ему не удалось сделать двор Турина во всем похожим на Версаль; он стремился к этому постоянно: сначала обзавелся собственной Монтеспан — ею была я, ну а его Ментенон известна всем. У него был свой герцог Менский — им был мой сын; своя герцогиня Орлеанская — ее роль играла моя дочь.

Монсеньером был его старший сын. Лишь одно он сделал, никому не подражая, — отрекся от престола, хотя потом не раз раскаивался в содеянном. Впрочем, наверное, он думал о Карле V. Он любил великие примеры.

Виктор Амедей на деле был довольно скуп, при всем том, что душой щедр и великодушен. На себя он не тратил даже то, что было положено ему по рангу. За исключением тех случаев, когда он хотел мне понравиться, представ передо мной во всем великолепии, принц одевался так просто, что это было несовместимо с его высоким положением. После моего отъезда он стал скуп до скарденности: носил, не снимая годами, одежду кофейного цвета, без золотой или серебряной отделки, грубую обувь, как у крестьянина, зимой — валяные чулки, летом — нитяные и никогда не надевал шелковых, даже в торжественных случаях. О кружеве он даже слышать не хотел, заявляя, что в его стране этот товар не делают и пришлось бы покупать его за границей. Для своих рубашек он не желал выбирать никакой другой ткани, кроме грубого льняного полотна, а украшали их батистовыми оборками, как у семинаристов.

Когда я делала ему замечания по этому поводу, он отвечал:

— Мое тело воспринимает только эту ткань.

Сталь шпаги, с помощью которой он так часто одерживал победы, была покрыта ржавчиной, и он не позволял начищать ее. Кроме того, чтобы не портить полы своего камзола, он велел обшить кожей ее рукоятку.

Он всегда носил одну и ту же трость с набалдашником из кокосового ореха, а единственная его табакерка была сделана из черепахи и украшена ободком из слоновой кости. Иногда у меня даже возникало желание подарить ему табакерку из простого дерева и сказать, что черепаховая коробочка излишне красива.

Он заботился только о двух деталях туалета: парике и шляпе. Его парик с косичкой был сделан из тщательнейшим образом отобранных и превосходно уложенных волос. Шляпа из тончайшего кастора, украшенная перьями и шитьем очень странно увенчивала его костюм, вовсе не сочетаясь с ним.

Выходя на прогулку, он облачался в голубой широкий балахон на случай дождливой погоды. Такая бесформенная одежда лишь прикрывает фигуру, ничуть ее не украшая.

У него был всего один домашний халат — из зеленой тафты, подбитый белой медвежьей шкурой, — он носил его и зимой и летом. Зимой шкуру пристегивали на внутренней стороне халата, летом — поверх его, и фигура герцога в этом наряде выглядела странно. Нередко в сильную жару он

обливался потом в этом своем одеянии, но никак не желал с ним расставаться, несмотря на то что испытывал в нем настоящие муки.

Расходы на питание принца были строго определены и соответствовали затратам мелкого буржуа. В Турине они составляли десять луидоров в день, в загородных домах — пятнадцать, поскольку приходилось кормить министров, камергеров и посторонних. К тому же из экономии им без всякого стеснения приносили остатки еды с его стола, уже начатые блюда. Порой этой еды явно не хватало, и тогда к ней добавляли наспех приготовленное жаркое.

Король (к тому времени он уже стал им) шутил по этому поводу со своими сотрапезниками:

— Я плохо с вами обращаюсь, господа, но я ведь не Людовик Четырнадцатый: с меня нельзя спрашивать больше, чем я могу дать.

Его старший сын совсем не разделял этих склонностей, а ныне правящий король был еще более далек от них. Виктор Амедей находил это прискорбным.

— Вы полагаете, что бриллианты придадут вам больше блеска? — спрашивал он сыновей. — Неужели величие принца измеряется размерами его трат? Пусть ваш народ будет богат, пусть он будет счастлив, а сами носите ратиновый кафтан конюшего, и в нем вы затмите своим величием царей Индии со всеми их драгоценностями.

Утверждают, что нынешний король в конце концов уверовал в это; но его старший брат, которому был уготован столь печальный конец, так и не смирился с этим ратином и этим скудным рационом. В нем были поистине великие задатки, и, потеряв его, Пьемонт лишился многого.

Выдающиеся качества Виктора Амедея с блеском проявлялись как в мирное время, так и в периоды войны. Он был умелым управителем, тонким политиком и храбрым полководцем одновременно. В Европе герцог Савойский приобрел такое влияние, какого не мог добиться никто, кроме него. Он был в курсе всех закулисных интриг. Характеры, привычки, нравы всех государей, их любовниц, канцлеров и всех влиятельных людей были ему известны. Когда его дочь, будущая герцогиня Бургундская, столь достойная сожаления, уезжала во Францию, он наставлял ее, учил разбираться в сложных взаимоотношениях при французском дворе, словно прожил там целую вечность. Там она подчинила себе короля, г-жу де Ментенон и стала полновластной хозяйкой страны в то время, когда управлять ею было так трудно, и добилась всего этого благодаря советам короля, своего отца.

С доказательствами подобной проницательности Виктора Амедея и

его глубокого знания людей я встречалась часто. В дальнейшем мы сможем познакомиться с ними поближе.

Как мы уже видели, князь дела Чистерна, воспитатель Виктора Амедеев граф Прована, дон Габриель и даже принц ди Кариньяно не давали принцу ни дня покоя, уговаривая взять бразды правления в свои руки. Разумеется, он и сам жаждал этого, но, чтобы не обидеть госпожу герцогиню, хотел получить власть якобы под давлением, сделав вид, что вынужден подчиниться исключительно воле подданных и обстоятельствам. Каждое утро происходили бесконечные тайные совещания, и во время них герцог незаметно подсказывал собравшимся, как его следует уговаривать. Он выдвигал возражения для того, чтобы их отвергали, советовал тайком побеседовать с герцогиней-матерью и смиренно воспринимал ее ответы.

Граф де ла Тур, один из ближайших его приближенных, человек пылкого ума, безудержной и безрассудной храбрости, провел несколько часов на таком совещании у своего молодого повелителя и, уходя, сказал князю дела Чистерна:

— Я вижу, его надо заставить, подтолкнуть, и поверьте мне, я сделаю это завтра же.

Вместе они отправились в Риволи и составили циркулярное письмо, адресованное государственным министрам, знатым вельможам, генералам, комендантам военных крепостей; письмо уведомляло их, что с такого-то дня герцог возлагает на себя права, принадлежащие ему по рождению и возрасту.

Затем они, торжествуя, вернулись во дворец с документом в руках и принесли его принцу на подпись. Он ждал их с нетерпением, но, тем не менее, прежде чем сдаться, выдвинул тысячу возражений.

— А моя мать? — без конца повторял он. — А моя мать? Я не могу нанести ей такую обиду, она будет страдать. Я ее знаю.

— Только и всего? — бесцеремонно перебил его дон Габриель. — Я пойду к госпоже герцогине и вернусь, получив согласие; я тоже хорошо ее знаю.

И действительно, он бросился к ней. Госпожа регентша выслушала его совершенно невозмутимо, и, какая бы буря ни бушевала в ее сердце, она все же позволила дону Габриелю закончить его утомительную речь.

— Мой сын желает царствовать, — сказала она, — и не осмеливается объявить мне о своем желании. Его подданные призывают к нему, а он, боясь причинить мне боль, не решается удовлетворить их просьбу. Вы правы, сударь, утверждая, что знаете меня лучше, чем они, но я сумею привести всех к согласию, и немедленно.

Она взяла в руки перо и написала сыну письмо, настоящий шедевр тонкого ума и бескорыстия. Я долго хранила его, но герцог Савойский велел вернуть ему это послание. Сегодня оно могло бы стать историческим документом, и я вдвойне раздосадована его поступком. Герцогиня составила письмо, не отрывая пера от бумаги, и даже не перечитала его.

Она написала, что они оба подошли к тому возрасту, когда ему положено править, а ей — заняться своим пошатнувшимся здоровьем. Герцогиня просила сына без промедления предоставить ей отдых, умоляла разрешить ей оставить государственные дела, которыми она так долго занималась от его имени в надежде, что настанет тот желанный день, когда она сможет передать ему бразды правления.

Может ли быть что-нибудь трогательнее, смиреннее таких чувств, что-нибудь возвышеннее подобных рассуждений?

Дон Габриель возвратился с победой. Заговор удался, Виктор Амедей вступал во владение короной своих предков.

— Вы этого хотите, господа, а моя мать это требует, поэтому я даю согласие. Если б только я мог править так же блистательно, как она, и сделать моих подданных такими же счастливыми, какими они были под ее властью! Таковы мои желания, и да осуществит их Всевышний!

В то время я была уже в Турине. Помню, какое впечатление произвела эта новость на мою свекровь, как она была недовольна, ведь с удалением герцогини от дел пришел конец и ее могуществу. Она сочла герцога Савойского крайне неблагодарным и дерзким, оттого что он посмел занять место государыни, на протяжении стольких лет окружавшей его заботой и вниманием.

Она громко сетовала, оставаясь с нами наедине, но в присутствии посторонних никак не проявляла своего отношения к поступку герцога.

Мой супруг, еще не освободившийся от материнской опеки, подобно молодому принцу, не решался отвечать ей, но очень хотел последовать примеру герцога и сбросить свое иго.

Госпожа ди Верруа была безутешной. Сама мысль о том, что у молодой герцогини появится своя придворная дама, а сама она будет отодвинута на второй план вместе с герцогиней-матерью, выводила ее из себя. Вот почему свекровь так хотела, чтобы я заняла место придворной дамы: тогда она сохранила бы свою власть и через меня по-прежнему управляла бы всем.

Но, будучи еще почти ребенком, я разобралась во всем и не захотела попасть в эту ловушку.

Как только принц станет повелителем в своей стране и решит

жениться, герцогине-матери не останется ничего, кроме богоугодных дел при дворе. Она достаточно хорошо знала своего сына и понимала, что впредь он не допустит ее вмешательства в его дела. У нее хватило мудрости удалиться по собственной воле в надежде, что он когда-нибудь обратится к ней за советом, как он и делал, но исключительно в тех случаях, когда был абсолютно уверен, что поступит по-своему.

Я уже упоминала о женитьбе Виктора Амедея на принцессе Анне Марии Орлеанской.

Не пристало мне давать ей оценки, поэтому скажу о ней очень коротко, слишком уж щекотливо мое положение, и вовсе не потому, что я недостаточно чтילה ее или причинила ей какие-то другие неприятности, помимо любовных отношений с ее мужем. Я знаю, что она не ставила мне в вину это похищение ее прав, ибо не очень дорожила его любовью и не жалела об утраченной власти.

Тоскуя по Франции и своей семье, она по-настоящему любила в Савойе только своих детей. Появившись при дворе, она была добра и предупредительна со мной, желала, чтобы я всегда находилась при ней, и мы проводили бесконечные часы в беседах о Версале, Париже, Сен-Клу, французском дворе наконец, где я из-за своего юного возраста не бывала, но, тем не менее, все происходящее там мне было известно от родителей и друзей. Кроме того, я имела честь довольно часто посещать Пале-Рояль и играть с дочерьми Месье; младшая из них стала герцогиней Савойской; старшая вышла замуж за короля Испании, но брак этот — увы! — несмотря на величайшие выгоды такого союза, не принес ей счастья.

Браки французских принцесс с иностранными государями всегда были чреваты большими сложностями.

Обе дочери Месье надеялись выйти замуж за дофина; они вбили себе это в голову, обе втайне любили его, скрывая свои чувства друг от друга. Бедная королева Испании целый месяц валялась в ногах у Людовика XIV, умоляя не посылать ее в Испанию и не обрекать на пытку ненавистного замужества.

— На что вы жалуетесь, мадам? — отвечал он ей. — Большого я не сделал бы и для собственной дочери.

— Конечно нет, государь, но вы могли бы сделать больше для племянницы. Будущая герцогиня Савойская была не меньше, а может быть, и больше,

опечалена предстоящим браком, ибо Савойя — это не Испания. В свое время она признавалась мне в этом, умоляя стать ее придворной дамой. Я отказалась и впоследствии была очень рада этому. То, что произошло, все

равно бы случилось, и я считала бы себя виноватой в том, что злоупотребила доверием той, которой должна была служить, а это похоже на домашнюю кражу.

Принцесса была не так красива, как королева Испании. Однако она унаследовала от бедной госпожи Генриетты прелесть и грациозность. Она танцевала лучше всех, пела трогательно и нежно, интонация ее речи, особенно когда она говорила по-итальянски, проникала в самое сердце. Ее августейший супруг был к ней безразличен, для него она оказалась слишком доброй и простодушной. Принцесса воспринимала его слишком прямолинейно. А он, привыкший все усложнять, не верил в искренность окружающих и выискивал скрытый смысл в самых обыкновенных словах; по этой и тысяче других причин их брак не был счастливым.

Тем не менее принцесса родила шестерых детей. Но, за исключением ныне здравствующего короля, все они умерли в юном возрасте.

Я, кажется, уже говорила, что герцог Савойский питал к Людовику XIV довольно странные чувства. Он поневоле восхищался им, что не мешало ему всеми возможными способами вредить французскому королю; он больше тяготел к Австрийскому дому, желал его возвышения и ослабления французского монарха; признаюсь, я нередко думала, что его восхищение Людовиком граничит с ревностью.

Как вам уже известно, я была одной из приближенных дам обеих герцогинь, поэтому часто встречалась с герцогом Савойским в их покоях. В то время у него не было любовницы, вследствие чего он много времени проводил в обществе жены и матери. Никому не уделяя особого внимания, он все же стал отдавать предпочтение мне.

Его тяготение к моей персоне пока еще не было заметно, никто ничего не подозревал, я сама не осмеливалась признаться себе в этом, каким-то инстинктом угадывая созревающее в нем чувство.

Мы говорили о венецианских развлечениях, о карнавале, о роскошных нарядах и увеселениях, которые там можно будет увидеть.

— Я тоже собираюсь принять в этом участие, — сказал вдруг герцог Савойский.

— Вы, сын мой? — удивилась герцогиня.

— Да, сударыня, разве мне в моем возрасте не положено немного развлечься?

— Я вовсе не хочу сказать, что вам это запрещено, однако ваше участие будет выглядеть странно, не увидят ли за этим какую-то политическую цель?

— Политическую цель, сударыня, усматривают во всех поступках государей, и было бы глупо обращать внимание на подобные подозрения.

— Но, сын мой, если бы король Франции...

— Сударыня, король Франции не может помешать мне пойти на бал, я же не мешаю ему ходить на исповедь и обольщать госпожу де Ментенон. Вы забываете, что вы уже давно не мадемуазель де Немур, а мать герцога Савойского, который намерен заставить Европу считаться с ним. Итак, милые дамы, кто из вас готов поддаться соблазну, обещанному венецианскими вельможами? Кто поедет со мной?

— Я, если вам будет угодно, — ответила молодая герцогиня.

— Само собой разумеется, сударыня, поскольку я там буду; но кто из

ваших дам?

Герцогиня обернулась ко мне:

— Госпожа ди Верруа, готовы ли вы сопровождать меня? В свою очередь я обернулась к свекрови, вызвав смех всех присутствующих, и затем ответила:

— С большим удовольствием, сударыня, но...

— Кто же может помешать вам, если вы так этого хотите? — сухо заметила вдовствующая графиня. — Неужели мой сын и я можем быть настолько неблагодарны, что не оценим чести, оказанной нам его высочеством?

— Так я поеду, сударыня! О, какое счастье! Госпожа ди Верруа чуть не испепелила меня взглядом.

Своим детским восторгом я слишком явно обнаружила рабскую зависимость от свекрови, но не обратила на это особого внимания, и весь этот день был окрашен ожидавшей меня радостью. Однако по возвращении домой мне пришлось выслушать настоящую отповедь:

— Вы поедете одна, сударыня; мой сын останется здесь. Его высочество не предложил ему сопровождать его. Вам придется самой следить за своим поведением и постараться не уронить достоинства, приличествующего вашему положению.

Я ответила лишь реверансом. Это был единственный способ избежать ответа, когда я не хотела ничего говорить. Господин ди Верруа в таких случаях просто отмалчивался.

Через три дня после этого разговора мы уже были на пути в Венецию. Приготовления герцога Савойского никогда не отнимали большего времени.

Госпожа герцогиня взяла с собой пять или шесть молодых дам, однако свита была скромной, и по столь бедному выезду никто бы не догадался, что некий монарх собрался посетить некую республику. Последнего из венецианских патрициев обычно сопровождала более пышная свита.

В пути все развеселились, я же была грустна. Отсутствие свекрови не возместило мне разлуки с мужем. Но, проехав несколько льё, я почувствовала, что печаль моя рассеивается.

Мы приехали в Венецию прекрасным февральским утром и остановились в резиденции посла его высочества, великолепно принявшего нас.

В тот же вечер было решено отправиться в масках на площадь Святого Марка.

— Милые дамы, — сказал нам принц, — мы прибыли сюда, чтобы

развлечься, и будем веселиться от души. Что касается меня, то я собираюсь задирать всех и призываю вас делать то же самое. Сударь, — добавил он, обратившись к послу Франции, поспешившему приехать, чтобы приветствовать принцессу, — предложите свою руку госпоже герцогине Савойской. Я хочу, чтобы все знали, насколько я высоко чту родственные связи с его величеством Людовиком Четырнадцатым и насколько стремлюсь упрочить этот союз.

Господин д'Аво был искусным дипломатом; его не обманули комплименты герцога: за ними он угадал тайные замыслы или, по меньшей мере, заподозрил их; с тех пор между ними началась борьба.

Мы поплыли в гондоле к площади Святого Марка, где очень скоро толпа людей, одетых в черные и разноцветные костюмы, ошеломила нас, не привыкших к такому оживлению.

Его высочество пришли приветствовать от имени дожа и Светлейшей республики; таким образом, о его прибытии стало известно, и агенты инквизиции уже окружили нас.

Виктор Амедей долгое время оставался рядом с герцогиней и послом; затем он начал приставать к некоторым маскам, но ничего из этого не получилось. Ему весьма достойно отвечали, как будто знали, кто он такой. Герцога это стало раздражать; кроме того, его выводил из себя граф д'Аво, не спускавший с него глаз. Сделав вид, что ему весело и он развлекается, Виктор Амедей взял меня за руку и отвел чуть подальше.

— Сударыня, — сказал он мне, — будучи француженкой, не сумеете ли вы переключить взгляды господина д'Аво с меня на что-то другое? Я приехал в Венецию вовсе не для того, чтобы не иметь возможности побеседовать хотя бы с одной дамой; ничуть не пренебрегая герцогиней, я все же горю желанием узнать, так ли остроумны патрицианки, как о них говорят.

— Кто смеет мешать вам, ваша светлость? Насколько мне известно, граф д'Аво не ваш духовник?

— Нет, но во Франции теперь очень щепетильны в таких делах, и если он воспримет шутку как неверность, прославленный дядюшка моей жены сможет упрекнуть меня в этом. Все сказанное должно остаться между нами, госпожа ди Верруа, я прошу вас о дружеской услуге.,.

Глаза графа д'Аво изучали меня, точнее, пытались прочесть мои мысли. Мне казалось, что я непроницаема, а доверие государя переполняло меня гордостью.

Мы провели на улице всю ночь; Виктор Амедей все сильнее распалялся, приставал к коломбинам и арлекинам, попадавшимся по пути,

и позволял себе некоторые вольности.

Перед наступлением утра явился посланец дожа и сообщил, что в Герцогском дворце накрыт стол для его высочества, поскольку по местному обычаю Республика берет на себя все расходы по приему коронованных гостей.

— Но я еще не встречался с дожем, — сказал принц г-ну д'Аво.

— Ваше высочество его и не увидит. Вам станут подавать в комнате, где, возможно, будут находиться один из проведиторов, или [Messere Grande note 10](#), и несколько патрициев; прием будет по-королевски пышным, вам предложат самые изысканные кушанья, самые свежие овощи и фрукты из всех стран и в неограниченном количестве; такое можно встретить только в Венеции, но надоедать вам не будут. Здесь все делается тихо и в тайне: вам будет казаться, что вы одни, но два десятка глаз будут следить за вами, а два десятка ушей слушать каждое произнесенное вами слово. Что касается дожа, то вы увидите его во время церемонии, предусматривающей такие правила этикета и такие сложности, каких вы не встретите даже при дворе моего повелителя короля Франции. Вы находитесь здесь инкогнито, в качестве путешественника. Поэтому вас будут принимать, как здесь говорят, по обычному чину. Но с какой помпой встречали бы вас, явись вы в Венецию с короной на голове и в окружении гвардейцев!

— Неужели эти благородные купцы так богаты?

— Они благороднее принцев, оборотливее евреев, у них больше сокровищ, чем в самой Индии! Нужно пожить в Венеции, чтобы понять ее.

— К несчастью, у меня на это нет времени, — с сожалением ответил принц.

Господин д'Аво многозначительно посмотрел на герцога, давая понять, что вовсе не верит в его сожаления.

Наконец мы вошли в великолепный и необыкновенный Дворец дождей, поднялись по лестнице Гигантов, прошли мимо пастей львов, куда бросают доносы для Совета Десяти (от одной мысли о них по телу пробегает дрожь). Я до сих пор не могу избавиться от ощущения страха при воспоминании об этом ужасном городе, где все известно, где, даже закрывшись в своей комнате, никто не решается думать по-своему. Не могу без дрожи вспоминать и о наглухо закрытых черных гондолах, перевозящих неизвестно что и плывущих неизвестно куда. Мне слышатся жалобные крики перевозчиков на каждом канале, когда пути их пересекаются, вижу сыщиков, которые приходят и вдруг арестовывают вас прямо на балу, в разгар праздника от имени его высочества дожа и Светлейшей республик и, а также темницы, о которых до сих пор почти ничего не известно, кроме

одного: в них попадают, но из них никогда не выходят — это смерть. Несмотря на все очарование этого края, я бы не хотела там жить.

Мне незачем приводить полный отчет о нашем путешествии в Венецию, о приеме, оказанном дожем и догарессой их королевским высочествам. Это отняло бы слишком много времени и вышло бы за рамки моего повествования. Только два факта достойны упоминания, и я перехожу к ним.

Первый — чисто политического свойства, однако сегодня я могу об этом рассказать: последствий можно уже не опасаться. Герцог Савойский провел в Венеции несколько встреч с представителями Аугсбургской лиги, с которой он сумел вступить в контакт, несмотря на двойную слежку — со стороны и дожа, и посла Франции. Маска и карнавал послужили герцогу великолепным прикрытием.

Лишь намного позже я узнала, какую роль невольно играли герцогиня и я в этой комедии. Однажды вечером мы отвлекали д'Аво, пока герцог в маске и костюме лакея шел следом за нами в сопровождении двух посланцев Лиги, переодетых таким же образом; более двух часов мы кружили с этим эскортом около театров и кукольных балаганов на площади Святого Марка. В это время князь делла Чистерна, точно такого же роста, как герцог, закутавшись в его плащ, заигрывал на наших глазах с масками. Он не разговаривал с нами и делал вид, что не имеет отношения к нашей компании, — чтобы поразвлечься от души, как объявил он нам, уходя.

Мы обманулись так же, как посол. Но позднее он узнал правду, и вы увидите, каковы были последствия этого открытия.

Другой факт был более странным и непонятным. Я расскажу о нем прежде всего по этим причинам, а также потому, что характер герцога Савойского предстал тут совсем в новом свете: таким он никому не был известен.

Этот человек глубокого ума, тонкий политик и храбрый воин оказался доверчивым, как ребенок, и подверженным самым смешным суевериям. Он ничего не делал в пятницу, если только его не принуждали; никогда не ступал с левой ноги, бледнел, заметив крупинку соли на столе, верил в колдовство и колдунов. И во многих жизненных обстоятельствах он оказывался под их влиянием.

Историю такого рода я и собираюсь вам рассказать. Она сохранилась в моей памяти вопреки моему желанию, и до сих пор я не могу изгнать ее из моих мыслей. Это и в самом деле странная параллель.

Я уже говорила, что принц стал уделять мне некоторое внимание; во время путешествия, казалось, его занимали другие мысли, и в первые две

недели особое отношение ко мне никак не проявлялось.

Однажды вечером мы катались в открытой гондоле вместе с догарессой, а после этого собирались сесть за стол; неожиданно пришел герцог, которого мы не видели с утра.

Он выглядел озабоченным, хмурил брови, не замечая этого, совсем не разговаривал, а по окончании ужина ушел к себе, так ничего и не сказав, чего с ним никогда не случалось.

— Что с монсиньором? — задала довольно глупый вопрос глупая придворная дама герцогини.

— Наверное, влюбился в бесчеловечную красавицу, а та посмеялась над ним и покинула в решающую минуту, — шутливо ответила принцесса.

Она совсем не была ревнива.

— Видимо, побывал в Гетто или на набережной Скьявони, — подхватил молодой Контарини, самый ветреный из всех венецианских ветреников.

— И зачем же, сударь? — спросил г-н д'Аво, поедая глазами этого вертопраха.

— Клянусь честью, господин посол, Совет Десяти и вы знаете это лучше меня, потому что сами устраиваете за ним слежку каждый день.

Всем присутствующим было от чего прийти в замешательство.

Так и случилось.

Все, за исключением г-на д'Аво, буквально остолбенели. Он же был слишком опытен и слишком умел владеть собой, чтобы смешаться.

— И в самом деле, сударь, — ответил он с самым непринужденным видом, — не знаю, давал ли Совет Десяти такое поручение вам; но я бы, например, не осмелился этого делать. Вы слишком нуждаетесь в том, чтобы шпионили за вами, как мне кажется, ведь слово «шпионить» стало очень модным в этой стране.

— Что? За герцогом Савойским не следят в Гетто и на набережной Скьявони? Это было бы слишком, господин посол. Мой отец вчера так и сказал по секрету проведитору, который, заметив мое присутствие, знаком остановил его.

— О сударь, если бы мне пришлось держать пари, я бы поспорил, что ничего подобного нет, тем более что ваш отец сказал это проведитору, не заметив, что вы его слышали, как будто в Венеции можно что-то не заметить!

На этом дело и кончилось, что не помешало каждому задуматься об услышанном. Постепенно все разошлись.

Войдя в свои покои, я увидела Марион, с таинственным видом

ожидавшую меня. Она приложила палец к губам и пригласила меня проследовать за ней в ее комнатушку, расположенную на антресолях. У порога она очень тихо сказала мне:

— Госпожа, его высочество монсиньор герцог ждет вас здесь уже давно.

— Меня?

— Да, госпожа, он приказал мне стоять у двери, когда я приведу вас. Входите же быстрее, прошу вас, уже поздно.

Я удивилась и в полном замешательстве вошла в комнату. Герцог встал при моем появлении. До этого он сидел за столом, подперев голову рукой.

— Сударыня, — обратился он ко мне, — не удивляйтесь тому, о чем я вас попрошу. Я нисколько не сомневаюсь в вашей преданности нашему дому, но жду от вас доказательства. Не угодно ли вам завтра в маске и переодетой сопровождать меня туда, куда я пожелаю вас отвести?

— Ваша светлость, не знаю, так ли я вас поняла, но мне кажется...

— Ничего не бойтесь, сударыня, вы будете в безопасности и под моей защитой, клянусь честью, ничего не будет сказано или сделано такого, что может оскорбить вас.

— По правде сказать, ваша светлость...

— Соглашайтесь, сударыня, соглашайтесь: речь идет о чрезвычайно серьезных делах, об интересах государства и моем счастье. Никто в мире не узнает об этом, верьте мне.

Уговорить меня было нелегко; но он настаивал, пока не добился от меня клятвы.

Было условлено, что на следующий день я скажусь больной, останусь в своей комнате, а с наступлением ночи оденусь и пойду в маске к потайному выходу из дворца, где он будет ждать меня. Остальное касалось только его.

Понятно, что всю ночь и весь день я волновалась. Но больше всего меня мучило любопытство, очень мучило. Я вовсе не испытывала никакого влечения к герцогу, но он достаточно ясно дал мне понять, что интересуется мною, и я этого боялась. В тот день мы беседовали как обычно и я бы забыла о своем мнимом недомогании, если б он не напомнил мне о нем своим красноречивым взглядом. Мы с рассвета находились в церкви, прослушали проповедь и всю службу. Я притворилась, что очень устала и отказалась от прогулки.

Виктор Амедей был точен, я — тоже; он уже ждал меня и протянул руку, я протянула свою. Мы отправились в путь, не говоря ни слова; за нами шел старый камердинер герцога, никогда не расстававшийся с ним.

Миновав два-три мрачных прохода, мы подошли к узкому и темному каналу, где тут же появилась гондола. Мы сели в нее, по-прежнему молча. Герцог сделал мне знак, и я села рядом с ним; вскоре наша гондола уже рассекала волны со скоростью молнии, пронзающей тучу. У меня чуть дыхание не перехватило.

Но поездка длилась недолго; гондола остановилась, и лакей, отдернув занавеску, тихим голосом произнес:

— Монсиньор, мы прибыли.

Часть вторая

Мы сошли на берег, так же как и садились в гондолу, в полном молчании. В этом узком и темном, как подземелье, канале вода ударялась о громадную черную стену с единственной дверью, стоявшей между двумя грязными опорами с обеих ее сторон. Казалось, мы находимся за тысячу льё от сверкающей площади Святого Марка, заполненной толпами людей и светом; грохот музыкальных инструментов и громкие голоса сюда почти не доносились, лишь время от времени нарушая тишину в этом уединенном месте.

После того как Беппо постучал условным стуком в дверь, она открылась. Мы вошли в коридор, еле освещенный коптящей лампой. Надо было быть шестнадцатилетней, быть Жанной д'Альбер, которую так притесняли и держали взаперти после ее мнимого превращения в графиню ди Верруа, чтобы позволить молодому принцу увести себя в подобную трущобу. До сих пор не могу понять, как я могла на это согласиться.

Я и в самом деле немного испугалась, хотя всегда была смелой, но быстро заставила себя успокоиться и последовала за его высочеством, а он шел впереди с уверенностью человека, знающего дорогу.

Невозможно описать, что это было за жилище. Отовсюду, сверху донизу, текло, стены были зеленоватыми, поросшими мхом; ступать приходилось по какой-то скользкой грязи. Я была вынуждена опереться на руку его высочества, когда он протянул ее мне.

В конце коридора находилась другая дверь, наполовину прогнившая и с огромными щелями. Она открылась на шум наших шагов, и перед нами предстал седобородый старик, закутанный в длинное зеленое платье. Он сказал принцу несколько слов на неизвестном мне языке, и герцог ответил ему что-то, показав на меня. Старик поднес к моему лицу лампу, которую он держал в руке, и, увидев на моем лице маску, явно рассердился. В гневе он обернулся к принцу, и тот стал очень смиренно объяснять ему что-то: я поняла, что герцог оправдывается. Старик в нетерпении постукивал ногой, словно не желая ничего слышать, и герцог Савойский, поколебавшись, повернулся ко мне.

— Простите меня, сударыня, — сказал он, — но я прошу вас снять маску; этот ученый человек должен увидеть ваше лицо и запомнить его, прежде чем он допустит вас в свое жилище.

С первой секунды как я вошла в эту жалкую лачугу, меня охватил

страх. Внушительный вид старца только усиливал его. Так же бесконечно напуганная, как перед этим была доверчива, я дошла до того, что стала бояться за свою жизнь.

Я была наслышана о магах, которым для совершения колдовских ритуалов нужна кровь молодой женщины, и задрожала как листок, а просьба снять маску еще больше ужаснула меня.

— Монси... — пробормотала я.

Герцог не дал мне времени произнести слово до конца:

— Вам здесь нечего бояться, сударыня, защитой вам — моя честь, а лабораторию этого ученого не посещают ни дьявол, ни венецианские патриции; и главное, когда я нахожусь здесь, вы спокойно можете снять маску.

Я все еще колебалась; но, уступив новой просьбе, сняла ее. Старик снова поднял лампу и долго рассматривал меня, а я заливалась краской под его взглядом; затем он улыбнулся, сказав по-итальянски, наверное, в шутку:

— Bene! [note 11](#)

И что это была за улыбка! Два ряда белоснежных, как офирский жемчуг, зубов! А какая ирония! Какой сарказм! Какая высокомерная насмешка в уголках поджатых и красных, как кораллы, губ! Не знаю, как мог Виктор Амедей позволить завлечь себя такому человеку. Однако с этой минуты я уже ничего не боялась.

Мы вошли в огромную и очень неопрятную комнату, заполненную образчиками самых разных вещей, от бриллиантов до мусора. Здесь валялись драгоценные камни, оружие, картины, ткани, набитые соломой чучела зверей, статуи, бродили какие-то животные, повсюду была разбросана фаянсовая и хрустальная посуда, разрозненная серебряная утварь, тряпки, ордена — все что угодно. Из углов, куда не проникал свет, доносился невероятный шум, уж не знаю, что за существа там копошились.

Мы подошли к покосившемуся столу, около которого стояли три табуретки, лоснившиеся от старости. Наш хозяин поставил на стол лампу и знаком предложил нам сесть.

Разговор продолжался на незнакомом языке, о котором я уже упоминала. Ученый говорил много. Герцог Савойский слушал, спрашивал, иногда соглашался. Впоследствии я узнала, что они говорили на греческом. У принца были большие способности к языкам, и он владел чужими так же хорошо, как родным.

Наступила моя очередь: колдун взял мою ладонь, несмотря на мое легкое сопротивление, разжал ее, долго рассматривал и, казалось, внимательно изучал. Он обратил внимание своего ученика, сторающего от

нетерпения и любопытства, на некоторые линии. Затем он пошел и принес что-то вроде дохлой каменной куницы и заставил меня дотронуться до ее головы. После этого он стал рассматривать ее внутренности, изучать ее кишки, сердце, глаза, написал какие-то кабалистические знаки и, повернувшись к герцогу Савойскому и показав ему на герб Франции, висевший на стене, сказал, но теперь уже на чистом французском языке:

— Несмотря ни на что, вы туда вернетесь. Принц ничего не ответил. Более двух часов продолжалось это обсуждение, в котором я ничего не понимала, хотя была его предметом и целью. Когда они исчерпали тему, мы поднялись, и герцог, обратившись ко мне, заговорил на доступном моему пониманию языке:

— Я никогда не забуду о проявленной вами любезности и доброте, сударыня, — сказал он, — и теперь жду от вас одного: полного молчания о том, что здесь происходило. Сами того не подозревая, вы оказали большую услугу Савоие.

— Юная дама, — добавил по-французски прорицатель, — не желаете ли вы узнать свою судьбу?

— Да, если ей суждено быть счастливой.

— Она будет счастливой и злополучной, как все в этом мире, но все же скорее счастливой: вы родились под особой звездой и не избежите своей участи. Вам придется поневоле стать такой, какой вы не хотели бы быть. Вы будете вынуждены покинуть тех, кого любите, и согласитесь жить совсем не так, как вам следовало бы. Я хочу сделать вам подарок, и подарок бесценный, какого никто другой не сможет вам предложить. Возьмите вот этот пакетик с порошком и храните его больше чем собственные глаза, ибо в нем заключена прежде всего ваша собственная жизнь, а также жизнь ребенка — вы спасете его от яда, который убьет целую семью. Этот ребенок будет самым дорогим и необходимым существом для всего мира, и, не будь вас, он исчез бы так же, как все его близкие. Храните хорошенько этот порошок, слышите?

С неохотой и боязнью я взяла бумажный пакетик, положила его в карман и пошла за герцогом Савойским, который повлек меня за собой, повторяя, что он никогда не забудет огромной услуги, оказанной ему и его государству.

Я была совершенно ошеломлена, поражена, не знала, что отвечать, и машинально сжимала в руке чудесное противоядие; мы уже подошли к каналу, а я так и не произнесла ни слова в ответ моему царственному спутнику.

У дома предсказателя не было видно ни души, на канале — полная

тишина; глубокая ночная тьма скрывала все, что находилось поблизости.

Однако в ту минуту, когда наша лодка отчалила, я услышала с правой стороны приглушенный крик ярости, а слева — вздох; я задрожала, а принц, судя по всему, был раздосадован.

— Неужели за нами следили? — прошептал он. — О нет! Полиция д'Аво или недоверчивой Республики не осмелилась бы так явно шпионить за мной. Впрочем, Венеция — город ночных загадок и драм. Конечно же, это к нам не относится.

Позднее я узнала, кто издал крик и вздох.

Это были два человека, следовавшие за мной как тени.

Один из них питал ко мне нежную, молчаливую и тайную любовь, полную самоотречения и преданности.

Другой был охвачен бурной страстью, которая разгорается, встретив препятствия, устремляется туда, куда толкает ее горячая кровь, не останавливаясь даже перед преступлением!

О, волнующие воспоминания! Какой удивительный контраст! Ангел и демон, сколько же минут утешения, сколько горестей я пережила из-за вас!

Принц проводил меня до моих покоев. Мы расстались у двери. Я вошла в свою комнату и легла, но не смогла уснуть, как и в предыдущую ночь, настолько была взволнована и удивлена тем, что случилось. Это было мое первое приключение, положившее начало многим последующим событиям, ведь за все приходится платить.

Позднее я нашла объяснение тому, что происходило в доме прорицателя. Излагаю вам, что это было.

Наш прорицатель был одним из тех старых евреев без роду, без племени, что бродят по всему свету. Я не могу утверждать, что он не был настоящим ученым, и у меня на этот счет есть все основания: все, что он предсказал, и в самом деле произошло, не считая того, что я обязана ему жизнью. Он предсказал Виктору Амедею, в каких войнах тот будет участвовать и как нерешительно будет вести себя в заключенных им союзах; наконец, предсказал все события, какие произойдут за время его правления. Но особенно он удивил его, сказав ему следующее:

«Кое-что я не могу хорошо разглядеть, какие-то события смутно вырисовываются в моем сознании. Мы можем прояснить их, если вы будете искренни со мной. Большая часть этих событий произойдет под влиянием женщины, которую вам суждено полюбить, впрочем, вы ее уже любите. Только ее рука может дать мне ключ к этим тайнам, только она подскажет, что посоветовать вам, коль скоро вы ждете от меня совета. Сделайте так, чтобы я увидел ее, поговорил с ней, и после этого я узнаю то,

что вам следует знать».

Принц был настолько молод, что еще не утратил способности краснеть. Он не подозревал еще о том чувстве, которое впоследствии будет испытывать ко мне, но, заглянув в собственное сердце, подумал, что оно уже выбрало меня, и, поддавшись наполовину политическому авантюризму, наполовину жажде любви, решил проверить это. Поэтому он и попросил меня пойти с ним, о чем я только что рассказала. Маг убедил его, что я и есть та предполагаемая женщина, что он меня сильно полюбит, что я его тоже люблю, что у нас будут дети и что именно я покину его.

Я так подробно остановилась на этом предсказании потому, что оно действительно повлияло на мое будущее и мне еще не раз придется упоминать о нем.

На следующий день после нашего странного визита Марион вручила мне от имени его высочества очень красивую золотую коробочку филигранной работы, украшенную драгоценными камнями и выложенную изнутри горным хрусталем. Коробочка была прикреплена к кольцу на цепочке из какого-то непонятного металла, блестевшего как полированная сталь. Это был подарок еврея, предназначенный для хранения порошка; его следовало постоянно носить на шее. Возраст этого старинного украшения нельзя было определить, оно было из редчайших.

С тех пор я никогда с ним не расставалась и до сих пор храню при себе.

II

Через несколько дней после возвращения в Турин Виктор Амедей получил доказательство проницательности г-на д'Аво. Стало известно, что за его действиями следили, знали о соглашениях с английским королем Вильгельмом, а также курфюрстом Баварским. Посол герцога в Венеции рассказал ему об одной из своих бесед с г-ном д'Аво; тот по дням расписал нее передвижения принца, полагавшею, что они никому не известны; это доказывало, что синьор Контарини был прекрасно осведомлен обо всем. Одновременно посол не скрыл от принца, что эти действия вызвали серьезные подозрения и Версале и потребуется немало усилий для того, чтобы рассеять их. Французский двор, очевидно, предъявит Савоие ряд чрезвычайно серьезных претензий, но, как бы то ни было, надо постараться удовлетворить их, если герцог не хочет довести дело до полного разрыва с ним.

Положение становилось серьезным.

Прежде всего, чтобы успокоить Людовика XIV, герцог снова начал политически невыгодную и непопулярную войну против вальденсов, или барбетов, губительные последствия которой испытал на себе его отец. Под этим предлогом, а это действительно был только предлог, принц привел войска в боевую готовность и стал вооружать своих подданных, не дав своему могущественному соседу повода для недовольства.

Он уже давно собирался отобрать у Людовика Пинероло и Касале и искал только подходящего случая для этого, но стремился подстроить все так, будто не ищет его.

Со своей стороны Людовик XIV, еще не знавший своего молодого союзника, полагал, что его легко подчинить себе, и ограничился тем, что протянул свои львиные когти к государству, которое он якобы защищал, чтобы впоследствии завладеть им, если представится возможность. Он думал, что имеет дело с двадцатилетним юнцом, неопытным и бесталанным. Венецианское дело заставило его задуматься, он стал пристальнее присматриваться к принцу, и королевские послы получили строгий приказ не спускать с него глаз и следить за его планами.

Герцог не дремал, зная, что Касале, самая прочная стратегическая позиция в Италии, находится в руках короля Франции и что командует этой крепостью г-н де Трессан, храбрый и искусный солдат.

Касале был продан королю герцогом Мантуанским, бездельником и

сластолюбцем. Он продал бы точно так же и все остальное, чтобы удовлетворить свою страсть к наслаждениям и прихоти своих любовниц самого низкого пошиба, не подобающих человеку такого высокого ранга.

Виктор Амедей с радостью проглотил бы этот пирог, но сил у него было недостаточно. Он еще далеко не был уверен в императоре и союзниках по коалиции и не собирался открыто выступать до тех пор, пока не убедится в том, что ему непременно будут оказаны действенная поддержка и помощь с их стороны. Поэтому он шел на любой риск, лишь бы не поссориться в ущерб себе с дядей герцогини, который так легко мог уничтожить его.

Осторожность герцога уже давала о себе знать.

Маршал де Катина командовал королевской армией в Дофине и Севеннах. Он прислал герцогу Савойскому письмо, выразив желание встретиться с ним и договориться о разного рода делах.

«Я предлагаю это не по поручению моего повелителя, — писал он ему, — а по собственной воле, ибо предвижу радость знакомства с принцем, внушающим такие большие надежды».

Герцог Савойский, получив это письмо, показал его матери и спросил ее, удобно ли будет принять в Турине г-на де Катина.

— Вы собираетесь пригласить его?

— Возможно, сударыня, а вы знаете маршала?

— Нет, не знаю! Когда я жила при французском дворе, господин де Катина был незаметен. Это мелкий дворянин, выдвинувшийся благодаря собственным заслугам.

— Я желал бы иметь побольше подобных мелких дворян у себя на службе... Впрочем, если он придет, его визит будет выглядеть странно, поскольку в это же время я жду другого гостя, моего кузена Евгения, покрывшего себя славой в Венгрии; если позволит Всевышний, он станет первым героем Европы.

— Сын мой, будьте осторожны! У меня на родине бытует поговорка: «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь».

Принц улыбнулся, и разговор был окончен. Герцог никогда не отвечал, когда не хотел этого делать. Госпожа герцогиня при мне делилась своим беспокойством с моей свекровью; таким образом я узнала новость из первоисточника и очень радовалась тому, что увижу маршала и принца Евгения, с которым познакомилась во время его последнего приезда; тогда он показался мне весьма благовоспитанным кавалером. А с маршалом я могла бы поговорить о Франции, о моих родителях, о дворе, обо всем, что любила и о чем все еще скучала.

Между тем однажды утром маленький Мишон, когда мы с ним играли, вдруг спросил меня, не собираемся ли мы с графом в ближайшее время нанести г-ну Пети обещанный визит.

— Зачем, малыш Мишон? Признаться, мы уже забыли об этом.

— Затем, что господин кюре хочет приготовить вам вкусное угощение, и я тоже мог бы получить свою долю.

— Значит, это тебе не терпится?

— Мне, а еще и аббату Альберони: он будет готовить прекрасные лакомства и сладости. Он каждый день приходит к господину кюре и спрашивает, когда же будет все решено, потому что, говорит он, для него тогда откроется дорога к успеху.

— Значит дорога к успеху открывается через дверь из сахара и печенья? — воскликнула я со смехом.

— Я совсем не понимаю этого человека, сударыня; он сочиняет диссертации и речи, в которых не разобраться. Говорят, что аббат Альберони — сын садовника, но сам он утверждает, что станет первым министром. Какой-то прорицатель сказал ему это, а он поверил.

— Уж не рассчитывает ли он стать первым министром герцога Савойского?

— Нет, для него этого слишком мало! Он говорит, что станет первым министром большого королевства.

— Тогда я не совсем понимаю, чем эта трапеза и наше присутствие могут быть ему полезны.

— Но, сударыня, он только об этом и мечтает и в своей часовне, где живет совсем один, каждое утро изобретает новые блюда, чтобы доставить удовольствие вашим сиятельствам.

В тот же вечер я рассказала о малыше Мишоне в кругу ее высочества, в котором его хорошо знали, а также об аббате Альберони и его лакомствах. Госпожа герцогиня была гурманкой: отойдя от государственных дел, она не раз устраивала большой смотр своим слугам и поварям, так что аббат с его кулинарными приготовлениями очень веселил ее.

Вообще госпожа герцогиня отличалась простотой и в своем кругу часто пренебрегала условностями, связанными с ее высоким положением. Она очень любила побеседовать с глазу на глаз со своими фаворитами и фаворитками. Но во времена ее регентства ей приходилось жертвовать этим удовольствием. Однако теперь, после отречения, она вознаграждала себя за упущенное.

— У аббата Пети, кажется, есть деревенский дом? — спросила она у г-жи ди Верруа.

— Да, сударыня, дом прелестный; там у него большая коллекция картин и всяких редкостей. Он находится неподалеку от виллы моего сына.

— Ну что ж, графинюшка, предупредите вашего Мишона, что в следующий вторник мы все отправимся на прогулку в эти края и что я собираюсь отдохнуть в доме аббата, а если там найдется какое-нибудь приготовленное угощение, не откажусь воздать ему должное.

Меня ничуть это не удивило: госпожа герцогиня нередко совершала подобные прогулки. Мы со свекровью имели удовольствие сопровождать ее — то была привилегия, которой добивались многие при дворе. Хотя герцогиня уже не обладала формальной властью, она по-прежнему оказывала весьма существенное влияние на своего августейшего сына. Он же считал своим долгом доставлять матери радость и почти никогда не отказывал ей в том, что было связано с проявлением милости к придворным. Что же касается правления, то он выслушивал ее советы, но оставлял за собой право судить о них самому и делал только то, что считал нужным, никогда не отчитываясь в своих решениях.

Кюре был предупрежден уже на следующий день и в назначенное время принял нас с обычным своим радушием и простотой. Альберони же получил возможность отличиться. Мы увидели его только после угощения; во время десерта он пришел, чтобы выслушать от ее высочества похвалы, которые внушали ему надежды на будущее. Подготовленная мною, госпожа герцогиня вызвала его на разговор. Она с удовольствием расспрашивала Альберони и слушала его. Он проявил необыкновенное остроумие, полное лукавства и шутовства; в его глазах при внимательном рассмотрении обнаруживалась неожиданная глубина, скрытая под маской простака и невидимая обычному человеку.

Я была тогда слишком молода, чтобы увидеть больше, и восприняла его как обыкновенного фигляра. Позднее, когда он приобрел известность и добился иного положения, я вспоминала подробности нашей первой встречи.

Госпожа герцогиня с удовольствием выслушала рассказ аббата о его жизни и планах на будущее. Альберони честно признался ей, что он сын пармского садовника и что с юных лет мечтает высоко подняться.

— Я надел сутану священника, чтобы попасть туда, куда меня не пустили бы в холщовой блузе, ваше высочество. Отец и мать считали меня безумцем, но если бы я не стал аббатом Альберони, если бы, вместо того чтобы прививать груши, не научился изобретать соусы, сегодня я бы не мог склониться к ногам вашего королевского высочества, поблагодарить вас за доброту и попросить в дальнейшем не лишать меня ваших милостей. Вот

что такое умение!

— Вы правы, аббат, все это справедливо, но я хотела бы знать, чтобы в дальнейшем оказывать вам услуги, кем вы собираетесь стать в будущем.

— Увы, ваше высочество! Первым министром, и никем иным, — со смиренным и покорным видом ответил он.

— Первым министром моего сына?

— О нет, ваше высочество! Более могущественного властелина — императора, короля Франции или короля Испании — пока не знаю.

— А, вы еще не выбрали! Понимаю. Но не находите ли вы, что скачок с места каноника на столь высокий пост слишком велик? Разве не нужно пройти целый ряд ступеней, чтобы добиться такого положения? И какую из них вы желаете преодолеть в данную минуту?

— О госпожа герцогиня! Самую трудную, поскольку она первая.

— Вам нужна помощь? Хорошо, обещаю вам поговорить с герцогом.

— С герцогом Пармским? — оживившись, спросил он.

— А! Так речь идет о герцог Пармском?.. Здесь мое влияние будет не столь ощутимым. Но я все же попробую.

Герцогиня очень смеялась, говоря ему это, и пройдоха понял, что он может решиться на смелый шаг.

— Место каноника у его светлости — вполне достойный, но ничтожный пост, ваше высочество; можно зарабатывать на жизнь ничего не делая, если не считать нескольких очень приятных и легких обязанностей: отслужишь вечерний молебен с единственным певчим или мессу для трех старух с их болонками, и можно тихо отправляться в свой рай под завистливыми взглядами соседей, которым каждую неделю без особого труда устраиваешь великолепный обед. Завидное местечко для любого аббата, за исключением...

— ... за исключением будущего первого министра. Так что же дальше?

— А дальше вот что: поскольку ваше высочество соизволили столь быстро все понять, вы, наверно, уже поняли, что мне не терпится выбраться из такого состояния.

— Я вас прекрасно поняла.

— У меня две цели, госпожа герцогиня. Первая — стать первым министром, что случится непременно; вторая — с этого надо бы и начать — проехать по улицам Пармы в карете его преосвященства епископа.

— Так вы хотите, чтобы я попросила его преосвященство посадить вас в карету рядом с собой и провезти по улицам Пармы? Не могу вам обещать, что получу его согласие, ведь для такой прогулки должен быть разумный повод.

— Но я найду его, если госпожа герцогиня окажет мне величайшую милость и выслушает до конца. Место капеллана в резиденции его преосвященства свободно; если мне удастся получить его, то первая ступень будет преодолена и я окажусь в роли первого министра.

— Если бы я была герцогиней Пармской, я дала бы вам это место; но герцогиня Савойская может лишь пообещать, что завтра же попросит об этом. Что она и сделает. Надеюсь, его преосвященство епископ Пармский не откажет мне, он умен, и ему должен понравиться такой человек, как вы, также не лишенный ума, я уверена в этом. Вы, аббат, станете капелланом.

— Да услышит и благословит вас Всевышний, госпожа герцогиня! Вы положили начало блестящей карьере и не раскаетесь в этом.

Свои слова он сопровождал тысячами гримас и ужимок, так что все присутствующие умирали со смеху, а ее высочество в особенности. Она пришла в полный восторг, заставила повторить эти трюки и до слез смеялась, воображая, каково будет ближайшее окружение этого человека и как он будет управлять страной, если станет первым министром. Вспоминала ли она впоследствии нашу прогулку, когда аббат и в самом деле стал им? Мне не раз хотелось спросить ее об этом.

Госпожа герцогиня велела написать епископу Пармы; он предоставил место капеллана аббату, после чего и началось возвышение Альберони.

Перед отъездом аббат пришел проститься с герцогиней, с моей свекровью и со мной. Он присылал нам из Пармы великолепное варенье до тех пор, пока не покинул Италию. Я всегда удивлялась, что человек, умевший быть таким благодарным, смог достичь столь высокого положения. Обычно главным условием продвижения бывает неблагодарность к тем, кто оказал вам услугу.

III

Мне кажется, что я довольно долго рассказывала о делах других. Пора вернуться к тому, что происходило со мной, и ввести вас в курс событий. Я была свидетелем всего, о чем писала выше. Повидала и многое другое, но мне приятно вспомнить о том, что я испытала сама, поделиться моими сердечными тайнами, и я с наслаждением доверяю все это бумаге, этому безобидному и верному другу, который не бранится, не упрекает меня, принимает все как есть и не предаст меня — по крайней мере, при моей жизни. А если после моей смерти такое и случится, я уже не узнаю об этом; будущее меня мало волнует — я в него просто не верю.

Но, может быть, эти строки попадут в руки доброжелательного человека, чья тонкая душа сумеет понять, зачем я их написала, оценит чувства и мысли бедной женщины, чьи ошибки не принесли зла никому, кроме нее самой. Мне приятно думать об этом и очень хотелось бы увидеть того далекого друга, кто будет дарован мне Небом; я заранее благословляю его и говорю: спасибо вам за то, что вы поможете другим лучше понять меня, объясните будущим векам, что Царица Сладострастия не была ни честолюбивой, ни алчной; она была чувствительна, а порой была несчастна, что бы о ней ни думали; и если бы Бог наделил графа ди Верруа таким же сердцем, как у нее, эта пара могла бы служить образцом для всех супругов на свете, — я уже не раз говорила это и могу повторить опять.

Нет нужды рассказывать, каким огромным и полным было наше счастье после пребывания на вилле. Госпожа ди Верруа закрыла на все глаза, притворяясь, что ничего не замечает, и теперь не входила ни к сыну, ни ко мне без предупреждения.

Что касается аббата делла Скалья, то он отсутствовал, в очередной раз уехав по какому-то поручению герцогини, очень его уважавшей и доверявшей ему многие тайны. Мы с мужем жили тихо и спокойно, старались не выдавать своих нежных чувств и на людях вели себя так же, как прежде. Это было труднее всего.

Свекровь теперь реже встречалась с сыном, была подчеркнуто холодна и строга, надеясь, видимо, таким образом вернуть его и заставить прийти к ней с повинной. Когда меня не было рядом, он действительно начинал дрожать, но стоило мне появиться, встретиться с ним взглядом, как он вновь обретал мужество и надежду. Мы везде бывали вместе, часто ездили на нашу виллу, поднимались в спальню, украшенную венгерским

кружевом, без конца вспоминали первые минуты счастья, полагая, что оно продлится вечно. Вполне естественное событие, обычно переполняющее радостью семейный очаг, а для нас означающее открытое признание наших возобновившихся, или скорее начавшихся, брачных отношений, лишь затруднило вдвойне и без того сложное положение, в котором мы находились.

Надо было открыться г-же ди Верруа. Мы вовсе не собирались делать тайну из того, что у нас должен был родиться малыш, ведь этот ребенок был плодом нашей любви, и мы радовались, что он появится на свет, но нужно было, чтобы и свекровь восприняла его как благословение свыше, как Божий дар всем нам, а я была не совсем уверена, что она согласится с этим.

Сколько было возможно, мы скрывали эту новость. Даже согрешившая девица не принимает столь тщательных предосторожностей. Но мое плохое самочувствие выдало меня. Госпожа ди Верруа обо всем догадалась по моей бледности и постоянным моим недомоганиям. Каждый раз, когда она смотрела на меня, я заливалась краской. Мой супруг краснел еще больше, отворачивался и уходил, опасаясь объяснений. Я тут же следовала за ним, испытывая не меньший страх.

Однажды, когда я была уже готова удалиться к себе, г-жа ди Верруа окликнула меня. Я не осмелилась идти дальше, поняла, что надо вернуться и что пришло время разоблачения. Свекровь снова позвала меня, я повиновалась и подошла. Она окинула меня полным ненависти колючим взглядом и без всякого предисловия спросила:

— Вы беременны, сударыня?

Я ничего не ответила, настолько резким показался мне этот поставленный в упор вопрос.

— Когда же вы намерены признаться в этом? Когда поделитесь новостью с их высочествами? Неужели вы надеетесь скрыть ваше состояние?..

— Сударыня...

— Предупреждаю вас, это было бы слишком смешно. После того, как вы, в вашем возрасте, так безобразно повели себя с моим сыном, после того, как предпочли образ жизни, в котором даже бесстыжая девка не могла бы, наверное, признаться, не собираетесь ли вы строить из себя недотрогу и скрывать то, что за всем этим последовало? Ну и скромница, куда там! Как будто появление наследника рода ди Верруа не внушает вам гордости! А на что вы годитесь помимо этого?

Услышав, как меня оскорбляют, я возмутилась:

— Скажите, пожалуйста, сударыня, разве я не замужем? В чем же я была недостаточно скромна? В чем проявилось мое бесстыдное поведение? И если я подарю наследника роду ди Верруа, то, мне кажется, род д'Альберов, к которому я принадлежу...

— Род д'Альберов! — воскликнула свекровь, обрадовавшись, что нашла подходящий способ унизить меня. — Род д'Альберов, неужели? О! Вы полагаете, что нас можно сравнивать? Да и что такое род д'Альберов? К тому же род ли это вообще и переходит ли в подобной среде имя по наследству? Ваш дед был сокольничим, моя дорогая мадемуазель де Люин; ваш прадед — и того ниже, запомните это, если до сих пор об этом не слышали, и всякий знает: из сокольничего можно сделать герцога, но дворянина — никогда.

— Но, сударыня, — опять заговорила я, побледнев от гнева, — зачем же вам понадобилось отрывать внучку этого сокольничего от ее страны, от дома де Люинов, где живут так счастливо, от этой семьи, окруженной таким большим уважением, и привозить ее к вам, на эти муки? Зачем наследник рода ди Верруа стал моим мужем? Искушением для вас было не приданое, ведь я его не получила. Ни моя красота, ни очарование моего ума не могли соблазнить вас: в тринадцатилетнем ребенке нет ни того, ни другого. К тому же вы и не видели меня. Кто же подтолкнул вас к союзу с герцогом де Люином, даже не дворянином, человеком, которого вы так презираете?

Госпожа ди Верруа была так удивлена, что злость ее угасла. В первые минуты она позволила мне говорить, потому что не ожидала такой смелости. До сих пор я была послушна и впервые возвысила голос. В эту минуту я была матерью наследника рода, женой графа ди Верруа, а не иностранкой, которую можно безнаказанно оскорблять. Свекровь почувствовала, что перед ней враг, которого ей трудно будет победить, и я не сомневаюсь, что моя гибель была предопределена именно с этого мгновения. Однако она хотела одержать победу и отпустить меня только после того, как изольет всю свою желчь.

— Если бы я знала вас раньше, сударыня, если бы могла предвидеть, во что превратится впоследствии тринадцатилетняя девочка, клянусь, вас бы здесь не было. Но я поверила аббату де Леону; положившись на его дружбу, а главное, желая обеспечить счастье сына, которого я люблю больше всего на свете, я согласилась принять вас у себя даже нишей — вы сами это только что сказали — и отдать вам все, не требуя для наследника старейшего рода Италии ничего взамен, кроме вашей молодости, добродетели и красоты; я убеждала себя, оправдывая этот неравный брак,

что граф ди Верруа достаточно знатный вельможа, чтобы сделать свою жену настоящей графиней, даже если она не слишком благородного происхождения, и что достойнее все отдать, не получив ничего взамен. Вот почему я приняла вас, сударыня, если хотите знать, а сегодня вы еще меня оскорбляете вместо благодарности за всю мою доброту.

Я упала в кресло, задыхаясь от гнева и бессилия, сдерживая бурные чувства, которым не могла дать воли.

Свекровь могла бы продолжать так еще два часа, а я бы ничего не ответила; у меня перехватило дыхание, я чувствовала, что умираю. Но ей совсем не было жалко меня, напротив, она встала и радуясь тому, что заставила меня замолчать, с насмешкой поклонилась мне и сказала:

— Я пришлю к вам ваших горничных, чтобы они освободили вас от корсета, и требую, чтобы вы больше не носили его. Это уже бесполезно, я все знаю.

Покидая меня, она велела позвать Марион и Бабетту; они прибежали, и их возмущению не было конца. Как только меня привели в мои покои, Марион отправилась за г-ном ди Верруа и сообщила ему, что злая вдова убьет нас, меня и ребенка, если он не наведет в семье порядок.

Господин ди Верруа впал в отчаяние; но он был не из тех людей, кто мог бы навести порядок там, где была его мать. Он оказался между двух огней. Я заявила ему, что и на час не останусь в его доме после того, как со мной так обошлись, что напишу родным и попрошу отца забрать меня.

— Я дождусь его приезда в каком-нибудь монастыре, — добавила я, — было бы неприлично оставаться в доме, куда ваша мать пустила меня из милости. Дочери герцога и пэра Франции не пристало мириться с таким обращением.

— А я! Я? Что будет со мной? — рыдая, спрашивал он. — А мой сын?

— Вас, сударь, утешит ваша досточтимая мать; что касается вашего сына, то будьте спокойны, я отошлю его к вам, как только смогу от него избавиться.

Мой гнев можно было бы сравнить с проклятием, о котором говорится в Священном Писании: он распространился на всех ди Верруа до третьего колена. Супруг бросился к моим ногам, умолял, просил прощения, плакал, целовал мне руки и добился того, что мое любящее сердце дрогнуло; я стала целовать графа, смешивая свои слезы с его слезами, простила его, простила сына; но ничто не могло смягчить моей ненависти к свекрови.

Необходимо было немедленно объявить ей, что она должна подыскать себе иное жилище и оставить нас в покое в нашем собственном доме, не угнетая нас более своим присутствием и властолюбием.

Мой муж готов был умереть, лишь бы не объявлять эту войну; он еще сильнее разрыдался и стал уговаривать меня по-всякому. Я не позволяла растрогать себя и, целуя его, повторяла:

— Я огорчена не меньше, чем вы, но это не моя вина; вы должны выбрать одну из нас: если она останется, уйду я.

После этой сцены я уснула, сломленная усталостью. Господин ди Верруа не нашел иного выхода, как обратиться к аббату Пети; он надеялся только на него и, как только я закрыла глаза, бросился к нему, видимо полагая, что это более скорый и надежный способ встретиться с ним, нежели отправлять за ним посыльного. Кюре выслушал его; он догадывался, какая обстановка сложилась в нашем доме. Госпожу ди Верруа он знал давно, а меня уже успел распознать, и, предвидя эти раздоры, был готов не допустить их.

— Помочь в этом деле может только госпожа герцогиня, — сказал он. — Только она обладает властью и волей, способными укротить вашу досточтимую матушку. Она одна поймет, что переживает ваша супруга, ее соотечественница и представительница семьи, к которой она всегда относилась с особым уважением. Отправляйтесь к принцессе, сударь, а если у вас не хватает смелости, я пойду вместо вас, предлагаю вам это от всего сердца.

Мой супруг с благодарностью согласился с этим: он был просто счастлив, возложив все свои обязанности на плечи милейшего священника, и тот, расставшись с ним, отправился прямо во дворец, с обычным своим простодушием, в скромной одежде и с присущей ему безмятежностью на лице, которую чаще можно увидеть у бедных, чем у богатых. Госпожа герцогиня, едва о нем доложили, велела пропустить аббата, хотя нередко отказывала в аудиенции самым блестящим вельможам.

Господин Пети, как всегда, изложил ее высочеству все в самых искренних выражениях. Он рассказал о междоусобной войне, разразившейся в нашем доме, описал ей положение, в которое поставила меня г-жа ди Верруа, и умолял герцогиню усмирить бурю, грозившую все сокрушить, если никто не вмешается.

Герцогиня знала мою свекровь и ничуть не удивилась; она дала обещание аббату Пети заняться этим делом и, поскольку предполагала, что молодую графиню будет легче уговорить, решила начать с меня.

Нисколько не заботясь о церемониях и этикете, которыми она пренебрегала, перестав быть регентшей, герцогиня в сопровождении конюшего и горничной тут же приехала ко мне в прогулочной карете.

Как легко догадаться, я ее не ждала и все еще спала.

Она не позволила будить меня и вместо этого сама прошла в мою спальню. Когда я увидела ее у своей кровати, удивлению моему не было предела, я просто потеряла дар слова.

— Да, это я, — сказала она, смеясь, — не надо так удивляться. Давайте поговорим немного, если вы согласны выслушать меня, нет, если можете выслушать, ведь вы, говорят, нездоровы; надеюсь, все уладится — это пустяки.

Она не разрешила мне встать и расположилась рядом с моей кроватью. Ее тонкий ум, доброта так подействовали на меня, что я рассказала ей о своем положении, о страданиях, возмущении, о том, что собираюсь покинуть дом мужа, если свекровь по-прежнему будет жить с нами. Меня не надо было вызывать на откровенность, я изливала всю свою душу.

— Вы знаете мою мать, ваше высочество, — восклицала я, — знаете герцога де Люина, разве их дочь приехала в эту страну как нищенка?

Принцесса терпеливо слушала меня и не перебивала. Это было ее единственным средством обрести хоть какую-то власть надо мной.

Когда я закончила, она повторила мой рассказ слово в слово, и один за другим разбила все мои доводы, указала мне, в чем я не права, нисколько не оправдывая поведение графини; она говорила со мной о муже, о ребенке, о моей репутации, обо всем, что могло взволновать меня.

Сначала я была неумолима, но она с таким неподдельным участием убеждала меня, что я не устояла и растрогалась. Она воспользовалась этим и взяла с меня обещание, что я никуда не уеду и буду вести себя с г-жой ди Верруа так, как будто ничего не случилось.

Не знаю, что сказала герцогиня г-же ди Верруа, но она полностью утихомирила ее. С этого дня наши споры прекратились, но свекровь возненавидела меня еще больше, ограничившись тихой местью.

Она действовала с непередаваемой хитростью и ловкостью, обхаживая меня и своего сына, так что за очень короткое время вновь обрела свою власть. Она подчинила его своей воле, как говорят поэты, с одной стороны, превознося его чувство ко мне, с другой — сея сомнения относительно моей любви к нему.

Поэтому он в угоду матери был то нежен, предупредителен и доверчив, то ревнив. В первую очередь он был моим любовником, затем мужем, но другом так и не стал никогда. Она убила в его сердце привязанность, способную противостоять любому испытанию, постепенно внушила ему опасения, касающиеся моей натуры, представив ему меня — с бесконечными оговорками и предосторожностями — представив ему меня, повторяю, как ветреницу, сумасбродку, фантазерку, одержимую

манией величия, не желающую никому подчиняться и мечтающую лишь о том, как бы унижить его, оскорбить и все подчинить своей воле.

В результате через некоторое время он уже не испытывал ко мне ни любви, ни каких бы то ни было иных чувств. Я не стала ему противна — нет, это было бы чересчур и прошло бы мимо поставленной свекровью цели, не достигнув ее, — просто я ему стала совсем безразлична. Теперь он видел во мне только женщину, носящую его имя, занимающую определенное место за столом недалеко от принцев; я казалась ему достаточно красивой и умной, чтобы польстить его мужскому тщеславию, но неспособной ни на что другое, к тому же с точки зрения богатства и возвеличения его рода мои возможности сводились к нулю.

Мои радужные надежды улетучились одна за другой, потому что я по-прежнему любила его и любила бы еще больше, если бы он захотел этого, ведь он, как бы это ни казалось со стороны, оставался единственной любовью в моей жизни, несмотря на мои грехи и ошибки. Мне следовало быть сильной, но, увы, я такой не была.

Вот что сделала г-жа ди Верруа со мной и моим мужем, вот как она подготовила почву для соблазна, подстерегавшего меня. О матери наших мужей, не дай вам Бог поступать так!

IV

Как видите, г-н ди Верруа очень скоро опять попал в полное подчинение к своей матери. К несчастью, ребенка я не доносила: родила его в тяжких муках, пятимесячным, хотя никакого неосторожного шага или какого-нибудь другого повода не было; как сказал врач, просто у меня не было сил вынашивать его дольше.

Повторяю, это было для меня большим несчастьем; если бы у меня появился сын, свекровь потеряла бы всю свою власть над моим мужем, я стала бы сильнее ее. Но без ребенка я была побеждена, привычка мужа к рабской покорности одержала верх.

Я искала утешения в развлечениях, часто ездила на балы, участвовала в праздничных увеселениях, посещала все интересные собрания и не пропускала возможности провести время при дворе в обществе их высочеств, лишь бы убежать из дома, где меня ожидали одни неприятности. Герцог Савойский еще внимательнее приглядывался ко мне. Он даже два или три раза неожиданно появлялся на загородной вилле, куда я внезапно удалялась, чтобы немного отдохнуть.

Об этом начали перешептываться, но, поскольку я упорно не желала замечать его знаков внимания, слухи утихли в самом начале.

Однажды я сидела в гостиной, куда почти никто не заходил, и играла с обезьянкой, подаренной кем-то госпоже герцогине; это было самое прелестное в мире существо; вдруг я услышала звуки, которыми принц ди Кариньяно обычно хотел обратить на себя внимание.

Я тут же обернулась; он знаком попросил меня присесть на канапе в маленькой зеркальной нише, и здесь произошел наш безмолвный разговор.

Речь шла о его августейшем кузене; принц желал поговорить со мной о любви, которую якобы питал ко мне герцог, и, когда я попыталась объяснить, что ничего подобного нет и в помине, он в раздражении топнул ногой. Затем повторил, что это так и есть, в этом нет никакого сомнения и ему это прекрасно известно.

— Нет, сударь, — в свою очередь повторила я.

— Его высочество любит вас, — очень быстро показал он жестами, — мне это известно; но если вы благоразумны, вы не станете его слушать и дадите ему понять, что вовсе не собираетесь обманывать мужа. Надо соблюдать супружеский долг, сударыня; иначе, безусловно, вы будете несчастны. Этот совет дает вам человек, обреченный судьбой на

постоянные размышления. Последуйте ему.

— Будьте спокойны, сударь, я намерена сохранить верность графу ди Верруа, причем не по соображениям долга, а из дружеских чувств к нему.

— Тогда все хорошо, я действительно могу быть спокоен.

— К тому же, супруга герцога Савойского ничуть не старше меня, но намного красивее; он должен любить ее и, без сомнения, любит; с моей стороны было бы просто дерзостью поверить, что его взгляд может обратиться на меня.

Немой покачал головой и на своем удивительном и образном языке, начертав две-три линии, объяснил мне, что самыми прекрасными плодами на дереве всегда кажутся те, до которых нельзя дотянуться.

Этот знаменитый немой внушал мне неподдельный интерес; позднее он напомнил мне о своих предостережениях, но я и без него часто о них вспоминала; увы, они уже не могли принести никакой пользы!

Виктор Амедей не сказал мне ни одного такого слова, какого я не хотела бы слышать. Но он взял за правило садиться рядом со мной во время игры, посылал ко мне своих приближенных справиться о моем здоровье, если я в какой-то день не являлась ко двору. Это было замечено только мною и некоторыми наблюдательными придворными; другие вполне могли воспринимать происходящее как некую душевную склонность или желание сделать приятное супруге-герцогине, обращавшейся со мной как с подругой и соотечественницей. Однако я на его счет не заблуждалась и старалась понемногу отстраниться от него.

Герцог во всеуслышание справился обо мне у г-жи ди Верруа, и она не упустила возможности описать мои капризы, отвратительный нрав и муку нашей совместной жизни.

Госпожи герцогини в этот момент не было; иначе свекровь не позволила бы себе говорить так в ее присутствии, ибо та знала, в чем тут дело. Герцог не осмелился встать на мою защиту, он уже тогда был очень хитер.

Со следующего дня началась Страстная неделя; обычно ее проводят в монастырях или в домашнем уединении, посвящая половину своего времени молитвам. Богослужения в церквах длятся допоздна. Все держат перед собой зажженные фонари и свечи, чтобы читать молитвы, а перед выходом гасят их одновременно: в итоге церковь погружается во мрак и в ней распространяется невероятный смрад.

Благочестивые души продолжают молиться в потемках, а нежные сердца пользуются случаем и встречаются у алтаря, где дают друг другу тайные клятвы, которые от этого не становятся надежнее. В Великий

четверг служба длится беспрерывно и верующие всю ночь проводят у святого надгробия.

Мне было грустно, и я тоже хотела пойти помолиться, но только в сопровождении слуг и Марион; на этот день она стала моей компаньонкой, поскольку я не взяла с собой никого другого. Мы отправились в домашнюю часовню семейства ди Верруа, где никого не было, — во всяком случае мы на это надеялись. Здесь находилась и исповедальня моей свекрови, расположенная в самом темном углу. Госпожа ди Верруа не допускала, чтобы ее видели стоящей на коленях даже перед служителем Господа.

Я прошла вперед и начала молиться; Марион расположилась чуть подальше от меня. Исповедальня оказалась совсем рядом со мной, но, погруженная в молитву, я не заметила этого. Неожиданно кто-то вошел в часовню; не придав этому значения и не поворачивая головы, я заметила черное платье, похожее на накидку паломника или сутану монаха и очень быстро промелькнувшее рядом со мной.

В этот день паломников и монахов было так много в церквах, что ничего необычного в появлении одного из них я не увидела. Через минуту мне показалось, что из исповедальни доносится голос; испугавшись, я чуть не закричала, но голос остановил меня:

— Ничего не бойтесь и выслушайте меня. Это в ваших интересах.

Я обернулась, надеясь увидеть того, кто так говорит со мной; но в часовне было совсем темно, и я ничего не разглядела. Мне было страшно.

— Вы несчастны, — продолжал неизвестный, — и у вас злая свекровь.

Я ничего не ответила, зная, что здесь ее исповедальня и она вполне могла спрятаться в ней; это мог быть и кто-то другой, кому было поручено следить за мной по ее приказу.

— Вы не доверяете мне, и напрасно: я ваш друг. И если вы захотите — у вас появится возможность снова обрести счастье.

Я стала слушать чуть более внимательно, но по-прежнему ничего не отвечала.

— Вы могли бы избавиться от этого Верруа и выбрать лучшую участь, — добавил таинственный голос.

— Ну, конечно! — перебила я, пылая гневом и более страстно, чем следовало. — Но я не хочу избавляться от мужа.

— Так вы любите его?

— Разумеется, люблю, очень люблю, и кто может усомниться в этом?

— Значит, вы не позволите любить вас?

— Я даю любое разрешение на любовь ко мне при условии, что мне не придется отвечать взаимностью.

— Неужели? А если учтивый, богатый, могущественный и молодой влюбленный будет стремиться к вам, вы его оттолкнете?

— Не знаю, кто вы такой и почему я допускаю слабость, отвечая вам. Я должна была бы позвать слуг и приказать им выставить вас из часовни, принадлежащей моему мужу, куда вы не имеете права входить.

— Так будьте же жестоки до конца, сделайте, как сказали, но потом вы раскаетесь в этом.

Такая уверенность заставила меня предположить, что незнакомец вполне мог оказаться самим герцогом Савойским, пожелавшим проверить меня, и, вышвырнув его из часовни, я навлекла бы на себя немилость, которая навредила бы мне больше, чем я могла ожидать, и отразилась бы на делах моей семьи. Поэтому я решила удалиться, ничего больше не говоря.

Человек из исповедальни заметил это и поспешно добавил:

— Пощадите! Оставайтесь ненадолго, я еще не все сказал.

— С меня довольно, я и так услышала слишком много.

— Нет, еще минуту, умоляю вас! Не покидайте меня таким образом.

— Я не разговариваю с незнакомцами, злоумышленниками быть может.

— О сударыня, вы губите людей! Но мы еще встретимся, даже если вы этого не хотите, и тогда...

Я не хотела слушать его более, позвала Марион, велела предупредить слуг о своем уходе и вышла.

Мой конюший уже готов был повернуть ключ и запереть часовню; конечно, это был прекрасный способ отомстить неизвестному, но пострадать могла моя репутация; меня могли обвинить в сообщничестве, в том, что я сама там его спрятала. Я знаком приказала не закрывать решетку, добавив вслух, что некий паломник просил у меня разрешения помолиться святому заступнику дома ди Верруа, к тому же граф и его мать могли прийти сюда.

Я вернулась к себе весьма заинтригованная, мысль моя лихорадочно работала; я не переставала думать о случившемся, пытаюсь угадать, кто был этот незнакомец, с какой целью он расспрашивал меня и не был ли он посланцем его высочества.

«Никто другой на такое не решился бы, — продолжала я размышлять. — Надо быть очень могущественным человеком, чтобы идти на приступ женщины, которой никто не нужен, и делать это таким образом».

Однако я ошибалась, моя неприступность была не столь надежна, как мне тогда казалось. В скором времени я получила тому доказательства.

В том году Страстная неделя выпала на конец апреля; в это время года весна в Италии особенно прекрасна. Повсюду — всевозможные цветы, и первая зелень так свежа, что голова кружится от тонких ароматов и навеянных ими сладких грез.

Почти весь вечер в канун Пасхи я провела в церкви, слушая хоралы, вдыхая запах ладана, произнося жаркие молитвы. Я вернулась к себе печальной и усталой, поужинала в одиночестве в своих покоях и, поскольку на моих глазах чудесный лунный свет озарил улыбкой розы клумбы, около которой г-н ди Верруа когда-то обратил внимание на мою красоту, я поддалась искушению и отправилась прогуляться по аллеям сада.

Я так долго и с таким удовольствием гуляла, что не заметила, как наступил день — Светлое воскресенье; обычно с рассвета его встречает звон колоколов, пушечная пальба, возгласы людей, уже заполнивших все улицы.

Народ будет отмечать праздник в кабачках и винных лавках, примыкающих к домам. Нет ничего веселее такого зрелища! Многие дамы и синьоры наслаждаются им инкогнито, прикрываясь плащами и широкополыми испанскими шляпами. Это одно из развлечений на свежем воздухе. Мне очень захотелось принять в нем участие. Я позвала Марион, спавшую не больше меня, и она появилась в сопровождении малыша Мишона, раньше всех прибежавшего пожелать мне приятных праздников.

Меня одели, как того требовала предстоящая затея. Вся моя свита состояла из служанки и розовощекого воспитанника аббата; я окунулась в уличную толпу и была в полном восторге от того, что меня не узнали, а значит, я могла веселиться как ребенок и радоваться тому, что увижу.

Мишон смеялся и прыгал. Его знали везде; добрая сияющая физиономия мальчика вызывала улыбку, стоило ему где-нибудь появиться. Я дала ему несколько монет; он истратил их на колбасу и соленое сало разных сортов. Мы с ним задержались у кондитерской лавки, где продавали великолепные пирожные, и я уже собиралась попробовать одно из них, как вдруг заметила протянутую руку, отстраняющую какого-то пройдоху, который теснил меня. Я обернулась, чтобы поблагодарить моего спасителя, и под огромными полями черной шляпы увидела горящие глаза принца Гессенского, одного из самых верных и настойчивых моих поклонников. Он испросил дозволения сопровождать и охранять меня; я ему не отказала, после чего мы уже шагали рядом, а Мишон со служанкой шли сзади нас.

Как все мужчины, принц сначала завел речь о себе, затем обо мне, а после этого — о нас двоих, то есть хотел дать понять, что он умирает от любви ко мне, но до сих пор не имел возможности признаться в этом и

только сегодня смог воспользоваться удобным случаем, боясь упустить его, хотя его поведение могло показаться мне странным.

Полагаю, хоть я и француженка, что пасхальная неделя не самое лучшее время для того, чтобы склонять меня ко греху; однако, в Италии этот период считается наиболее подходящим для любви, потому что очень легко встречаться в церкви, облачившись в одежду, помогающую скрыть свое лицо. Однако, будь то Страстная неделя или карнавал, у меня не было желания принимать эти ухаживания, они казались мне совершенно неуместными, и я сделала бедному принцу строгое внушение. Он был прекрасный человек и совсем не рассердился, только вздохнул и ответил:

— Наверное, мое время пока не пришло; но я появлюсь позднее.

Тем не менее в течение всей прогулки он продолжал вздыхать так открыто, что мне пришлось расстаться с ним и вернуться домой раньше, чем я того хотела. Я была крайне утомлена и бросилась на кровать, чтобы передохнуть до начала торжественной мессы в соборе: там я должна была присутствовать в числе других придворных.

Уснуть мне не удалось. Двое мужчин и их обольстительные речи не шли у меня из головы. Может быть, их не двое, а только один, вдруг таинственный незнакомец из часовни и принц — одно и то же лицо? Но если это так, почему он не открылся мне? А если это не он, то кто же?

Мне трудно было ответить на эти вопросы. Надо признаться, что я дольше чем обычно и более тщательно отбирала наряд: хотела быть привлекательной и заметила, что стала красивее, чем считала себя до тех пор. (Супруг так быстро начал пренебрегать мною, что я начала сомневаться в себе.)

На службу мы поехали втроем: я, муж и свекровь. Сначала мы прибыли во дворец. Нам была оказана честь сопровождать их высочества, поэтому мы обязаны были ждать их, сколько они пожелают.

Уже несколько недель я не появлялась при дворе. Когда герцог Савойский увидел меня, я уловила выражение радости у него на лице и поспешила отвернуться, почувствовав, что краснею.

Служба проходила как обычно. Принцы и принцессы причащались накануне, как и почти все придворные. В этой стране обряд причастия проще, чем у нас: грехи любви не берутся в расчет. Почти у всех дам здесь имеется по меньшей мере один воздыхатель; наиболее благонравные этим и ограничиваются, тогда как остальные никоим образом не стесняются и не считают, что поступают дурно. Если бы священники отказывали в отпущении этого греха, церкви опустели бы.

После службы все отправились к госпоже герцогине, у которой был

накрыт великолепный стол для дам. Здесь не столь требовательно относятся к табели о рангах, и, к счастью, за нашим столом не было герцогов и пэров, которые тиранили бы нас так же, как это делается при французском дворе.

Виктор Амедей не садился за стол, он лишь обошел его, поговорив с каждой дамой. Приблизившись ко мне, он спросил чрезвычайно взволнованным голосом, поправилось ли мое здоровье и смогу ли я принять участие в празднествах, которые он собирается устроить довольно скоро, между Пасхой и Троицей. Впрочем, можно перенести их, добавил он, если я не совсем хорошо себя чувствую, так как он не допустит, чтобы меня не было на торжествах и тем самым они были лишены лучшего из их украшений.

Герцог, отличавшийся крайней бережливостью, не часто устраивал праздники и ясно дал мне понять, что посвящает их мне. Сидя за праздничным обедом, я была задумчива, хотя и старалась держаться как обычно; во мне все трепетало, поскольку герцог Савойский неотрывно смотрел на меня и, видимо, наслаждался моим замешательством. Но он не догадывался, что оно означает. Я всего лишь искала способ избавиться от него, не усложняя нашей семье положение при дворе. Хорошо зная его, я была уверена, что он затаит злобу, подобно всем мужчинам с таким характером, как у него.

К великой моей радости, после застолья надо было идти к вечерней службе. Ни о чем другом я думать не могла и, увидев у алтаря славного аббата Пети, решила рассказать ему обо всем, и немедленно. Я попросила его навестить меня сразу после богослужения; чтобы не пойти на ужин к их высочествам, я заявила, что устала, и сидела одна в своей комнате, сгорая от нетерпения и желая открыть свое сердце достойному аббату.

Он не заставил себя ждать. Никогда, какая бы ни случалась беда, ждать его не приходилось; увидев, как я бледна и печальна, он сразу спросил, в чем причина моей грусти.

— Увы! Меня искушают, мой добрый отец, именно об этом я и хотела вам сразу поведать.

— Говорите, сударыня, доверьтесь мне, и да услышит вас Бог!

Я рассказала ему всю историю, с. первого дня, когда у меня закрались подозрения, включая случай в исповедальне и признание принца Гессенского.

Он слушал меня не перебивая, затем похвалил за искренность, за то, что, опасаясь за себя, пришла к нему вовремя, пока зло не успело еще пустить корни.

— Самое опасное во всем этом — любовь его высочества; теперь остался только один выход: пусть герцог поймет, что с вами он напрасно теряет время, и поищет утешения в другом месте. Откажитесь от участия в празднествах.

— Я сама только этого и хочу, но как отказать принцу?

— Не нужно никаких уловок; сделайте так, чтобы он пригласил вас опять, и смело скажите «нет».

— А если он рассердится на меня, а главное, на графа ди Верруа, если он лишит его доверия и тем самым лишит надежд на будущее?

— Это трудно, я знаю; если б вы были постарше, то, быть может, следовало бы хитрить, но такое юное создание, как вы, не должно подвергать себя опасности, так будьте же чистосердечны и откровенны.

— Но имею ли я право губить своего мужа, ведь он даже не подозревает об опасности и ее причине?

— Будьте осторожны, сударыня, вы уже назначаете цену долгу, и было бы грешно предполагать, что господин ди Верруа способен пойти на подобный торг.

— Я вовсе и не думала об этом; но если бы граф был в курсе происходящего, возможно, он нашел бы выход, которого мы не видим.

Кюре покачал головой:

— Тянуть время — значит все потерять, сударыня. Вспомните о высоком положении воздыхателя, его могуществе и его достоинствах.

— Я люблю своего мужа, сударь, — просто ответила я.

— Это лучший из доводов, сударыня, однако ваше отсутствие на празднестве делу не повредит.

Мы проговорили долго, обсудив вопрос со всех сторон, и пришли к выводу, что нужно лишить принца надежды на взаимность и, если меня вынудят присутствовать на празднествах, все рассказать свекрови, которая станет для меня лучшей защитой и лучшим препятствием в замыслах принца.

На следующий день после этого разговора я напустила на себя важный вид и ждала, когда герцог Савойский подойдет ко мне, преисполненная решимости вежливо попрощаться с ним.

Он приблизился ко мне, когда я отошла к окну, и спросил, преодолела ли я внезапную усталость, помешавшую мне накануне присутствовать на ужине.

— Нет, ваша светлость, напротив, я утомлена как никогда.

— Надо поправиться до праздников: они скоро начнутся, сударыня.

— В это время я буду чувствовать себя еще хуже, ваша светлость.

— Что это значит, сударыня?

Я уловила насмешку в его глазах, а также уверенность в том, что он добьется своего, и это возмутило меня. Мой ответ прозвучал очень надменно:

— Это значит, ваша светлость, что я не люблю праздников и не намерена в них участвовать.

— А если подождать до тех пор, пока здоровье позволит вам сделать это?

— Даже в этом случае меня там не будет, монсиньор, и особенно в этом случае.

— Как угодно, сударыня, — ответил он, явно задетый за живое.

Полагая, что сказано достаточно, я не стала ждать, пока он соизволит меня отпустить, смиреннейшим образом сделала реверанс и удалилась.

Такая невообразимая вольность была красноречивее слов. Герцог еще минуту постоял у окна, чтобы прийти в себя. Он был чрезвычайно разгневан, но снова подошел к дамам и постарался вести себя очень любезно, хотя его переполняла ярость. В этот день он больше не заговаривал со мной и продолжал сердиться еще несколько недель.

Я не доверила своей тайны моему официальному исповеднику отцу Добантону. Этот иезуит не внушал мне ничего, кроме неприязни, а его манеры святоши не могли обмануть меня и вызвать на откровенность. Аббат не раз пытался заглянуть в отдаленные уголки моего сердца, но видел только то, что я позволяла увидеть. Он делал странные намеки, пытаясь понять, на что я способна и куда меня можно направить. Не знаю, кому он служил — ордену иезуитов, стремившемуся усилить свое влияние при дворе, или г-ну делла Скалья с его страстью ко мне. Как бы то ни было, он посвятил меня в такие дворцовые интриги, о которых я и не подозревала; допуская, что я могла быть замешана в них, аббат спрашивал, что мне об этом известно. Однажды он рассказал мне о тайных страстях, сжигающих членов одной и той же семьи.

— Брат и сестра, кузен и кузина, дядя и племянница иногда поддаются подобной слабости, — сказал он.

Видя, как я поражена и возмущена его откровениями, он не зашел слишком далеко. Но все же успел сделать упор на словах «дядя» и «племянница».

Под конец аббат посоветовал мне держаться подальше от подобной преступной любви.

Какая низость!

Позднее я узнала, что после этого разговора он встречался с аббатом

делла Скалья.

Но в тот период, который я сейчас описываю, между ними состоялся другой, более важный разговор.

Несмотря на мое молчание и мою сдержанность, Добантон уже узнал о любви герцога Савойского, и можете себе представить, какое значение имело для него и для ордена иезуитов проникновение в подобную тайну.

Теперь я могла стать орудием, посредством которого иезуиты надеялись обрести подлинное могущество.

И отец Добантон стал пособником герцога Савойского, своими наставлениями пытался склонить мое сердце к любви, не имеющей ничего общего с любовью к Богу.

Аббат делла Скалья со своими страстями, не приличествующими его возрасту, был очень искусно отстранен. Отец-исповедник сделал вид, что возмущен его намерениями, и пристыдил собрата. Делла Скалья понял, что ветер подул с другой стороны, и поклялся, что узнает, чьему постороннему влиянию подчиняется мой духовник, хотя он сам выбрал его для меня, доверившись совету монаха Луиджи.

Затем, подумав как следует, он сказал себе:

«Что ж, отравить душу не удалось, но у меня еще остались другие страшные яды. О отец Добантон! Вы намерены использовать сердце графинюшки только для того, чтобы упрочить свою власть; нет, прежде чем вы преуспеете в этом, я разобью, уничтожу орудие, которое вы собираетесь пустить в ход».

Мне кажется, что к тому времени аббат делла Скалья уже разгадал тайные помыслы герцога Савойского. Дядя моего мужа не лишен был дара дипломата: он провел свою жизнь среди интриг и у него был зоркий, наметанный глаз.

А теперь вернемся к Виктору Амедео.

Однажды вечером г-жа ди Пеция во время игры непринужденно беседовала с герцогом и со смехом спросила, куда подевались знаменитые празднества, о которых он объявил так давно, и дождутся ли когда-нибудь придворные этого радостного события.

— Это не моя вина, сударыня; божество, которому я их посвящаю, отвергает мой дар.

— Ваша светлость, она наверняка примет этот дар, когда вы предложите его всерьез. Это послужит средством смягчить ее сердце и заставить прислушаться к вам.

— Вы так полагаете, сударыня?

— А вы сомневаетесь, ваша светлость? Я считала вас более

искушенным в том, что касается дам. Она отказывается для того, чтобы ее упрасивали. Ваша гордячка неприступна, но не более других.

Госпожа ди Пеция, очень умная пожилая женщина, при дворе могла не стесняться в выражениях. Она была весьма сведущей в делах любви и не скрывала этого, однако не переходила грани, соседствующей с цинизмом. Эта дама охотно рассказывала о своей молодости и была снисходительна к похождениям других. Истовой святошей она не стала, но молилась Богу, ходила в церковь и говорила, что Всевышний больше заслуживает любви, нежели его создания, и что только у этой любви не бывает мучительного завтра и сожалений по поводу разбитых надежд. Герцог любил ее и охотно посвящал ее в свои дела.

Я слушала этот разговор с дрожью в сердце. Значит, мне так и не удалось избавиться от любви герцога, как я надеялась; мне предстоят новые битвы, и, конечно же, впереди меня ждут душевные переживания. Я старалась сохранять спокойствие и довольно успешно справилась с замешательством.

Что касается герцога Савойского, то он даже не взглянул на меня, ничем себя не выдавая, и самый внимательный наблюдатель не догадался бы, что он думает только обо мне.

Через два дня нас, как и весь двор, уведомили, что его высочество в скором времени устраивает пышные празднества, нужно подготовиться к ним и принять участие в общем веселье.

Положение становилось критическим. Я вновь обратилась за помощью к аббату Пети. Состоялся долгий разговор, и было решено, что я не поеду на эти балы под предлогом нездоровья и буду держаться твердо со всеми и против всех.

Госпожа ди Верруа не преминула на следующий же день спросить меня, какой наряд я собираюсь выбрать.

— Никакой, сударыня, — ответила я.

— Как никакой? — воскликнула она. — Уж не намерены ли вы отличаться от других и навлечь позор на наш дом?

— Нет, госпожа графиня, но я не собираюсь посещать ни один из этих балов.

— Что за прихоть, сударыня, объяснитесь, будьте любезны!

— Я уже давно больна, бессонные ночи утомляют меня, а жара в танцевальных залах очень вредна для моего здоровья.

— Воистину, мне вас не понять. Как! Вы тут ломаетесь, заставляете себя упрасивать, забыв, что приглашение его высочества означает приказ! Предупреждаю вас, что мы не потерпим этого, вам придется поехать со

мной и забыть о своем французском жеманстве, неуместном в Италии, понятно?

— Прошу меня простить, госпожа графиня, но я не поеду.

— Поедете, говорю я вам!

— Нет, не поеду, — повторила я с такой твердостью, что мать и сын посмотрели друг на друга в полном недоумении.

Они еще не смирились с моим решением.

— Вы не поедете только потому, что нездоровы?

— Да, сударыня.

— Других причин нет?

— Нет, но если бы и были, я бы о них умолчала.

— Вы сомневаетесь в нашей сдержанности?

— Нет, в вашей доброжелательности ко мне.

Подобными колкостями мы обменивались еще некоторое время; мой супруг, по обыкновению, не произнес ни слова. Может, он что-то сказал самому себе? Не думаю; мой супруг так привык оставаться безучастным во время моих стычек со свекровью, что, по сути, стал таким во всем.

Графине пора было отправляться во дворец. Уезжая, она метнула в меня парфянскую стрелу:

— Запомните, сударыня, что вы поедете на бал их высочеств, потому что это ваш долг и потому что я так хочу.

Я ничего не ответила. Да и зачем? Господин ди Верруа подождал, пока мать уедет, затем повернулся ко мне и с небрежным видом спросил:

— Вы и в самом деле не хотите ехать на придворный бал, дорогая графиня? Но почему? Что за фантазия! И что вам мешает?

— Я уже сказала, сударь, — мое здоровье.

— Вы свежи лицом и румяны, сударыня, и никому не докажете, что больны.

— Разве важно, верят этому или нет, если так оно и есть?

— Тем не менее приготовьте туалет, моя мать сумеет заставить вас поехать, даже если придется просить его высочество одолжить карабинеров его полка, чтобы привести вас на бал.

И, развернувшись на каблуках в соответствии с модой, заимствованной всеми молодыми синьорами у принца Гессенского, он оставил меня одну.

Я упорствовала и по-прежнему была безучастна ко всему. А тем временем портные, вышивальщицы и ювелиры сбивались с ног, работая днями и ночами.

Наступил понедельник; ровно через неделю был назначен праздник. С

утра у меня побывало не менее десяти дам: все хотели узнать, как я буду одета.

— Платье уже готово, — отвечала я. — Впрочем, я так плохо себя чувствую, что скорее всего не поеду. Даже сегодня вечером, наверное, я не смогу появиться во дворце у госпожи герцогини.

Меня жалели, более или менее искренне одаривали комплиментами. Но все запомнили, что я больна и не поеду ко двору, и повторяли это так часто, что новость распространилась в кругу придворных дам и, разумеется, достигла ушей герцога.

Маркиза ди Пеция, замечавшая все, угадала причину и следствие. Она отошла с Виктором Амедеем в сторону и попыталась добиться от него признания; роль наперсницы всегда была ей по душе, к тому же итальянки видят в любви столько очарования, что, расставшись с ней, думают лишь о том, как найти ее вновь, пусть не для себя, а для других.

Принц ничего не сказал, а только улыбался; большего ей и не надо было.

— Ваша светлость, — добавила она, — я позволю себе дать вам еще один совет. Дама, отказавшаяся от празднеств, может упорствовать, несмотря ни на что. Знаете, что тогда следует сделать?

— Нет, сударыня, научите меня, я люблю учиться.

— Она не будет заниматься никакими приготовлениями, за неделю до праздника запретя у себя; будет говорить, что находится при смерти, пока не придет время выезжать; в этот момент она могла бы уступить уговорам, но драгоценности, платье и все остальное не готовы, и ей придется остаться. Есть способ перехитрить ее, если взяться с умом.

— Но скажите же какой, маркиза! Я жду уже два часа.

— Так вот, ваша светлость, способ простой: наверное, у нее найдется сестра, мать, подруга, которой надо внушить, что бал не может состояться без этой красавицы и нужно убедить ее приехать, но прежде следует без ее ведома заказать блестящее, ослепительное платье, ведь мастерицам известен ее размер; за два часа до бала платье надо послать ей от имени герцогини. В этом случае никаких отговорок просто быть не может, и, даже умирая, дама появится на балу.

— Совет хорош, маркиза.

— Других я вам не даю, ваша светлость.

Герцог выполнил все в точности. За два часа до бала герцогиня-мать прислала ко мне одного из своих пажей и трех слуг; они принесли корзину, в которой на ватной подстилке лежали юбка, корсет и шлейф небесно-голубого цвета, расшитый мелким жемчугом; даже кружева были им

усеяны, что придавало платью необыкновенную красоту, — такой роскоши никто до сих пор не видел.

Увидев подарок, свекровь застыла от удивления; затем визгливым голосом бросила в мою сторону:

— Надеюсь, что теперь вы поедете на бал, сударыня!

Я растерялась и расстроилась; скажу больше: пришла в ярость. Меня вынуждали, меня победили. Муж смотрел на меня с улыбкой, одну за другой приподнимал жемчужные кисточки, украшавшие мое платье, и с явным удовольствием поигрывал ими.

— Какая красота, сударыня, какая красота! Поистине, госпожа герцогиня одарила вас по-королевски; сразу видно, что вы ее соотечественница и подруга. Оденьтесь поскорее, иначе опоздаете, их высочества выйдут раньше вас.

Я ничего не ответила. Отступить было некуда, надо было подчиниться или совершить героический поступок, например заставить пустить себе кровь; без этого не было никакой возможности избежать бала. Я приняла решение и, повернувшись к г-ну ди Верруа, сказала:

— Сударь, немедленно пошлите за врачом, я очень больна, мне надо пустить кровь прямо сейчас.

Граф расхохотался:

— Врача? Пустить кровь? Скажите это другим, прекрасная графиня! Вы, наверное, держали пари и желаете выиграть. Я не собираюсь помогать вам в подобных безумствах.

— О сударь! — воскликнула я, потеряв терпение. — Проиграю не я, а вы.

— Я? Но как я могу проиграть? Я ведь не заинтересованное лицо, как мне кажется.

Я пожала плечами и отвернулась, ничего не ответив.

— Не будем больше спорить, сударыня, и покончим с этим. Я позову ваших служанок.

— Как вам будет угодно: они помогут мне лечь в постель.

Мы долго препирались, я отбивалась как могла. Наконец, он заставил меня признаться, что существует другая серьезная причина и тут же потребовал, чтобы я назвала ее. Я пыталась отказаться от своих слов, но было уже поздно.

— Теперь, сударыня, я не оставлю вас и не уйду, пока вы все не скажете.

Это была настоящая пытка.

Терпением я не отличалась и в гневе ответила:

— Хорошо, сударь, поскольку вы этого требуете, узнайте же, что

происходит. Герцог Савойский соизволил обратить на меня свой взор; он хочет, чтобы я стала его любовницей, и празднества, куда вы так упорно желаете меня отвезти, послужат лишь предварением нашего согласия.

Господин ди Верруа содрогнулся, но очень быстро пришел в себя. Волнение его выдавал лишь еле заметный румянец.

— Вы уверены, сударыня?

— Если бы это было иначе, разве я сказала бы такое, сударь?

— Ответ вполне достойной и порядочной женщины, госпожа графиня; такое благоразумие — настоящая редкость для вашего возраста, и я благодарю вас за это.

— Боже мой! Ведь я люблю вас, сударь, а моя мать учила меня с радостью выполнять данный мною обет. Поэтому хвалить и благодарить меня не за что.

— Да, так говорить может только порядочная женщина, — повторил он, словно не слышал меня, — настолько порядочная, что бояться нечего; можете смело идти навстречу опасности, вы ее преодолете. Собирайтесь, и поедem на бал.

Я была так удивлена, что не смогла этого скрыть; он стал настаивать с еще большим упорством, подчеркивая, что ничуть не сомневается, полностью уверен во мне, и с его стороны было бы верхом неучтивости, если б он сам не повел меня навстречу опасности, которая такой женщине, как я, не может угрожать.

— Как! Зная все, вы хотите?..

— Да, хочу доказать, что вы заслуживаете высочайших похвал и я смело могу вручить вам свою честь, ибо столь непорочного существа во всем свете не сыщешь.

— Сударь, я о себе не такого высокого мнения и умоляю вас избавить меня от этого испытания.

— Ваше упрямство огорчает меня, сударыня, и я надеюсь, что оно немедленно прекратится.

— Значит, вы настаиваете, сударь? Согласитесь, что это, по меньшей мере, странно.

— Я не желаю на глазах у всех объявлять войну моему повелителю, сударыня, к тому же честь и состояние не позволяют мне, чтобы вы всем этим пренебрегали! Вы поедете.

— Что ж, я повинуюсь, сударь.

Я подробно описала эту сцену, чтобы было ясно, как меня подталкивали, почти вынуждали делать то, что в конце концов я сделала, вовсе того не желая.

Итак, как было приказано, я оделась.

Не скрою, выглядела я великолепно и несколько минут посвятила короткому диалогу с зеркалом, ответившему мне улыбкой и комплиментом.

Герцог Савойский, всегда прекрасно владевший собой, встретил меня как и всех остальных. Лишь по легкому румянцу я угадала его волнение. Он единственный ничего не сказал мне о моем наряде. По-видимому, так было сделано для того, чтобы я обратила на это внимание и не забывала, кто его послал.

Мне было очень тоскливо на этом празднике, и я уехала очень рано. Моим партнером оказался принц Гессенский, но танцевать с ним менуэт я не захотела. К удивлению всего двора, я отказалась от курант и котильонов, хотя прежде довольно часто блистала в них и придворным нравилось смотреть на меня. Словом, я всячески выказывала свое дурное настроение.

Господин ди Верруа возвратился домой вместе со мной и побранил меня, не очень строго, правда, но побранил. Он считал, что я придаю слишком большое значение тому, в чем нет ничего особенного, сама внушаю принцу мысль о своих подозрениях и страхе перед ним, и тот может этим воспользоваться.

— Впрочем, — добавил он, — я поговорю об этом с матушкой.

— Ради Бога, сударь, не говорите с ней! Я боюсь этого больше всего и именно поэтому не рассказывала вам раньше о своих опасениях. Я имела удовольствие узнать вашу досточтимую мать, она все повернет против меня.

Граф чуть ли не клятвенно обещал мне молчать, но я была уверена, что он не сдержит слова; предвидя то, что должно было произойти, я не спала всю ночь и на другой же день поняла, что не ошиблась.

Вернувшись из дворца, г-жа ди Верруа тут же прошла в мои покои (она опять стала появляться здесь без приглашения с тех пор, как ее сын забыл ко мне дорогу).

Она стояла, высоко подняв голову, а в ее сверкающих глазах сквозила насмешка, на губах играла слащавая улыбка, за которой обычно скрывалась ярость и злоба.

— Что я узнаю, сударыня? — сказала она. — Оказывается, ваше дурное настроение вчера было вызвано какими-то несуразными фантазиями! Вы почему-то решили, что герцог Савойский, супруг совершеннейшей из принцесс, не нашел ничего лучшего, как вздыхать по вашим прелестям! Он, видите ли, устраивает эти празднества в вашу честь! И именно вы сумели изменить его вкусы, привычки, мысли! Как же мы об этом не догадались? И как это вам одной удалось понять причину великой

перемены? Я слишком люблю вас, чтобы приказывать, и потому советую забыть все эти глупости и, главное, никому не рассказывать о них. Вас поднимут на смех, что, в конце концов, вам позволительно, но вы опозорите свое имя и дом мужа, нанесете урон его и нашему общему благополучию, а этого я вам не прощу. Поэтому я требую, чтобы вы вернулись к здравому смыслу, к исполнению своего долга, не домогались этой нелепой исключительности и выполняли обязанности, возложенные на вас вашим положением в обществе.

Я возмутилась и хотела дать ответ, но не успела, так как свекровь вышла.

Следует добавить: если бы герцог Савойский был свидетелем этой сцены, если бы я могла в тот самый миг приблизиться к нему, то, наверное, сделала бы все, чтобы доказать, насколько мои фантазии не были несуразными, и что не только мои, но и другие глаза способны видеть то же самое.

К счастью, у меня было время подумать, и я, напротив, решила своим поведением, своей сдержанностью доказать, что, если я и ошибалась, то, по крайней мере, в этом с моей стороны совсем не было ни предубеждения, ни злой воли.

Господин ди Верруа больше не возвращался к этой щекотливой теме; я без возражений присутствовала на трех праздниках, устроенных его высочеством, и все на них происходило так же, как в первый раз.

Мне уже начинало казаться, что герцог Савойский обратил свои взоры в другую сторону, хотя это ни в чем не проявлялось, но он, по крайней мере, перестал преследовать меня. Но вот был объявлен четвертый праздник — с каруселью и множеством других великолепных представлений. Я готовилась к нему, ничего не опасаясь, однако именно этому празднику суждено было сыграть очень важную роль в моей жизни.

VI

Об этом новом празднике на улицах Турина возвестили трубы и герольды. Его высочество решил устроить нечто вроде рыцарского турнира с конными состязаниями и боями на притуплённых копьях, как это бывало на каруселях Людовика XIV в годы его молодости, с участием четверок верховых в костюмах различных народов. Герцог, неизвестно почему, выбрал наряд цыгана. Также надлежало поступить всем, кто входил в его четверку, которая должна была выглядеть великолепно. Виктор Амедей лично назначил графа ди Верруа руководителем одной из четверок. Дамам было также приказано выбрать характерные туалеты; им предложили собраться в группы по несколько человек и изображать исторических и литературных персонажей. Герцогиня выбрала костюм одной из героинь прекрасной поэмы Тассо с чисто итальянским сюжетом и выразила пожелание, чтобы я приготовила аналогичный наряд. Так она стала Клориндой и настояла на том, чтобы я представляла Армиду.

Когда герцог Савойский узнал об этом, он спросил, не сражался ли странствующий рыцарь Ринальдо с турками в Богемии, а г-жа ди Пеция подтвердила, что именно так все и происходило. Никто, кроме меня, не обратил на это внимания. Но я замечала все.

Армида была своего рода колдуньей, язычницей, соблазнявшей христиан и любой ценой добивавшейся, чтобы они были прокляты. Она использовала для этого разные зелья и чары; Армида обладала неувядающей красотой и вечной молодостью и имела в своем подчинении демонов ада. Для такой героини нужен был великолепный восточный наряд. Свекровь одолжила мне свои драгоценные камни, к ним я добавила свои украшения — драгоценности двух моих старых тетюшек, владевших подлинными сокровищами, так что в том костюме я в полном смысле сверкала. Мое длинное, открытое спереди платье было сшито из переливающейся золотом и серебром ткани и снизу доверху украшено рубиновыми розами с изумрудными листьями. Оно было таким тяжелым, что требовалось не менее трех человек, чтобы поддерживать его. А в моем распоряжении был только малыш Мишон, коротко остриженный, с лицом, покрашенным в черный цвет, и одетый в турецкий костюм, — другими словами, на нем были короткие шаровары, ожерелья и брыжи, как это можно увидеть на венецианских полотнах. Весь двор обратил внимание на его икры. Странно было то, что он не рос и по-прежнему выглядел как

семилетний ребенок, хотя ему уже было двенадцать. В дальнейшем вы узнаете, почему я обращаю на это ваше внимание.

Мое платье имело сбоку разрез, как у охотниц, что позволяло видеть стройную ногу и стопу, обутую в античный котурн, который был расшит бесчисленными камнями. На мне был жакет из серебристой ткани, украшенный маленькими талисманами из инкрустированных золотом голубых камней, которые, по-моему, называют бирюзой. Турция очень богата такими камнями. Прическа у меня была также необыкновенной. Волосы локонами ниспадали на плечи и до середины были стянуты усыпанной бриллиантами сеткой, на голове была диадема из редчайших камней с темно-красным рубином, достойным королевы. В центре диадемы помещалась сова изумительной ювелирной работы: перья колдовской птицы были сделаны из разноцветных камней, а глаза — из рубинов фиолетового оттенка. До сих пор я храню эту диадему, украшенную, помимо прочего, и настоящими перьями, которые торчали из нее так, чтобы показать всем, какое дикое существо эта Армида; все остальное — мои уши, руки, шея — просто переливалось от блеска камней. Мой пояс целиком был расшит ими. Когда я появилась на помосте, мне стали рукоплескать. Если не считать наряда герцогини Савойской, мой костюм оказался самым красивым на маскараде и очень шел мне. Пожалуй, он был даже самым лучшим. Дамы просто умирали от досады и зависти.

Герцог во главе своих цыган выехал на арену верхом; попона и сбруя его великолепного белого коня сияла золотом, серебром и бриллиантами. В свете солнца одежда принца также слепила глаза. Я поняла тайный смысл его маскарадного костюма, увидев на груди принца коробочку, точную копию той, что подарил мне венецианский колдун, только она была чуть побольше и несла на себе надпись:

«Охраняю от всего».

Этот амулет был самым красивым украшением костюма, который и сам по себе поражал роскошью. Все придворные заметили коробочку и решили, что здесь скрывается какая-то тайна: у них ведь тонкое чутье, они издали все угадывают. Проезжая мимо нас, Виктор Амедей опустил копье, приветствуя принцесс и придворных дам. И тогда мы увидели буквы, вышитые на его знамени. Придворным сфинксам, прочитавшим это слово, было над чем поломать голову:

«Незнакомке!»

Затем мы разглядели круговую надпись на изображении часов:

«Спокойны внешне, взволнованы внутри».

Герцогиня Савойская обернулась ко мне — я стояла за ее креслом — и

очень тихо произнесла:

— Графинюшка, надо сегодня же вечером найти ту незнакомку, ради которой герцог жертвует мною.

Она произнесла эту фразу таким тоном, что мне стало ясно: герцогиня не очень рассержена. У меня же больше не осталось сомнений: амулет был безмолвным признанием, которое я обязана была заметить и пренебрегать которым впредь было уже невозможно.

Итак, все это щегольство, великолепие, многолюдье и пышное празднество, так не соответствующие вкусам герцога Савойского, были предназначены мне. Я стала главным действующим лицом, королевой этого двора; одно мое слово — и все бросятся к моим ногам, включая самого повелителя. В какое-то мгновение у меня закружилась голова, я закрыла глаза: мне казалось, что я вот-вот упаду с этой высоты. Во мне впервые проснулось честолюбие, даже властолюбие, я почувствовала силу страсти, до сих пор мне неизвестной, и с таким сожалением и волнением посмотрела, как удаляется принц, что он, наверное, был бы счастлив уловить этот взгляд.

Состязание четверок было красиво и продлилось долго. Само собой разумеется, победителем стал герцог Савойский; властелины не позволяют себя побеждать. В это время принц Евгений находился в Турине и на турнире возглавлял группу индейцев. Ему, как и другим, пришлось покориться главе семьи; но он первым после герцога был удостоен награды. Виктор Амедей сам позаботился о том, чтобы добиться того, чего ему хотелось. Когда они вдвоем поднялись на помост, где сидели дамы и где обычно вручается приз за храбрость, герцог Савойский взял принца Евгения за руку и сказал Клоринде:

— Прекрасная воительница! Вот молодой иноземец, которому я уступаю несравненную радость быть увенчанным вами, хотя делаю это, глубоко сожалея, что сам лишаюсь столь великой чести. Но он прибыл из такого далека и так достоин награды, что я не осмеливаюсь отнять ее у него. Позвольте же одной из ваших дам, чьи глаза сверкают рядом с вами, надеть мне эту перевязь, драгоценнейший и незабвенный дар для моей души.

Принцесса ответила ему очень изящной короткой речью, закончив ее обещанием указать рыцарю Ринальдо ту прекрасную даму, к которой он должен обратиться, дабы избавить его от неимоверно трудного выбора в таком созвездии необыкновенных красавиц.

Среди дам, окружавших герцогиню, я, без сомнения, была самой красивой и одетой роскошнее всех, мне и был передан приз,

предназначенный победителю. Принц преклонил колени, подставил голову, и я набросила перевязь на его латы.

Голова его была опущена, лица нельзя было разглядеть; он взял мою слегка дрожавшую руку и поцеловал ее с такой страстью, что даже у самой неискушенной женщины не осталось бы никаких сомнений в его чувствах.

Я резко отстранилась; мой строгий вид никак не вязался с церемонией, которую мне поручено было совершить. Герцогиня-мать из-за легкого недомогания отсутствовала, иначе она догадалась бы обо всем.

Все перешли в банкетный зал. Герцог, продолжая играть роль моего рыцаря, пожелал служить мне, что соответствовало обычаям и правилам турнира, которые мы пытались воспроизвести. Для окружающих в этом не было ничего особенного, но кое-кто уже угадал правду, и вокруг меня никогда еще не крутилось так много людей. Если б у моей свекрови не было своего расчета, возможно ли, чтобы женщина, столь искушенная в дворцовых интригах и столь расчетливая, не поняла бы того, что всем становилось ясно? Что же касается графа ди Верруа, то он верил только своей матери, и если случайно сомнение и закрадывалось ему в душу, то, испытывая глубокое доверие и уважение ко мне, он не собирался ни обвинять меня, ни чего-либо опасаться.

Герцог пробуждал во мне то гнев, то гордость, ну а все мои нежные чувства предназначались только мужу.

Этот день показался мне бесконечным. Я хотела вернуться домой и спокойно подумать. Герцог Савойский не позволил себе ни слова, ни жеста, ни взгляда, способных вызвать мое недовольство; однако он все время на что-то намекал, расточал похвалы в мой адрес, не обращаясь ко мне, но говорил так, что я одна могла понять его, и все это поведение было красноречивее слов. Два раза во время бала он предлагал мне руку, но я согласилась лишь на один менуэт, а во второй раз попросила не гневаться и не предлагать мне этой чести, потому что тяжелое платье слишком давило мне на плечи, отнимая последние силы.

Он ничего не ответил.

С этого дня я стала мишенью для шуток и насмешек г-жи ди Верруа, не упускавшей случая так или иначе задеть меня. Она без устали язвила по поводу гордачек, воображающих, что они предмет обожания великих людей и в своем неумном тщеславии мнят себя светскими львицами, в то время как никто и не думает на них посягать. Несомненно, все это говорилось для того, чтобы окончательно вывести меня из равновесия. Она хотела любой ценой разделаться со мной. Бедная женщина была сурово наказана за то, что так долго вынашивала эту идею: если бы она была на

моей стороне, то, наверное, предотвратила бы то, что в конце концов случилось.

Я забыла упомянуть, что за годы совместной жизни с г-ном ди Верруа я одну за другой родила своих дочерей, а затем сына. Писать о детях, родившихся в законном браке, я больше не буду, не хочу беречь сердечную рану, потому что они моя единственная настоящая боль и только за них меня мучает совесть. Расстаться с ними было очень тяжело, и с тех пор я их не видела. Сын ненадолго пережил отца, а дочери, воспитывавшиеся в монастыре, там и остались.

Бабушка, наверное из ненависти ко мне, не могла выносить их и сделала несчастными; они привязались к монахиням и не захотели покинуть их. Так произошел полный разрыв между нами.

Бедные дети настроены против меня, но я не могу упрекнуть их в этом: им рассказывали обо мне только то, что порочило их мать. Однако младшая дочь иногда, во исполнение долга, писала мне; я отвечала ей очень ласково, и, видимо, мои письма тронули ее душу; без сомнения, имей мы возможность увидеться, в конце концов мы бы полюбили друг друга, точнее, она, ибо я ее очень люблю. Но об этом мы не будем сейчас говорить.

Два-три месяца прошли как обычно. Аббат делла Скалья вернулся домой. В его присутствии г-жа ди Верруа не позволяла себе задевать меня. Она обращалась со мною все так же холодно и сухо, но ни в чем не упрекала. Празднества закончились, однако поводов для встреч с герцогом Савойским осталось немало. По распоряжению принца мы даже провели несколько недель в его имении Риволи, где, окружив вниманием и заботой, нас принимали он сам и обе герцогини. Человек необыкновенного, разностороннего ума, герцог был очень приятным и интересным собеседником. Он знал много языков и прочел массу книг. Герцогиня-мать гордилась своим сыном, и не без основания.

— Ведь его бабушка, — часто говорила мне она, — была дочь Генриха Четвертого; родство, не менее близкое, чем у вашего короля, графиня. И я льщу себя надеждой, что мой сын тоже будет на него похож.

Принц Виктор Амедей действительно был правнук Генриха IV и по многим линиям — родственником французских королей; он делал вид, что не придает этому никакого значения, но в глубине души был от этого просто в восторге; не случайно же он так часто повторял:

— Мой прадед Генрих Четвертый говорил...

Или:

— Так поступал мой прадед Генрих Четвертый. Лучшего примера он

не мог привести.

Я полагала, что опасность уже миновала, поскольку прошло много времени, а герцог не предпринимал новых по-с попыток сблизиться со мной, во всяком случае я надеялась, что он отказался от тщетных усилий добиться своего, как вдруг однажды вечером во время прогулки, которую я совершала в карете в сопровождении двух служивших у меня итальянок, одна из них почувствовала себя плохо и попросила у меня разрешения выйти из экипажа у дома ее сестры, расположенного на берегу По. Я осталась наедине со второй компаньонкой, которая тут же достала из кармана письмо и протянула его мне.

— Госпожа графиня, — сказала она, — мне велено передать это вам.

— Кем велено, синьорина?

— Прочтите, сударыня, прошу вас, и вы сами увидите. Я вскрыла письмо, ничего не подозревая: способ его передачи не показался мне сомнительным, Я прочитала очень нежное и почтительное послание, правда, без подписи и написанное почерком, о котором нельзя было сказать определенно, что это почерк принца. Однако письмо было такого содержания, что не приходилось ошибаться относительно того, кто его написал. Автор жаловался, что я не оценила его молчания и сдержанности.

Но упрек был изложен в таких выражениях, что ничего невозможно было ни убавить ни прибавить, а тем более оскорбиться.

Я немедленно допросила компаньонку, которую звали Джулия Маскароне, и строгим тоном приказала признаться, известно ли ей содержание письма; она ответила, что совершенно ничего не знает.

— Но кто же передал вам его?

— Одна из горничных ее высочества герцогини; она уверяла меня, что нашла его в покоях герцогини в тот день, когда вы в последний раз присутствовали при ее одевании; решив, что вы потеряли это письмо, она его мне передала.

— В таком случае, почему же вы ждали, когда мы останемся одни? Почему сразу не отдали письмо?

Мой вопрос несколько смутил ее, и наконец, не выдержав дальнейших расспросов, она призналась, что это ее подруга-горничная просила сказать именно так. Но она сама больше ничего не знает.

— Что ж, Маскароне, эта девушка использовала вас в качестве курьера, чтобы сыграть со мной очень злую шутку. Если она спросит, а она непременно это сделает, как я отнеслась к письму, сообразованно ответить ей, что я порвала листок, — вот так, видите? — Кроме того, скажите, что я приказала вам никогда не выполнять подобных поручений, в противном

случае вас прогонят немедленно.

Вполне понятно, что эта история меня очень взволновала. Герцог был не из тех, кто смиряется с неудачей. Он непременно возобновит свои попытки обождения, и если решил совсем известить меня, то ему нетрудно было это сделать.

Стоило мне разорвать письмо, как я уже пожалела об этом. Ведь его можно было предъявить в качестве доказательства тем, кто не верил мне. Я отыскала большой клочок в складках моей накидки и крепко зажала его в руке на тот случай, если мне придется убеждать скептиков и искать доводы для своей защиты. А до тех пор я решила молчать — самое благоразумное, что можно было сделать.

Я не ошиблась: попытки герцога воздействовать на меня возобновились, даже посольство Франции, ничего не подозревая, выполняло почтовые функции! Кардинал д'Эстре однажды утром переслал мне письмо, прибывшее из Парижа, полагая, что оно от моего отца. Но оказалось, что это принц опять воспользовался окольным путем. Страх не покидал меня ни на секунду. Я сохраняла эти письма, пока они не довели меня до такого состояния, что мужество мое было исчерпано и мне стало ясно: надо покончить со всем этим любой ценой. Несколько ночей я не смыкала глаз, понимая, какие трудности предстояло мне преодолеть. Я знала, с какими врагами мне придется сразиться и что вместо помощи я столкнусь с попытками навредить мне или сломить мою волю. Надо было принять непоколебимое решение; но перед этим я тайком навестила моего святого пастыря, показала ему письма, сообщила, что намерена бежать и что в тот же вечер откроюсь мужу и попрошу его увезти меня.

— Это единственное средство, — одобрил он меня. — Если ваш план не удастся, я сам попробую помочь вам; а если мы оба потерпим неудачу, вам придется прибегнуть к помощи вашей семьи и Франции. Это ваша последняя надежда.

Я вернулась домой, преисполненная мужества; г-жа ди Верруа уехала с ее высочеством на несколько недель в монастырь Шамбери. Ее можно было не опасаться, так что момент был благоприятный, и после ужина, пока не наступил час приемов, я попросила мужа пройти в мою библиотеку для серьезного разговора.

VII

Господин ди Верруа был слишком учтивым дворянином, чтобы не подчиниться воле женщины. Он ответил поклоном на мою просьбу и пошел вслед за мной; по всему было видно, что он раздосадован, хотя ничего не сказал, а его раздражение проявлялось лишь в жестах.

Как только мы остались одни, он пододвинул мне кресло и сел рядом. Видя, что я молчу, он очень вежливо сказал:

— Итак, сударыня, чем могу служить вам? Жду, когда вы соблагovolите сообщить мне об этом.

Я, разумеется, волновалась, но продолжала молчать и в конце концов почувствовала, что пора объясниться:

— Граф, я сочла своим долгом показать вам это.

И, достав из кармана письма, включая клочок первого из них, я отдала их ему в руки. Он взял всю пачку и прочел одно письмо за другим.

— Что же это такое, сударыня? — восклицал он каждую минуту.

— Вы сами прекрасно понимаете, сударь: это любовные послания.

— От кого, скажите, пожалуйста?

— От его высочества герцога Савойского вашей недостойной супруге, графине ди Верруа.

Он вздрогнул от удивления и досады:

— Неужели!

— Не моя тут вина; и если бы вы меня послушали, вопрос уже давно был бы решен. Примером может служить история с госпожой ди Сан Себастьяно.

— И что, по-вашему, я должен сделать, сударыня?

Его вопрос привел меня в отчаяние. Рабство притупило все его чувства, и если сердце не подсказало ему ответа на этот вопрос, то молчала и честь! Но я все же сдержалась:

~ Я надеюсь, что вы позволите мне удалиться в Верруа или любое другое ваше имение в Савойе, пока его высочество не соизволит забыть о той чести, которой он удостоил меня своим вниманием.

— Но это невозможно, сударыня; моя мать...

— Опять! — в свою очередь воскликнула я. — У вашей матери есть свои обязанности, пусть она ими занимается и предоставит нам самим право решать, как поступать, сударь. Послушайте и запомните, что я вам скажу, потому что больше не хочу возвращаться к этому вопросу и

обсуждаю его с вами в последний раз. Госпожа графиня присвоила себе права и власть, которые должны принадлежать матери ваших детей: она отняла у меня ваше сердце, нежность, даже мысли и, тем не менее, лишив меня всего, ненавидит меня, ревнует к вам; даже намек на нашу близость, которой она так долго противилась и которую она сумела нарушить, даже тень этой близости пугает графиню. Именно она, сделав вас глухим ко всему, что касается меня, даже к голосу вашей чести, не позволила вам услышать мои жалобы и мольбы. Она стала виновницей моих несчастий и станет виновницей ваших, если вы по-прежнему будете слушать ее, а не меня.

— Сударыня!..

— Еще есть время, выполните мою просьбу, напишите госпоже ди Верруа, что вы оставляете этот дворец в ее полное распоряжение до тех пор, пока не захотите вернуться сюда с детьми и супругой; что вы удаляетесь от двора и в течение нескольких лет будете жить для себя. Разве нуждаетесь вы в его высочестве? Что значат для вас его благодеяния и милости? Разве есть у вас основания опасаться его власти? Вы богатый и знатный вельможа; в своих владениях вы так же всемогущи, как и герцог, у вас есть свой двор, и вам незачем быть одним из его придворных. Мою любовь к вам ничто не изменит. У вас растут дети, здоровые, умные и очаровательные, они будут любить вас, и вы тоже станете повелителем, сбросите иго, которое так долго тяготит и унижает вас. О сударь! Счастье совсем близко от вас — достаточно протянуть руку, и оно останется с вами. Зачем же вам отвергать его?

Мой супруг смотрел на меня, не перебивая; но я видела блеск в его глазах, слезы, дрожащие на ресницах: решив, что одержала победу, я приблизилась к нему. Он позволил мне подойти, но не привлек к себе.

— Друг мой, дорогой граф, — говорила я, — прислушайтесь к моей мольбе, спасите вашу честь, спасите наше общее счастье, на коленях прошу вас об этом.

— О! Не надо, сударыня! — воскликнул он, поскольку я уже готова была преклонить колени. — Я никогда не допущу, чтобы вы унижали себя даже передо мной!

— Я молю о том, что мне дорого, и нисколько не унижаю себя, мой друг! И если мне удастся убедить вас, я буду бесконечно счастлива.

— Вы правы, конечно... Но моя мать?

— О! Как трудно избавляться от рабства! Как принижает человека слепая покорность! И если ваши страхи сильнее зова сердца, мне очень жаль вас!

Он ничего не ответил. Мне захотелось удалиться, прекратить борьбу за то, что сам он так плохо защищал; гнев душил меня.

— О сударь! — продолжала я. — Остерегайтесь! Госпожа де Монтеспан начинала с того же!

— Слава тебе, Господи, вы не госпожа де Монтеспан, графиня.

— Нет, сударь, но я женщина, а у человеческого терпения есть границы: в борьбе истощаются силы.

— Но не у порядочной женщины, защищающей честь мужа и верной долгу. Эта высокопарная фраза показалась ему верхом красноречия; он отвернулся, словно хотел скрыть от меня свои слезы. Но в столь серьезных обстоятельствах я не могла удовлетвориться словами и решила довести все до конца.

— Итак, сударь, что вы решили? — снова заговорила я.

— Я напишу моей матери и передам вам ее ответ, а пока, поверьте мне, не стоит ничего менять в нашей жизни, не надо никому показывать, будто нас что-то тревожит, чтобы не стать посмешищем для окружающих.

— Это ваше последнее слово, сударь?

— Именно так.

— Прекрасно, я сдаюсь и теперь знаю, что мне остается делать.

Я присела перед ним в реверансе, как перед королевой, и вышла, не помня себя от возмущения, которое, как вы понимаете, даже трудно описать. Затем я поспешно написала записку аббату Пети; он пришел немедленно.

Я ему все рассказала; он пошел поговорить с г-ном ди Верруа, но преуспел не более меня.

— Положитесь на милость Божью, сударыня! — сказал он с грустью. — Напишите родным.

Мне очень неприятно излагать здесь историю этой борьбы, рассказывать, как было подготовлено мое падение, как меня вынудили пойти навстречу опасности и как я не справилась с ней. Не хочу по дням описывать все, что происходило, — это было тяжело. Госпожа ди Верруа убедила сына, что письма посылал не его высочество. Она даже позволила себе намекнуть, что я избегаю мнимого кавалера, чтобы скрыть настоящего. Быть может, муж и не поверил ей, но он сделал вид, что верит, чтобы найти себе оправдание и возможность не вмешиваться.

Потерпев поражение в Пьемонте, я еще надеялась на Францию и попросила мою мать написать г-нуди Верруа, чтобы он отпустил меня к ней на несколько месяцев. Разумеется, ее приглашение было отклонено. Я действительно заболела, поскольку меня продолжали преследовать со всех

сторон: принц постоянно досаждал мне, а все остальные не давали ни минуты покоя.

Свекровь узнала о любви принца Дармштадтского ко мне и сразу записала его в счастливые любовники. Пришлось отказать ему от дома, что очень удивило его и порадовало герцога Савойского, ревновавшего меня к нему. Казалось, г-жа ди Верруа помогает его высочеству, и — кто знает? — она вполне была способна на это.

Мой врач оказался умным человеком: однажды во время его визита мне пришло в голову сказать ему, что я тоскую по родине. Мои слова не ушли в песок. Он понял, что происходит что-то такое, о чем ему неизвестно. На следующий день он прописал мне воды Бурбона.

— О доктор! — воскликнула я. — Вы мне спасаете жизнь!

— Прекрасно вас понимаю, сударыня, таково мое ремесло. И я, слава Богу, всегда добросовестно исполняю свой долг!

Я написала отцу о том, что мне предписано принимать воды, и умоляла его приехать в Бурбон, где я смогла бы поговорить с ним о чрезвычайно важных делах, поскольку в Париж меня не пустили.

Письмо, для большей надежности, было отослано с Бабеттой, и я не сомневалась, что герцог де Люин откликнется на мою просьбу; Бабетта, без моего ведома, добавила от себя несколько слов, намекающих, что надо торопиться. Добрая девушка надеялась, что сказанное ею насторожит мою семью и благодаря ее помощи на мой зов непременно откликнутся.

Она страдала вместе со мной; я не могла таиться от Бабетты и Марион, обе они часто утешали меня.

Госпожа ди Верруа не осмелилась помешать моей поездке в Бурбон, хотя ей очень хотелось этого. И она придумала другой ход: поскольку ее сын не мог сопровождать меня, было бы неприлично отпустить меня одну в обществе слуг.

Однажды, когда я меньше всего того ожидала, аббат делла Скалья вызвался мне в провожатые.

— Хочу доставить удовольствие моей дорогой племяннице, — сказал он.

Я, не задумываясь, согласилась; мне было все равно, каким путем добиться цели. Свекровь пришла от этого в полное замешательство.

Узнав о моем отъезде, герцог Савойский побледнел; лишь накануне принц Дармштадтский распрощался с ним и на несколько месяцев уехал в Испанию. Герцог вообразил, что мы сговорились. Когда я пришла попрощаться с ним и герцогинями, я заметила, как он печален и серьезен.

Он спросил, скоро ли я вернусь; я ответила, что не знаю.

— О! Вы снова увидите нашу прекрасную Францию, но не смотрите на нее слишком долго, ведь вы, почти забыв ее, уже не сможете расстаться с ней, — вырвалось у молодой герцогини.

Это восклицание никак не соответствовало столь серьезной обстановке.

Меня нашли бледной, осунувшейся; все понимали, что я нуждаюсь влечении; меня жалели, утешали, желали всего хорошего, как принято при дворе, хотя тот, кто знает цену таким пожеланиям, расточаемым наподобие разменной монеты, вряд ли поверит в их искренность.

Госпожа ди Верруа велела мне оставаться до конца приема под тем предлогом, что сама отвезет меня домой. Таким образом, прощание длилось бесконечно долго, и все это время я провела в обществе герцога. Его меланхолия ничуть не трогала меня, хотя он вел себя чрезвычайно учтиво.

VIII

На следующий день я села в карету, где разместились также аббат делла Скалья, Бабетта, Маскароне и мой конюший. Марион с другими служанками ехали в коляске, которой я должна была воспользоваться на обратном пути, после выздоровления.

В дороге дядя угождал мне как мог. Но я никогда в жизни так не радовалась, как в тот миг, когда упала в объятия моего замечательного отца, встретившего меня в Бурбоне, куда я так стремилась.

Весь первый день аббат делла Скалья не оставлял меня наедине с отцом. Получил ли он соответствующие указания? Или действовал по собственному почину? Наверное, и то и другое; он достаточно хорошо научился у невестки мучить меня, и они это делали сообща, но каждый по-своему.

Отец горел желанием побеседовать со мной, мне также не терпелось излить ему свою душу; поэтому, вернувшись к себе, я, несмотря на поздний час, тут же послала к нему Бабетту с просьбой прийти в мою комнату, чтобы мы могли поговорить без помех.

Как известно, мой отец был человек высокого благородства и непоколебимой нравственности, да и вся наша семья придерживалась строгих и безупречных нравов и принципов. Тем не менее г-н де Люин был так же добр и снисходителен, как и благочестив.

У матери моей был совсем иной характер; она казалась нам сухой и недоступной, и я была уверена, что отец меня лучше поймет. Он тут же откликнулся на приглашение и, присев у моей кровати, озабоченно спросил, в чем дело.

— О сударь! — воскликнула я. — Я погибну, если вы мне не поможете!

— Погибнете?.. Дочь моя, разве у вас нет доброго мужа, которого вы любите, прекрасного положения, о котором мы и мечтать не могли? Разве у вас нет детей, столь желанных и здоровых, слава Богу?

— Да, отец, да, все это так, но выслушайте меня и судите сами.

Я рассказала ему в мельчайших подробностях обо всем, что произошло с тех пор, как я вышла замуж, о том, что я выстрадала, об унижениях и дурном обращении, которые терпела. Описала как высокомерна была со мной г-жа ди Верруа, как она осыпала меня оскорблениями, и, наконец, перешла к любви принца — рассказала о том,

что я сделала, чтобы избежать ее, поведала о бесконечных преследованиях герцога и невероятной слепоте мужа и свекрови, что и вынудило меня обратиться к нему за помощью.

Господин де Люин перебил меня, похвалив за предусмотрительность; затем поцеловал и в большом волнении стал говорить о трудном положении, в котором я оказалась; он не видел иного выхода, кроме отъезда в Париж вместе с ним, куда затем приехал бы и граф ди Верруа.

Это выглядело бы совершенно естественно; мой супруг всего две недели перед нашей свадьбой провел во Франции и при дворе.

В мирное время он не обязан был находиться в Савойе и командовать своим полком, он мог и должен был приехать ко мне, но я, тем не менее, уверяла отца, что он не сделает этого.

— Его мать никогда не позволит ему вырваться из-под ее строгого надзора, она боится, как бы он не взбунтовался; к тому же, позволю вам заметить, я не уверена, что ее очень огорчит мое падение; она хочет, чтобы я совершила ошибку, потому что ненавидит меня.

— Но не настолько же! Ведь, навлекая бесчестье на собственную семью, она сама себя должна ненавидеть; скорее всего вы ошибаетесь, дочь моя.

Я не возражала, поскольку могла лишь догадываться о чувствах моей свекрови, но дальнейшее показало, насколько, увы, я оказалась права. Однако мой отец не мог предполагать такого расчета со стороны г-жи ди Верруа. Мы проговорили более двух часов. Я не скрывала от него своих переживаний, своей привязанности к мужу, так плохо вознагражденной им. Он очень жалел меня и благословлял Небо, ниспославшее мне силы для того, чтобы защитить себя. В конце концов отец пришел к выводу, что надо поговорить с аббатом дела Скалья; он был совершенно уверен, что тот поможет и одобрит его действия.

— Старик очень влиятелен и искушен в делах; он занимал важные должности, был послом, государственным министром; он должен видеть все, как оно есть, и, наверно, встревожится из-за опасности, которая нам угрожает.

— Я не очень доверяю его святости, отец.

Господин де Люин ушел от меня бесконечно несчастным, в отчаянии. Каким же добрым был мой отец! Он сдержал слово и явился к аббату дела Скалья так рано, как позволяли приличия. Он рассказал ему от начала до конца все, что произошло; аббат был очень удивлен: он не подозревал ничего подобного и ничего об этом не слышал, однако согласился, что, если его невестка и племянник повели себя таким образом, они виновны в

первую очередь.

— Нельзя позволить принцу беспрепятственно обольщать молодую женщину! Ведь он обладает всеми достоинствами, чтобы нравиться, и к тому же так неводержен в своих желаниях, что его ничто не смутит! Я не понимаю... К счастью, вы предупредили меня и я сумею навести в этом порядок, — сказал он.

— Лучший выход — отсутствие моей дочери в Турине, — решил мой отец. — Не встречаясь с ней, герцог Савойский забудет о своей любви и увлечется кем-нибудь еще; это непременно случится. Я увезу госпожу ди Верруа в Париж; ее муж, несомненно, присоединится к ней; они проведут во Франции два-три года, а когда вернутся, все будет забыто.

IX

Они долго беседовали; мой отец с прямою и достоинством честнейшего в мире человека, аббат — с хитростью и чисто итальянской прозорливостью, свойственной глубоко порочной, расчетливой и злой натуре. Они дали друг другу обещания, которые г-н де Люин намерен был выполнить, тогда как аббат делла Скалья лишь надеялся выиграть время. Было договорено, что аббат сообщит г-же ди Верруа о нашем решении переехать в Париж, а моего мужа должна была предупредить я сама. Если они на это согласятся, все сложится прекрасно; если откажут, мы вернемся в Турин, а аббат, употребив свое влияние, поддержит мою просьбу и, бесспорно, добьется того, чего мы желаем.

Господин де Люин поверил этой лжи, я же не позволила себя обмануть, ибо слишком хорошо знала аббата и уже начинала остерегаться этого дядюшки, так легко на все соглашающегося и столь щедро расточающего красивые обещания. Тем не менее я старалась успокоиться, вновь обрести веру и надежду, всей душой наслаждалась присутствием отца и встречей с другими моими родственниками, приехавшими повидаться со мной.

Они нашли, что я очень похорошела; слухи о моей красоте дошли до французского двора, и король был так любезен, что через моего брата, герцога де Шеврёза, выразил желание повидать меня. Я этого хотела, еще больше чем он, но как попасть ко двору?

Полтора месяца пролетели как во сне. С Турином завязалась оживленная переписка. Отец сам отослал туда свое письмо, чтобы не получить отказа, которого все же не избежал: несмотря на то что я его обо всем предупредила, он все же дал себя обмануть.

Его попросили не увозить меня во Францию, а препроводить домой; муж мой никоим образом не может покинуть савойский двор, и даже сама мысль о разлуке со мной, и без того уже длившейся так долго, причиняет ему страдание. Он, видите ли, больше не в состоянии жить вдали от меня; но если г-н де Люин пожелает приехать в Савойю, если он будет так любезен, что примет приглашение, то следует условиться обо всем и готовиться к встрече.

Повторяя одно и то же доброму и благородному старику, его все же убедили. Он не мог сопровождать меня, но обещал приехать не позже чем через месяц.

Я качала головой, ничему не веря; отец осуждал меня, всерьез упрекал, и я была вынуждена молчать. Час разлуки приближался; меня с трудом вырвали из объятий г-на де Люина, очень расстроенного моими слезами.

— О отец, — рыдала я, — мы больше никогда не увидимся!

Он уехал вместе с герцогом де Шеврёзом и моими сестрами, тоже приезжавшими в Бурбон; они надеялись, что зиму мы проведем вместе, но я была уверена, что расстанусь с ними надолго, а судьба распорядилась так, что мои опасения подтвердились.

Вечером, в день их отъезда, я спросила аббата, не пора ли и нам отправиться в путь; он ответил, что время терпит, У нас в запасе еще несколько ясных и солнечных дней, которыми стоит воспользоваться, проведя их на водах. Но я настаивала на отъезде; тогда аббат изменил тактику и спросил, не возражаю ли я против путешествия по красивым местам. Он предложил мне проехать по стране не торопясь, чтобы иметь возможность осмотреть все вокруг и насладиться этим удовольствием. Мне, вовсе не горевшей желанием возвращаться в Савойю, мечтавшей как можно дольше пробыть во Франции вдали от моих преследователей, только того и надо было. К тому же я надеялась, что мой муж начнет волноваться и будет вынужден призвать меня к себе; однако, вновь полагаясь на графа ди Верруа, я все же опасалась, что окажусь во власти герцога.

В течение двух-трех дней мы путешествовали великолепно. Мой дядя окружал меня необыкновенной заботой и вниманием, так же как на пути из Турина. Он ухаживал за мной не как старый аббат, присматривающий за женой племянника, а как поклонник, угождающий возлюбленной.

В Лионе, где мы провели целую неделю, он засыпал меня подарками: это были драгоценные камни, великолепные ткани и даже мебель, которую он отослал в Турин самой короткой дорогой. Среди прочих вещей он подарил мне часы, прекраснее которых, наверное, не делали с тех пор, как они вообще появились. Часы были изготовлены из превосходной стали, отделаны эмалью, бирюзой и множеством бриллиантов. По сей день я храню это сокровище, по-прежнему вызывающее всеобщее восхищение. Эти часы очень хочет получить моя дочь, но они достанутся ей только после моей смерти: надеюсь, что ждать ей придется еще долго.

Не раз мне казалось, что глаза аббата, когда он смотрел на меня, загораются юношеским огнем, несовместимым с его положением и возрастом. Но я не хотела в это верить, не допускала подобных подозрений, пока они не подтвердились благодаря Марион, до глубины души возмущенной тем, о чем она мне доложила.

Накануне нашего отъезда из Лиона аббат делла Скалья предложил ей

большую сумму денег за то, что она проведет его ночью ко мне в спальню; после этого она должна была стоять на страже, пока он, никого не опасаясь, не сумеет уговорить меня или овладеть мною силой. Она гордо отвергла его предложение, пригрозив, что предупредит меня; на это ей было сказано, что если она позволит себе такую дерзость, то и двух часов не пробудет у меня в услужении — он прогонит ее.

Услышав этот рассказ, я страшно изумилась. Разве можно было предполагать любовную страсть в этом старом священнике, с виду таком холодном, слабом и совершенно лишенном привлекательности? Неужели он надеялся на взаимность? Неужели он вообразил, что, отвергнув герцога Савойского, я буду благосклонна к человеку, который никак не мог мне понравиться?

И все же эта новая неприятность привела меня в отчаяние; я поняла, почему аббат произносил свои красивые речи перед моим отцом: он просто не хотел выпускать меня из своих рук. Этот волк, этот лис делал все, чтобы задержать меня, и надеялся, что я брошусь в его объятия, спасаясь от других.

Он не знал, с кем имел дело.

Поразмыслив немного, я решила сделать вид, что ничего не знаю, и вести себя как прежде, а в Турине, если преследования возобновятся и я столкнусь с новым врагом, — укрыться в монастыре. Главное — приехать туда. Я притворилась больной и отказалась продолжать путешествие.

Аббат делла Скалья был очень раздосадован; он пригласил трех врачей, и каждый из них, как у Мольера, прописал свое лекарство. В одном они были единодушны: если я никак не хочу остаться в Лионе и воспользоваться их добрыми услугами, что, наверное, было бы самым разумным, мне нужно как можно скорее вернуться домой, отдохнуть и пожить в полном покое.

— Прежде всего госпоже графине нужна хорошая лодка, чтобы спуститься вниз по Роне, — сказал местный Пургон, — а затем судно, которое перевезет ее в Геную, чтобы она не устала. Таково мое мнение.

Я готова была его убить. Понятно, что влюбленный сатир немедленно согласился на подобный способ путешествия, поскольку таким образом нам пришлось бы быть вдвоем целый день, а ночью поневоле находиться очень близко друг от друга!

Напрасно я возражала, жаловалась, напрасно приказывала через слуг отправиться иным путем — аббат не пожелал уступить; нашу карету погрузили на одно судно, коляску моих служанок — на другое, и вот мы вдвоем оказались в этом огромном кузове, куда он в течение дня не

допускал ни Марион, ни Бабетту.

С первой минуты, едва мы сели и устроились, едва судно отчалило, он начал делать намеки, надеясь, что я пойму их; я притворилась, что ничего не понимаю, и это заставило его выразиться яснее. Он пытался убедить меня, что я должна полюбить его не для собственного удовольствия, а только ради него, но это и в моих интересах; и он рисовал ужасающую картину ожидавшей меня жизни, если я откажусь от его предложения, а если соглашусь на него — напротив, обещал все, что моей душе будет угодно.

— Вы ненавидите герцога Савойского, — говорил он, — желаете вернуться во Францию, и ваша воля будет исполнена. Если хотите, обещаю увезти вас, и немедленно; мы сейчас же поедem в Париж, и оттуда я постараюсь так отчитать невестку и племянника, что они и не подумают беспокоить нас.

— Значит, вы это можете?

— Могу ли я?! Вы, наверное, забыли, что меня уважают, чтят и боятся во дворце ди Верруа, что у меня немало богатств, которые ваш муж и его мать были бы счастливы прибрать к рукам. Громко взывая к их чести, я заставлю их прислушаться к моим словам, а если они воспротивятся мне, то навлекут беду на свою голову.

— Но, поскольку вы все можете, сударь, почему отказали в помощи моему отцу?

Он на минуту растерялся. Вопрос был поставлен слишком прямо. Но очень скоро аббат пришел в себя.

— Как же я мог согласиться на разлуку с вами? Мог ли я отпустить вас одну и так далеко? Видно, вы не знаете, что такое любовь, хотя утверждаете, что любите своего ничтожного супруга, у которого даже не хватает ума заметить ваши чувства и ответить на них.

Я не прерывала его, позволяла давать обещания, угрожать, не придавая значения ни тому ни другому; когда он высказался, я устроилась поглубже в карете, закрыла глаза и, едва обернувшись к нему, сказала:

— Доброй ночи, сударь! Я буду спать.

— Как это спать?! Так вот как вы отвечаете на мои слова?

— Сударь, во сне все забывается, а в настоящее время самое большее, что я могу сделать для вас, — забыть то, что услышала. В противном случае мне пришлось бы отвечать вам совсем иначе, но уважение, которое внушают мне ваш возраст, достоинство и положение, не позволяет мне этого. Однако не пытайтесь возобновить прежний разговор, ибо мое терпение во второй раз не выдержит подобного испытания.

Никогда еще мне не приходилось наблюдать подобной ярости. Аббат побагровел так, словно его вот-вот должен был поразить апоплексический удар; он уничтожил бы меня взглядом, если бы глаза способны были убивать, и снова стал угрожать мне с чисто итальянской горячностью, затем, неожиданно смягчившись, бросился к моим ногам, плакал, рыдал, уверял, что умрет от тоски, если я оттолкну его, просил прощения зато, что позволил себе выражения, о которых теперь сожалеет, уверял, что он мой раб и что малейшее мое желание станет для него высочайшим законом. После этого он позволил себе несколько нелепых выходок, объяснимых и простительных для человека, охваченного безумной страстью, но для шестидесятилетнего старца недопустимых, ибо в этом случае они обретают удивительное свойство — становятся смешны. Меня душил смех, и я не сдержалась, расхохоталась в лицо этому старому распутнику; я смеялась от души и так весело, что, наверное, умерла бы, если не выплеснула бы свои эмоции.

Аббат бросил на меня более злобный взгляд, чем прежде, но я не успокоилась, а, напротив, засмеялась еще громче и сильнее, не сдержав своих чувств. Наконец, превозмогая себя, я решила ответить ему, но так, чтобы у него не возникло нового искушения соблазнять меня.

— Неужели, — сказала я, вытирая слезы, катившиеся по моим щекам из-за безудержного хохота, — неужели вы, сударь, при том, что годитесь мне в дедушки, могли хоть на секунду поверить, что я, отвергнувшая герцога Савойского, бежавшая от него и от всех других, сохраняла себя ради того, чтобы вы оказали мне честь, удостоив своей благосклонности? Вы действительно на это надеялись? О! Если бы вы были французом, я отослала бы вас к Мольеру и его «Школе жен»; но вы вряд ли захотели бы взглянуть в это зеркало, ведь никто не хочет увидеть свое отражение, если известно, как оно безобразно. Так придите же в себя, сударь, подумайте о том, кто такая я, и кто вы, и не забивайте мне больше голову любовным вздором. Покайтесь и думайте о том, как достойно умереть, а не грешить и склоняться к греху других.

Аббат все еще стоял на коленях; когда я принялась смеяться, он сначала отпрянул, затем, не отрывая глаз от меня, стал медленно подниматься, при этом выражение его лица, взгляд его глаз полностью преображались.

Пока я говорила, он слушал и даже не пытался перебить меня; когда же я умолкла, он заулыбался, но эта улыбка была так страшна и так чудовищна, что я похолодела. Наконец он окончательно выпрямился и сел рядом, на то место, которое покинул.

— Это ваше последнее слово, сударыня? — спросил аббат совершенно спокойно, но увидев, как он бледен и как исказилось его лицо, я ужаснулась.

— Да, сударь, конечно.

— И оно бесповоротно?

— Бесповоротно.

Скажу вам честно, теперь мне было не до смеха. Он откинулся на спинку сиденья, скрестил руки, опустил голову и задумался по меньшей мере на четверть часа.

Этого времени хватило ему для создания подлого плана.

Ему вспомнилось, что монах Луиджи вместе со смертельным ядом передал ему сильное наркотическое средство.

Он решил воспользоваться им как снотворным, чтобы сломить всякое сопротивление с моей стороны.

Приготовив питье, аббат делла Скалья мог удовлетворить свою ужасную страсть, овладеть мною и не позволить никакому обвинению сорваться с моих губ.

Он решил дожидаться ночи и осуществить свое намерение.

Я только что упомянула монаха Луиджи. Кажется, уже давно я не говорила о нем и забыла продолжить рассказ о том, что с ним произошло.

Оставим же на некоторое время аббата делла Скалья с его черными замыслами и вернемся к капуцину.

Власть дерзкого монаха все возрастала и распространилась на все семейство Спенцо. Однако Бернардо был далеко не так предан ему, как это казалось. Этот человек чувствовал себя униженным; ему было чрезвычайно больно смотреть, как вследствие участвовавших визитов монаха к г-же Спенцо и ее дочери ослабевает его влияние; теперь в нем не нуждались так, как прежде, он перестал быть единственным мужчиной, на которого эти две женщины могли опереться в их борьбе с Мариани, который, кстати, решительнее, чем прежде, был настроен отстаивать свою власть и свои права. И кроме того, не останутся ли на его лице отвратительные следы перенесенной им ужасной болезни? Андже́ла отдалась ему из каприза, из склонности к легким удовольствиям, но, увидев, как оспа изуродовала его кожу, не оттолкнет ли она любовника? Поэтому Гавацци чувствовал необходимость вновь вырасти в глазах этих легкомысленных женщин, чье неумное мотовство угрожало их будущему, увеличивая брешь в их финансах.

Чтобы укрепить свое пошатнувшееся положение, вновь обрести заметно утраченное в последнее время влияние, надо было нанести решающий удар, способный восстановить между ним и этими женщинами взаимовыгодную связь, которую ничто более не могло бы сокрушить. И теперь Бернардо не мог уже думать ни о чем, кроме своего плана, ничто другое его не занимало. Разумеется, ужасный сборщик подаяний представлялся ему страшной опасностью; но по мере выздоровления к нему возвращалась энергия: монах теперь уже не казался ему непобедимой силой, и скоро решение было принято.

— О мой бедный Бернардо, как же вы изменились! — воскликнула Андже́ла, когда Гавацци впервые после своего выздоровления предстал перед ней. — Почему эта ужасная болезнь не выбрала кого-нибудь из тех мужланов, что возятся в хлеву у нас в имении?

— Не печальтесь, — ответил Бернардо, — как видите, можно победить болезнь, которую я перенес; но я знаю, бывают недуги, от которых не выздоравливают, и они могут вернуться в любую минуту.

Андже́ла вздрогнула: как бы виновна она ни была, воспоминание о преступлении, на которое намекал Гавацци, возможно, не укоренилось в ее сознании; однако она не гнала от себя ужасную мысль о совершенном преступлении, и, услышав, как ее излагают, не выразила удивления или

гнева.

Анджела не способна была задумать преступление; но ее порочная душа была также не в силах отказаться от выгоды или сообщничества, возникающих на этом пути.

— Постарайтесь поскорее поправиться, друг мой, — только и сказала она, — и не подвергайте себя опасности возвращения болезни из-за душевных терзаний. Кто знает, что может случиться, проживем — увидим!

— Конечно, но теперь у нас неурожайный год, фермеры плохо платят; мне остается лишь продать лес под рубку и сделать новый заем, чтобы оплатить проценты за предыдущий, в то время как эта ненасытная свинья, так бесстыдно обманувшая и обобравшая вас, кладет в свой карман огромные выплаты за аренду и насмехается над вами в компании слуг, с которыми проводит время; мнимый дворянин, чей отец босиком разгуливал по улицам Генуи... О! Надо с этим покончить, и если бы я знал священника, который согласился бы освятить пули, что я выплавил бы для этого мерзавца...

— Говорите тише, Бернардо! — в волнении перебила его графиня. — Разве вы не понимаете, что столь неосторожными высказываниями можете бросить на нас тень?

Воцарилась минута молчания, затем Анджела, улыбаясь, словно речь шла о шутке, возобновила разговор:

— Между прочим, я не уверена, что поправить наше положение могут только освященные пули.

— Это правда, — ответил Бернардо, в чьей голове слова Анджелы воскресили ужасное воспоминание, — быстро умирают и от другого!..

— Друг мой, будьте осторожны, заклинаю вас! Подумайте, ведь вы единственная наша защита, а любой неосторожный шаг может вас погубить.

Эти слова убедили Бернардо, что его поняли и теперь речь идет лишь о выборе средства.

— Анджела, — вполголоса произнес он, упав к ногам графини, — моя жизнь принадлежит вам, вы это знаете, за вас я всегда готов пролить последнюю каплю крови; скажите же, скажите, что вы принимаете мою преданность, и при любых обстоятельствах в вашем сердце останется место для меня, живого или мертвого.

Графиня вся дрожала, но муж уже передал ей приказ вернуться в супружеское гнездо; одна мысль о необходимости подчиниться могучей воле этого человека приводила ее в ужас, и у нее вдруг разыгралось воображение.

— Да, — воскликнула она, — тебе принадлежит мое сердце, а ему — моя ненависть!

— Приговор произнесен, — сказал Бернардо, вставая, — остальное касается только меня.

И он вышел, оставив Анджелу в чрезвычайном волнении.

Через два дня после этой сцены на вилле Сантони появился молодой пастух, заявивший, что он пришел за распоряжениями хозяина. Дело в том, что г-н Мариани действительно не пренебрегал вмешательством в мельчайшие подробности сельского хозяйства и всегда был готов выслушать своих работников, любивших его за эту патриархальную непринужденность в обращении с ними. Поэтому пастуха впустили в столовую на первом этаже, где в ожидании завтрака сидел хозяин.

— Ты, наверное, запарился, дружище Царка, — сказал ему граф, — ведь я видел тебя вчера вечером в поле, недалеко от Катано, больше чем за милю отсюда. Но ты был не один; что это за человек, с которым ты разговаривал?

Царка покраснел, что-то пробормотал, комкая шапку в руках, и наконец сказал, что какой-то прохожий спрашивал у него дорогу. Граф решил, что смущение юноши вызвано застенчивостью, и, отдав распоряжения относительно стада, велел ему пойти на кухню, чтобы его там накормили. Царка подчинился с явным удовольствием; он вошел в кухню, но, вместо того чтобы попросить поесть, стал бродить у печи, на которой готовился завтрак для хозяина. В его походке, движениях была какая-то натянутость, которая не ускользнула бы от внимательного наблюдателя, но домашние слуги ничего не заметили; однако в тот миг, когда он протянул руку к стоявшей на огне чаше, огромная обезьяна, одинаково любимая слугами и хозяином, прыгнула на руку пастуха, а он, вскрикнув от неожиданности, уронил на пол маленький флакончик, и тот разбился. Обезьяна подскочила к осколкам, но стоило ей понюхать их, как все ее тело затряслось в ужасных конвульсиях и через несколько секунд животное сдохло. Самое удивительное в этом происшествии было то, что Царка неожиданно охватил такой ужас, что он чуть не сошел с ума; мускулы его лица сильно передернулись, волосы встали дыбом, блуждающие глаза стали лихорадочно искать дверь, и он уже бросился к ней, чтобы убежать, как вдруг на пороге появился г-н Мариани, привлеченный шумом, который был вызван этим происшествием.

Он решил расспросить обо всем Царку; но тот уже успел прийти в себя и отвечал, что нашел флакон на дороге, что поднес его к огню только для того, чтобы открыть, поскольку пробка не поддавалась, и что он понятия не

имел о содержимом склянки.

Господин Мариани не сумел добиться более точных сведений и, не собираясь придавать никакого значения несчастному случаю, в котором, казалось, не было ничего особенного, отослал пастуха к его стадам. Однако смутное предчувствие все же засело в его мозгу и в тот же день, после вечерней трапезы, обычно проходившей за общим со слугами столом, он сказал им:

— Не знаю, что теперь произойдет; мне кажется, кто-то посягает на мою жизнь, и я намерен защищать ее вопреки всему и против всех. Тем не менее, если я погибну, отомстите за меня, друзья мои, потому что удар будет нанесен честному человеку, желающему вам только добра.

И он вернулся к себе, печальный, подавленный, почти упавший духом.

«Что я сделал этой женщине? — спрашивал он себя. — Я любил ее всей душой: откуда же эта ненависть, которой она преследует меня в ответ на мое страстное желание... да, все еще страстное желание сделать ее счастливой?»

Ответом на этот вопрос могло послужить то, что происходило в этот самый час около хижины пастуха Царки.

— Ты дурак и трус! — говорил пастуху высокий мужчина с распухшим и изъеденным язвами лицом. — Какого черта ты испугался в решающую минуту; окажись ты посмелее, я сейчас дал бы тебе столько денег, сколько тебе не заработать и за десять лет.

— Это правда, — ответил Царка, — у меня духу не хватило.

— Его всегда будет тебе не хватать!

— Нет, я уверен, что теперь, пройдя испытание... Попробуйте еще раз, поручите мне снова это дело и увидите!

— Хорошо, посмотрим!

Тремя часами позже Бернардо говорил графине Мариани:

— Освященными пулями не следует пренебрегать, как это кажется вам; если бы у меня сейчас была хоть одна из них, всем вашим страданиям пришел бы конец.

— Я подумала об этом, друг мой, — решительно заявила

Анджела, — и вот вам две пули, которые, как ручается мой исповедник, вас не подведут.

Бернардо взял их с несказанной радостью.

— О! Спасибо! Благодарю вас! — воскликнул он. — Половина пути уже пройдена вами, остальное — за мной.

И Бернардо стрелой умчался прочь, унося с собой пули, в могущество которых он верил всей душой.

XI

Хотя казалось, что Бернардо выздоравливал очень быстро, следы опасной болезни, мучившей его, были еще свежи, заметны и вызывали отвращение. Другой страдал бы по этой последней причине, а он радовался: после того, что произошло между ним и Анджелой, важно было, чтобы его считали по-прежнему больным, слабым и неспособным заниматься никакими делами. Поэтому он с величайшим трудом, если взглянуть со стороны, добрался до своей комнаты и, едва войдя в нее, тут же упал на кровать, еле переводя дыхание.

— О Святая Дева! — воскликнула сиделка, увидев его. — Какая неосторожность!.. Встать в таком состоянии!.. Вы же клялись, что больше не сделаете этого!

— Вы правы, Марта, — ответил он умирающим голосом, — я был крайне неосторожен; но вы же понимаете, что слугой, вынужденным лежать в кровати, не бывают довольны... Я хотел испытать силы... Но пока еще очень болят ноги.

— О Святая Мария! — вновь запричитала сиделка, поспешно снимая с него обувь. — Как вы только смогли передвигать ноги!

— Больше не буду этого делать, моя добрая Марта.

— Я думаю! Иначе вам придется не меньше полутора месяцев ходить на костылях.

— Да исполнится воля Божья!

— О синьор Гавацца, вы слишком благородный человек, чтобы Господь Бог не сжалился над вами, — продолжала Марта, чрезвычайно осторожно укладывая больного в постель, — но, несмотря на это, можете быть уверены, что если что необычное и случится в Кивассо за ближайший месяц, то сообщать об этом в Рим придется не вам.

Через несколько минут после того, как старуха, наведя порядок, удалилась, в комнату тихим, размеренным шагом вошел брат Луиджи.

— Гм! — буркнул он, увидев, с каким трудом больной приподнимается с подушек. — А я думал, что ты уже на ногах, Бернардо.

— Стоило мне встать, преподобный отец, как болезнь снова свалила меня в постель... Я просто в отчаянии; ведь скоро денег совсем не останется, тогда как в Сантони этот мерзавец-граф гребет деньги с захваченных им земель.

— Это доказывает, — суровым тоном сказал монах, — что там ведут

себя разумно, а здесь — легкомысленно, тратя огромные суммы на что попало. Подумать только! Помимо того, что маркиза ди Спенцо отдала своей дочери, она владеет землями стоимостью в три миллиона римских скудо, и при этом ей не хватает денег!

— По крайней мере, вы, преподобный отец, сможете отдать мне справедливость, признав, что, если это и так, то моей вины тут нет.

— Хорошо, Гавацца; но мне кажется, что в Кивассо очень сильно жаждут денег, которые получают в Сантони. Послушай, друг мой, добрый совет: не хитри со мной. Ты, я уверен, задумал что-то дурное.

— О mio padre! [note 12](#) Что я могу сделать в таком состоянии?

— Я прекрасно понимаю, чего ты хочешь, и точно знаю, на что ты способен; но я хочу, чтобы граф безраздельно властвовал в Сантони, а ты здесь довольствовался ролью управителя. Позднее ты обретишь независимое положение, но нужно подождать; это мое последнее слово.

Гавацца был в ярости, кусал губы, чтобы не взорваться, но сказал себе, что, в конце концов, этот монах, как бы силен он ни был, не так уж непобедим, что религиозный сан в нынешних обстоятельствах делает его более уязвимым, чем кого бы то ни было; и Гавацца обещал придерживаться роли, которую навязал ему Луиджи. В то же время он мысленно дал себе клятву в самое ближайшее время разорвать те путы, какими монах пытался его связать.

«Преподобный отец, — мысленно обращался он к нему, — что бы вы ни делали, я ясно вижу, что мы враги; но почему? Владеть по-настоящему вы ничем не можете, ваш сан не позволяет этого; маркиза подчиняется вашей воле, но без всякой пользы для вас, а Анджеле вы не смеее перечить даже в мелочах. Так что, по здравому размышлению, преподобный отец, я сильнее вас, и очень скоро вам придется это признать».

На следующий же день, несмотря на упреки сиделки Марты, Бернардо на костылях появился на улицах Кивассо, принимая поздравления от одних, выражения сочувствия — от других, но при этом внимательно следя за тем, чтобы все поверили, будто он не может ходить и из-за слабости и боли почти прикован к земле. В тот же вечер над маленьким городком Кивассо пронесся сильный ураган: небо было в огне, гремел гром, молнии пробивали тучи, дождь с градом лил как из ведра.

Пастух Царка пас стада в горах. Напуганный ураганом, к грохоту которого примешивалось блеяние овец и лай собак, он, мрачный и притихший, сидел в своей хижине, как вдруг при сильном разряде молнии ему показалось, что вдалеке по полю идет человек и направляется к нему.

— Боже мой! — прошептал он, перепугавшись еще больше и осеняя

себя крестным знамением. — Неужели это Бернардо Гавацца? Что ему здесь надо?.. Куда уж дальше гневить Господа Бога?.. Нет, нет, я и с места не сдвинусь... Однако Господь Бог совсем не жалует меня: крыша хижины наполовину продырявилась и дождь льет на голову — не осталось и клочка сухой соломы; последний кусок хлеба уже съеден, а голод не утихает...

Жалобы пастуха были прерваны раскатом грома, потрясшим землю.

— О, — вскричал Царка, падая на колени, — я знаю, что не должен роптать, ведь столько людей несчастнее меня!

— Верно, — донесся голос из темноты, — докажи же, что ты сильный человек, и не будешь нуждаться ни в чем.

В ту же секунду блеснула молния и Царка узнал Бернар-до Гавацца.

— А! Господин Бернардо, — сказал молодой пастух, — вы меня напугали!

— Тем хуже! Ибо, *corro di Dio*, боязливые люди ни на что не способны, и с этим недостатком ты будешь пасти овец под открытым небом, пока не сдохнешь от нищеты, тоски и страха!

— Но, когда такая погода...

— Не жалуйся, Царка, для меня лучшей не надо, эта как по заказу.

— Значит, господин Гавацца, у нас разные вкусы.

— Наверное! Но мы, тем не менее, должны понимать друг друга... Вот здесь у меня несколько красивеньких римских скудо, и они жаждут переправиться из моего кармана в твой.

— Так пусть поторопятся, — заметил молодой пастух, лицо которого, освещенное новым разрядом молнии, засияло от радости.

— Они так и поступят, Царка, если ты наберешься храбрости и не спугнешь их... Вот они, гляди, готовы с радостью отправиться в путь.

— О господин Бернардо, теперь я настоящий мужчина... Знаете, буря пугает меня не больше, чем падающая звезда. Каждый за себя, *san Dio!* [note 13](#), а Господь Бог — за всех.

— Очень хорошо! Хватит болтать попусту; отсюда до виллы Сантони не более десяти минут ходу, не так ли?

— Пять минут, не больше.

— А господин Мариани, вероятно, сидит сейчас за столом в большой зале, вместе со слугами.

— Безусловно, он всегда так делает... О! Это действительно добрый хозяин!..

— Синьоры Спенцо добры по-своему, а вот эти скудо — лишь малая часть того, что получит человек, сумевший услужить им.

— А что для этого надо сделать?.. Говорите же, господин Бернардо.
— Поклясться, что будешь подчиняться мне, Царка, и сдержат клятву.
— Я готов, — заявил молодой пастух, охваченный редкой для его возраста алчностью.

— Клянешься?

— Клянусь.

— Хорошо, — продолжал Гавациа, доставая из-под накидки двустольное ружье, — вот судья, который сегодня же вечером должен решить спор между синьорами Спенцо и Мариани.

— О! — в ужасе отшатнулся Царка.

— Ну, так что? — спокойно продолжал Бернардо. — Не считаешь ли ты, что этот приятель может ошибиться адресом?.. Страхни с себя детскую нерешительность... К тому же, действовать буду я сам. Пошли.

— Да, да, — произнес Царка, все еще дрожа.

— Итак, мы отправляемся в Сантони. Там есть сторожевая собака — она тебя знает, поскольку была в одной своре с твоими псами.

— Мирко?.. О да! Хорошее животное! Стоит ему вырваться, и оно прибегает ко мне в поле.

— Я это знал, поэтому и пришел к тебе за помощью. Ты ведь можешь легко перемахнуть через невысокую стену на переднем дворе, взять собаку и помешать ей залаять, когда появлюсь я. Я пойду следом за тобой, ты бесшумно откроешь калитку, и мы быстро закончим дело. Иди же вперед и поторапливайся!

Царка, напуганный еще более, не двигался с места.

— Значит, теперь, когда тебе известно достаточно, чтобы меня повесили, ты отказываешься идти? — с угрозой в голосе спросил Бернардо. — Будь осторожен! Ведь из двух пуль, которыми заряжено мое ружье, одна может поразить предателя, если он попытается выдать меня.

И поскольку, произнося эти слова, он перевел дуло в горизонтальное положение, Царка не выдержал:

— Нет, нет, господин Бернардо, я не предаю вас, но я думал, что, прежде чем мы тронемся в путь, вы позволите мне пощупать римские скудо, лишь промелькнувшие перед моими глазами в свете молнии.

— Держи, — сказал Гавацца, отдавая ему кошелек, — вот первая ласточка, а вся стая скоро прилетит; но мы уже потеряли много времени, пошли.

Пастух взял кошелек, открыл его, осмотрел содержимое и, подпрыгнув от радости, направился к вилле, где его хозяин в эту минуту сидел со своими слугами за общим столом.

XII

Буря утихла, но мелкий и частый дождь все еще шел. Два человека с вещевыми мешками за плечами с трудом шли по полю; это были два солдата-дезертира из армии герцога Савойского, которые пересекали Пьемонт, чтобы укрыться в Венеции.

— Клянусь святым Януарием! — воскликнул один из них. — Я начинаю думать, Лоренцо, что мы напрасно покинули полк. Там плохо, это правда, но все же иногда дают поесть, а теперь мы полсуток шагаем с пустым желудком — при таком рационе нам далеко не уйти. Во всяком случае, я определенно не пойду дальше вон того жилища, пока мы там не передохнем.

— Ты не прав, Джакомо, — возразил другой, — я знаю эти места; дом, о котором ты говоришь, принадлежит родственникам герцога ди Кариньяно: мы просто попадем волку в пасть, тогда как в Кивассо легко будет найти пристанище, да и идти туда не более четырех миль.

— Четыре мили! Да ведь это невообразимая даль. Давай попробуем, не обращаясь к хозяевам, попросить у какого-нибудь добросердечного слуги из этого дома кусок хлеба и охапку соломы, чтобы переночевать в конюшне.

— Попробуем счастья, раз уж ты так хочешь.

— Хочу, тем более что одна из половин ворот, кажется, приоткрыта...

— Так давай войдем, — поддержал его Лоренцо.

Он первым зашел в ворота, но, сделав всего один шаг, обернулся к товарищу и прошептал:

— Тихо! Какие-то люди переговариваются здесь и, судя по всему, не меньше нас боятся, что их услышат.

Солдаты вначале замерли, а затем осторожно проскользнули внутрь, в угол между наполовину открытой створкой ворот и опорной стеной. Отсюда, поскольку дождь прекратился и стало чуть светлее, они смогли разглядеть двух мужчин; один держал в руках ружье, другой — сторожевую собаку на поводке, лаская ее, чтобы она не залаяла.

— Держи ее хорошенько, Царка, — говорил человек с ружьем, — и через минуту синьоры Спенцо навсегда избавятся от этой свиньи, которую маркиз имел слабость ввести в свою семью.

— Но он все же дворянин! — вздохнув, заметил Царка.

— Дворянин?.. Да он украл свое дворянство, как крадет слишком уж

долгое время доходы с их имений; но больше он этого делать не будет... он у меня в руках!

При этих словах мужчина с ружьем приставил приклад к плечу и направил дуло на высокое окно первого этажа; затем грянул выстрел, за ним последовала вспышка, и после этого изнутри дома слышались крики ужаса.

— Бежим! — вполголоса произнес стрелявший. — И, что бы ни случилось, не забывай, что синьоры Спенцо всегда заплатят за твое молчание больше, чем любой из тех, кто предложит деньги и пожелает выудить из тебя правду.

И они побежали со всех ног.

— Если мы пробудем здесь еще секунду, — сказал Лоренцо, — мы пропали! Солдаты бросились в поле вслед за убийцами и очень скоро оказались

далеко от дома.

— Странное происшествие! — размышлял Джакомо, когда они ушли настолько далеко, что смогли остановиться и перевести дыхание.

— Но оно, вполне вероятно, может оказаться полезным для нас, — заметил Лоренцо, — я запомнил имя того парня, что держал собаку, а при свете выстрела увидел лицо другого, покрытое еще не зажившими язвами. Только что совершилось преступление, это точно, и, может быть, тому, кто сообщит сведения о виновных, дадут хорошее вознаграждение.

— Посмотрим, а пока надо найти что поесть и где переночевать.

В то время как все это происходило, преподобный брат Луиджи возвращался в свой монастырь. Несмотря на то что его сума была достаточно плотно набита, он казался встревоженным: несколько раз монах заходил в дом синьор Спенцо, но не заставал Бернардо, который, как ему говорили, передвигался поблизости на костылях; этого оказалось достаточно для того, чтобы у Луиджи появилось опасение, не случилось ли что-то серьезное.

«Этот человек отважен, — размышлял он, — ему не терпится достичь поставленной цели, а маркиза с Анджелой лишь изо всех сил подталкивают его к тому, чтобы он испытал судьбу, нанеся решительный удар Мариани. Эти женщины не хотят понять, что, подтолкнув его на этот путь, они погибнут вместе с ним. К счастью, я умею ждать и меня нелегко обмануть».

От этих размышлений его отвлек шум тяжелых шагов; монах, шедший со смиренно опущенной головой, тотчас же поднял ее и тотчас же увидел двух солдат, продолжавших обсуждать свое приключение в Сантони. При

виде округлого мешка, который нес монах, Джакомо, больше своего товарища страдавший от голода, не смог удержаться и сказал:

— Преподобный отец, сжальтесь, умоляем вас, над двумя бедными солдатами; мы сбились с пути и ничего не ели со вчерашнего дня!

— А как могло случиться, что вы попали сюда, нигде не получив помощи? Вы идете по дороге, которая ведет от виллы Сантони, и должны были пройти мимо нее вчера вечером, а ведь никогда не было случая, чтобы несчастный человек понапрасну стучался в ее ворота.

При этих словах солдаты переглянулись, как бы советуясь друг с другом; затем Джакомо продолжил разговор:

— Мы действительно остановились у этого дома; но ничего не успели получить, так как от страха выскочили оттуда быстрее, чем вошли.

— От страха? Вы, солдаты?..

— Преподобный отец, — снова заговорил Лоренцо, задетый словами монаха, — хорошие солдаты могут не захотеть мериться силами с убийцами.

— Вы встретились в Сантони с убийцами? — с тревогой спросил сборщик подаяний, опуская к ногам свой мешок, словно для того, чтобы внимательнее выслушать солдат.

— О брат, такое не рассказывают прямо на дороге...

— Особенно, если умирают с голоду, — добавил Джакомо.

— Вы правы, дети мои, — сказал Луиджи, закинув мешок за спину. — К счастью, мы всего лишь в ста шагах от монастыря, а там по моему распоряжению вам дадут все, что необходимо для полного восстановления сил.

И они втроем пошли по направлению к монастырю; привратник, сразу узнавший Луиджи по тому, как он ударил молотком, тут же открыл ворота, хотя урочный час был уже позади; но при виде двух солдат, следовавших за сборщиком подаяний, он немного испугался.

— Эй, Пьетро, — сказал Луиджи, положив суму на стол, — возьми двойную или тройную десятину, если хочешь, но дай нам поскорее поесть, да не скупись, тащи свои запасы из погреба; я позабочусь о том, чтобы потом быстро заполнить брешь, которую мы в нем проделаем.

Прежде всего Пьетро принес стаканы и вино, затем, обследовав содержимое мешка, занялся приготовлением ужина с тем большим рвением, что сам надеялся принять в нем участие. Пока он занимался своим делом, сборщик подаяний продолжил разговор с солдатами, затеянный им на дороге и становившийся теперь тем более оживленным, чем чаще наполнялись до краев стаканы. Уже на второй бутылке дезертиры

разоткровенничались, а к тому времени, когда раскупорили третью, Луиджи уже знал все о том, что произошло на вилле Сантони двумя часами раньше, и рассказчики так опьянели, что не замечали, как монах несколько раз подсовывал им свой стакан.

— Отец мой, — воскликнул внезапно появившийся привратник, внося блюдо, от которого шел аппетитный запах, — вот омлет, который заслужит вашу похвалу.

Но он застыл как вкопанный, увидев солдат, уткнувшихся головой в стол и погруженных в глубокий сон.

— Преподобный отец, — сказал он, помолчав с минуту, — готов поспорить, что эти люди не уснули бы без вашего на то разрешения.

— Это правда, Пьетро: я всегда легко усыпляю тех, кто, на мой взгляд, слишком бодрствует. Но мы поговорим об этом в другой раз; а сейчас нам нельзя терять ни минуты, надо покрепче связать этих парней... Монастырская тюремная камера пуста, не так ли?

— Как всегда, преподобный отец; неужели отец-попечитель допустит, чтобы кого-то посадили в такое мерзкое место! Да от такого вполне может несварение желудка случиться. Проклятая камера пуста, а доказательство — вот этот ключ, который я раздобыл, ибо — строго между нами — в этой яме я обнаружил потайной ход, ведущий в личный погреб отца-настоятеля...

— Мне это известно, Пьетро, — с улыбкой перебил его Луиджи. — Ошибется тот, кто пожелает что-либо скрыть здесь от меня. А теперь неси веревки...

— Такой удачный омлет! — воскликнул Пьетро, страдальчески сжав руки.

— Мы съедим его через четверть часа, вот и все, и каждому достанется двойная порция, которую можно будет сдобрить хорошим вином, поскольку из тюремной камеры, куда мы перетащим этих сонь, ты сможешь ненадолго заглянуть в личный погреб отца-настоятеля, куда ты так ловко проложил дорожку.

Во время разговора Луиджи взял веревки, принесенные привратником, и с его помощью всего за несколько минут крепко связал спящих солдат; затем вместе с привратником он без труда перетащил их в ужасные карцеры, которые назывались «in расе» [note 14](#) и в те времена существовали почти во всех монастырях; монахов, посаженных туда после своего рода суда при закрытых дверях, в живых больше никогда не видели. В монастыре капуцинов в Кивассо этими карцерами уже давно не пользовались: во времена благоденствия там, как правило, царила

снисходительность.

XIII

Ночью в доме Спенцо воцарилась ужасная тревога; на софе, крепко прижавшись друг к другу, не произнося ни слова, сидели маркиза и ее дочь; обеим было известно, что Гавацца тайком ушел куда-то во время бури; сначала они хотели помолиться за успех его предприятия, но с первых слов кощунственной молитвы у них перехватило горло от страха, и после этого, охваченные несказанным ужасом, они застыли в этой позе и молча, с трепетом прислушивались к малейшему шуму.

Около полуночи они услышали, как открылась и захлопнулась наружная дверь; затем до них донеслись звуки шагов, но вскоре все опять стихло и вновь потекли часы, казавшиеся медленными и страшными обеим женщинам, для которых началась расплата за преступление.

Только на рассвете кто-то осторожно постучал в дверь графини Мариани; она бросилась открывать.

— Это он! — произнесла она дрогнувшим голосом. — О Бернардо, мы так переживали за вас!

Она сказала это, все еще дрожа от страха; волнение оказалось настолько сильным, что Гавацца был вынужден поддержать ее, довести до дивана и усадить рядом с матерью.

— Разве так встречают доброго вестника? — спросил он, сияясь улыбнуться. — Вы свободны, сударыня! Негодяй, навязавший вам свое имя, чтобы безнаказанно грабить вас, больше не причинит вам никакого вреда.

— Что? — пролепетала маркиза, — Мариани?..

— Мертв, сударыня! И так умрут все, кто осмелится посягнуть на ваше счастье. Но откуда этот страх, который проступает на ваших лицах? Неужели же кому-то придет в голову возложить на вас ответственность за то, что сделал один я? Разве вы забыли, что я принес вам в жертву мою жизнь? Она принадлежит вам, и, что бы ни случилось, я буду защищать ее лишь для того, чтобы сохранить незапятнанной вашу честь. Но стоит ли волноваться по поводу событий, которые вряд ли произойдут? Никаких улик против меня не существует, я тщательно все предусмотрел, свершившееся останется тайной — моей и Господа Бога, и горе тому, кто попытается проникнуть в нее!

— Скажи лучше: горе тебе! — воскликнул монах Луиджи, появившийся неожиданно, как карающий ангел.

Даже удар молнии у ног трех сообщников не испугал бы их так, как появление этого монаха с горящими глазами и неистощимым запасом угроз и проклятий. Женщины не двигались с места и молчали; прошло несколько секунд, прежде чем Бернардо осознал, что происходит вокруг него; но молодой человек был совсем не робкого десятка, и легкое замешательство тут же уступило место уверенности в себе, почти никогда не покидавшей его.

— Ваше преподобие, — сказал он, внешне обретя вдруг спокойствие, — такая вспышка, если позволено так выразиться, несовместима с вашим достоинством и саном, и, я полагаю, вам будет трудно оправдать резкость, которую вы позволили себе по отношению ко мне.

— О! Неслыханная наглость! — ответил монах. — Не знаю, как объяснить, что я не содействую тому, чтобы ты отправился на виселицу! В каком часу ты ушел вчера вечером? Когда вернулся сегодня ночью? Что делал в промежутке?.. Молчишь? Тогда я сам тебе скажу.

И Луиджи рассказал об убийстве графа Мариани, не упустив ни малейшей подробности. На это раз Гавацца был побежден: хотел ответить, но слова замерли у него на языке.

— И ты только что осмелился сказать несчастным женщинам, что это преступление — тайна, известная только Богу, им и тебе!.. А знаешь ли ты, что я умею угадывать то, что хотят от меня скрыть? Но в данном случае мне не пришлось прибегать к этой хитрости: ты действовал так глупо, оставил столько следов на своем пути, что если бы мне не Удалось остановить в пути двух основных свидетелей твоих преступлений, уже направлявшихся к прокурору уголовного суда, то в этот дом уже давно ворвались бы вооруженные слуги закона, а эти бедняжки, осыпавшие тебя благодеяниями, в скором времени последовали бы за тобой на эшафот.

Стоило ему произнести эти слова, как Андже́ла громко закричала, упала на пол и заби́лась в судорогах.

— Луиджи, — одновременно с этим взмолилась маркиза, опустившись на колени перед монахом, — спасите нас, я вас заклинаю!

— Разве не для этого я оказался здесь в такой час, Паола? — ответил он, помогая маркизе подняться.

Затем, склонившись над графиней, еще корчившейся в сильнейшем нервном припадке, он дал ей понюхать какую-то странную соль, и женщина тут же успокоилась как по волшебству.

— Теперь, — продолжал он, — отбросим напрасные страхи, чтобы довести до победного конца борьбу, начатую так неосторожно. Борьба

будет длиться долго; ведь кем бы ни был Мариани по происхождению, у него — многочисленная и могущественная семья. Как я только что сказал, два основных свидетеля находятся в моих руках; они не заговорят без моего разрешения.

— Луиджи, — с волнением обратилась к монаху маркиза, взяв его за руки, — в вас наша вера, в вас наша единственная надежда.

— Вера и надежда — довольно хрупкие вещи, Паола, вы это знаете, — ответил монах с горькой усмешкой, — но тем не менее у меня достанет мужества, чтобы выполнить миссию, которую я возложил на себя, и я не сомневаюсь, что мои усилия увенчаются успехом, если, как я надеюсь, вы будете в точности следовать моим советам.

— Преподобный отец, — вмешался Бернардо, явно сникший во время этой сцены, — я послушался вас и искренне в этом раскаиваюсь. Простите меня, я клянусь впредь быть преданным вам душой и телом.

— Хватит, — повелительно сказал Луиджи, — и так уже потеряно слишком много времени. Через несколько минут обязательно придут сообщить синьорам Спенцо о смерти графа Мариани. Поскольку всем известно о разногласиях, царивших между ними и графом, надо выслушать эту новость достойно и сдержанно, не нужно выказывать никакого горя, ибо это заранее обличит вас; сделайте вид, что вы удивлены и в меру опечалены; затем без страха и колебаний следует затронуть проблему материальных интересов. Госпожа графиня и ее мать госпожа маркиза вызовут своего нотариуса и поручат ему присутствовать при опечатывании бумаг, что, безусловно, сегодня же произойдет в Сантони. Ты, Бернардо, будешь сопровождать нотариуса в качестве доверенного лица этих дам.

— О! Преподобный отец, в моем-то состоянии!

— В этом твое спасение: ты поедешь в Сантони в коляске вместе с нотариусом, там ты в какой-то мере поучаствуешь в происходящем, затем, якобы разбитый от усталости, упадешь в обморок, обнажив при этом свои окровавленные стопы.

— А потом? — смиренно осведомился Бернардо.

— Потом ты вернешься сюда, ляжешь в постель и пролежишь по меньшей мере неделю.

— Какое ужасное испытание, ваше преподобие!

— Как угодно, Бернардо; если, по-твоему, приятнее отправиться на виселицу...

Гавацца вскрикнул от ужаса; маркиза и ее дочь разрыдались.

— Тише! — властно произнес Луиджи, поднимаясь. — Кто-то стучит в дверь дома: настал решающий час. Но меня не должны застать здесь... До

скорого свидания! И не забудьте, что я вам сказал.

После этого Луиджи бросился из комнаты и вышел из дома через садовую калитку.

XIV

В доме Спенцо слишком сильно нуждались в поддержке монаха Луиджи, чтобы слепо не подчиниться ему; никто бы и не осмелился отойти от намеченного им замысла; итак, все было сделано, как он велел: маркиза и графиня выглядели печальными, но спокойными, когда их известили о кончине графа Мариани; новость была воспринята ими самым достойным образом; Бернардо в свою очередь казался в должной мере опечаленным скорбным событием, так что вначале не возникло ни малейших подозрений, тем более что накануне видели, с каким трудом Гавацца на костылях передвигался по соседним улицам.

Тем временем своим ходом шло судебное расследование этого таинственного дела: расследование ускорялось действиями синьора Марко Мариани. Он, разумеется, поклялся отомстить за своего брата, и ему удалось собрать чрезвычайно опасные косвенные улики.

С другой стороны, Царка слонялся по кабакам Кивассо, доставая из карманов пригоршни монет и восклицая в пьяном угаре:

— Вина! Еще вина! Когда все пропьем, получим еще.

Наконец, обе пули, извлеченные из тела жертвы и помеченные крестом, были узнаны церковным служкой, который сознался, что положил их на алтарь, чтобы они были освящены во время мессы священником, совершающим богослужение. Все эти данные Марко Мариани связал в один пучок, который, увеличиваясь с каждым днем, стал слишком весомым, чтобы правосудие могло остаться безучастным.

Однажды утром, когда хозяйки дома еще лежали в постели, вилла Сантони была окружена отрядом стражников; затем несколько офицеров полиции вошли внутрь и схватили Бернардо Гавацца. Тот поднял крик, запротестовал, заявляя, что невиновен, и призывая в свидетели маркизу с графиней, а они, разбуженные шумом, поднявшимся в их доме, прибежали полураздетые и попытались защитить его своей властью.

— Обстоятельства слишком серьезны, сударыни, — сказал им старший офицер, — и ваше неуместное вмешательство может еще более усложнить положение.

— Мои дорогие, мои добрые повелительницы, — вмешался Бернардо, старавшийся проявлять полнейшее спокойствие, — вы, как и я, прекрасно знаете, что меня несправедливо обвиняют; разразилась буря, которая ослепила и все еще ослепляет самых прозорливых людей. Правосудие

ошибается, но скоро признает свою ошибку. А пока я предпочел бы тысячу раз умереть, нежели увидеть хоть одну слезинку, пролившуюся из ваших глаз, и, что бы ни случилось, я до последнего часа не изменю этому своему чувству. Сохраните уважительное отношение ко мне и ни о чем другом не беспокойтесь — это единственная милость, о которой я прошу... А теперь, — добавил он, обернувшись к окружавшим его стражникам, — я готов, пойдёмте.

В то время как Бернардо вели в тюрьму Турина, где ему предстояло ждать окончания продолжавшегося расследования, монаха Луиджи в монастыре капуцинов в Кивассо ожидало удручающее открытие. Тюремщиком двух солдат, запертых in расе, он сделал привратника Пьетро, и в этом отношении был совершенно спокоен. Место их заключения было надежным, еще ни разу ни один монах, посаженный туда в прежние времена, даже не пытался бежать, настолько неосуществимым казалось подобное предприятие. Однако, увидев, сколь неблагоприятный оборот принимали события, Луиджи решил так: вместо того чтобы навсегда упрятать в подземелье людей, волей случая попавших ему в руки, вполне возможно было теперь использовать их против обвинения, заставив дать показания, совершенно противоположные тому, чему они были свидетелями. На этом условии им можно было бы пообещать помилование за дезертирство, очень скорое освобождение и достаточно весомую сумму денег, чтобы они могли спокойно вернуться в свои семьи.

«В их положении, — размышлял монах, — они определенно с готовностью ухватятся за любую соломинку».

Будучи в полной уверенности, что он не встретит препятствия на этом пути, Луиджи однажды вечером велел Пьетро взять фонарь и спуститься вместе с ним в тюремную камеру. Но каково же было его удивление, когда он вошел в подземелье и осветил его стены: карцер оказался пустым!..

Пора рассказать, каким образом двум пленникам удалось вырваться из камеры, куда их запер Луиджи, и что с ними стало.

Когда солдаты-дезертиры Лоренцо и Джакомо очнулись от глубокого сна, свалившего их с ног после того, как они выпили вина, к которому брат Луиджи подмешал усыпляющее средство, то прежде всего инстинктивно попытались оторваться от сырой земли, служившей им ложем. И велико же было их удивление, когда они поняли, что в этой беспросветной тьме не могут сделать и шагу, поскольку их тела опоясаны цепью, которая была пропущена через кольца, вмурованные в стены карцера.

— О, — вздохнул Джакомо, обращаясь к собрату, — говорил же я тебе, что мы еще пожалеем, покинув полк.

— Это ты тут разговариваешь, Джакомо?.. Да, парень, признаться, попал же я в переplet, а если и с тобой проделали то же, что со мной...

— Я прикован.

— Так же как и я... Но что дурного мы сделали проклятому монаху, почему он обошелся с нами так круто? Если хорошенько подумать, то похоже, что мы слишком развязали языки.

— Похоже! А по мне, так даже точно; я теперь вспоминаю, что мы рассказали этому проклятому сборщику подаяний все, что приключилось с нами на вилле Сантони, а раз так, то мы вели себя как настоящие тупицы. Монах, завладев нашей тайной, решил извлечь из этого выгоду и нашел способ убрать нас.

— Должно быть, ты прав, — сказал Лоренцо, — но тогда не все еще потеряно: во-первых, если бы от нас хотели окончательно избавиться, мы бы уже были мертвы, ведь убить нас было так легко! Во-вторых, это доказывает, что нам хотят сохранить жизнь; а вот и кувшин с водой, я чуть было не задел его ногой и едва не опрокинул, что было бы очень досадно, поскольку я умираю от жажды.

— Я тоже.

— Давай-ка, протяни сюда руки... Держи бутылку; постой, я нащупал ногой что-то похожее на краюху хлеба, и довольно увесистую... Вот она, я ухватил ее! Так выпьем и закусим! Черт возьми, не каждый день мы могли сказать такое в нашем полку!

— Что правда, то правда, — грустно заметил Джакомо, — но нам светило солнце, и мы могли ходить. Эх!..

— Не надо отчаиваться, тысяча чертей! — возразил Лоренцо. — Скажи, ты, так же как я, опоясан цепью?

— Да так крепко, что ее звенья впились мне в тело выше бедер.

— И я сейчас испытываю то же удовольствие; но, ей-Богу, так долго не протянешь.

— На что же ты надеешься?

— Только на себя, черт возьми! Ну же, не падай духом, смерть приходит лишь раз, и надо постараться, чтобы она подзадержалась подольше.

Сказав это, Лоренцо, больше не обращавший внимания на жалобы приятеля, смочил водой звено цепи и стал усердно тереть им о керамический кувшин.

— Слышишь эту музыку? — через несколько минут спросил он Джакомо.

— Прекрасно слышу, но не понимаю, к чему нам все это: вряд ли тебе

удастся вылететь из этой камеры, пробив ее своды.

— Я пока не знаю, что будет дальше. Главное обрести свободу движений, и я теперь вижу, что через два часа так оно и будет.

И в самом деле, менее чем за час Лоренцо так источил звено цепи трением о кувшин, что разорвать ее оказалось совсем просто; после этого Лоренцо тем же способом освободил Джакомо. Во время завершения этой операции издалека донесся какой-то глухой шум.

— Нам надо быть настороже, — промолвил Лоренцо, — как только кто-нибудь появится, навалимся на него, выпытаем все, что сумеем, и заставим вывести нас отсюда.

Шум не стихал и даже усилился; затем послышалось звяканье ключей и чей-то голос прошептал несколько слов, но солдаты не расслышали их; однако никто не появился, и пленники почувствовали, что надежда, едва пробудившаяся в их душах, уже улетучивается, как вдруг тонкий луч прорезал окружающую их темноту. Лоренцо осторожно подошел поближе к этому свету и убедился, что он пробивается из прилегающего к их камере помещения сквозь отверстие, образовавшееся в стене; он внимательно осмотрел эту щель.

— Теперь, — очень тихо сказал Лоренцо своему товарищу, — могу поклясться своей головой, где-то здесь был ход побольше того, что существует сейчас.

— Может быть, это дверь нашей камеры, — ответил? Джакомо.

— Нет, дверь — на другой стороне; я нащупал железную оковку, и меня, бывшего кузнеца, тут никак не проведешь... Эх! Если б у меня был кусок железа, хотя бы с палец длиной!..

— Свет Небесный! — воскликнул Джакомо. — Везет же нам! Я как раз сейчас обнаружил, что мерзавцы-монахи забыли отобрать у меня нож.

— Давай, давай его скорее... Клянусь кровью святого Януария, мы опять увидим свет!

Лоренцо взял нож и осторожно просунул лезвие в щель, сквозь которую пробивался луч света, и в скором времени через расширенное отверстие они уже осматривали большой подвал, представивший их взору чрезвычайно соблазнительную картину: великолепно расставленные бутылки и бочки. Какой-то монах со связкой ключей у пояса и лампой в руке медленно расхаживал между стройными рядами этой молчаливой винной армии, словно генерал, проводящий смотр своим солдатам. Время от времени он останавливался, чтобы пересчитать наименее многочисленный отряд, и с досадой качал головой, что-то бурча при этом вполголоса; однако отверстие, заметно расширенное Лоренцо, уже

позволяло пленникам отчетливо слышать его речь.

— Странное дело! — ворчал монах. — Я точно помню, что в этом углу было три дюжины бутылок мадеры, а их тут всего тридцать, хотя я целую неделю к ним не прикасался... Моя последняя бочка рейнского вина оказалась неполной, и в рядах наших лучших французских вин появились бреши! Я никак не мог забрать отсюда столько вина за короткое время, к тому же я всегда веду счет тому, что изымаю. Мне кажется, что кто-то из братьев тайком присвоил себе мои обязанности эконома... Но я найду его, и тогда горе несчастному!..

Прислушиваясь к его словам, Лоренцо продолжал понемногу скоблить ножом отверстие в стене; вдруг лезвие уперлось во что-то ровное и твердое.

«Здесь что-то железное, — подумал бывший кузнец, — попробуем разобраться, задвижка это или замок».

И он со всей силы нажал на лезвие, опершись коленом о стену. Неожиданно препятствие, на которое наткнулось лезвие, подалось и огромный камень повернулся на собственной оси.

— Скорее за мной! — крикнул Лоренцо приятелю.

Они бросились через открывшийся ход в соседний подвал и схватили монаха-эконома, сразу окаменевшего и онемевшего от ужаса.

— Очнитесь, святой отец, — сказал Лоренцо, — мы вовсе не такие страшные черти, как кажемся, а в аду, обставленном так же, как этот, невозможно замыслить ничего худого по отношению к такому жизнерадостному человеку, каким вы кажетесь.

— Чего вы хотите? Кто вы? — в растерянности спросил монах.

— Прежде всего мы хотим, чтобы вы успокоились, поскольку вам нечего бояться; затем — чтобы вы сказали нам, где мы находимся.

— Это помещение, дети мои, — ответил монах, немного придя в себя, — всего-навсего личный погреб нашего отца-настоятеля, чьим недостойным экономом я являюсь... Но все же, кто вы такие и как вы проникли сюда?

— Кто мы такие, ваше преподобие? Не хочу вас обидеть, но это касается только нас самих; ну а по поводу способа, позволившего нам проникнуть в это подземелье, я попрошу просветить нас; ибо, клянусь, я ничего вам не могу объяснить, а мой приятель ничуть не более.

— Но все же вы откуда-то пришли, если уж находитесь здесь?

— А если нас сюда доставили вопреки нашему желанию? — ответил вопросом Джакомо.

— Помалкивай! — бросил Лоренцо, толкнув ногой стоявшего сзади

товарища. — Я уверен, этот славный монах не имеет отношения к насилию, учиненному над нами; все живущие в этой святой обители должны помогать друг другу, и я не сомневаюсь, что преподобный отец согласится вывести нас отсюда совсем незаметно, за что мы будем ему вечно благодарны.

— Дайте мне, по крайней мере, прийти в себя, — сказал эконо. — Я не верю своим глазам и ушам: все происходящее кажется мне дурным сном.

Монах был чрезвычайно озадачен: он оказался в слишком сложном положении, и о сопротивлении нечего было и думать; если он позовет на помощь, то эти люди, у одного из которых в руке блеснул нож, могут зарезать его, как только он закричит; но, с другой стороны, как же оставить на разграбление этот богатый подвал, ведь он отдавал ему всю свою душу в течение стольких лет!

— Послушайте, ваше преподобие, — снова заговорил Лоренцо, не спускавший с монаха глаз и следивший за каждым его движением, — давайте договоримся по-хорошему. Четыре бутылки мы унесем с собой, а две выпьем на месте, чтобы иметь честь чокнуться с вами, святой отец; затем вы втайне от всех выведете нас из монастыря, и мы уйдем на все четыре стороны с вашего благословения... Что вы выиграете, если отдадите нас в руки врагов, неизвестных нам самим и скорее всего вам тоже? Вам же придется признаться о своих ночных посещениях личного подвала отца-настоятеля.

Монах-эконом, видимо, погрузился в глубокие размышления.

— Я могу для вас сделать только одно, — сказал он после долгого молчания, — проведу в церковь через ризницу; часом позже двери храма откроют для прихожан и начнется утренняя месса; еще не совсем рассветет, и вам нетрудно будет выйти так, что никто этого не заметит.

— Я предполагал, что вы станете нашим спасителем, брат! — сказал Лоренцо. — А теперь выпьем! Кто знает, что случится потом: может, придет день, мы встретимся в другой обстановке, и тогда вы узнаете, что мы более приятные собутыльники, чем кажемся сегодня.

— Идите же за мной, — сказал отец-эконом, — ступайте тихо, не говорите ни слова, а когда выберетесь отсюда — да поможет вам Бог!

Минуту спустя солдаты-дезертиры вышли из монастыря и бросились бежать, не разбирая дороги.

Пора, полагаю, вернуться к тому, что касается лично меня, и продолжить рассказ о событии, случившемся из-за любовной страсти аббата делла Скалья.

Аббат ждал ночи, чтобы привести в исполнение свой гнусный замысел.

Как уже было сказано, мы плыли вниз по Роне. Погода стояла великолепная. Было жарко, но легкий ветерок, гулявший в долине Роны, навевал легкую прохладу. Солнце уже клонилось к закату. Все вокруг словно замерло. Слышно было лишь, как перекликаются лодочники и поскрипывает румпель, на который время от времени налегал рулевой.

Постепенно солнце скрылось, сгустились тени, а ветер окончательно утих. Стало душно и знойно.

Обдумывая свой чудовищный замысел, аббат не разговаривал. Тяжесть в воздухе угнетала меня, и я молчала тоже. Сил просто не было, к тому же меня мучила ужасная жажда. Я попросила, чтобы Марион принесла мне апельсин. Аббат живо поднялся и перебрался в лодку, где находились мои горничные и слуги. Вернувшись, он протянул мне несколько освежающих фруктов и охлажденный лимонад.

Я с наслаждением выпила его.

Но оцепенение не проходило; напротив, оно усилилось, и очень скоро я уже не могла противиться непреодолимому желанию уснуть, охватившему меня.

Это было делом рук аббата, с нетерпением преступника ждавшего своего часа.

Он взял мою руку, потряс ее, чтобы проверить, насколько глубок мой сон, но я не шелохнулась; делла Скалья странно улыбнулся и посмотрел на меня похотливым пожирающим взглядом; он не мог оторвать глаз от своей жертвы, готовый сжать ее в объятьях и утолить свою мерзкую страсть.

Внезапно дверца кареты распахнулась и какой-то человек в маске схватил аббата за руку; тот отскочил с яростным криком.

— Не надо шума! — властным голосом произнес незнакомец. — И если вы не хотите погубить себя, уходите отсюда!

Взбешенный аббат вскочил, от злости заскрежетав зубами.

Он понял, что обманулся в своей надежде и одновременно увидел пропасть, разверзшуюся у него под ногами.

Однако аббат обладал огромной силой воли и огромным умением притворяться, поэтому он быстро овладел собой.

— Кто вы такой и чего вы хотите? — спросил он незнакомца.

И он протянул руку к пистолетам, лежавшим рядом.

— Кто я такой? — переспросил человек в маске. — Вы этого никогда не узнаете. Могу лишь сообщить вам, что до последней капли крови буду защищать жизнь женщины, чье доброе имя вы хотите замарать. Покушение, задуманное вами, как и мое вмешательство, должны быть навсегда забыты. Поэтому не бойтесь ничего. Но я охраняю эту несчастную жертву от недобрых страстей, бушующих в ее семье, и если до приезда в Турин вы попытаетесь еще раз навредить ей, мне придется убить вас как собаку.

Твердый и резкий тон незнакомца убедил аббата, он опустил голову и вышел, не сказав ни единого слова.

Марион села рядом со мной, чтобы охранять мой сон.

Человек в маске печально и задумчиво постоял с минуту, молча глядя на меня; по его лицу катились слезы.

Он оплакивал мою беду, мое одиночество, те притеснения, которые я терпела в семье мужа, и слепоту графа ди Верруа.

— Он совсем недостоин ее!.. — вздыхал незнакомец. — Бедная женщина! Наконец он превозмог свою боль, вытер слезы, взял мою руку, поцеловал

ее страстно, но почтительно, и удалился, сделав над собой героическое усилие, словно был вынужден оторваться от счастья всей своей жизни.

Когда я проснулась, Марион рассказала мне обо всем, что произошло во время моего сна, и назвала имя моего спасителя.

Это был принц Дармштадтский.

Едва рассвело, аббат делла Скалья опять пришел ко мне. Он был спокоен и весел; на его лице не осталось никаких следов ночных волнений.

Принц Дармштадтский спас меня! Но это приключение ставило меня в зависимость аббата делла Скалья. Ему теперь ничего не стоило распространить слух о греховной связи между мной и принцем, тогда как в его собственное преступление вряд ли кто-нибудь мог поверить, настолько оно выглядело неправдоподобным при его характере, возрасте и положении.

— Сударыня, — сказал он подчеркнуто твердым голосом, — я вас не боюсь, а вот вам следует опасаться любых бед с моей стороны. Прежде всего хочу предупредить: не вздумайте выступить с обвинениями в мой адрес или смеяться надо мной вместе с мужем, иначе вы узнаете, с кем

имеете дело. Я допускаю, что вам захочется рассказать о тех сценах, которые покажутся кому-то смешными, о фактах, которые вы назовете, наверное, позорными. Если вы предадите их гласности — все смешное и весь позор падут на вашу голову, ибо я опровергну ваши утверждения таким образом, что никто и не подумает верить вам. А теперь выслушайте остальное и не забудьте, что я скажу вам.

Я поклонилась с гордым видом, будто давала ему отпор, хотя на самом деле пыталась скрыть от него свой страх.

— Слушаю вас, сударь.

— В моем лице вы имеете смертельного врага, такого врага, который никогда вас не простит и причинит вам столько зла, сколько можно обрушить на существо, вызывающее ненависть! Впредь это будет главной моей заботой, и я ничего не пожалею, лишь бы добиться цели. Я отвезу вас в Турин кратчайшим путем. Ваша болезнь меня мало тревожит, а видеть вас для меня настоящая пытка. Знай вы меня лучше, сама мысль о той ненависти, что внушена мне вами сегодня, заставила бы вас дрожать от страха. Теперь между нами будет борьба не на жизнь, а на смерть. Я не нанесу вам предательского удара из-за спины, предупреждаю вас открыто — защищайтесь!

— Эти слова достойны ваших поступков, сударь, но я нас больше не боюсь, поскольку знаю цену вашим угрозам и вашей лести. Нападайте же, я буду защищаться. У меня есть свое оружие.

В тот же вечер мы высадились на берег и поехали сухопутной дорогой. Я посадила одну из служанок и свою карету. Аббат ехал следом в другом экипаже. Мы переехали через перевал Мон-Сени и спустя несколько дней прибыли в Турин, объяснив наше скорое возвращение моим недомоганием.

Проследив, как мы высадились на берег, принц Дармштадтский направился в Испанию; я выбрала удачный миг, чтобы одарить его взглядом и улыбкой, которым он, видно, придал большой смысл, ибо его лицо засияло от счастья.

Он и в самом деле сильно любил меня... как и должно любить!

В первый же вечер по приезде в Турин я убедилась, что козни аббата делла Скалья чреваты скорыми и ужасными последствиями. Моя свекровь вернулась из дворца уже так настроенной, что приняла меня как врага — и врага смертельного. Аббат поехал к ней прямо во дворец и, конечно же, побывал у госпожи герцогини, не преминув подготовить ее соответствующим образом. Преследования ожидали меня и с этой стороны.

Когда я приблизилась к г-же ди Верруа, чтобы поцеловать ее, она меня оттолкнула.

— Нет, сударыня, нет, я не могу так принимать особу, замыслившую разорить мой дом и желающую переправить за границу достояние наших предков. Но прежде чем у вас зародятся другие замыслы, еще более преступные, я заявляю вам, что ни вы, ни мой сын никогда больше не уедете отсюда; объявляю вас пленницей чести и состояния ди Верруа; я сама буду бдительно охранять вас! А теперь — ваша воля, целуйте меня, если еще хотите.

— Хочу не больше и не меньше, чем до того, как выслушала вас, госпожа графиня, — ответила я. — И поскольку вам больше нечего мне сказать, позвольте мне удалиться и повидать графа ди Верруа: он ждет меня.

Я вышла с таким гордым видом, что ей не под силу было сравниться со мной. В этом доме всегда забывали, что в моих жилах течет кровь герцогини де Шеврёз. Дочери рода Роганов не позволяют так унижать себя никому, даже своим свекровям, и я не хотела, чтобы последнее слово осталось за г-жой ди Верруа.

«Скоро приедет мой отец, — думала я, — и ничто не помешает мне уехать вместе с ним. Если нужно будет, придется обратиться за помощью к королю Франции, а ведь он могущественный монарх».

Когда я приехала поклониться герцогине-матери, она сооблаговолила сообщить мне почти серьезным тоном, что ей рассказали обо мне много плохого.

— Я поверю в это, если вы заставите меня в это поверить; все зависит от вас, — добавила она, — когда становишься графиней ди Верруа, следует забыть о том, что прежде вас звали мадемуазель д'Альбер.

Затем, не дав мне времени ответить, она стала расспрашивать меня о своих друзьях во Франции, о короле, версальском дворе, и мне стало ясно, что сама герцогиня Савойская все же помнит о тех временах, когда она была мадемуазель де Немур.

Герцог же, увидев меня, изменился в лице, несмотря на все свое самообладание; он был серьезен и даже строг. Очевидно, он тоже слышал обвинения в мой адрес и делал вид, что согласен с ними. Но я не ошибалась: он был счастлив вновь видеть меня и хотел, чтобы я заметила это, но только я, и никто другой.

Исполнив долг вежливости, я сказалась больной и выезжала крайне редко. Преследования меня и издевательства надо мной усилились, стали более жестокими; со своей стороны, Виктор Амедей продолжал подсылать ко мне тех, кому он мог доверять. Я оказалась между этими двумя рифами одна, без друзей, без опоры и жила надеждой на помощь отца.

Добрый аббат Пети уехал из Турина в Шамбери вместе с моим маленьким другом Мишоном. Они должны были пробить там несколько месяцев: важные дела прихода удерживали там ревностного пастыря. Принц Дармштадтский находился в Мадриде и, по слухам, был очень обласкан королевой Испании. Везет же ему с королевами!

Я ждала отца с таким нетерпением, что это сказывалось на моем здоровье; только он мог вырвать меня из этого ада.

Но в скором времени я лишилась моей единственной надежды: во время королевской охоты отец упал с лошади и сильно повредил ногу; его уложили в постель на несколько месяцев.

Узнав эту новость, я впала в отчаяние и поневоле стала с суеверным ужасом воспринимать аббата делла Скалья, который за неделю до этого несчастного случая столкнулся со мной на галерее лицом к лицу и небрежно бросил в мой адрес:

— Вы ждете вашего отца? Он не придет.

Неужели он уже знал об этом? Или догадывался? Мог ли он предвидеть события до того, как они происходили, или они были подготовлены им?

Этого я так никогда и не узнала, но всегда подозревала его в этом!

Что делать? Как теперь быть?

Я советовалась с верными служанками, поднявшимися в моих несчастных обстоятельствах до положения подруг. Бабетта плакала вместе со мной; более отважная Марион убеждала меня, что надо защищаться и быть готовой выбраться самой из пропасти, куда меня могут столкнуть.

— Есть только одно средство, моя госпожа: герцог де Люин приехать не может, зато приедут герцог де Шеврёз или шевалье де Люин. Напишите им, я отнесу письмо на почту, и через несколько недель тот или другой будет здесь. Тогда нам придется бежать с их помощью, иначе все эти злые люди сведут вас в могилу.

Вняв совету храброй девушки, я написала герцогу де Шеврёзу и шевалье де Люину. Со слезами я умоляла их помочь мне и, чтобы письма дошли, велела Марион отнести их во французское посольство, надеясь, что таким образом их не перехватят.

Но я недооценила аббата делла Скалья: он установил круглосуточное наблюдение за моими служанками, особенно за теми, кто пользовался моим доверием. Едва Марион вышла с пакетом в руке, как это заметили, и письма были конфискованы; бедную служанку выгнали из дома, запретив появляться в нем, обвинив ее в том, что она подстрекала меня к непослушанию и бунту. Марион кричала, плакала, угрожала, клялась, что

ни за что не уедет из Турина и сама сумеет освободить меня, что бы они ни делали, но ее угрозы вызывали лишь смех, и слуги-итальянцы без всякой жалости вытолкали девушку на улицу.

Сцена была очень шумной; прибежала Бабетта, своими глазами наблюдавшая всю эту жестокость; она пришла ко мне вся в слезах, рассказала о случившемся и о новых опасениях, возникших у нее. Марион собирались выгнать из города и отправить в Америку вместе со ссыльными, чтобы она не уехала во Францию и не пожаловалась моим родственникам, сообщив им, как обошлись с ней самой и что делают со мной.

— Марион погибла, и мы тоже обречены, сударыня! Боже мой, что же с нами будет! И что нам теперь делать? — ужасалась Бабетта.

Я не знала, что сказать, но надеялась на Марион: это была умная, смелая, преданная и неутомимая служанка; я не сомневалась, что она что-нибудь придумает, но даже не могла себе представить, что ее изобретательность превзойдет все мои ожидания.

Меня объявили больной и заперли в доме почти как пленницу; я отказалась ездить во дворец герцога, и г-жа ди Верруа решила окончательно известить меня. Несчастнее меня не было никого на свете, и тяжелее всего мне было редко видеться с детьми. Что же касается мужа, то я стыдилась своей любви к нему и всеми способами пыталась излечиться от этого чувства. Должна сказать, мне это не удалось, и до сих пор, не имея возможности любить его самого, я люблю воспоминание о нем.

Мне было приказано поселиться на вилле, где я пережила первые и почти единственные мгновения счастья. Кое-кто из придворных забеспокоился обо мне; меня пожелала видеть госпожа герцогиня; явно возникли опасения, что мое отсутствие при дворе вызовет интерес, который не следовало удовлетворять.

Граф ди Верруа спросил, не хочу ли я провести несколько недель на лоне природы. Мне было все безразлично, настолько я чувствовала себя несчастной; к тому же у меня была надежда, что там мне не придется видеть свекровь, поэтому я дала согласие, несмотря на протесты Бабетты, не устававшей повторять:

— Нас увозят туда для того, чтобы мы исчезли.

Я знала, что г-н ди Верруа неспособен на низость и коварство. Он, безусловно, осуждал все эти оскорбительные действия по отношению ко мне, но по своей слабости не мог им помешать. Но, как бы то ни было, умер он на поле боя, очень достойно встретив смерть. Он был чрезвычайно храбрый человек, не испытывал страха перед пушкой, но боялся матери!

Мы уехали; он сам отвез меня и вернулся назад в тот же вечер; в моей маленькой Бастилии меня охраняли и держали под наблюдением. Со мной была моя Бабетта; Маскароне я не доверяла, она была местной и могла найти себе сообщников. Бабетта бушевала, но ее никто не слушал. Я могла полагаться только на нее; все мои люди перешли на сторону хозяина: одни ради выгоды, другие — из страха. Мы не знали, что стало с Марион, о ней никто ничего не рассказывал, и мы боялись, что г-жа ди Верруа и аббат делла Скалья выполнили свои угрозы.

Позднее я узнала, что меня выдавали за сумасшедшую, чтобы объяснить происходящее; слуги этому верили, а все остальные тем более: плохому верят всегда.

Пока одна лишь свекровь ненавидела меня, это можно было еще выносить, хотя и с трудом; но с тех пор как к этой ненависти примешалась злоба монаха, развязалась беспощадная борьба, которая была мне не под силу, тем более что я не могла сравниться в хитрости со своими противниками. Вот почему я поддалась своему горю. Мне кажется, я и в самом деле сошла бы с ума, если бы меня не спасло Провидение. Некоторые люди утверждают, что скорее тут вмешался дьявол; возможно — во всяком случае не мне спорить с ними.

Господин ди Верруа, как я уже сказала, в тот же вечер вернулся в город: он был членом военного совета и не мог долго отсутствовать. Мы с Бабеттой остались одни; она не покидала меня ни днем ни ночью. Вечера были прохладны, в этой гористой местности часто бывает очень холодно. Я любовалась великолепным видом на долину и городок, открывавшимся из моего окна.

Я была закутана в накидку, и издалека узнать меня было невозможно. Стоя у окна, я прислушивалась к шуму во дворе, к возне слуг, гонявшихся друг за другом, видала, как постепенно гаснут огни и ночь прокрадывается в рощи и аллеи. Это было грустно, но красиво, и мне хотелось плакать и молиться Богу.

Бабетта находилась в глубине комнаты. Выступающий балкон отделял меня от всех людей; вокруг меня царил покой, слуги молча расходились по домам, и эти минуты казались мне приятными и тягостными одновременно.

Вдруг тишину нарушил знакомый голос: это была Марион — она предупреждала меня, что поднимется по внутренней черной лестнице, ведущей в мои покои, и просила не пугаться.

Я чуть не вскрикнула от радости и бросилась в комнату встречать ее. Дверь открылась, и вместо Марион вошел человек, закутанный в плащ на испанский манер...

Вообразите себе такое!

Я отпрянула, похолодев от страха; мне показалось, что на меня напали бандиты! К счастью, от ужаса я потеряла дар речи, иначе всполошила бы весь дом.

Незнакомец почтительно снял широкополую шляпу, и в лучах вечерней зари я узнала герцога Савойского...

Я задрожала всем телом, по сей день не знаю почему. Конечно, на то было много причин; не уверена, что его появление очень рассердило меня, хотя до тех пор я относилась к нему с непреклонностью оскорбленной добродетели.

Прежде всего принц стал умолять меня не гневаться и ничего не бояться ни с его, ни с чьей-либо другой стороны.

— Я самый преданный ваш слуга; ваши желания — закон для меня; что до остальных, то я здесь для того, чтобы защитить вас.

Его слова сильно смутили меня; я не осмеливалась, да и не хотела сердиться; однако это надо было сделать: он поступил довольно дерзко, довольно оскорбительно по отношению ко мне. Я продолжала стоять, ожидая, пока он объяснится; молчание его длилось недолго.

— Я пришел, чтобы спасти вас, — сказал он, — у вас не осталось никого, кроме меня, и если вы не хотите погубить свою красоту, молодость, а может быть, и жизнь, доверьтесь мне — я прежде всего стану вашим другом.

— Ваша светлость...

— Давайте сядем и выслушайте меня. Я знаю все. Вашу Марион собирались отправить в Америку на верную смерть, но она нашла способ предупредить меня, бросившись к моим ногам с прошением от имени графини ди Верруа, и я прочел его до конца. В тот же вечер она была в надежном месте во дворце: я спрятал ее в комнате одного из моих камердинеров, и с тех пор мы встречаемся с ней каждый день; каждый день я велю ей рассказывать в мельчайших подробностях обо всех ваших страданиях. Ее рассказ причинил мне адские муки, и я стал придумывать разные способы, чтобы вырвать вас из этого ада, но не надеялся на успех, ведь в первую очередь надо было получить ваше согласие; к счастью, вы переехали сюда, и с этого времени я стал надеяться, что с помощью вашей верной служанки сумею добраться до вас.

Я слушала, одновременно обдумывая его слова, и в мыслях зашла

очень далеко!

Герцог объяснил мне предельно ясно и здраво, что только он один обладает достаточной властью, чтобы избавить меня от моих страданий, и что я должна оценить его преданность, позволив доказать ее.

Воспользовавшись случаем, которого он так давно ждал, герцог заговорил со мной о любви, которую ничто не могло погасить. Он предложил мне свое сердце, могущество, славу, богатства, умоляя принять их, царить подле него, занять первостепенное положение в его государстве, обещал отомстить моим врагам, унизив их. В страшных красках изобразил он мне жизнь, на которую я теперь была обречена, сравнив ее с той жизнью, которая предлагалась им. Используя все свое красноречие и силу убеждения (они по праву принесли ему известность), он встал передо мной на колени и заявил, что не поднимется до тех пор, пока я не пойду навстречу его страстным желаниям.

Я не любила герцога Савойского, мое сердце целиком принадлежало мужу, к тому же я находилась в известной комнате, отделанной венгерским кружевом, комнате, с которой было связано такое страшное пророчество... Оснований для того, чтобы устоять, оказалось немало!

Но я была унижена, несчастна, доведена до крайности; с одной стороны, мне представлялись гибель, нищета, страдания, с другой — блеск короны и в перспективе — мщенье; я колебалась...

Этого было уже достаточно! Виктор Амедей заметил мои сомнения и усилил натиск.

— О! Прошу вас, последуйте за мной! — умолял он, взяв меня за руки, хотя я робко сопротивлялась. — Никто не следит за нами; все забыли, что есть этот выход и спокойно спят под охраной часовых. Мои поди тут недалеко, карета — в трех шагах. И завтра вас ожидает дворец, а преследователи узнают, что вы подруга герцога Савойского; вы одержите над ними верх, заставите их склониться перед вами и стать свидетелями вашего счастья! Я не стану говорить о своем счастье, ибо вы не настолько любите меня, чтобы это придало вам решимости; но все же как я буду счастлив, Боже мой! Ничего не пожалею и буду доказывать вам это всегда, в каждое мгновение нашей жизни!

Я ничего не отвечала, боялась отказать, но боялась и согласиться, ведь тем самым я бы обесчестила себя, своего мужа и всех родных!

Принц догадался, что теперь только эта мысль останавливала меня, и пошел в наступление. Он стал превозносить любовные связи Людовика XIV, представив моему взору почести, которыми были окружены его возлюбленные, описывал радости, успех и удовольствия, дарованные им.

Он доказывал, что г-жу де Монтеспан обожала ее семья; что все чтили и уважали эту женщину, принимавшую даже непреклонную аббатису де Фонтевро. свою сестру; наконец, он пустил в ход соблазн честолубия, заблиставший всеми своими гранями, как призма, и заметно ослепивший меня; я была настолько ошеломлена, что прибегла к последней слабой защите.

— Но ваша светлость, — залепетала я (и это был последний возглас умирающей добродетели), — я все еще люблю мужа!

— Вашего мужа? Вашего палача? Разве он достоин вас? Разве он любит вас?.. О! Я помогу вам забыть его!

Он растолковал мне суть поведения г-на ди Верруа без всяких прикрас, ничего не прибавив, показал его в истинном свете и сделал это мастерски: с виду отдавая ему должное, он осудил его во всем.

Графиня ди Верруа поддалась соблазну, сердце женщины готово было уступить, но сердце матери сопротивлялось дольше.

— А мои дети! Дети! — воскликнула я. — Я же не увижу их больше!

— Вы всегда будете видеться с ними. Кто осмелится отнять их у вас?.. Впрочем, сейчас вы их разве видите? Где они? Может быть, с вами?.. Я заставлю вернуть их вам. Никто не осмелится послушаться меня, будьте спокойны! Я уже доказал, что здесь я властелин. Оставьте ваши сомнения, примите любовь, что взывает к вам. . Пойдемте! Пойдемте!

Что вам сказать?

Он повел меня за собой... Сама не знаю, как я очутилась рядом с ним, в его карете; Марион и Бабетта следовали за нами в другом экипаже.

Мы были одни той прекрасной итальянской ночью; всемогущий принц обожал меня, и вместе с тем его уважение ко мне не уступало его нежности: теперь он даже не дотронулся до моей руки, как сделал это в той злополучной комнате с венгерскими кружевами, оправдавшей свое роковое предназначение.

Герцог рассказывал обо всем, что он сделает для меня, став моим покровителем, о том, какие почести меня ожидают. Он собирался поселить меня на восхитительной вилле, которую уже давно подготавливали неподалеку от его дворца Риволи. Он хотел в тот же день сам объявить моей свекрови, что впредь я буду находиться под его защитой, что ей больше незачем беспокоиться обо мне и что он будет рассматривать как личное оскорбление любое посягательство на мой покой.

Я опустила глаза; необыкновенно благородное, полное достоинства лицо моего отца словно по волшебству предстало перед моим мысленным взором, щеки у меня запылали, ведь наряду с обещанным мне блестящим

будущим мне были уготованы стыд и позор, и, уткнувшись лицом в ладони, я горько зарыдала и воскликнула:

— О! Я погибла!

Виктор Амедей вложил всю силу своего красноречия и любви в слова утешения, но не осушил моих слез: невзирая на его мольбы, просьбы и обещания, они катились по моим щекам.

Однако оставаться равнодушной к такому проявлению чувств я больше не могла и дала ему обещание в будущем быть более спокойной и разумной.

Герцог сам поселил меня в очаровательном доме (в нем я прожила довольно долго) и разместил там своих гвардейцев. Ко мне было приставлено множество лакеев и служанок; в своих покоях я обнаружила изумительные драгоценности, великолепное белье, чудесную одежду, изготовленную по моим меркам, много прекрасной мебели; здесь было все, что я любила, все, что душе моей было угодно, — то есть все, что настоящая любовь могла подсказать мужчине, обладающему безграничной властью.

Остаток ночи Бабетта и Марион провели рядом со мной.

Я все еще плакала; принц оставил меня, выполнив мою просьбу, как бы трудно это ни было для него; ему хотелось доказать мне, что он готов покоряться и угождать мне во всем.

На следующее утро курьер привез мне чрезвычайно трогательное и почтительное письмо от него, а также очень красивый подарок из драгоценных камней и восхитительный букет. Он смиренно просил разрешения отужинать со мной.

Я, разумеется, приняла его; он вошел, пылая страстью, был нежен и предупредителен, но очень сдержан, как и обещал в своем письме.

Герцог объявил г-же ди Верруа, что она больше не должна меня искать, и лишь подтвердил мои прежние подозрения, признавшись, что, глядя на нее, был поражен последовавшей реакцией: вместо суровости, естественной в подобных обстоятельствах, ее лицо осветилось еле сдерживаемой улыбкой. Ответ свекрови был прост:

— Меня это не удивляет, ваша светлость: нам этого следовало ожидать! Имя мужа вертелось у меня на языке, но я не осмеливалась произнести его. Дон Габриель сообщил мне, что г-н ди Верруа был в отчаянии, а его мать, делавшая все возможное, чтобы смягчить горе сына, добилась лишь того, что он обрушил на нее свою ярость, обвинив в том, что все произошло по ее вине; он вспомнил, как я старалась избежать позора, как боролась и страдала. Теперь он уже не мог отрицать, что его

жену подтолкнули в объятия принца помимо ее воли.

— Вина лежит не на ней, — говорил он матери, — а на мне, и главное — на вас, поскольку именно вы сделали меня слепым, заткнули мне уши и не позволили моей душе внять мольбам и жалобам моей жены! А теперь я овдовел, мои дети осиротели; к тому же я обесчещен, и все оттого, что вы довели честную женщину до отчаяния. И пусть вас простит Бог, если пожелает, — я же никогда не прощу вас и больше не буду видаться с вами!

Затем он взял в руки перо и написал герцогу Савойскому письмо, преисполненное чести и достоинства; в этом письме граф отказывался от всех своих должностей и сообщал о своем намерении уехать из страны. Причину он не называл, но в каждой строке прочитывался истинный мотив его поступка. К несчастью, об этом письме и последствиях решения моего мужа мне стало известно значительно позже; быть может, узнай я об этом тогда, нас мы были бы спасены. В то время еще была такая возможность, и, несмотря на внешние признаки, я не уронила чести мужа: принц не добился от меня ни признаний, ни обещаний. Я приняла его как друга, спасителя, но еще не как любовника.

Герцог Савойский предвидел нечто подобное! Поэтому он строго-настрого запретил посвящать меня в дела мужа. И о том, что произошло, я узнала не раньше, чем через год, от донна Габриеля.

Он рассказал мне об отъезде г-на ди Верруа, и я с облегчением восприняла эту новость. Мысль о том, что при встрече с ним мне придется краснеть, была просто невыносима. Что же касается г-жи ди Верруа, я ненавидела ее со всей страстью опозоренной женщины. Признаюсь, я мстительна, и согласилась одарить герцога Савойского тем, чего он так упорно добивался, лишь после того, как он удалил мою свекровь от герцогини-матери и сослал в самое отдаленное из имений семейства Верруа.

Презрев все мои просьбы, графиня увезла с собой и детей: заручившись запретом моего мужа, она отказалась отдать их, когда я послала за ними.

Ревнивый до безумия, Виктор Амедей был уже уверен в своей победе и заявил, что не может нарушить волю отца; но в глубине души он был счастлив, что мои дети далеко. Он хотел отгородить меня от всего, что было в моем прошлом, и в первую очередь, хотел вычеркнуть из моей памяти соперника, которого я так любила и никак не могла забыть!

— О! Если б я мог обменять половину своих владений на ту часть вашего сердца и вашей жизни, которую он у меня отнял! Я сделал бы это с радостью, — повторял он мне.

Герцогиня первой узнала о том, что случилось.

— Поскольку герцог все равно обзавелся бы любовницей, — просто сказала она, — я рада, что он выбрал госпожу ди Верруа, я на нее за это не в обиде!

XVII

Герцогиня Савойская не забывала, что прежде она звалась мадемуазель Орлеанской; я, кажется, уже упоминала, что она, так же как и ее сестра, ставшая королевой Испании, мечтала о короне и хотела выйти замуж за дофина.

Я только не сказала, что, и после того как она стала женой Виктора Амедея, а ее кузен женился на принцессе

Виктории Баварской, прежняя любовь сохранилась в ее сердце.

Королева Испании позволяла развлекать себя; она же — никогда. Герцогиня думала только о дофине; ее спальня была увешана его портретами; миниатюра с его изображением была спрятана в ее браслете под большим изумрудом, обрамленным бриллиантами, и она не расставалась с ним ни днем ни ночью. С каждой почтой она посылала своему кузену письмо, хотя он отвечал ей довольно редко.

Герцогу Савойскому было это известно, но он, столь ревнивый во всем, прощал жене это невинное развлечение, будучи совершенно уверен, что оно не чревато никакими последствиями; ему, в сущности, было мало дела до сердечных переживаний женщины, которую он не любил.

Герцогиня Савойская очень боялась, как бы ее супруг не попал под влияние какого-нибудь властолюбивого создания, способного отравить ей жизнь, навредить и вытеснить ее. С моей стороны герцогине нечего было опасаться, и она по секрету от всех поговорила со мной, успокоила и попросила дать ей возможность спокойно продолжать ее роман по переписке — большего она не требовала.

Моя жизнь при туринском дворе сложилась настолько хорошо, насколько это было возможно.

Обладание и привычка не охладили пыла принца, напротив, он влюблялся в меня все больше, чтил меня как богиню и подчинялся малейшему моему желанию.

Я была честолюбива и уже не скрывала это; встав на этот новый для себя путь и заполняя пустоту, возникшую в моей душе несмотря на самые трогательные заботы любовника, я занялась делами правления.

В короткое время я приобрела опыт и умение, удивившие даже министров. А герцог Савойский просто млел от восторга и говорил об этом во всеуслышание.

Из чувства изощренной мести я оставила аббата делла Скалья в

Турине.

Я не согласилась отправить его в ссылку, ибо хотела выразить пренебрежение к его ненависти, хотела насладиться его бессилием, проявить в полной мере то презрение к нему, какое он вызвал во мне. Аббат с утра до вечера замышлял всякие козни, настраивая людей против меня и превращая их в моих врагов, и старался всеми способами навредить мне, но, разумеется, не преуспел в этом.

Я стала всемогущей!

Эту змею я топтала ногами, не удостоивая даже взглядом. Она брызгала слюной и источала яд, но не могла ужалить.

Принц Томмазо упорно продолжал навещать меня, давал чрезвычайно полезные советы и, должна признать, частенько оказывал мне услуги. Я изучила его язык и великолепно понимала, что он хотел сказать. Он и дон Габриель бывали у меня ежедневно. Герцогу нравилось встречаться с ними в моих покоях, видеть меня в кругу своей семьи.

Когда у нас родился сын, его приняли как наследника короны. Герцог Савойский признал его и по примеру покойного короля узаконил внебрачного ребенка, не называя имени матери. Он присвоил ему титул маркиза Сузского и отдал ему в удел довольно обширные земли, доход с которых до его совершеннолетия предназначался мне.

Вилла, на которой я жила, была построена для матери дон Габриеля; ее также передали мне. Короче, невозможно описать, как много сделал для меня принц, вдохновленный своей любовью, как снисходителен он был ко всему, что делала я сама, — рассказать обо всем этом просто невозможно.

Он ни в чем мне не отказывал, я решала вопросы о служебных назначениях, со мной считались министры, даже послы обхаживали меня. Я внушала Виктору Амедею, кого надо любить и кого надо ненавидеть. Он советовался со мной во всем; когда герцогине-матери или его супруге надо было чего-нибудь добиться от него, они сначала обсуждали это со мной. Иными словами, я стала полновластной повелительницей Савойи и управляла страной, делая это от имени Виктора Амедея, чрезвычайно тонкого, ловкого и негибкого политика, а одержать такую победу далеко не просто для женщины!

Злоупотребляла ли я этим? Многие утверждают, что так оно и было, но я с ними не согласна. Да, я была высокомерной и властной, не спорю, но всегда старалась быть справедливой и по мере возможности доброй, когда ничто не угрожало моему могуществу и положению. Мне пришлось бороться с сильными противниками, устранять вредные влияния, защищать свои позиции при дворе: окажись я мягче и снисходительней, я бы их

утратила.

Но я старалась внушать герцогу Савойскому достойные его ранга чувства, а точнее говоря, делала все, чтобы в нем сохранились те качества, которые он сам в себе развил.

Принц был человек необыкновенной личной храбрости, а его политическое искусство не подлежит сомнению. Ему приходилось лавировать между своим скрытым тяготением к Австрийскому дому и необходимостью считаться с Францией. Все переговоры ему приходилось вести скрытно. Мы уже видели, как он устраивал их в Венеции, как затеял войну с барбетами, чтобы успокоить Людовика XIV, но вместе с тем чтобы использовать ее в качестве предлога и набрать войска, как это было им задумано.

Одновременно он втайне плел невидимые интриги; при каждом дворе у него были свои соглядатаи; он готовил договоры, которые должны были всплыть на поверхность позднее.

Мне очень нравилось, что герцог посвящал меня в свои дела, в значительной мере заполняя мой досуг.

Посол Франции прослышал обо всем этом, доложил своему повелителю, и очень скоро от короля Франции поступила просьба послать полки пехоты из Пьемонта во Фландрию на борьбу с императором. В тот день, когда пришло это письмо, герцог находился у меня; доложили о приходе посла Франции с депешами от короля.

— О! — воскликнул принц. — Какое-то новое требование от нашего возлюбленного дядюшки! Вы разрешите принять посла прямо здесь? Может быть, мы вместе посмотрим письма?

Я, разумеется, согласилась.

Вошел посол и, обменявшись с герцогом любезностями, вручил депеши. Читая их, принц бледнел и кусал губы — по этим двум признакам можно было судить о его величайшем волнении.

— Что это значит, сударь!? — воскликнул он, сворачивая их. — Король, ваш повелитель, требует ручательств от меня, его племянника?

— Ручательств? Нет, ваша светлость, только помощи, то есть того, что просят у доброго союзника... Ваше высочество усматривает в намерениях его величества то, чего в них нет.

— Мой августейший дядя хочет разоружить меня окончательно, чтобы быть полностью уверенным в моем нейтралитете на время ведения затеянной им войны. Да будет так! Я пошлю во Фландрию три полка — это все, что я могу сделать в данное время.

— Боюсь, что его величество, прекрасно осведомленный о том, какими

силами располагает ваше высочество, не будет доволен такой малостью.

— Савойя — бедная страна, сударь. И у ее герцога, в отличие от короля Франции, нет подданных и сокровищ, предназначенных для того, чтобы разбрасывать их по полям сражений. Возьмите то, что я могу дать, и оставьте мне необходимое для защиты моей собственной страны. Географическое положение ее таково, что против нас могут быть направлены контрудары; у меня могущественные соседи, они готовы выступить в любое время и отыгаться на мне, но я не сдамся без боя и спасу свою честь, если это единственное, что я могу спасти.

Послу пришлось — ничего не поделаешь — согласиться. Обменявшись с герцогом еще несколькими незначащими фразами, он удалился, но в прихожей осведомился, в какие часы я бываю одна, поскольку ему необходимо поговорить со мной без свидетелей.

Мой конюший ответил ему, что определенного часа назвать не может, ибо его высочество приходит ко мне по нескольку раз в день и часто вовсе не покидает «Отраду», как он назвал мой дом. Посол ответил, что он пришлет узнать, каковы будут мои распоряжения.

Все это мне тут же пересказали, и я немедленно поделилась с герцогом услышанным. Он очень просил меня принять посланника Франции и проникнуть в его намерения. Таким образом мы могли бы узнать много полезных подробностей и действовать с большей уверенностью.

В тот же вечер посол попросил об аудиенции и немедленно получил ее. Чтобы лучше разыграть комедию, посол советовал мне не говорить герцогу

Савойскому о своем письме и о том, что за ним последовало; я отвечала с той же откровенностью. В политике так часто бывает: вы ошибаетесь, полагая, что вас разгадали, и надеваете маску, которую сами же и срываете, притворяясь, будто верите, что она у вас еще на лице.

Посол пришел ко мне на официальные переговоры от имени короля, своего повелителя. Его величество желал точно знать, каковы намерения герцога. Ему не хотелось думать, что родственник и союзник мог отвернуться от него, и тяжело было принимать суровые меры, поэтому он решил, что я, его подданная по рождению, питая к Франции привязанность, естественную для всех благородных сердец, буду защищать интересы своей родины.

— Мой прославленный повелитель знает, какой чести, какого внимания удостаивает вас его королевское высочество герцог Савойский, сударыня; ему известно, что вы этого вполне заслуживаете, ибо в высшей степени обладаете благоразумием и высокими добродетелями, блестяще;

воплотившимися в вас. Его величество рассчитывает на вашу преданность и мудрость, надеясь, что вы сумеете объяснить герцогу Савойскому, с какой стороны его ожидает слава и процветание. Его величество король Франции не раз осыпал его милостями, герцог многим ему обязан, не смею думать, что он забыл об этом, но все же...

— Сударь, я, как велит мне долг, очень благодарна за? честь, которой удостоивает меня его величество король, Франции, и, хотя очень далека от сложнейших проблем,, возникших в настоящее время, могу заверить вас, что если его светлость герцог Савойский соблаговолит узнать мое скромное мнение, то я не дам ему совета, от которого могли бы пострадать его слава или его интересы.

— Я еще не выполнил моей миссии, позвольте же завершить ее. Мой повелитель, король Франции, очень хотел доставить вам удовольствие; высоко оценивая ваши достоинства и питая глубокое уважение к герцогу де Люину и всей его семье, он поручил мне передать вам свой портрет, усыпанный бриллиантами; такие портреты он посылает тем, кому желает оказать особую честь. Вот этот портрет; вы, конечно, узнаете короля, ибо в детстве имели честь неоднократно лицезреть его величество, не так ли?

Я приняла подарок так, как он заслуживал быть принятым, но ничего не предложила взамен — ни обещаний, ни откровений.

Перед уходом, в промежутке между двумя поклонами, несколько раздосадованный посол произнес — как бы под занавес — следующую фразу:

— Война во Фландрии, без сомнения, продлится долго и будет смертоносной; три полка — это очень мало; я думаю, что герцог Савойский должен держать наготове несколько других: они скоро потребуются.

В этих словах было сказано все; я поняла их смысл, но чтобы не выдать себя, ничего не ответила; господин посол лишь еще раз улыбнулся в ответ на мой любезный поклон. Я с нетерпением ждала принца — как и я, он понял всю важность этого предостережения.

— Ему хочется разоружить меня, это ясно, он боится меня. Наверно, он разгадал мои намерения, а может быть, кто-то предал меня. Но Небом клянусь, того, чего он хочет, не будет. Мое государство невелико, согласен, но, каким; бы оно ни было, я получил его от моих предков, владевших им благодаря Богу и собственной шпаге; я буду защищать мою страну от всех посягательств, от всех захватчиков. И я передам ее в наследство моим детям, не утратив ни одного замка; напротив, я расширю ее территорию, если жизненные обстоятельства мне это позволят, и докажу, что достоин имени, которое ношу; дорогой дядюшка вернет мне мои славные крепости

Барро, Пинероло и Касале; я отниму их у него, иначе его солдаты все разрушат; я клянусь вам в этом, а вы знаете, что моей клятве можно верить.

Признаться, я восхищалась его горделивыми речами; не испытывая к Виктору Амедею любви, равной его чувству ко мне, я все же сильно привязалась к нему. Во всяком случае, я любила достаточно, чтобы выступить на его стороне против короля, родины и всех моих родных.

Я обожала наших детей; потеряв малюток, которых у меня отобрали, я изливала на этих нею свою нежность; их родина стала моей родиной, и их отец, совершенно естественно, был для меня самой главной опорой в жизни. Поэтому, пользуясь своим влиянием, я всей душой поддерживала его начинания и вдохновляла его. Людовик XIV хотел завладеть Савойей, домогался ее, она была ему по вкусу; она могла стать чудным украшением его короны, а мы хотели сохранить ее. И сохранили, хвала Небесам!

Я говорю об этом так, как сказала бы тогда, как если бы еще обитала в «Отраде»... Забыты мои шестьдесят пять лет и то, что я нахожусь в Париже, что мои дети оплатили мне неблагодарностью, а Виктор Амедей отчитывается на том свете перед Богом, который судит королей. Воспоминание — великое чудо.

Полки действительно ушли; среди них был и полк г-на ди Верруа.

Мой муж стал служить Франции, где он пользовался уважением, что тем более наносило ущерб уважению ко мне, ибо во всем нашем разладе обвиняли лишь меня; но так происходит всегда, когда человеку не свойственны те пороки, которые приписывают ему все, и когда нужно проникнуть в его сердечные тайны, чтобы судить о нем справедливо.

Я пала по вине мужа — это была чистая правда, — однако осудили только меня. К счастью, есть Божий суд. Я не стану просить Всевышнего наказать г-на ди Верруа, но я требую, чтобы и вину и кару мы разделили по справедливости; я достаточно каялась и том, что совершила, и потому надеюсь на прощение.

Несмотря на обманчивые свидетельства доброго согласия с Людовиком XIV, наши переговоры шли своим ходом.

Переписка не прекращалась; были перехвачены два курьера с малозначащей корреспонденцией; но этого было достаточно, чтобы вновь возбудить едва развеявшиеся подозрения; мы поняли это сразу, однако были еще не совсем готовы сбросить маску и не знали, как выиграть время до тех пор, пока препятствия будут устранены.

Как-то вечером герцог, дон Габриель, принц ди Кариньяно и несколько друзей его высочества обсуждали в моих покоях создавшееся положение; внезапно дверь распахнулась и на пороге появился закутанный в плащ, с

ног до головы забрызганный грязью мужчина в дорожных сапогах — вылитый вестник беды.

Герцог Савойский, в высшей степени озабоченный тем, чтобы все относились ко мне с должным почтением, поднялся, пылая гневом, и спросил, что это за наглец, позволяющий себе появляться передо мной в таком виде.

— По правде сказать, наше высочество, это я, — раздался голос, который мы тут же узнали. — Я не удосужился сменить одежду, это правда, и приношу свои извинения вам и госпоже графине, но я подумал, что в нынешних обстоятельствах не буду из-за этого принят менее доброжелательно.

Перед нами был принц Евгений.

Он без передышки мчался из Вены и на последней почтовой станции, не в силах сдержать нетерпение, сел верхом на коня в надежде добраться до Турина побыстрее и застать всех нас вместе.

— Я привез очень важные новости! — сказал он. — Можно ли сообщить их прямо здесь или вы предпочтете переговорить со мной в уединенном месте?

— Дорогой кузен, упаси меня Бог сравнивать себя с Карлом Великим, однако у меня, так же как у него, есть свой круглый стол и свои храбрецы, без которых я не смог бы ничего предпринять и от которых я ничего не скрываю. Говорите же.

— Другого я не ожидал от вас, мой доблестный кузен; поэтому немедленно подчинюсь вашему приказу, если только госпожа графиня соизволит распорядиться, чтобы мне подали что-нибудь посущественнее этих вот пустяков. Я умираю от голода и могу рассказывать и есть одновременно, ведь я из тех, кто умеет делать несколько дел сразу.

Его просьба была немедленно исполнена. Как только слуги удалились, он обернулся к герцогу, с трудом сдерживавшему нетерпение.

— Сударь, — сказал принц Евгений, — вы послали три полка королю Франции, не так ли?

— Именно так.

— Намерены ли вы оголить ваши города и предоставить в его распоряжение остаток вашей армии?

— Нет, я так не полагаю.

— Угодно ли вам отдать ему крепости Турина и Верруа в виде залога, подтверждающего вашу приверженность нейтралитету и союзническим обязательствам, в которых вы ему поклялись?

— Ей-Богу, нет!

— Тогда вы должны быть готовы к тому, что маршал де Катина выйдет из крепости Касале со значительным войском и попытается сам захватить то, в чем ему будет вами отказано; только потом вам уже ничего не вернут и ваши замки, которые служат для защиты от врагов, окажутся завоеванными.

— Вы определенно уверены в этом?

— Я срочно выехал из Вены, чтобы предупредить вас. Королю Франции прекрасно служат; императору — еще лучше, поскольку пока он еще не считает себя солнцем и не гнушается оплачивать маленькие услуги так же хорошо, как большие.

— Как скоро это произойдет?

— Все может случиться завтра или сегодня вечером... Я удивлен, что до сих пор это не произошло.

— Ну что ж, дорогой кузен, все потеряно, кроме чести! Клянусь Богом, я буду защищаться и так просто не уступлю.

— Я был в этом уверен.

— Я еще не совсем готов, жду...

— Вы ждете того, что я привез вам, сударь. Я не исполняю роли курьера по мелочам. Наш союз с королем Испании заключен три дня назад; вот копия договора, посланного из Вены в Мадрид; к нему прилагается договор с императором, а это — документы, подтверждающие обещания поддержки со стороны Англии и Голландии. Как только вы выскажетесь за коалицию, они подпишут договора.

— Но, сударь, король Франции — у моего порога, а Испания, Империя — далеко отсюда, могу ли я решиться на такой риск?

— Вы еще сомневаетесь! Но дослушайте остальное. Наместник Миланского герцогства уже получил приказ прислать вам шесть тысяч всадников и восемь тысяч пехотинцев. Четырехсторонний союз гарантирует вам, кроме того, ежемесячную денежную помощь в тридцать тысяч экю для оплаты армии, которую вам удастся набрать. Наконец, вашему кузену и покорному слуге поручено командование этой маленькой армией, если только вы не воспротивитесь этому.

— Слава Богу! Все идет как нельзя лучше! Однако я не могу передать своих храбрецов даже вам, дорогой кузен, и остаться не у дел, когда столько друзей готово защищать меня.

— Ваше высочество займет пост, достойный главы Савойского дома и соответствующий вашим заслугам. Вы назначены верховным главнокомандующим союзнических войск, о чем свидетельствует вот этот

документ, который его величество император поручил мне передать вашему высочеству.

Все произошло как по мановению волшебной палочки; замышлялось это уже давно, и мы очень надеялись, что наши ожидания увенчаются успехом; но то, что все осуществилось вот так, сразу, и в такой подходящий момент, было похоже на чудо. Лица присутствующих осветились радостью, гости встали с бокалами в руках и в общем порыве провозгласили:

— Да здравствует его высочество герцог! Виктор Амедей знаком попросил их помолчать.

— Воодушевление ослепляет вас, — сказал он, — мы не одни, и все это должно остаться в тайне. Мне необходимо провести переговоры; подождем Катина и встретим его без страха, мы с ним уже знаем друг друга и умеем обмениваться любезностями. Но как же так случилось, мой милый кузен, что эту миссию возложили на вас, а мой посланник в Вене не предупредил меня об этом?

— А как, черт возьми, он успел бы сделать это? О намерениях короля Франции стало известно лишь несколько дней назад, и было принято решение, о котором я только что сообщил вам; существовало сомнение, согласитесь ли вы на это; я поручился за вас и приехал для того, чтобы вы подтвердили мою правоту.

— Спасибо, дорогой кузен, я вам признателен за это.

— И, надеюсь, вы никогда во мне не разочаруетесь; я всего лишь младший отпрыск вашего славного рода, отпрыск, которого великий король прогнал прочь, решив, что тот неспособен послужить ему; но, клянусь Небом, я или утрачу право носить это имя, которым дорожу больше жизни, или возвеличу его так, что весь мир вынужден будет считаться с младшими отпрысками Савойского дома, как со старшими сыновьями монарших фамилий.

Тот, кто произнес такую речь, как известно, со славой сдержал слово. Остаток ночи прошел в разговорах и обсуждении средств нападения и защиты. Я принимала в них живое участие и не хотела оставлять принца.

Утром доложили о приезде посланника от Катина.

Герцог Савойский вернулся в Турин, чтобы принять его во дворце, предполагая, что тот, без сомнения, пожелает увидеть герцога ню-мать и герцогиню Савойскую; я посчитала своим долгом последовать за герцогом, то есть отправилась в свой дом в Турине, где появлялась только в подобных обстоятельствах. Мне хотелось иметь возможность все знать.

Посланника принимали, казалось бы, как друга, но следили за ним со

всех сторон. Он привез уже известные нам предложения; только способ их изложения стал совсем иным. Катина, отправившийся из Дофине и продвинувшийся до Авиляны, где в это время он разбил лагерь, потребовал от герцога Савойского прислать государственного министра, чтобы тот выслушал распоряжения короля Франции.

Выдержать такое было тяжело, и Виктор Амедей не проглотил обиды.

Он чрезвычайно гордо заявил, что ни его величество король Людовик XIV, ни прежние короли, чьим наследником он является, не позволяли себе относиться к герцогам Савойским со столь недопустимым высокомерием. И добавил, что охотно пошлет к маршалу государственного министра, но не для того, чтобы получать приказы, а чтобы, выслушав предложения короля, выдвинуть наши условия.

Посланник не был уполномочен добиваться большего. Он вернулся к маршалу; туда же, для того чтобы выиграть время, послали государственного министра, и тот нарочно сделал ряд неприемлемых предложений в ожидании времени, когда приказы, посланные в Милан, и договор, подписанный 3 июня с членами Аугсбургской лиги, вступят в силу. Поскольку, несмотря на все старания и подготовленность графа фон Брандиса, полномочного представителя герцога в Милане, а также усилия принца Евгения, предварительные переговоры несколько затягивались, было решено доиграть комедию до конца и направить в Париж старого маркиза ди Сан Томмазо, изворотливого и ловкого посланника, чтобы сбить с толку французов и отвести подозрения. Ему было приказано делать все, чтобы получить отказ, но создавать впечатление, что, напротив, он готов выдвинуть самые скромные и смиренные требования.

Маркиз не сумел получить даже аудиенции, настолько рассержен был король. Наш посланник с большим усердием разглагольствовал о том, как он огорчен этим, как сочувствует своему несчастному повелителю, который, следуя долгу, не мог пренебречь интересами своих подданных, ибо он поклялся защищать их и только поэтому вынужден вступить в размолвку с дорогим его сердцу и прославленным дядей.

Получив приказ уехать, маркиз с большим шумом отправился в путь, но покидал Францию с показным сожалением и не торопясь в течение первых двух дней путешествия.

Однако, оказавшись вне опасности, он, пересекая Швейцарию, помчался во весь опор, чтобы его не задерживали, и очень скоро прибыл в Турин, где мы с нетерпением ждали его. Этот день, один из самых прекрасных в моей жизни, я не забуду никогда.

Герцог Савойский приказал устроить для меня потайную лестницу, по

которой я поднималась в его покои никем не замеченной. В эти переломные дни у него не было времени приезжать в «Отраду». Я находилась в моем тайном убежище, которое состояло из двух комнат, отгороженных от одного из его кабинетов. Когда приехал маркиз Ди Сан Томмазо, герцог был у меня.

Как только доложили о маркизе, принц вышел и встретил его прямо на пороге.

— Ну как? — спросил он.

— Все идет превосходно, ваша светлость, меня прогнали. Я предпринял некоторые шаги от имени вашего высочества, подождал, пока меня призовут, но никто не пожелал этого сделать; я на это и рассчитывал и вот стою перед вами.

— Браво, маркиз! — воскликнул герцог, сияя от радости. — Браво! А из Милана вышли подкрепления; их ведет мой отважный кузен, и скоро они будут здесь. Больше я не стану ждать и объявлю свою волю. Сегодня вечером во дворец съехалось большое число дворян; они ждут меня в парадном зале; я немедленно иду туда и объявлю моим подданным, что должно произойти. Следуйте за мной, маркиз, вы можете мне понадобиться. А вы, графинюшка, вы, мой ангел-хранитель и моя Эгерия, идите на вашу галерею, где вас никто не заметит, а вы будете видеть всех. Я буду знать, что вы рядом со мной, слышите меня, и это придаст мне смелости и решительности.

Он соорудил для меня решетчатую галерею, где я сидела во время всех церемоний, оставаясь невидимой. Я поспешила туда, чтобы занять свое место до того, как он появится в зале. Принц пошел к герцогине-матери и герцогине-супруге, чтобы принести им извинения за то, что поневоле вынужден нарушить мир между дворами Савойи и Франции, длившийся шестьдесят лет. Он просил у них прощения, сознавая, что причиняет боль, связанную с их родственными привязанностями, но забота о собственной славе и интересах государства требует этого.

Тем временем я вошла в зал.

Сначала меня оглушил царивший здесь шум. Все разговаривали одновременно, царило полное единодушие, глаза присутствующих горели, все отчаянно жестикулировали; я очень плохо различала голоса, так велик был этот гомон; но мне послышались угрозы, злобные выкрики в адрес короля и грозные призывы, по сравнению с которыми бахвальство гасконцев выглядело бы приветствием.

Вскоре один возглас заглушил голоса всех остальных:

— Герцог! Герцог! Его высочество! Сейчас он объявит войну,

благослови его Бог!

Мы, французы, даже представить себе не можем, как ведут себя южане в состоянии ярости или радости: их необузданность кажется нам безумием, и, становясь ее свидетелями, мы всегда пугаемся.

Однако в тот миг уважение одержало верх над воодушевлением, и, когда появился Виктор Амедей, все смолкли; но что это было за молчание! Как оно было красноречиво! Какими выразительными были глаза! Какими вызывающими и воинственными были позы! Сколько нетерпения было в каждом жесте!

Герцог был благороден и горд, глаза его сверкали.

Он с непривычно решительным видом поднялся на трон и, вместо того чтобы сесть, как того требовал этикет и как он обычно делал, продолжал стоять, сняв шляпу, а затем, повернувшись к двум или трем епископам, стоявшим рядом с троном, сказал:

— Господа, помолитесь за нас Богу, чтобы он ниспослал удачу нашей армии, ибо я намерен объявить войну королю Франции.

И тут же беспорядочный шум в толпе собравшихся, еще мгновение назад так отчаянно споривших между собой, превратился в единодушный порыв:

— Ура! Ура!

Из моих глаз невольно потекли слезы, так как в эти минуты и принцы, и подданные были великолепны. Виктор Амедей обнажил шпагу и поднял ее жестом повелителя. На несколько минут воцарилось такое неистовство, что тем, кто не принимал в нем участия, могло показаться, будто все присутствующие сошли с ума.

Наконец было объявлено, что герцог хочет говорить, и все замолчали так же быстро, как начали кричать.

— Господа, — начал Виктор Амедей, — я должен сообщить вам о причинах, вынудивших меня решиться на столь важный шаг. Милостью Божьей и по праву наследования это славное герцогство принадлежит мне. Никогда еще ни одно человеческое существо не унижало Савойский дом и его верных подданных, и никогда никто из живущих, как бы велик он ни был, не унизит его. Король Франции хочет посягнуть на мою честь, значит, и на вашу тоже. Он хочет провезти меня за своей колесницей как раба; он хочет отнять у меня мои города и замки; он хочет, чтобы я заплатил моей казной и кровью моих подданных за распри, вызванные его честолюбием; он хочет, чтобы я подчинялся его надменным приказам. Так могли я поступить иначе? Смириться с оскорблениями и служить его интересам только потому, что мы соседи и он могущественнее меня?! От одной этой

мысли кровь закипает в моих жилах.

Возгласы присутствующих, прервавшие его речь на несколько минут, доказали герцогу, что они возмущены даже больше, чем он.

— Он угрожал мне, поскольку я отказался подчиниться, но я не утратился этих угроз, возлагая надежду на отвагу и преданность моего доблестного дворянства; полагаясь на него, я ощущаю себя сильнее короля. Ошибаюсь ли я, господа?!

— Нет! Нет! В армию! К границам! Отправляемся немедленно!

— Не сейчас! Наши союзники приближаются, мой кузен принц Евгений Савойский идет к нам на помощь ускоренным маршем. Союзники предоставили в мое распоряжение войско и деньги: народу придется дать мне не так уж много.

— Простите, ваша светлость, — перебил его князь делла Цистерна, — хотя Пьемонт и небольшое государство, оно борется за свою честь и не должно просить милостыню ни у какой могущественной державы. Ваше высочество богаты, и у нас, знатных дворян, есть земли и значительные доходы. наших средств хватит на все; верните деньги союзникам. Мы заплатим, не правда ли, господа?

Если бы в эту минуту герцог потребовал луну с неба, они достали бы ее. Все старались перекричать друг друга, но сделали больше: в мгновение ока все карманы были вывернуты, к подножию трона стали падать кошельки, а за ними — драгоценные украшения, часы, кольца, даже крест ордена Благовещения, усыпанный бриллиантами.

Отдав все что мог, один из дворян решил написать на клочке бумаги обязательство выплатить большую сумму из земельных доходов, и тут же остальные последовали его примеру. Никогда еще сбор средств не проходил так быстро.

На канцлера, принимавшего пожертвования, была возложена ответственность за них. Не зная, как выразить свою радость и признательность, герцог дал всем возможность поцеловать его руку; некоторые подносили к губам край его накидки; картина была очень трогательной и глубоко взволновала сердца присутствующих.

Встреча с дворянством длилась не более получаса. Но она оказалась более насыщенной, нежели многие бесконечные заседания. Виктора Амедея чуть ли не на руках отнесли в его покои; я бросилась туда: счастливый принц желал меня видеть. Стоило мне появиться там, как он бросился в мои объятия с возгласом:

— Это ваша заслуга; вы сделали меня отважным и решительным, вы научили меня любить моих подданных и защищать их; так разделите со

мной мое счастье и все, чем я вам обязан.

Любовь все приписывает любви, и если принц желал стать великим, то только ради меня, ради того, чтобы я его больше любила, — такое чувство порождает героев.

В тот же вечер народу был оглашен манифест, и он был воспринят еще восторженнее.

Толпа носилась по улицам с криком: «Смерть французам!» — и бряцала оружием, угрожая банкирам и различным торговцам, постоянно приезжавшим в Турин из Франции.

Пришлось отобрать ружья и шпаги у тех, кто не был ополченцем или солдатом, иначе война началась бы со второй Сицилийской вечерни.

Я спрятала у себя в Турине и в «Отраде» многих моих соотечественников и изыскивала для них возможность покинуть Пьемонт; без этих предосторожностей взбунтовавшийся в первый момент сброд разорвал бы их на куски.

Герцог был бы тогда безутешен, а я тем более.

XVIII

Собираясь уезжать, герцог расставался со мной впервые с начала нашей любви. На фоне его славы и восторга это причиняло ему жестокую боль.

Следуя примеру Людовика XIV времен его молодости, он задумал привезти с собой в армию дам и сражаться у меня на глазах; но мне было известно, какому осуждению были подвергнуты такие поступки великого монарха, и я не хотела, чтобы Виктор Амедей уподобился ему.

Было решено, что я останусь в Турине и, никуда не выезжая, буду за всем наблюдать и сообщать герцогу, что происходит в его отсутствие.

Принц еще не сталкивался с войной и сражениями и, тем не менее, шел навстречу опасности со спокойной отвагой, что бывает особенно редко и достойно уважения, если при этом человек руководствуется разумом. Он прекрасно понимал, что ему угрожает, и тревожился вместе со мной.

Наконец роковой день настал: герцог уехал! Я разволновалась не меньше его, когда, поцеловав меня, он произносил душераздирающие и страстные слова прощания и повторял, что, быть может, не увидит меня больше.

То был единственный миг слабости, и скрыть его ему не удалось; его последние слова, обращенные к матери, звучали так:

— Сударыня, если я не вернусь, будьте великодушны к графине ди Верруа. В то время мы очень страдали в Турине, главным образом потому, что испытывали тревогу, хотя город усиленно охранялся, ополченцы были преисполнены мужества, а около крепостных стен все было должным образом подготовлено к обороне.

Однако я почувствовала, какие беды нас ожидают впереди, когда на моих глазах стала меняться обстановка и принц Евгений, вместо того чтобы командовать войсками, вернулся в Вену, а на его месте оказался генерал Караффа, — правда, тогда говорили, что временно, — но самое главное, когда я увидела, что авторитет герцога, названного верховным главнокомандующим, остается ничтожным и совершенно призрачным.

И в самом деле, в скором времени мне стало известно о поражении принца в битве под Стаффардой. В первую минуту меня охватил порыв мчаться к нему, но я не решилась на этот шаг. Я все еще опасалась распрей с членами его семьи и, хотя меня обвиняли в неоправданном высокомерии, старалась быть скромной и смиренной по отношению к герцогине

Савойской и тщательно избегала любого повода, способного вызвать ее недовольство; в данном случае я снова сдержала себя, чтобы не ранить ее.

Посла Франции отвезли в замок Иврея, подвергнув тем же притеснениям, которые выпали на долю маркиза д'Ольяни, посланника герцога в Париже.

Меня немного мучило это обстоятельство; но никакое страдание не могло сравниться с тем, что испытала я, узнав о поражении принца.

Он писал мне душераздирающие письма; ему пришлось собрать все свои душевные силы и мудрость, чтобы перенести невзгоды.

Надежду и веру он возлагал только на Бога и на собственную шпагу.

Увы! Несмотря на это, у него отобрали крепость Сузу — ключ к его владениям; вынудили взорвать несколько крепостей, потеря которых была очень нежелательна; его преследовала бесконечная череда бед, невероятно досадных для начала войны.

Когда мы снова встретились, он был неузнаваем, так изменило его страдание.

— Примете ли вы того, кто потерпел поражение? — спросил он меня по приезде.

— С большей радостью, нежели победителя, — ответила я, — поскольку могу надеяться, что он нуждается во мне.

Он долго держал меня в своих объятьях, а когда отстранился, мне показалось, что глаза его были полны слез.

— Я несчастен, — добавил он, — но не пал духом; несмотря на осеннюю пору, наши войска все еще продолжают кампанию, и какие войска! Эти злополучные вальденсы и барбетты, которых мой отец и я преследовали по наущению нашего общего врага, сегодня захватили Барселоннет и Мон-Дофен; они повсюду облагают контрибуцией население и опустошают Дофине, оставленное им мною. Разве пощадят они мои савойские долины?.. О сударыня! Всею виной — честолюбие Людовика Четырнадцатого, на что только не обрекает он нас, вынуждая защищаться!

Зима прошла грустно, в разнообразных делах и приготовлениях; герцог успевал повсюду одновременно.

Катина попытался неожиданно напасть на наши войска в долине Аосты. Бдительность пьемонтских офицеров помешала осуществлению планов противника, однако маршал сосредоточил все свои усилия на Турине и угрожал осадой города; если бы он взял его, все погибло бы. Поэтому город стали укреплять, в него свозили запасы продовольствия, вооружали всех, кто способен был сражаться; передвижения войск, марши, учения не прекращались.

Я ни на секунду не оставляла Виктора Амедея и, переодевшись в мужское платье, сопровождала его даже во время поездок в военный лагерь, ехала на коне рядом с ним; он просил меня об этом, и у меня не было сил ему отказать. И без того ревнивый от природы, он стал особенно подозрителен после всех этих несчастий и, прекрасно понимая, что я не испытываю к нему такого же сильного и нежного чувства, как он ко мне, бесконечно повторял одно и то же: что я покину его, что он, возможно, лишится своих владений и тогда уж безусловно потеряет меня.

— Вы же ценили меня не как человека, а как монарха и защитника, но если я утрачу власть, не оттолкнете ли вы меня, сударыня?

Чтобы убедить его в обратном, мне пришлось сопровождать его повсюду. Солдаты с интересом разглядывали меня: одни говорили, что я госпожа герцогиня, другие — что я любимый паж герцога.

— Скорее всего, это его подружка, — сказал один догадливый сержант.

— Девица или дьявол, — подхватил другой солдат, — но она не знает страха; я выстрелил из мушкета совсем рядом с ней, а она и глазом не моргнула.

Я действительно ничего не боялась и, следуя за герцогом, подъезжала совсем близко к вражеским постам; он очень гордился мною, хотя и трепетал от страха за меня.

С наступлением весны военные действия возобновились.

Несчастный случай, взрыв порохового погреба, позволил французам завладеть Ниццей; таким образом в их власти оказался проход через Апеннины и Южные Альпы. Граф де Вруссак, все тот же храбрый полковник, которого я уже упоминала и которому оказывали содействие граф Приура и шевалье ди Виллафалетто, очень долго держался в этой крепости и, не случись такого несчастья, продержался бы еще дольше; он считал большой удачей, что ему удалось добиться почетной капитуляции и уйти с оружием, с обозами, с барабанным боем и под развернутыми знаменами. Отступив к Онелье, он через несколько дней доказал свою отвагу, дав там ответный бой. На каждом участке сражения его солдаты проявляли чудеса доблести и храбрости, однако, к несчастью, совершенно безуспешно.

Принц Евгений постоянно сообщал о своем возвращении, и постоянно его удерживали непредвиденные обстоятельства. Его направили в другую армию, хотя он просил послать его к нам: он очень любил Савойский дом и считал своим долгом поддерживать его главу. Принц прибыл в Стаффарду во время того злополучного сражения, но было слишком поздно; вскоре он

покинул нас.

Наконец принц Евгений вернулся и от имени императора вручил Виктору Амедею титул королевского высочества, которого герцог жаждал больше всего на свете; этот титул присваивали ему то там, то здесь просто так, в качестве любезности, ибо герцог не имел на него никакого права. Эта радость вселила в него некоторую надежду; принц Евгений, однако, не скрывал трудностей сложившегося положения. В те дни безудержная и неистощимая веселость этого человека были необходимы Виктору Амедею, чтобы выдержать его тяжелую ношу.

Каждый день противник вырывал по одному из украшений его короны; герцог просто погибал от ярости и отчаяния.

Овладев Ниццей, Катина совершил прорыв через Авильяну и взорвал ее укрепления, дошел до Риволи и сжег этот прелестный дворец, любимое обиталище герцога!

Я находилась рядом, когда принц, стоя на высотах Турина, смотрел, как горит столь дорогая ему вилла; тогда-то он и произнес замечательные слова:

— Если Богу угодно, пусть все мои дворцы вот так же обратятся в пепел, лишь бы враг пощадил хижины моих крестьян!

Но враг не пощадил их: Савойя превратилась в груды дымящихся развалин и даже Турин оказался под угрозой. Весь город был охвачен тревогой. Супруга герцога была на шестом месяце беременности и ужасно испугалась; вместе с герцогиней-матерью она уехала в Верчелли, и все лишние рты последовали за ней; в городе остались лишь мужчины, способные носить оружие, несколько преданных и отважных женщин и я, поклявшаяся не покидать своего возлюбленного.

Принцу Евгению удалось одержать небольшую победу над французами, устроив им засаду; для него это было величайшей радостью, ведь он всей душой ненавидел их.

— Я услышал, как они приближаются, по своей фанфаронской привычке распевая песни: конечно, они ни о чем не догадывались! Мы их быстро схватили; к сожалению, мои солдаты обошлись с ними как с турками, что, на мой взгляд, непорядочно: я без конца повторяю им, что христиан надо щадить, — рассказывал он.

Отвага этого молодого человека могла сравниться лишь с его талантом полководца; он всегда находился в самой гуще боя, и чуть ли не каждая схватка заканчивалась для него по меньшей мере одной раной, так что, если дело ограничивалось лишь несколькими пулями, застрявшими в его одежде в ходе сражения, это можно было считать большим везением.

Принц Евгений обладал редкостной способностью на глаз определять надежность укреплений и оценивать обстановку; ему было достаточно одного взгляда на позиции, чтобы предсказать поражение или победу. К несчастью, герцог менее осторожный, или, скорее, более оскорбленный, и под Стаффардой и под Марсальей отказался верить принцу.

Рядом с принцем Евгением находился один из его ближайших друзей — князь де Коммерси, принадлежавший к Лотарингскому дому и соперничавший с принцем в храбрости и даже безрассудстве. По-моему, в Турции, во время осады Белграда, молодой человек получил тяжелое ранение; ужасный удар был нанесен дротиком в ту минуту, когда де Коммерси отнимал у турок их флаг; в одиночку, со шпагой в зубах, держа по пистолету в каждой руке, он бросился в гущу вражеской армии, чтобы добыть турецкий флаг, и сделал это только потому, что корнет его полка позволил туркам отобрать у него свой. О, как великолепна, как безрассудна молодость!

Оборонительные сооружения на туринском холме, стали, можно сказать, неприступны. Двадцатитысячное войско разбило лагерь вокруг города: то были солдаты из Испании, Вюртемберга и Савойи. Ждали курфюрста Баварского, герцога Шомберга и князя Караффу; они прибыли, и, в то время как мы каждый день готовились к нападению, Катина, по своему обыкновению, перехитрил нас, напал на Карманьола и взял ее после двух дней осады, подкреплённой предательством, которое окружало нас со всех сторон.

Удар был ужасный: Карманьола была житницей, плацдармом, одной из важнейших стратегических позиций страны. Узнав о ее потере, Виктор Амедей на несколько минут ушел в себя, но очень скоро мужество вернулось к нему, и он тут же отдал приказ действовать решительно.

Крепости, которые невозможно было защитить, становились оплотом противника, и герцог принес в жертву те из них, что казались ему бесполезными; Кераско и Кивассо были разрушены, а все силы для отпора врагу сосредоточены в Кунео.

С начала кампании этот город отражал любые атаки; его защищали лишь собственные жители и несколько отрядов крестьян из соседних деревень, в том числе восемьсот вальденсов под командованием их знаменитого главаря, которого, помнится, звали Гильельмо. О нем рассказывали самые необыкновенные, самые легендарные истории и даже слагали песни.

В осажденном городе командовал граф делла Ровере, а граф ди Бернеццо во главе трех савойских полков и подразделений союзников

нашел способ проникнуть в крепость и присоединиться к ее защитникам. Поскольку его высочество не смог из государственных средств укрепить оборонительные сооружения, жители города сделали это своими силами и на свои деньги, что свидетельствует о большой преданности этих провинций их повелителю.

Принц Евгений, напуганный этими поражениями, срочно выехал в Вену, чтобы просить там помощи; он немедленно получил ее и вернулся с триумфом; в сущности, он изменил ход событий. Карманьола была возвращена; теперь поговаривал и о том, что пора брать Ниццу, нашу жемчужину, и вырвать Монмельян из рук врага, оберегавшего его; но Караффа ненавидел Савойский дом, и прежде всего принца Евгения, завидуя ему: он всячески противодействовал его планам, и в конце концов Виктор Амедей, преисполнившись досады и возмущения, удалился в Венецию.

Мы были доведены до крайности: Монмельян, выдержав героическую оборону, ужасный голод и тридцатитрехдневную осаду, вынужден был сдаться. С тех пор Савойя принадлежит французам.

Однако Кунео удалось спасти. Вслед за графом ди Бернеццо, который ввел туда три упомянутых нами полка, в город вошел граф Коста, затем граф Каретто — и оба во главе новых подкреплений: сделать это удалось благодаря вылазке; женщины, дети, священники, монахи, старики — все помогали обороняться. Четыре тысячи французов полегли под городскими стенами, но оставшиеся не снимали осаду, и, если бы принц Евгений не догадался обмануть их ложной вестью о громадном подкреплении, они конечно же не покинули бы своих позиций, как это было ими сделано.

После снятия блокады герцог изъявил желание посетить этот город и попросил меня сопровождать его (о герцогине даже не было речи, как будто ее никогда не существовало). Облаченная в одежду для верховой езды, я ехала рядом с его высочеством, что было небезопасно: армия противника еще удерживала поле боя и свирепствовала повсюду; продвигаясь все дальше, мы воочию убеждались, каким опустошениям подверглась несчастная страна, и это зрелище разбивало нам сердца.

По пути мы встретили крестьян-беженцев; узнав своего повелителя, они бросились к его ногам и оросили их слезами:

— Ваша светлость, ваша светлость, пожалейте нас! У нас все отняли.

— Увы, дети мои! — отвечал принц, рыдая вместе с ними. — Моей вины тут нет, Бог тому свидетель; но если б понадобилось заплатить своей кровью за все ваши страдания, я бы не поскупился отдать ее. Но теперь я могу дать вам только это... Берите, берите.

И он высыпал перед ними все золото из туго набитого кошелька, а затем, разорвав цепь ордена Благовещения, которая была у него на шее, раздал им все ее кусочки. Это вызвало бурю восторга и любви к герцогу, к чему он давно привык, ведь простой народ обожал его.

Подобные сцены происходили постоянно и трогали мне душу не меньше, чем ему. Мы вместе проехали по улицам Турина и его окрестностям, насколько позволяла близость противника. К моему присутствию уже привыкли, и никто не обращал на меня внимания.

Но однажды мне все же пришлось пережить величайшее волнение. Я встретила славного аббата Пети: он вернулся в свой приход и вместе с маленьким Мишоном нес святые дары какому-то больному. Я не видела их со времени моего возвышения (или позора, если хотите).

Очень сильно покраснев, я отвернулась; они как будто не заметили меня.

В те трудные времена достойный кюре совершал чудеса доброты, милосердия и самоотречения; везде, где его присутствие могло принести утешение или помощь, он появлялся непременно.

Моего Мишона в скором времени ожидало рукоположение, но он оставался все тем же маленьким Мишоном, совсем не вырос, а лицом и поведением был похож на мальчика из церковного хора. Его личико не теряло с течением времени своей свежести — с годами меня это все больше и больше поражало; если бы не катастрофа, сразу преобразившая его, уверена, что и по сей день он выглядел бы лет на двадцать, — преимущество, которому позавидовало бы немало женщин, уверяю вас.

XIX

Эта омерзительная война длилась два года. Герцог потерял в ней больше, чем все союзники вместе взятые; однако он не раскаивался в том, что развязал ее, ибо на карту была поставлена честь короны. А Людовик XIV, несмотря на свои победы, напротив, ощущал, чего стоит подобный противник; он понимал также, что с политической точки зрения его лучше привлечь на свою сторону, нежели доводить до крайности. Поэтому он поручил Месье написать Виктору Амедею одно из тех родственных посланий, где каждая фраза тщательно взвешена и является условием подлинного договора.

Герцогу Савойскому было предложено получить обратно все, что у него отняли, ему уступали Пинероло и Фенестрелле и даже возвращали Касале, город, проданный королю Франции герцогом Мантуанским, который растратил полученные деньги на куртизанок; Касале — жемчужина, на которую с завистью смотрело столько государей! Это было очень соблазнительно, особенно с учетом гарантий, данных швейцарскими кантонами и Венецианской республикой. Потрясенная трагедиями войны, я склонялась к предложенному варианту. Господин де Шамери, тайный гонец из Франции, получил приказ прежде всего встретиться и договориться со мной, склонить меня на свою сторону с помощью обещаний либо угроз.

Мои взгляды и без того уже поменялись: война казалась мне омерзительной. Я использовала все средства, чтобы убедить принца принять эти предложения, но он был негибким. Господин де Шамери разговаривал с ним у меня, в моем присутствии; я поддерживала его всеми силами, но все оказалось напрасным. Тогда французский посланник попросил герцога согласиться по крайней мере на нейтралитет, заметив ему, что если он не отступится от своего рыцарского упрямства, то в скором времени останется без войска.

— Сударь! — воскликнул Виктор Амедей. — Стоит мне топнуть ногой, и из земли моей страны поднимутся солдаты!

Шамери более не настаивал, а на следующий день маркиз ди Сан Томмазо изложил ему официальный ответ: его высочество готов разделить судьбу своих союзников, что бы с ним ни случилось.

Принц Евгений, непримиримый и личный враг Людовика XIV, в немалой степени способствовал принятию такого решения. Он доложил о нем императору во время поездки в Вену, и тот настолько возрадовался, что

вручил ему грамоту верховного главнокомандующего — на этот раз с соответствующими полномочиями — и избавил нас от Караффы, причинившего нам столько зла. Это была уже половина победы.

Принц Евгений сиял от радости, но был ироничен. Он не доверял намерениям своего кузена в отношении Франции.

— Госпожа графиня, — говорил мне он, — его королевское высочество сердцем не с нами; его подтолкнула к войне не упорная и безудержная ненависть, как меня, а необходимость и стыд. При первой же улыбке Людовика Четырнадцатого он бросит нас.

— Вы прекрасно видели, что он устоял, сударь!

— Потому что за улыбкой он увидел зубы; не будь этого... И потом, что бы там ни говорили, вы француженка, ваша семья пользуется расположением в Версале, и, быть может, вы склоняетесь на сторону великого короля, сами того не подозревая, но так оно и есть.

— Я лишь желаю добра его высочеству и его подданным.

— Убежден в этом, однако добро каждый понимает по-своему.

В моих покоях и в моем присутствии состоялся совет, на котором было решено воспользоваться достигнутым превосходством и самим начать наступление, перенеся арену сражений в Дофине.

— Великий король не привык к тому, что кто-то вторгается на его территорию, — сказал принц Евгений, — свое величие он распростерло границ и полагает, что их нельзя перейти, предварительно не выразив ему глубокого почтения; мы докажем ему, что можем обойтись без этого.

Людовика XIV он всегда называл великим королем, и мне трудно передать, с каким презрением произносились эти слова. В этом было нечто от злопамятности священника, и, когда я намекнула ему на это, он ответил:

— Что поделаешь! Я носил церковное облачение, а такое оставляет след в душе.

Как решили, так и сделали: савойские принцы захватили Амбрён и Гийестр. Сражение было тяжелым, в нем погибло множество храбрецов; князю де Коммерси пулей выбило три зуба, что чрезвычайно опечалило его.

— Три лучших зуба! — повторял он. — Остальные выпадут сами по себе... Хорош же будет беззубый щеголь!

Принц Евгений получил контузию в траншее, где рядом с ним находился Виктор Амедей, вышедший из нее целым и невредимым. Вслед за первой победой принцы почти без боя овладели Гапом. Все шло великолепно; они уже собирались идти на Лион через Систерон и Экс. Прованс был охвачен таким ужасом, что, немного поспешив, мы вполне

могли бы осуществить этот план до того, как подойдет подкрепление. Франция была бы тогда побеждена, а мир заключен на продиктованных нами условиях. Но помешало Провидение: время для заката солнца еще не пришло...

Однажды вечером, после ускоренного марша, герцог Савойский остановился в маленькой деревне и пожаловался на сильную головную боль, мучившую его целый день; он лег в постель, надеясь, что сон излечит его; но у него начался сильный жар, и ночью появились признаки оспы.

Все сильно встревожились: что делать? Как, находясь на чужой территории, бороться с этой ужасной болезнью, которая почти никого не щадит и требует особого лечения?

Принц не растерялся; он один сохранил самообладание: приказал, чтобы все шло своим ходом, как если бы он по-прежнему пребывал в добром здравии, и отослал письма: одно — герцогине, другое — мне; в первую очередь беспокоясь о том, чтобы я не волновалась, он просил не приезжать к нему, ибо было неизвестно, не столкнусь ли я случайно с ее королевским высочеством или его супругой-герцогиней. После этого герцог занялся государственными делами, написал завещание и перед всей армией объявил, что до совершеннолетия сына назначает регентом принца Евгения, попросив прощения за то, что не удостоил такой чести ни одну из герцогинь, и пояснив, что это продиктовано сложными обстоятельствами, требующими сильной руки.

Покончив с этими делами, он отдал новые распоряжения, велел перевезти его в надежное место; затем он договорился с принцем Евгением касательно отступления армии и поручил ему возглавить это отступление, что было далеко не легким делом. Генералами овладел дух противоречия, они почти отказались подчиняться принцу под тем предлогом, что Виктор Амедей совершил большую ошибку, не позволив им продвигаться дальше, невзирая на его болезнь. Но Евгений был человек опытный: он понимал, что армия, лишившаяся своего полководца, быстро теряет боеспособность; он понимал, что Катина соберет свои войска, которые стекутся к нему со всех концов королевства; он понимал, что возможность внезапного нападения упущена и потому совершать этот поход нельзя, что оцепенением противника можно было воспользоваться лишь в первый момент, к сожалению не использованный из-за болезни герцога, и, поскольку этого преимущества больше не существовало, наши войска ожидало неминуемое поражение. Таким образом, отступление было единственным выходом.

Солдаты жаловались не меньше, чем генералы, но утешали себя,

повторяя одно и то же:

— По крайней мере мы отомстили за мерзости французов в Пфальце и, хотя вели себя совсем не так, как они, все же заставили их выложить миллион в качестве контрибуции.

Они и в самом деле были настолько нагружены трофеями, что нередко, играя в карты, латники делали ставки по двадцать луидоров. И со всем этим предстояло расстаться, отказавшись от надежды увеличить добычу; солдаты отступали скрепя сердце. Герцог же был очень тяжело, очень серьезно болен. Но когда герцогиня примчалась к нему, она обнаружила, что ее супругу стало немного легче; я же не осмеливалась приехать, но, тем не менее, находилась рядом, в нескольких льё от него, чтобы в любую минуту иметь возможность получить сведения о его здоровье. Он был очень тронут этим.

Но вот, слава Богу, герцог выздоровел! Как только уехала герцогиня, я бросилась к нему; и для него и для меня это был сладостный миг. Я боялась, что больше не увижу его, и, хотя и не испытывая к нему той пылкой страсти, что подчиняет себе все в жизни, в тот период очень любила его, ведь мне тогда было дано видеть только прекрасную сторону его души.

Герцог вернулся в Савойю, затем в Пьемонт, чтобы окончательно восстановить свое здоровье, и, как только смог держаться в седле, изъявил желание продолжить кампанию.

Принц Евгений, более хладнокровный в некоторых обстоятельствах, хотя нередко удивлявший своей необузданностью, на этот раз советовал ему отказаться от решающего удара. Герои судят друг о друге сами: принц оценил Катина и признал его гений. Виктор Амедей, человек необыкновенной личной храбрости, был скорее великим политиком, нежели великим полководцем. Он прекрасно проявлял себя на переговорах, но на поле боя не мог сравниться со своим прославленным кузеном в быстроте и твердости принимаемых им решений.

Противник, в отместку герцогу, сжег его виллу, носившую название «Охотничий двор», а также еще одну, принадлежавшую маркизу ди Сан Томмазо. Виктор Амедей видел, как все рушится вокруг него, и хотел с этим покончить. В конце кампании, приостановленной из-за его болезни, ему стало известно, что в его южных провинциях вспыхнуло восстание; предательство тогда стало повсеместным. Господин де Тессе, французский комендант Пинероло, подкупал предателей — куда уж дальше!

Увы! Какое страшное поражение потерпел герцог! Более сокрушительное, чем под Стаффардой! Катина получил за это

маршальский жезл, и, как шутил принц Евгений, его удары посыпались на наши плечи. Принц больше не выдерживал и поговаривал о том, что покинет Италию. Он и в самом деле отправился в Вену просить хоть какую-нибудь помощь; ее в очередной раз предоставили, но не преминули заметить, что нас разбили, а жертвовать деньгами и людьми все же несколько трудновато.

Началась осада Касале: было очень важно вернуть этот город. Он некоторое время сопротивлялся, но затем его комендант г-н де Крессо капитулировал. Катина не пошевелил пальцем, чтобы помочь ему, хотя мог сделать это, и тогда армия союзников была бы обречена. Но принц уже решился на примирение с Францией, хотел спасти своих страдающих подданных и не превращать более Савойю в поле битвы, в которой споры велись из-за чужих интересов; он приступил к тайным переговорам, надеясь выбраться из тупика, в который его загнали. Об этом он рассказал только мне и нескольким близким друзьям, пользовавшимся его доверием. Катина, получивший соответствующие полномочия от короля, принял посланцев противника, а точнее, одного посланника, и договорился с ним, что Касале будут защищать в полсилы все то время, пока длятся переговоры, а как только все будет решено, его сдадут.

По условиям договора укрепления Касале следовало разрушить до основания, а сам город возвратить герцогу Мантуанскому, которому он принадлежал до известного постыдного торга. Он один остался в выигрыше: так уж повелось, что в этом мире правосудие Божье часто благоволит к тем, кто этого вовсе не заслуживает; вот почему приходится рассчитывать на другой суд!

Слух о намерениях герцога Савойского достиг многих ушей; принц Евгений негодовал, ибо его ненависть к Людовику XIV ничто не могло успокоить. Он старался не показывать вида, однако установил постоянное наблюдение за всеми действиями герцога, чтобы приостановить их, если это будет возможно. Виктор Амедей заметил это и пришел в сильное негодование. Тем не менее он хотел принять полномочных представителей французов и окончательно договориться с ними; но о том, чтобы пустить их в Турин, не могло быть и речи, поэтому он замыслил паломничество к Мадонне Лоретской. Его кузен не одобрил и эту идею.

— Будьте осторожны, — сказал он герцогу, — я уже предупреждал вас, что слежу за вами пристальнее, чем Катина.

Принцу Евгению легко было так говорить. На нем не лежала ответственность за жизни людей, ему не приходилось спасать страну и подданных, и главное, у него не было детей и дома, которые нуждались в

его поддержке, — интересы и самый искренний душевный порыв влекли его к императору.

Вот почему герцогу приходилось хитрить, чтобы достичь соглашения, подписать договор, чего мы так добивались, и тем самым дать возможность всей стране вздохнуть свободно.

Виктор Амедей уехал в Лорето под предлогом обета, данного им во время заболевания оспой. Он отправился туда один, правда в сопровождении довольно большого числа слуг, но без герцогини, без меня, без придворных — как настоящий паломник. Там его ожидали представители папы, венецианцев и французов; обсуждались статьи договора, но в такой тайне, что даже самые ловкие шпионы не могли узнать ничего определенного. Участники переговоров собирались по ночам в комнате одного старого священника, состоящего при Святой часовне; святой отец даже не догадывался, о чем шла речь в его жилище, полагая, что там творятся какие-то особые молитвы и обеты. Все говорили по-французски, и он ничего не понимал.

Еще в Турине герцога попытались обмануть, сообщив ему о смерти короля Вильгельма, — событии, обрекавшем Лигу на раскол и ставившем союзников в очень трудное положение. Принц узнал, что это ложь, но он уже зашел так далеко, что в интересах своих подданных не мог отступить. И он поставил точку в Лорето; договор был подписан.

Его условия были таковы:

— Пинероло, все его укрепления и замок Пероса будут разрушены, как это было сделано с Касале, а земля будет возвращена герцогу Савойскому;

— принц снова получит во владение все крепости, отобранные у него французами в начале войны;

— герцог Бургундский, внук короля, вступит в брак с Аделаидой Савойской, старшей дочерью Виктора Амедея;

— послам Савойи впредь будут созданы такие же условия, как и королевским посланникам;

— наконец, герцог присоединится к армии Людовика XIV и немедленно займет Миланское герцогство, чтобы вынудить императора и Испанию признать нейтралитет Италии; в этом случае ее нейтралитет признает и Франция.

Этот договор, чрезвычайно выгодный для побежденного и несчастного герцога Савойского, показал ему, чего можно было добиться от короля, если бы осуществился замысел его военной кампании, и насколько французы дорожили союзом с ним. Браку дочери герцог придавал первостепенное значение, на этом условии он особенно настаивал — его в

высшей степени радовала мысль, что Виктория Аделаида может стать королевой Франции.

— Самый почетный трон Европы, дорогая графиня! — говорил мне он. — А если представить себе, какой станет эта девочка и каков, по рассказам, герцог Бургундский, они станут замечательно царствовать, и она будет править наравне с ним. Моя дочь отправится ко французскому двору только после того, как я соответствующим образом подготовлю ее; и даю вам слово, не пройдет и полгода, как она станет там повелевать.

Однако Виктор Амедей был в большом затруднении, не зная, как сообщить принцу Евгению о заключении договора.

— Он подумает, что я его обманул, — рассуждал герцог, — мое вынужденное молчание он сочтет вероломством, а мне это будет чрезвычайно больно. Я очень люблю кузена и хотел бы, чтобы все наши заботы, взгляды и потребности совпадали. К сожалению, у главы Савойского дома немало других обязательств, помимо наращивания собственного состояния; оно уже накоплено, его только нужно сохранить, а это труднее всего, если противником выступает Людовик Четырнадцатый.

Мы условились, что я возьму это дело на себя. Принц Евгений часто навещал меня; его дружеское расположение ко мне сохранилось даже тогда, когда он разгневался на герцога; мы до сих пор состоим в переписке. Итак, я пригласила его к себе и с чрезвычайной осторожностью сообщила ему об изменении намерений его высочества. Евгений метал громы и молнии, к чему я была готова. Он кричал, бушевал, ругался, в основном по-немецки, что с ним часто случалось, и забылся настолько, что произнес несколько бранных слов. Я не останавливала принца, решив, что попытаюсь успокоить его, когда он сможет воспринять мои доводы. Но Евгений не дал мне на это время:

— Сударыня, я вас покидаю, велю сложить сундуки и возвращаюсь в Вену, чтобы рассказать об этом предательстве. Что же касается моего кузена, он узнает мое мнение еще до того, как я уеду.

Принц ушел от меня в бешенстве и отправился к своему другу князю де Коммерси, а тот только воспламенил его яростью. В среде отважных людей было модно ненавидеть Людовика XIV, без конца проклиная его и даже презирать, что мне, например, казалось довольно смешной крайностью с их стороны.

Коммерси рассвирепел больше, чем Евгений, а тот не захотел даже повидаться со своим кузеном и написал ему письмо, о котором очень сожалел впоследствии; среди обычных людей такие письма приводят к кровопролитию, но в данном случае младший брат заслужил лишь

великодушное прошение от старшего.

Князь де Коммерси придумал нечто получше: он послал принцу вызов по всей форме, приправив его крайне грубыми выражениями, к каким повелитель Савойи не был привычен. Теперь разгневался Виктор Амедей и, забыв о том, кто он такой, забыв об обязанностях государя и отца, велел ответить князю де Коммерси, что удостоит его поединка.

Камердинер герцога, очень испугавшись, пришел предупредить меня, несмотря на запрет своего повелителя. Я знала, что читать наставления герцогу бесполезно, поэтому послала за маркизом ди Сан Томмазо и рассказала ему, что произошло, добавив, что только он сумеет помешать этому безрассудству.

— Напомните Виктору Амедею, что у него есть семья и подданные, которых он обязан оберегать, и не позволяйте ему, словно какому-нибудь сорвиголове, устраивать перестрелку в открытом поле. В таком деле я никак не могу повлиять на него, к тому же женщинам не положено вмешиваться, когда обнажаются шпаги; честь мужчины — такая же тонкость, как честь женщины, хотя несколько иная, а подозрений в трусости опасаются все, хотя храбрость его высочества, слава Богу, известна.

Сан Томмазо был осторожен; он обладал большой властью над своим повелителем и удержал его, призвав на помощь весь государственный совет и генералов армии.

В это же время принц Евгений, немного успокоившись, пытался образумить Коммерси. Дуэль не состоялась, условия договора вошли в силу, и осада Валенцы на реке По, предпринятая двумя армиями, явилась его первым итогом.

За этим договором последовали договоры в Виджевано и в Павии, благодаря которым вся Европа признала нейтралитет Италии, что стало предметом особой гордости для Виктора Амедея, стремившегося в первую очередь освободить своих подданных от бедствий войны. Наконец, был заключен Рисвикский мир, а затем Карловицкий.

Все эти договоры были делом рук герцога Савойского, точнее, они стали возможны благодаря его влиянию, что принесло ему немалую славу. Своими действиями принц добился всеобщего мира, которому, правда, не суждено было продлиться долго, но в этом, разумеется, нет вины его высочества, как, впрочем, и других монархов. Завещание короля Испании вновь разожгло огонь разногласий — иначе и быть не могло.

Виктор Амедей передал дочери в качестве приданого графство Ницца, которое позднее удалось довольно легко взять обратно.

Невесту герцога Бургундского с нетерпением ждали во Франции, тогда как в Вене сожалели об отказе герцога отдать руку принцессы королю Римскому; император, судя по всему, оскорбился, но не слишком.

Естественным союзником Савойи был король Франции, и Виктор Амедей никогда этого не забывал.

Принцессе, в своих детских ручках преподносившей Франции и другим государствам оливковую ветвь мира, было тогда самое большее лет девять. Никогда еще на долю такой юной невесты не выпадала подобная роль, и вряд ли кто-нибудь смог бы сыграть ее с большим совершенством, нежели Виктория Аделаида Савойская. Я уже несколько лет пристально наблюдала за ней; она часто приходила ко мне, и герцогини не видели в том ничего плохого; не по возрасту развитый ум и необыкновенная тонкость этого юного создания часто восхищали меня.

Она ни разу не произнесла ни одного лишнего слова, хотя, судя по всему, не в состоянии была оценить щепетильность наших взаимоотношений; она не говорила обо мне со своей матерью и упоминала при мне имя принцессы только в тех случаях, когда этого нельзя было избежать. При встречах же с герцогиней-матерью, напротив, она не упускала возможности сообщить ей, в каких восторженных тонах я отзывалась о ней, а меня постоянно убеждала, что ее бабушка очень расположена ко мне.

Она нередко говорила бывшей регентше:

— Мой отец очень любит графиню ди Верруа, ваша светлость, и, чтобы доставить ему радость, нам надо тоже любить ее.

Она росла среди всех этих интриг и сложных отношений и в итоге научилась быть гибкой, наблюдательной и с раннего возраста обрела качества, необходимые для предстоящего ей назначения. Ее отец после подписания договора немедленно начал ее муштровать, ежедневно втолковывая какое-нибудь наставление, полезное для того, что ей предстояло предпринять в будущем. Я не случайно сказала «предпринять», ибо это было и в самом деле серьезное предприятие — очаровать такого гордого, такого высокомерного короля, который умел властвовать над собой еще до того, как стал повелевать другими.

Принцесса, разумеется, стала чаще бывать у меня, расспрашивала о людях и обычаях, царящих в Версале, и, обнаружив, как мало я осведомлена об этом, однажды спросила, в каком возрасте я приехала в Пьемонт.

— Я была совсем юной, сударыня: мне тогда не исполнилось и четырнадцати лет.

— И вы ничего больше не знаете о короле Франции и его дворе? Я

очень надеюсь, что, учитывая мой возраст, никто не станет укорять меня за то, как я держу себя там.

— Меня ведь не предназначали в супруги его светлости герцога Бургундского, сударыня; кроме того, я была далеко не таким необыкновенным ребенком, как принцесса Аделаида Савойская.

— Не называйте меня ребенком, сударыня: отец убедил меня, что я не должна больше считать себя девочкой, и я постараюсь вести себя именно так.

Виктория Аделаида, портрет которой пришло время нарисовать, даже для своего возраста была очень маленькой, далеко не красивой, и, судя по всему, ей просто не суждено было стать привлекательной. В сущности, она была уродлива: толстые щеки и тяжелые челюсти; лоб настолько выпуклый, что с первого взгляда он вызывал удивление (с возрастом этот недостаток немного сгладился); приплюснутый нос, лишающий ее черты утонченности и благородства; выпяченные губы, пухлые и мясистые; уже испорченные зубы (впоследствии почти все они выпали) — но у нее хватало здравомыслия первой смеяться над этим недостатком и не обращать на него внимание.

И наряду с этим — прекраснейшие, выразительнейшие глаза, брови и великолепные, необычайно густые темно-русые волосы. В этом и заключалась вся прелесть ее облика, которой, несмотря на все свои недостатки, она обладала в большой степени. Кожа ее была изумительной белизны и свежести; грациозная, благородная и величественная посадка головы необыкновенно красила ее; взгляд повелевал и притягивал одновременно; улыбка была бесподобной; она нравилась в тысячу раз больше, чем настоящие красавицы, и я охотно поменялась бы с ней лицом, хотя в молодости слыла настолько привлекательной, что мне все завидовали. С возрастом ее фигура обрела редкостную прелесть и изящество. Начиная расти зоб не портил ее, даже наоборот; все, что могло обезобразить другую, придавало лишь особую прелесть этому созданию. Ее чуть обозначившаяся грудь казалась изваянной из античного мрамора.

Накануне отъезда она больше часа провела у меня. Герцог пришел раньше и захотел показать мне образчик искусного поведения этой маленькой девочки. Он заговорил с ней о французском дворе, о том, чему научил ее, готовя к новой жизни, и я была невероятно поражена, услышав, как будущая герцогиня Бургундская излагает планы и дает оценки на уровне старого дипломата, искушенного в делах любого двора.

— Вы ничего не забыли, дочь моя, — сказал ей принц, — и знаете, как

надо вести себя с самого начала в присутствии короля, дофина, господина герцога Бургундского и особенно госпожи де Ментенон.

— О, конечно, сударь! — ответила она с чрезвычайно тонкой улыбкой. — Я уже не ребенок, вы сами мне это сказали: я принцесса, которой уготован самый блестящий трон в Европе, и потому мне необходимо уже сейчас готовиться к той роли, которую я буду играть в будущем и, надеюсь, с честью исполню.

Она произнесла эти слова вовсе не как попугай, повторяющий заученный урок, а как человек, знающий, что он говорит, понимающий значение сказанного и желающий донести свою мысль до других.

— Но постарайтесь как следует запомнить то, что я говорил вам еще вчера по поводу госпожи де Ментенон, ее отношений с королем, отношений, как говорят, узаконенных Церковью, но не очень-то нравящихся его семье, особенно дофину: ведь вам придется находить общий язык и с теми и с другими; однако...

— В данное время главное — это король и госпожа де Ментенон; именно их надо очаровать, а это нетрудно, можете мне поверить!

— Неужели! Как же вы добьетесь этого? — продолжал герцог Савойский с довольной улыбкой.

— Бог ты мой, сударь, да ведь король Франции свyksя со своим величием и поклонением окружающих, со своего рода страхом, который он внушает и обрекает его на одиночество; я уверена, он скучает, поскольку уже не молод, — не так ли, отец мой? — и сожалеет, что юные годы его позади. Я буду развлекать его, вести себя так, будто нас не разделяет так много лет, и тем самым обрету над ним власть, которая вначале будет казаться ему детской игрой, а затем станет более прочной. Я запомнила все, чему вы меня учили и что мне рассказывали, и потому смогу легко избежать ошибок, будьте спокойны.

Принц взглянул на меня; я была поражена такой степенью уверенности и мудрости ребенка.

— А госпожа де Ментенон?

— О! Она совсем другое: Скаррон не превозносит себя так, как его величество король Людовик Четырнадцатый, хотя внешне это не заметно; она никогда не догадается, что мне известна скарронада, и обещаю вам, сударь, проявить такое расположение и почтение к ней, что она непременно будет воспринимать себя как мою бабушку.

— Вы должны всего добиться, все устроить играя. Теперь эти люди становятся для вас большими куклами, которым впоследствии суждено превратиться в ваши послушные орудия. Не упускайте из виду, что вам

надо забыть Турин и стать француженкой, иначе вы никогда не добьетесь успеха в этой стране.

— Отец, вы ведь больше не будете воевать с Францией, не так ли? — спросила она с таким хитрым видом, что я просто пришла в восхищение.

Сколько же смысла было в этих словах девятилетнего ребенка!

— Нет, не буду, если Франция сама не объявит мне войну или не вынудит меня объявить войну, дочь моя. Ни за что нельзя ручаться, когда на карту поставлены интересы государства.

— А я постараюсь никогда не рассматривать вас как противника, сударь, и всегда помнить, что вы мой отец.

И, обвив руками его шею, она поцеловала герцога с такой нежностью, грацией и прелестью, что невозможно было не умилиться.

— Ну, а я, сударыня? Сохраните ли вы меня в отдаленном уголке вашей памяти?

— В уголке дружбы, сударыня, если позволите! Вы подруга и наперсница моего отца; вы часто помогаете ему забыть огорчения, которые причиняет ему столь непрочное государство; вы будете говорить с ним обо мне, когда меня здесь не будет. Как же мне не любить вас?

Очаровательная принцесса всегда находила нужное слово, тот взгляд и жест, какие были необходимы в определенный момент. Никогда не смягчится у меня боль этой потери, которую Франция и Савойя будет оплакивать всегда.

Я попросила разрешения обнять ее.

— От всего сердца, сударыня! — ответила она. — Здесь, когда мы одни, я еще могу это позволить; но скоро мне придется прикидывать и заранее рассчитывать, кого я могу удостоить такой чести, — при французском дворе это рискованная затея. Герцогини и титулованные дамы не простят мне, если я всем буду подставлять свою щеку. О! Я хорошо это понимаю, поверьте! И буду так внимательно следить за собой, что, наверное, очень скоро возымею желание поучать какую-нибудь придворную даму. А пока речь идет не о чести, а об истинном удовольствии, и мне не нужно ни у кого спрашивать разрешения.

Сказав это, она протянула руки и, приблизив к себе мое лицо, поцеловала меня несколько раз, плача и смеясь, как будто играла со своей печалью, а затем еще раз попросила почаще говорить о ней с отцом, когда ее не будет с нами.

После этого принцесса сняла со своей руки очень красивый браслет и надела его на мою; в этот браслет были вставлены портреты — ее собственный, принца и герцогини-матери, — обрамленные великолепными

бриллиантами.

— Сохраните его из любви ко мне и к ним, сударыня... нет, моя добрая подруга! И никогда не лишайте нас вашей привязанности.

Подобное поведение ребенка и в таком возрасте настолько невероятно, что мне, наверное, не поверили бы, если бы свидетельства всех современников не подтверждали то, о чем я пишу. Все придворные во Франции и в Савойе знали очаровательную дофину; все видели, как она появилась на свет, росла и, увы, умерла! Умерла на двадцать шестом году жизни, как и предсказал один прорицатель в Италии, когда она была совсем крошкой.

Отъезд принцессы был мучителен для всех. Герцогини плакали горькими слезами, герцог тоже; вернувшись в Турин после того, как он проводил дочь до первой почтовой станции, герцог пришел ко мне и никого к себе не пускал. Княгиня делла Чистерна и еще одна дама вместе с маркизом ди Промеро должны были сопровождать принцессу до моста Бовуазен, где им предстояло передать ее на попечение герцогини де Люд и французского посольства. Прибыв на место, августейшая путешественница несколько минут отдыхала в доме, подготовленном для нее с савойской стороны. Мост целиком принадлежал Франции; при входе на него принцессу ожидали граф де Бриен и придворные дамы; они отвели ее в другое жилище, приготовленное с французской стороны; здесь она провела два дня. Сопровождавшие девочку итальянцы расстались с ней именно здесь; она отпустила их, не проронив и слезинки. Помимо камеристки и врача, никто из соотечественников дальше с ней не поехал, но и эти двое не должны были оставаться с принцессой в Париже: по условиям договора, им предстояло расстаться с ней, как только будущая герцогиня немного привыкнет к тому, как ухаживают за ней французы, языком которых она владела, может быть, лучше, чем своим родным.

По приезде во Францию она сразу же заняла высокое положение и была удостоена почестей, соответствующих рангу герцогини Бургундской, как будто бракосочетание уже состоялось. Ее отец был бесконечно благодарен за это королю: делать так было не принято, другим принцессам во время переезда приходилось испытывать тысячи житейских трудностей. Супруга герцога, думая об этом, сходила с ума от беспокойства за свою дочь, ведь она сама очень редко страдала от подобных неудобств и дорожила положенным ей по статусу больше, чем жизнью.

Аделаида Савойская исполнила все, как обещала, и даже добилась большего: стоило ей встретиться с королем, как ее власть над ним была обеспечена... Но сейчас, к сожалению, мне предстоит рассказывать о

другом; однако в дальнейшем я надеюсь вернуться к этой истории.

После отъезда принцессы сразу возобновились многосторонние переговоры, и Рисвикский и Карловицкий договоры, поочередно предложенные к рассмотрению каждому из союзников, очень скоро были надлежащим образом подписаны всеми. В связи с этим герцог Савойский подвергся бесчисленным нападкам: его во всеуслышание обвинили в переходе на сторону противника и в готовности идти навстречу тому, кто обеспечит ему больше выгод.

Не отрицаю, дипломатическая хитрость и необыкновенное чутье изменили ему; он не сумел скрыть, какие интересы преследовались им; но разве эти интересы не совпадали с интересами его подданных, разве не чувством долга были продиктованы его действия?

Обстоятельства, повлекшие за собой брак герцогини Бургундской, мое участие в этом деле и благосклонность герцога, которой я была удостоена в высшей степени, настолько озлобили моих врагов, что они стали яростно нападать на меня, не стесняясь в выражениях. Аббат ди Верруа находился в Турине, где своим злобным карканьем поносил меня на всех перекрестках. Виктор Амедей узнал о действиях аббата и хотел расправиться с ним, но я решительно воспротивилась этому.

Что бы там ни говорили, я не была ни жестокой, ни мстительной и не причиняла никому зла, разве только оно совершалось помимо моей воли.

Однажды малыш Мишон, ставший аббатом, кстати довольно популярным, запросил у меня аудиенции, чтобы, подчеркивал он, сообщить о чем-то чрезвычайно важном.

Я всегда была рада новой встрече с ним, равно как и со славным г-ном Пети, и старалась, чтобы они как можно чаще являлись ко двору. Мишон пришел ко мне утром.

— Сударыня, — сказал он мне, — будьте осторожны! Вас собираются отравить. Одного из ваших поваров они уже пытались подкупить, но он пришел ко мне, чтобы рассказать об этом, поскольку не смог приблизиться к вам и доложить об опасности.

— А кто это они, мой маленький аббат? У них должно быть имя, ведь он с ними разговаривал.

— Именно этого и не знает мой поваренок. Его зовут Джакометто. Он печет для вас пироги с голубятиной, которые вы так любите. Искуситель, предлагавший ему крупную сумму, ему неизвестен.

— Джакометто — глупец. В таких случаях делают вид, что соглашаются и даже принимают небольшой задаток, который кладут себе в карман за труды; затем назначают искусителям встречу в каком-нибудь удобном и хорошо охраняемом месте, где их легче схватить. А теперь, как мы будем ловить преступников? Дело кончится тем, что я умру от голода, опасаясь умереть от рези в животе. Но если подумать, эти чудовища хотят отравить и принца, ведь он почти всегда обедает со мной?!

Такое предположение встревожило меня еще сильнее: я не хотела умирать, хотя и не чувствовала себя на вершине счастья. Пришлось рассказать обо всем герцогу; он попытался бросить тень подозрения на моего мужа, к которому немного ревновал меня, ибо своим тонким чутьем распознал чувство, которое я хранила в глубине души; мой резкий отпор отбил у него желание настаивать на своем.

В тот самый вечер, когда мы с герцогом вели разговор об этих делах, в мой кабинет вошел курьер; на ногах у него были дорожные сапоги, что было недопустимо. Герцог Савойский вскрикнул от удивления так же как и я; мы подумали, что нарушен мирный договор и враг захватил одну из наших крепостей.

— Ваше высочество, я действительно привез вам очень важную новость, которая, без сомнения, угрожает заключенному миру, — ответил гонец. — Король Испании умер, и он оставил завещание в пользу господина герцога Анжуйского.

Услышав сообщение о кончине короля Испании, Виктор Амедей построил хорошо знакомую мне мину, означавшую: «Теперь я наложу на них свои львиные когти».

Гонец передал депеши, добавил несколько подробностей и оставил нас. Принц не произнес ни слова и стал изучать одно за другим полученные письма.

Наконец, обернувшись ко мне, он воскликнул:

— Ну, дорогая моя графиня, нам предстоит праздновать еще одну свадьбу! Придется еще раз давать наставления, но, на сей раз это будет не так тяжело.

— Почему же?

— Все очень просто, я хочу выдать мою вторую дочь за герцога Анжуйского, когда он станет Филиппом Пятым. Надо, чтобы древо моего рода пустило корни под всеми тронами. Я уже давно придумал этот план, предвидя то, что происходит сейчас. Только при этом условии я выскажусь за герцога Анжуйского, к тому же необходимо, чтобы Франция оказалась сильнее всех, ибо я не хочу совершить оплошность. Катина — у моих

границ, и я не удивлюсь, если сегодня же вечером узнаю, что он перешел их; но я не уступлю до тех пор, пока не получу гарантий, клянусь вам.

Никогда я не встречала человека, способного так быстро и точно оценить ситуацию, так здраво судить обо всем.

— Только принц Евгений останется тяжким грузом на моих плечах, — добавил он, — но что с этим поделаешь? Мне всегда приходится взваливать кого-то себе на спину, и я выбираю груз полегче.

Герцог и на час не ошибся. Вечером, когда он ложился спать, ему передали письмо от г-на де Катина, сообщавшего, что он вошел в Савойю во главе пятидесятитысячного войска, с тем чтобы герцог оказал ему необыкновенную любезность и присоединил к его полкам свои, как обещал. К тому же маршал заверял его высочество, что король, его повелитель, ничего не пожалеет для укрепления союза с герцогом, а пока снова посылает грамоту о присвоении ему звания верховного главнокомандующего войск его христианнейшего и его католического величеств, — грамоты, которой у Виктора Амедея не могло не быть, поскольку их посылали ему по любому поводу; правда, хорошо, что при этом он не командовал никакими армиями.

Не могу отрицать, что герцог Савойский был целиком на стороне императора и против Франции. Могущественный сосед беспокоил его значительно больше, нежели Империя, которая никак его не задевала. Людовик XIV мог в один прием справиться с несчастной Савойей, которая была так ему по вкусу!

— Но, ей-Богу, — говорил герцог, и его слова потом часто повторяли, — я не позволю проглотить меня так легко: я встану у него на пути и спущу с него шкуру.

В начале этой новой войны вызывала беспокойство позиция герцога Мантуанского. Не помню, рассказывала ли я подробно об этом государе, но поговорить о нем стоило. Он приезжал в Турин несколько ранее в сопровождении некоего аббата Вантони, камергера, выполнявшего свои обязанности *ruffiano* [note 15](#), как говорят в Италии, с большой помпой. Мне казалось, что такой человек надевает перчатки перед тем, как дотронуться до грязной тряпки.

Этот аббат румянился и всегда ходил на цыпочках. Он выполнял все поручения своего повелителя и отбирал для него женщин во всех слоях общества. У герцога Мантуанского были две постоянные любовницы: при дворе и для представительства — графиня Калори, а кроме нее — некая девица по имени Маттиа, которая повсюду сопровождала герцога и которую он называл своей карманной фавориткой. Мы имели счастье

увидеть ее в Турине: она была очень хорошенькая, но необычайно бесстыдная, и носила желтые чулки, что весьма забавляло нас. Аббат утверждал, что она дала такой обет; но когда нам захотелось узнать, какому святому он дан, Вантони не смог ответить на этот вопрос; герцог Савойский настаивал, что обет был дан богу рогоносцев.

Герцог Мантуанский отличался невероятной прожорливостью: он ел целыми днями, а по ночам устраивал обязательные застолья, как он их высокопарно называл.

— Не понимаю, сударыня, почему меня торопятся женить, — говорил он мне, — ведь мое нынешнее положение ничем не отличается от брака, а для другого я просто не создан.

Дело в том, что он завел у себя настоящий гарем, охраняемый настоящими евнухами. Я попросила показать мне одного из них, когда тот будет проходить по улице; посмотрев на него из окна, я поняла, что подобная личность мне неприятна.

Позднее герцог Мантуанский женился на мадемуазель д'Эльбёф. Во время войны за Испанское наследство Австрия хотела навязать ему невесту из рода Аренбергов, чтобы иметь в ее лице союзницу; но Вантони, которого Франция перетянула на свою сторону, противопоставил Австрии такое великолепное подкрепление из девиц и сытных обедов, что герцог не пожелал одаривать своей благосклонностью только одну из них, как бы хороша она ни была. Таким образом, победу одержал Людовик XIV.

Совместные действия Франции и Испании уже приносили свои плоды в Италии; мудрый Катина вполне мог заправлять здесь всем, как он умел это делать. Он приехал на одни сутки в Турин, чтобы договориться с принцем, и не скрыл от него, что его высочество, как и сам он, не пользуются большим расположением французского двора.

— Я готов к тому, что в любую минуту меня отзовут, — добавил маршал, — меня об этом предупредили: я уже неугоден Версалью. А нас, ваша светлость, там побаиваются, без конца обвиняют и подозревают. Говоря это, я не выдаю никакой тайны; к тому же, чтобы действовать сообща, нам необходимо точно знать, что за почва у нас под ногами. Не знаю, что из всего этого выйдет.

Катина был замечательным человеком, заслуживающим уважения во всем; никакого блеска или галантности в обхождении за ним не наблюдалось, и по отношению ко мне я не могла этим похвастаться. Он пришел ко мне и вел себя не слишком любезно, все время разговаривал со мной как с мадемуазель де Люин, а не графиней ди Верруа, и главное, уж совсем не как с возлюбленной герцога Савойского. У себя на родине

маршал тоже никогда не обхаживал ничьих любовниц. Это погубило его, да он и сам прекрасно все понимал.

Он вернулся к своей армии, а через неделю его заменили.

Впрочем, использованное мною слово «заменяли» неточно: Катина пока еще не отозвали; но к нему прислали вроде бы в качестве помощника, а на самом деле — в качестве командующего маршала де Вильруа, на чьем счету к тому времени было немало стычек с принцем Евгением.

Не могу удержаться и не нарисовать здесь портрет маршала де Вильруа, храбрости и искусству которого Франция и Савойя столь многим обязаны!

Я прекрасно знала его еще до своего замужества, и тогда он был еще очень красив: завзятый волокита и щеголь, самый изысканный кавалер при французском дворе. Его называли красавчиком; в то время все прелестницы двора были его любовницами; два-три раза Вильруа высылали в его лионское губернаторство за любовные похождения. С детства он воспитывался вместе с Людовиком XIV, поскольку отец будущего маршала был гувернером короля; именно поэтому король всегда благоволил к Вильруа, не говоря уже о том, что г-жа де Ментенон была к нему очень расположена.

Когда маршала прислали к нам, он был всего лишь старым любовником г-жи де Вантадур, но по-прежнему считал себя красавчиком. Он так привык побеждать, что не сомневался в предстоящей победе и удаче, как когда-то был убежден в своей власти над прекрасными дамами. Он воображал себе, как будет попираť достоинство принца Евгения и всех его союзников, был тщеславен и самодоволен во всем, упрям как осел, хотя был им лишь наполовину, — короче, он был в те времена самым ничтожным полководцем Франции.

Одевался он по последней моде, задавая тон, как молодой щеголь, и так был уверен в своих достоинствах, что никогда не опускался до зависти к кому бы то ни было.

Меня, разумеется, он удостоил своим первым визитом. В отличие от Катины, Вильруа не был строг в вопросах любви: не будь этого, он никогда бы не смотрелся в зеркало. Он расточал мне комплименты, уверял, что я красивее всех придворных дам во Франции и если бы пожелала туда вернуться, то сразила бы всех наповал.

— Но я понимаю, — добавил он, — вы никогда туда не вернетесь. Здесь вы королева. И будете ею повсюду, но здесь ваше королевство утопает в цветах, а в нашем холодном климате вы не найдете столь пленительных запахов.

Это лишь один из образчиков речи герцога де Вильруа и пример его такта; что же касается его способностей, то «взгляните, что осталось», как говорит Пти-Жан в «Сутягах».

С самого начала он разговаривал с герцогом Савойским фамильярно и на равных, так и не изменив своего тона в дальнейшем; это было особенно неприятно, поскольку он относился с подобающим почтением к герцогинематери и супруге герцога, которая, как известно, принадлежали к французской королевской династии.

Однажды, находясь в расположении армии, герцог Савойский, окруженный генералами и знатными дворянами, открыл во время разговора свою табакерку, собираясь понюхать щепотку табаку, и в эту минуту стоявший рядом г-н де Вильруа бесцеремонно вырвал ее из рук принца, погрузил в табак всю свою пятерню, как он привык это делать, а затем вернул табакерку его высочеству. Виктор Амедей побагровел от гнева, однако ничего не сказал, но спокойно высыпал табак на землю, подозвал одного из слуг и приказал принести ему другой. Он даже не прервал разговор, бросив лишь одно слово:

— Табаку.

Вильруа до дна испил чашу стыда.

С первых дней своего пребывания в Савойе он стал препятствовать всему, что хотел сделать Виктор Амедей. Когда принц говорил: «Я верховный главнокомандующий», — тот отвечал: «У меня приказ короля». И действительно, он показывал его герцогу.

Можно себе представить, как это было отвратительно! Катина и герцог Савойский, два талантливых человека, вынуждены были подчиняться причудам и глупостям подобного ничтожества. Не приходится удивляться, что герцог Савойский с трудом выносил это иго и сбросил его, как только ему представилась такая возможность.

Между тем произошла битва при Кьяри. Надо признать, что герцог Савойский, желая победы спойм поискам, в то же время очень хотел крупного поражения для Вильруа, что не очень согласовывалось между собой. Когда принц Евгений, никогда не забывавший о необходимых знаках внимания, прибыл в армию, он послал герцогу как главе Савойской династии приветствие, а вместе с ним — подарок: прекрасных турецких коней, которые сохранились у него еще с Зенты. Герцог отправил двух из них мне для городской кареты, что вызвало сильную зависть у герцогинь.

Битва при Кьяри была проиграна по вине Вильруа, развязавшего ее вопреки мнению Виктора Амедея и Катина. Герцог сражался как герой, своей отвагой вызван восхищение даже у противника; принц Евгений

сказал о нем так:

— Мой кузен герцог Савойский был бы очень рад, если бы французов разбили, но этот чертов Виктор Амедей — настоящий храбрец, поэтому он не мог остаться в стороне и покамест от всего сердца сражался с нами.

И вот я подошла к тому периоду, когда Виктор Амедей представил мне ярчайшие доказательства своей привязанности, когда он и в самом деле любил меня сильнее, чем прежде, а я имела несчастье убедиться, что, наоборот, испытывала к нему больше благодарности, чем любви.

Как известно, принц обедал у меня почти каждый день, но ужина никогда не пропускал, приглашая в свою компанию самых остроумных людей — придворных и генералов, которых он любил. Женщин я терпела с трудом, и их допускали сюда только после серьезного испытания. В своем кругу женщины, особенно придворные дамы, ничего собой не представляют. Приглашения на наш ужин жаждали многие и добивались его всеми возможными способами, однако я была настороже и принимала только своих друзей.

Однажды вечером — неслыханное дело! — герцог Савойский сказал мне, что ужинать он не будет: ему придется задержаться у герцогини-матери, пригласившей старую даму, которая воспитывала его; дама жила в Шамбери, и ее нарочно привезли во дворец для того, чтобы она могла повидаться с герцогом.

Я была в таком дурном расположении духа, что отослала всех и села ужинать одна, выбран французское блюдо, которое не позволяла себе есть в присутствии герцога. Я села за ужин скорее назло, нежели по привычке, затем легла и скоро уснула. Было еще не очень поздно. Около полуночи я проснулась от ужасных болей; казалось, у меня разрываются внутренности. Я позвала служанок, в первую очередь француженок, поскольку доверяла только им; предостережение маленького Мишона всплыло в моей памяти, и я стала кричать, что меня отравили.

— Господи! Сударыня, это вполне возможно, — сказала мне Марион, — ведь злобный аббат делла Скалья такого наговорил, что десница Божья должна была обрушиться на вас в ближайшее же время!

— Милая моя, не будем тратить время на разговоры. Скорее зови доктора! И господина герцога тоже! Врач скажет, не ошибаемся ли мы, а его высочество даст мне знаменитое противоядие, изготовленное в Венеции; я хочу принять его из рук принца.

— Но если вы, сударыня, примете лекарство теперь же...

— До того как узнаю, нуждаюсь ли в нем на самом деле? Нет, нет, Марион: здесь нельзя терять голову, иначе я уже не найду ее. Пошли за

ними двух моих слуг, и пусть они поспешат: время не терпит!

К счастью, я находилась в Турине; через четверть часа врач и принц были у меня. Первый заявил, что меня, конечно же, отравили, второй тут же дал мне разумную дозу нашего снадобья, не позволив пичкать меня ничем другим, и можно сказать, что ему я обязана жизнью.

Сделав анализ выделений моего организма, врач сказал, что ему этот яд неизвестен и он не может лечить меня обычными лекарствами. Всю ночь я была между жизнью и смертью; Виктор Амедей не покидал меня ни на минуту. Прежде всего он велел взять под стражу и допросить всех людей, работавших на кухне, угрожая им пыткой. Я потребовала, чтобы отпустили поваренка, готовившего пироги и предупредившего нас. Но напрасно расспрашивали этих людей, умоляли, строго приказывали и сильно гневались на них — узнать ничего не удалось, тайна не была раскрыта. Однако один из поваров рассказал, что какой-то незнакомец, не состоящий у меня на службе, приходил утром якобы для тою, чтобы увидеть слугу, которого накануне я прогнала. Этот человек бродил около печей, и его пришлось выставить за дверь, не переходя все же грани приличий.

Все в один голос признали виновным его.

В полдень доктор объявил, что я вне опасности. Герцог как обрадовался, что я буду всегда помнить об этом. Он заказал благодарственный молебен; одновременно аббату делла Скалья как бы между прочим посоветовали покинуть Турин.

Узнав, что произошло, свекровь переслала мне письмо моего мужа, которое я перечитывала очень часто и помню наизусть; оно у меня перед глазами и сейчас, когда я пишу эти строки.

«Я безутешен, потому что потерял женщину, о которой все мне напоминает и которую ничто не может стереть из моей памяти; я по-прежнему сожалею о случившемся и не питаю к ней никакого зла за то, что мне пришлось из-за нее пережить. Всей душой желаю ей счастья! Я ловлю себя на мысли о том, что принц не любит ее так, как любил я, и не может дать ей все то счастье, какого она заслуживает. Вы понимаете, сударыня, что я далеко не излечился и совсем не горю желанием вернуться в Савойю».

Эти строки принесли мне радость и причинили боль одновременно. Почему же, любя меня, он оказался таким слабым и почему у меня не хватило терпения? Я возненавидела свою свекровь и гнусного аббата делла Скалья всеми фибрами души и признаю, что буду ненавидеть этих людей до моего смертного часа, — и в этом заключается одно из моих наслаждений!

Из-за этого дерзкого покушения я почти месяц пролежала в постели. Именно в это время Кремона сумела устоять под натиском принца Евгения. К великой радости обеих армий, Вильруа попал там в плен. Его солдаты ликовали больше, чем враги; они открыто распевали песенку, которую процитировал мне герцог Савойский, пока я лежала в своей спальне; этот куплет нас очень позабавил:

Французы, воздадим хвалу Беллоне;
Удача в руки нам с Небес упала:
Мы удержались под огнем в Кремоне,
Избавившись к тому ж от генерала! [note 16](#)

— Наконец-то мы избавились от Вильруа, — добавил герцог. — Император отпустит маршала, потому что совсем не боится его; но тем временем Франция пришлет другого командующего, и, вполне возможно, прежний уже не вернется.

И действительно, стало известно, что в наши края пришлют герцога Вандомского. Виктор Амедей был удовлетворен лишь наполовину. Мне кажется, он уже намеревался переметнуться на другую сторону, но хотел, чтобы его вынудили к этому, а герцог Вандомский был тем, кто никак не оправдал бы такой переход и своими победами нанес бы ущерб герцогу.

Меня же этот человек просто очаровал: всю свою жизнь я слышала, как восхваляют этого блистательного генерала. Мне было известно, что он умен, что он талантливый полководец и что в его жилах преобладает кровь Генриха IV. Мой отец его недолюбливал, не доверял ему, а мать высоко ценила его и при всем своем благочестии прощала ему распутство. Следует заметить, что в этом отношении герцог Вандомский не знал себе равных. Он превзошел все, что по скандальной хронике известно о самых неисправимых лентяях и развратниках, а если добавить — и о неряхах, то будут названы три основных порока герцога. Во всем остальном он был очень приятен, далеко не красив, но величествен и удивительно любезен. К сожалению, недостатки, о которых я упомянула, обрекали его на любовь самого низкого пошиба; ни одна женщина не хотела иметь с ним дело или, по крайней мере, не признавалась в связи с ним; а происходило ли это тайком, сказать не могу, поскольку ни в ком не уверена.

Герцог Вандомский приехал в то время, когда я только начинала выздоравливать. В Турине он пришел с визитом вежливости к ее светлейшему высочеству герцогине-матери и к супруге герцога, но,

посвятив свой первый день официальным приветствиям, он не преминул шепнуть принцу, что горит желанием увидеть меня; и действительно, на следующий же день он явился ко мне без доклада.

— О! — воскликнул герцог Вандомский с порога, бросаясь в кресло и не здороваясь со мной каким-либо иным образом. — Надеюсь, что, по крайней мере, здесь чувствуешь себя как во Франции, говоришь, ешь, любишь по-французски; поэтому, сударыня, я явился сюда и очень горд, что нахожусь в этих покоях, рядом с вами, и готов написать, объявить всей Европе, какое чудо красоты мы подарили герцогу Савойскому, который должен навсегда сохранить нам верность хотя бы по этой причине.

Я ответила ему как подобало, обдумав каждое слово, ибо герцог Вандомский и в самом деле мог заставить кого угодно сказать лишнее; герцог Савойский заранее предупредил меня об этом. Я приказала подать великолепный обед, которому он воздал должное, и попыталась завершить трапезу сыром, который в Пьемонте подают под разными соусами. В определенных сочетаниях сыр ему очень понравился.

— О! — воскликнула я. — Если бы вы попробовали блюдо, приготовленное для меня неким аббатом Альберони, которого мы послали в Парму, вы восторгались бы еще больше, сударь.

— Сударыня, я сохраню это имя в своей памяти и повсюду буду справляться об аббате Альберони и его блюде.

Он и в самом деле запомнил его; в тот день я, сама того не подозревая, опять помогла осуществиться одной из самых великих и странных судеб этого века, как вы увидите в дальнейшем.

Альберони сопровождал архиепископа Пармского, когда тот представлял своего повелителя на переговорах с герцогом Вандомским, одержавшим тогда победу. Помимо других странных привычек, герцог Вандомский отличался тем, что принимал послов и самых важных людей сидя на стульчаке и совершая процедуру, к которой обычно допускаются лишь камердинеры и аптекари.

Архиепископ был чрезвычайно оскорблен поведением герцога и ушел вне себя от злости, что далеко не способствовало успеху переговоров. Тем не менее их надо было довести до конца; архиепископ наотрез отказывался прийти еще раз и все же не настаивал, чтобы его заменили.

— Я имею право требовать, чтобы герцог Вандомский оказал мне благопристойный прием, — говорил он.

Нельзя сказать, что он был не прав. А герцог Вандомский отвечал:

— Я не собираюсь стеснять себя ради этого старого скряги, у которого даже пастырское кольцо не из драгоценного камня; я принимал на своем

стульчаке и не таких знатных особ, и они же мирились с этим! Придется примириться и ему, иначе пускай отправляется к дьяволу со своим договором и всей своей бестолковщиной!

Ссора, как видите, затянулась, поскольку ни один из них не хотел уступить, и никто не знал, как выйти из положения, если бы не Альберони, взявшийся преодолеть возникшее разногласие, если ему это позволят. Он предложил возобновить переговоры с того места, где архиепископ прервал их. Альберони понемногу шел к своей цели; по возвращении из Пармы архиепископ в беседе со своим повелителем представил аббата как некоего презабавного шута, и герцогу он пришелся по душе.

— Отправляйся-ка к этому странному принцу, — сказал его высочество аббату, — и это будет, как в басне об обезьяне и короне; я уверен, что твоя сообразительность и твой ум послужат мне лучше, чем самые искусные посредники.

Я не упомянула одной подробности, хотя она очень важна, ибо именно это рассердило архиепископа больше всего; просто я не знаю, как выразиться, имея несчастье быть женщиной и не владеть латынью.

Герцог Вандомский в разгар переговоров, в самый важный и критический момент неожиданно встал и показал ужаснувшемуся архиепископу то, что, по всей вероятности, он никогда не показывал врагам Франции, да еще в приступе чистоплотности, какой совершенно не был ему свойствен.

— Но ведь нельзя допустить, — сказал он, — чтобы иностранцы считали нас...

Сами поставьте сюда слово, пожалуйста.

К счастью, Альберони не стал вглядываться в это место так пристально, как архиепископ. Он приказал объявить о себе как о посланце герцога Парме кого и потребовал немедленной аудиенции.

— Посланец от герцога Пармского! — воскликнул г-н де Вандом. — Неужели опять эта бледная архиепископская физиономия? Передайте ему, что я нахожусь в том же месте, что и в прошлый раз.

Поскольку ему ответили, что явился аббат, который на вид жизнерадостен и невзыскателен, г-н де Вандом принял его. Он несколько мгновений смотрел на аббата тем уверенным взглядом, который в миг оценивает поля сражений, а потом спросил, как его зовут.

— Альберони.

— Альберони! Боги праведные! Значит, ты был в Турине?

— Да, ваша светлость.

— Ты знаешь графиню ди Верруа?

— Знаю ли я ее?! Я обязан ей всем.

— Это послужит причиной того, что ты перестанешь с ней знаться, если твое «всем» кое-что значит. Но сможешь ли ты приготовить мне фрикасе?

— Да, ваша светлость, я смогу приготовить все, что вам будет угодно.

— Ты свой человек, Альберони, и я желаю иметь дело с тобой, ради тебя, а не ради твоего господина. Почему ты молчал во время переговоров? Мы бы с тобой уже сговорились. Подожди немного, мы перейдем в комнату, где разложены мои карты, и там поговорим.

И встав так быстро, как позволяла ему его поза, он вновь проделал то же самое, что и с архиепископом; правда, аббата это несколько не обидело.

Начиная с этого дня Альберони расставался с г-ном де Вандомом лишь на время сражения; он стал его наперсником, секретарем, поваром и т.д. и т.п.; он последовал за ним во Францию, и там фортуна сделала его кардиналом, первым министром, властелином Испании, привела ко всему тому, что мы уже видели и о чем в то время было известно каждому.

XXIII

Господин де Вандом сообщил герцогу о возможном скором приезде короля Испании, прибавив при этом, что Людовик XIV изъявил желание, чтобы принц принял его католическое величество в Алессандрии. Туда должен был переехать весь двор. Я была не слишком расположена следовать туда вместе с герцогом; но он упорно настаивал, и я согласилась, чтобы меня доставили в Алессандрию в портшезе, причем инкогнито и при условии, что о моем приезде будут говорить как можно меньше. От меня не укрылось, что Виктор Амедей меня ревнует: по-моему, это скверный недостаток, особенно в мужчине, к которому испытываешь скорее дружбу, нежели любовь. Я и так едва это выносила, но не до такой степени, до которой дело дошло потом.

Принцессы приехали в Алессандрию раньше меня. Госпожа герцогиня Савойская посетовала на то, что меня привезли в Алессандрию, но пожаловалась она не мужу, а своим домашним, и те не преминули передать всем ее слова.

— Я очень надеюсь, что король Испании ее не увидит! — сказала она.

Эти разговоры дошли до герцога, в чьи принципы управления не входило, чтобы вмешивались в его личные дела; поэтому он сделал суровое внушение принцессе, и у нее даже за ужином глаза были красными от слез.

— Госпожа ди Верруа — моя подруга, сударыня, — сказал он ей. — Надеюсь, что в качестве таковой ее будете чтить и вы, и все остальные. Она всегда относилась к вам с уважением, вам не в чем на нее пожаловаться: не подвергайте ее нападкам; она встретится с королем Испании, если захочет его видеть, и займет при моем дворе то место, которое должна при нем занимать в соответствии с ее происхождением, умом и красотой.

Я не видела короля Испании, нисколько им не интересовалась и пряталась от всех, что меня вполне устраивало.

Филипп V, высадившийся в Финале, направился в Алессандрию в портшезе. Герцог выехал ему навстречу и встретил его довольно далеко от города; они оба вышли из экипажей и расцеловались. Приветствия были коротки: король извинился, что не может предложить его высочеству место в своем небольшом экипаже, но сказал, что скоро примет герцога, вознамерившись пригласить его на ужин в тот же вечер.

Условившись обо всем, герцог Савойский вернулся в город, зашел ко мне, чтобы рассказать об этой встрече, а потом отправился к королю,

своему будущему зятю. С господами из despacho [note 17](#) его католического величества было условлено, что герцогу должны предоставить кресло и он не будет требовать, чтобы король просил у него руку его дочери, как это сделал Карл Эммануил, отправившийся лично сватать в жены дочь Филиппа II, но настаивавший на том, что у него должно быть кресло.

Однако г-на де Лувиля, фактотума этого двора, переубедили и герцогу пришлось стоять во время приема. Филипп V отменил ужин под тем предлогом, что не приехали его офицеры. Короче, Виктор Амедей претерпел всевозможные унижения; он сократил свой визит и, оскорбленный, вернулся ко мне и попросил подать ему перекусить, а главное — предоставить возможность излить свое сердце.

— Они увидят, что со мной нельзя безнаказанно обращаться таким образом в моем же собственном доме! — заявил он мне.

На следующий день король Испании нанес ему визит, но не присел; он зашел также к принцессам, с которыми держал себя крайне любезно, особенно с дочерью Месье, которая одновременно была его теткой и тещей.

Герцог был изысканно-вежлив, держал себя с большим достоинством, но очень сдержанно.

Прощаясь с королем, он проводил его за город лишь на одну милю, низко поклонился и сказал:

— Ваше величество извинит меня за то, что я лично не участвую в кампании, как я раньше это решил; возможно даже, что я не смогу поставить много войск: мой народ потерял слишком много людей и денег; я не богат, и наши горы не приносят доход; однако я всегда буду благословлять полки вашего величества.

На этом приветствие закончилось, и люди, знающие принца, теперь могли предсказать, что за этим последует.

Герцог тотчас вернулся в Турин; я выехала туда накануне, чтобы ему не пришлось меня ждать. Когда я появилась в своем доме, Бабетта, которую я не брала с собой, сообщила мне, что в глубине покоев моих детей я найду прячущегося там иностранца и что его высочество приказал ей принять его в строжайшем секрете, обходиться с этим человеком как с ним самим и во всем ему угодать. Одно слово герцога прояснило мне этот факт: у меня в доме находился граф Аверсберг, тайный посланец императора.

Все это меня сильно огорчило; я предвидела неминуемое разорение страны и то, что на принца обрушатся все несчастья, а сам он станет объектом клеветы целой Европы. Я дала себе слово сказать ему об этом при встрече.

— Я знаю, что делаю, — ответил он мне. — Того, что вы

француженка, уже довольно, чтобы я вас не слушал.

Все переговоры проходили в моих покоях и на моих глазах. Граф предлагал очень выгодные условия, но Виктор Амедей хотел большего. Не знаю, чем бы все закончилось, если бы посол Франции г-н Фелиппо с помощью своих шпионов не перехватил послание, адресованное принцу Евгению. Посол тут же явился во дворец к его высочеству и, весь красный от гнева, начал с жалоб и упреков, которые герцог Савойский выслушал с презрительным хладнокровием.

— Но каковы же подлинные намерения вашего королевского высочества? — настаивал на ответе Фелиппо.

— Разве я обязан давать вам отчет, сударь?

— Не мне, но моему повелителю.

— Если он попросит меня об этом, я знаю, в каком тоне следует ему отвечать.

— Ваше высочество, я вынужден буду написать об этом.

— Пишите, сударь, ведь посол и шпион — одно и то же, мне это хорошо известно.

— Ваше высочество, король Франции и король Испании отошлют назад принцесс, ваших дочерей, если вы вынудите их величества относиться к вам как к врагу.

— Пусть отсылают: нам нужны служанки.

На этом разговор должен был закончиться; я это почувствовала раньше обоих собеседников и, поскольку не была охвачена гневом, сделала знак Фелиппо, попросив его удалиться. Он с пониманием воспринял мой жест, раскланялся с принцем, ответившим ему лишь кивком, и оставил нас.

— Дорогая графиня, — сказал мне Виктор Амедей, — мы пошли напролом и скоро окажемся лицом к лицу с Испанией и Францией. Случится то, чего захочет Всевышний, но я больше не мог сдерживать себя. Пошлите, пожалуйста, за Аверсбергом, и как можно скорее.

Граф приехал, и они закрылись вдвоем; я так никогда и не узнала, что было сказано на этой встрече, однако результаты ее скоро стали явью. Фелиппо написал то, что обещал; но привел ли он оскорбительные слова герцога о собственных дочерях? Во всяком случае, последствия оказались ужасными: король послал приказ герцогу Вандомскому разоружить пьемонтские войска, находившиеся в его распоряжении и только что показавшие чудеса доблести в битве под Луццарой. Операцию удалось провести, не встретив сопротивления, поскольку никто ничего не понял. Обезоруженные солдаты были включены в состав французских полков, и их тщательно охраняли, опасаясь дезертирства.

Когда Виктор Амедей узнал об этом, он впал в такое неистовство, какого я никогда в жизни не видала; в это время он ужинал у меня с Аверсбергом и двумя-тремя приближенными. Принц бросил письмо на пол, со всей силы ударил кулаком по столу и крепко выбранился.

— Граф Аверсберг, можете сообщить императору, что я буду противостоять притязаниям Людовика Четырнадцатого, если даже у меня останется лишь один солдат и последний грош. Вам здесь больше незачем прятаться; завтра все мои подданные узнают о моем решении: я призову их под свои знамена, и они, как всегда, посчитают обязательным явиться. Я вам за них отвечаю.

Его негодование распространилось по всей стране со скоростью порохового привода; повсюду раздавались воинственные возгласы, представители разных сословий пришли в ярость: простые люди, буржуа, дворяне — откликнулись все.

В тот же вечер, когда стало известно об этом удивительном повороте событий, посол Фелиппо был арестован в своем особняке; так же поступили со всеми французами, проживавшими в Пьемонте, а их товары разграбили.

Ночью герцог велел пригласить к себе наиболее влиятельных членов дворянского собрания, чтобы договориться с ними.

— Господа, — сказал он им, — помимо Бога, я возложил самые большие надежды на вас, намереваясь смыть оскорбление, которое касается всех нас и которое не могут снести благородные люди.

В ответ раздались страшные крики и угрозы, заставившие затрепетать меня и герцогиню, ведь не могли же мы забыть, что родились француженками.

Хотя в глазах окружающих и по сложившимся обстоятельствам мы должны были быть врагами, в частной жизни у нас с герцогиней далеко не было ненависти друг к другу. Мы часто встречались, о чем не знал даже Виктор Амедей, я нередко давала герцогине Савойской некоторые советы, и она ими не пренебрегала. Взрыв всеобщей ярости не понравился ни ей ни мне.

Герцогиня прислала ко мне одну из своих служанок, чтобы сообщить, как глубоко огорчена она тем, что должно произойти, добавив, что в этом случае хотела бы находиться как можно дальше; на это я велела дать ответ, что была бы счастлива уехать вместе с ней.

Принц послал за Фелиппо, с которого не спускали глаз и все бумаги которого были подвергнуты досмотру.

Фелиппо с достоинством защищал честь своего повелителя.

— Как могло случиться, сударь, — спросил его герцог, — что король Франции осмелился предпринять столь позорное действие и даже не позаботился о вашей безопасности? Видимо, он не очень дорожит вашей свободой и нашей жизнью! А вы, между прочим, очень верный его слуга.

— Его величество может распоряжаться мной: моя свобода и моя жизнь принадлежат ему, — ответил Фелиппо с таким спокойствием, как будто речь шла об очередной королевской охоте.

— Но вы же понимаете, что поступок вашего повелителя — низость: разоружить союзника, усыпленного доверием к договорам!

— К каким? К тем, что заключены между вашим высочеством и моим повелителем, или тем, что вы сейчас подписываете с князем Аверсбергом, который прячется у госпожи графини ди Верруа вот уже более месяца?

Герцог был озадачен, услышав подобный ответ, однако он достаточно владел собой, чтобы ничем не выдать своего волнения даже перед пронизательным взглядом посла; но его преследовала мысль, что Бабетта или Марион его предали, хотя Богу известно, что им даже в голову не могло прийти подобное.

— Я способен отомстить за себя, сударь, — возразил герцог. — Меня достаточно обливали грязью, но отчет о моей мести я буду отдавать только Господу Богу... Я сообщу вам о моих решениях.

— Я буду исполнять их, если сочту приемлемыми, ваша светлость. Я отдаю отчет о своих действиях королю, моему повелителю, и Европе, которая рассудит нас с вами.

— Посмеете ли вы утверждать, будто я не имею права арестовать вас?

— Посмею, ваша светлость, такого права у вас нет. У вас нет столько причин, чтобы распоряжаться моей особой, сколько их есть у моего короля, чтобы разоружить ваши войска. Неужели ваша светлость может предположить, что его величество, раз вы находитесь у него на содержании, не властен повелевать вами, вашими солдатами и даже вашим государством?

— Уходите, сударь, уходите! — вне себя вскричал герцог. — Убирайтесь! Или я забуду о том, кто вы такой, и не знаю...

— Мне кажется, что уже много часов ваше высочество не помнит, кто он есть на самом деле, — хладнокровно возразил Фелиппо, кланяясь и намереваясь уйти. — Однако можно напомнить ему об этом.

Герцогу пришлось сделать невероятное усилие, чтобы сдержаться, не вспылить, иначе вся вина пала бы на него.

На следующее утро он получил депешу от Людовика XIV, составленную и следующих выражениях:

«Сударь, поскольку вера, честь и Ваша собственная подпись совершенно ничего не гарантируют в наших отношениях, я посылаю своего кузена герцога Вандомкого объяснить Вам мои намерения; он даст Вам двадцать четыре часа на то, чтобы Вы приняли решение».

Двадцать четыре часа передышки были настоящей насмешкой; герцог немедленно ответил:

«Государь, угрозы меня отнюдь не пугают; я приму те меры, которые сочту наиболее приемлемыми для себя, не забыв того недостойного способа, каким обошлись с моими войсками; я лишь почитаю за лучшее объясниться и не желаю слышать ни о каком предложении».

Тем не менее герцогу предложили принять в Турине французский гарнизон и разместить французских солдат в крепостях Пьемонта; он даже не стал отвечать, но за несколько недель во всей стране организовал великолепную оборону.

Во второй раз я стала свидетельницей воодушевления народа, который защищает свою свободу под командованием монарха, обладающего выдающимися способностями. Просто невероятно, сколько всего удалось сделать: были восстановлены крепости; словно по волшебству возникла армия; всеми теми деньгами, которые дворянство и буржуазия передали в руки принца, он сумел великолепно распорядиться.

Солдаты, разоруженные Францией и рассредоточенные по разным полкам, дезертировали и вернулись под свои знамена. Принц ликовал.

— Мой народ любит меня, — говорил он мне. — Вы видите это, и я уверен, что меня одобрит Европа, возмущенная отсутствием честности и столь недостойным предательством... Я сумею оказать сопротивление, но император заставит меня дорого заплатить за свою поддержку. Ах, почему я не владею достаточно крупным государством, чтобы обходиться без помощи других?!

Тем временем был составлен заговор, имевший целью арестовать принца и выслать его во Францию; в нескольких строчках мне сообщил об этом один друг, чье имя я не назову (он рисковал своей головой, оказывая мне эту услугу, и я всегда это помню). Герцогу предстояло осмотреть укрепления на границах, чтобы сделать их неприступными или хотя бы способными к сопротивлению; во время этой поездки и намеревались его похитить; герцогство было бы завоевано, а меня, вероятно, потребовала бы выдать семья Верруа. Мои родители, находясь во Франции, не смогли бы защитить меня, что было уже не раз доказано, поэтому я была полностью во власти семейства мужа; мой друг это знал, вот почему он так поспешил предупредить меня, ибо не надеялся на Виктора Амедея.

Предупреждение это дошло до меня необычным образом. Я уже говорила, что принц любил прорицателей; в Турине было несколько таких людей, к которым он часто обращался за советом, ибо питал к ним доверие. Я тоже ходила к ним, отчасти потому, что верила им, отчасти ради того, чтобы развлечься: иногда они меня обманывали, иногда сообщали нечто весьма правдивое, но очень странное. Спустя несколько дней после всех этих событий Марион пришла сообщить мне, что явился человек, называющий себя венецианцем; он спрашивает меня и уверяет, что я с удовольствием его приму.

«Передайте госпоже графине, — прибавил он, — что я тот человек, к кому она обращалась за советом».

— Ну, конечно! — воскликнула я. — Пусть входит, он явился весьма кстати.

Это действительно был наш венецианский колдун; можно понять, как я его приняла, ведь именно подаренное им противоядие спасло мне жизнь; пришедший спокойно выслушал меня с невозмутимым лицом, что было одним из его сильнейших способов воздействия на людей.

— Я, сударыня, нарочно приехал, чтобы оказать вам большую услугу, и, надеюсь, успел вовремя.

— В чем же дело?

— Дело в том, что его светлость не должен выезжать из города: он подвергается большой опасности! Ему устроена засада, его должны похитить и увезти во Францию; все готово для этой вылазки.

— Вы уверены в этом? Что это — точные сведения или пророчество?

— Если бы я был обманщиком, то поставил бы это в заслугу себе, сударыня, но я скажу вам правду: это предупреждение, которое мне поручено вам передать. Вот несколько строк от друга, чтобы успокоить вас.

В страшном волнении я прочла записку.

— Вы видите, что можно верить моим словам и что я вас не обманываю. Теперь, если вы хотите знать, о чем говорит судьба, выслушайте меня. Его светлости герцогу Савойскому угрожают большие несчастья, хотя эта засада и не удастся; но величайшей бедой для него станет то, что он потеряет вас.

— Я умру?

— Нет, вы покинете эту страну.

— По собственной воле?

— По собственной воле.

— И скоро ли это случится?

— Долго вы не задержитесь; я могу, если вы этого желаете, завтра

уточнить время вашего отъезда.

— Но почему же я должна уехать?

— Я не стану вам говорить.

— Однако мне очень хотелось бы знать это.

— Послушайте меня, сударыня. Вы человек слова, и если дадите обещание повиноваться мне во всем, то ваше любопытство будет удовлетворено, правда не сейчас.

— Почему же?

— Я считаю, что вам не нужно знать заранее, какая судьба вас ожидает: это может повредить вашему счастью; но если вы сообразовываете не вскрывать запечатанный мешочек с вложенным в него гороскопом до того дня, как покинете Италию, я дам вам его. Вот тогда вы и увидите, обманывал ли я вас,

— Ну что ж, я согласна, давайте.

— Этот мешочек я принесу вам завтра.

Я поспешила проводить этого человека, чтобы пойти к принцу и известить его о полученном мной предупреждении, однако оно ничуть его не встревожило.

— Меня так просто не захватишь, — сказал он. — Я сумею за себя постоять. Ах! Если бы Людовик Четырнадцатый приехал в Италию или Филипп Пятый не находился вне границ моего государства, клянусь вам, что я... Ничего, скоро мы с ними расплатимся сполна.

— Вы не отправитесь в поездку, которую задумали.

— Отправляюсь, но сначала издам манифест, чтобы известить моих подданных об этом замысле короля Франции и просить их, чтобы они сами меня охраняли; вы убедитесь, что со мной ничего не случится, а раскрытый заговор не будет иметь успеха. Благодарю вас, графиня, ваш друг выбрал необычного посланца; что же делает наш колдун, разъезжая по войскам?

— Сюда, в Турин, он приехал ради вас. Разве не вы его вызвали?

— Не совсем так, — смущенно ответил мне герцог. Бывали мгновения, когда он краснел, признаваясь в своей вере в предсказания; я заметила, что это случается главным образом в трудные времена.

— Я лишь велел написать ему, что мне было бы приятно его увидеть, — прибавил он.

— Он вас понял и приехал.

Наследующий день утром колдун принес мне нечто вроде амулета, сделанного явно в восточном вкусе; он наказал мне носить его на шее до того дня, о котором мы условились.

— Я кое-что прибавил к гороскопу, — сказал он. — Какой бы

опасности вы ни подвергались, не бойтесь: ни болезнь, ни несчастный случай не приведут вас к смерти; прежде вам надлежит свершить великое дело, но вдали отсюда.

— Какое же?

— Вы спасете жизнь одной знатной персоне; вы сохраните последнюю почку самого прославленного и самого драгоценного древа Европы и закончите свои дни в покое и счастье; это, по крайней мере, я вам обещаю.

Он сдержал слово. Что же касается мешочка, то я вскрыла его тогда, когда получила на это право: в гороскопе содержалось в точности то, что в дальнейшем произошло со мной. Никогда я не встречала предсказателя столь же искусного, как этот, хотя советовалась со многими из них, ибо Виктор Амедей заразил меня этим своим недугом.

Для Виктора Амедея настала пора испытаний; надо отдать ему справедливость, сказав, что он оказался выше всех обстоятельств и стал более велик, чем его судьба.

Он подписал Венский договор, по которому император обязывался оказывать ему помощь; но маршал де Лафейад тем не менее вторгся в Савойю, охраняемую герцогом Вандомским с противоположной стороны.

Каждый день приходило известие о какой-либо потере или каком-нибудь поражении; всем прибывающим курьерам следовало бы надевать черную повязку, ибо они несли с собой скорбь. Принц успевал повсюду; он не спал и трех ночей подряд в одном и том же месте, но — что гораздо хуже — заставлял меня его сопровождать. Его охватила какая-то неистовая ревность, хотя я дала повод для нее лишь небольшим охлаждением к нему, что было не в моей власти.

Как известно, я никогда не питала к принцу большой страсти: меня связывали с ним дружба и благодарность. К тому же в те времена он держал себя не слишком любезно. Эта ревность была для меня отвратительна, и я стремилась лишь к тому, чтобы от нее избавиться.

В это время у меня возник план, осуществить который удалось позднее: исполнение его задержали два обстоятельства. Первым была поразившая меня очень тяжелая оспа, сильно встревожившая всех, за исключением меня: предсказание нашего чародея придавало мне уверенность, что я не умру от этой болезни. К счастью, она началась у меня в Турине, во время отдыха герцога; иначе я не знаю, что бы произошло. Рискуя прослыть неблагодарной, я воздам ему справедливость, которую он заслуживает: с тех пор как я заболела, он заперся со мной, не оставлял меня и ухаживал за мной с такой преданностью и нежностью, что забыть об этом я никогда не смогу. Напрасно врачи рисовали ему ту опасность, которой он подвергался; напрасно мать приходила и почти на коленях умоляла его подумать о себе и своем народе; тщетно я сама упрашивала принца оставить меня на произвол судьбы. Он отвечал мне следующее:

— Я заставил графиню ди Верруа оставить мужа, семью и дом; я всегда буду помнить об этом, даже если в отношении меня она допустит все мыслимые ошибки. Но она, благодарение Богу, ни в чем предо мной не виновата! Я должен заменить ей все то, что было отнято у нее мною, и не оставляю ее.

Он сдержал слово и все то время, когда мне угрожала опасность, не выходил из моей комнаты, работая там со своими министрами (то, что им это совсем не нравилось, я узнала позднее от них самих).

Когда я начала выздоравливать, он стал возвращаться к себе хотя бы на ночь, однако и об этом приходилось долго его просить. Я постоянно требовала зеркало, чтобы увидеть, сильно ли обезображено мое лицо, но мне в этом безжалостно отказывали.

Наконец, когда ко мне вернулись силы и я начала вставать с постели, стало уже невозможно скрывать от меня правду. Все зеркала в моей комнате были занавешены; я приказала Марион снять чехлы.

— Госпожа, сейчас придет его светлость, — ответила она. — Он желает лично говорить с вами по этому поводу и запретил нам слушаться вас в том случае, если вы потребуете зеркало.

«Вот оно что, теперь я уродина, — подумала я, — и мне хотят осторожно об этом сообщить».

Если бы я сама могла сорвать с зеркал злосчастные покрывала, то непременно сделала бы это; однако я была слишком слаба.

Наконец появился герцог и очень нежно поцеловал меня:

— Вы снова возвращены мне, моя дорогая графиня; да будет благословен за это милосердный Господь!

— Благодарю вас, ваше высочество, за вашу привязанность; я понимаю, чем вам обязана, не сомневайтесь; но скажите мне...

— Красивы ли вы по-прежнему, не так ли? В моих глазах вы всегда будете самой красивой на свете.

— Но, сударь, как я буду выглядеть в глазах других?

— Вам это важно?

— Конечно, сударь, ведь не хочется внушать ужас, и потом для себя самой...

— Успокойтесь, — более холодным тоном возразил он, — у вас еще остается достаточно прелестей, чтобы удовлетворить самых тонких ценителей. Будьте довольны, сейчас вы себя увидите и сможете оценить это.

Он подошел к большому венецианскому зеркалу, подаренному мне им же (оно и сейчас передо мной, в ту минуту, когда я пишу), потом, сняв тонкий газ, которым оно было завешено, сказал:

— Посмотрите на себя.

Моим первым движением было зажмурить глаза и отдалить этот миг, наступления которого я так жаждала.

— Мужайтесь! — воскликнул герцог. — Смелее! Это совсем не

страшно. Наконец я посмотрела в зеркало и увидела некое подобие скелета с лицом,

обтянутым кожей в шрамах, с воспаленными глазами, без бровей и цвета

вареного рака.

Я закричала от испуга и потеряла сознание.

Ни Виктор Амедей, ни мои горничные не понимали меня: они ведь видели меня еще более уродливой и считали, что по сравнению с тем я выгляжу теперь великолепно; они уже забыли о том, что я не видела своего лица с тех пор, как его черты изменились. Мне понадобилось очень много времени, чтобы привыкнуть к своему новому облику.

Тем не менее принц каждую минуту без устали повторял мне:

— Душа моя, такой вы мне нравитесь еще сильнее; я буду более уверен, что вы принадлежите только мне одному, и даже мысль о ком-то другом, кроме меня, не осквернит вас.

Я вовсе не была польщена этим комплиментом. Надо любить мужчину гораздо сильнее, чем я любила герцога Савойского, чтобы отречься от восхищения всех остальных.

Во Франции начинают говорить о философах, желающих познать все ощущения, все чувства и объяснить их. Пусть же они мне скажут, почему начиная с этого времени я, обязанная любить принца за все, что он дал мне, наоборот, стала испытывать к нему такую неприязнь, что просто не могла находиться рядом с ним. По правде говоря, он заставил меня дорогой ценой заплатить за свои заботы обо мне.

Благодаря одной из странных особенностей своего ума, — их у герцога было много — он льстил себя надеждой, что я на всю жизнь останусь в подобном состоянии и ко мне никогда уже не вернется прежнее лицо; но, по мере того как я выздоравливала, я вновь становилась если не такой, какой была, то, по крайней мере, портретом самой себя, все еще схожим со мной прежней, хотя и несколько поблекшим. Виктор Амедей был крайне этим раздосадован и проявлял все более неистовую ревность, доходившую до грубого обращения со мной, что вынуждало меня считать мои узы чрезвычайно тяжелыми.

Как было уже сказано, в то время я оставалась с ним по двум причинам, но назвала пока лишь первую; второй, более важной, было горе, угнетавшее его. Мне не хотелось покидать его, когда он переживал неудачи: это привело бы меня к угрызениям совести; и к тому же, по правде говоря, я не знала, к какому способу прибегнуть, чтобы избавиться от его тирании. Я не находила ни одного: герцог слишком тщательно охранял меня.

Я находилась под замком, совершенно никого не принимала, не бывала при дворе, позволяла себе лишь прогулку в карете или посещение виллы.

Он брал меня с собой во все поездки и оставлял иногда на два-три дня в одиночестве в какой-нибудь жалкой деревне, где я умирала от скуки, так что даже герцогиня однажды сказала кому-то:

— Если я в прошлом злилась на бедную графиню, то теперь я ей все прощаю; никто не может позавидовать жизни, которую она ведет: она оказывает мне большую услугу, избавляя меня от этих путешествий.

Во всех других отношениях жаловаться мне было не на что. Герцог, скупой для всех, по отношению ко мне был щедр: он осыпал меня подарками. Я даже просила его остановиться, поскольку в том положении, в каком находилось его состояние, у него могли возникнуть затруднения с деньгами. Он ответил мне, что тем самым я лишу его единственного счастья. Теперь же, осмысливая это, я понимаю, что действительно оказалась неблагодарной; он очень меня любил, но по-своему: его чувства отличались от моих лишь потому, что я далеко не так сильно его любила.

Именно тогда я получила письмо, вызвавшее у меня сильное желание покончить с этой связью и предоставлявшее возможность, которую я повсюду тщетно искала.

Я не видела ни единой живой души, кроме министров, работавших у меня вместе со своим повелителем, а также доброго г-на Пети, приходившего изредка с малышом Мишоном, который казался малышом в еще большей степени, чем прежде, хотя он был уже близок к тому, чтобы получить бенефиций.

В один прекрасный день славный кюре явился ко мне с таинственным видом, придававшим такую чопорность его открытому лицу, что мне хотелось рассмеяться.

— Что вы мне несете, мой дорогой кюре? — спросила я. — Кажется, вы держите за пазухой ящик Пандоры.

— Сударыня, я не знаю, что принес, и не ведаю, останется ли на его дне надежда, но вот письмо — меня просил передать вам его один иностранец, мальтийский командор. Так как я упрявился, не зная, что это за послание, он сказал мне, что это письмо от вашего досточтимого брата. Я очень надеюсь, что он меня не обманул.

— Дайте его мне, — ответила я, — и, каким бы оно ни было, даю слово, что вы его прочтете.

Я вскрыла письмо; оно, действительно, было от шеваляе де Люина, покрывшего себя славой в королевском флоте: он сражался против англичан в Средиземном море.

Сейчас у шевалье появилось немного свободного времени, и он спрашивал меня, не будет ли мне приятно, если он проведет его вместе со мной. Не без основания брат не доверял почте и просил одного из своих друзей, отправлявшегося в Турин, взять с собой его послание. В свете поговаривали, что я очень несчастна; он хотел знать, как ему вести себя, предлагал свою помощь, чтобы избавить меня от трудностей, если они на самом деле у меня есть. Брат не сомневался, что его другу, человеку очень сообразительному, удастся передать мне это письмо, сколь бы строго меня ни охраняли, и просил меня ответить ему тем же путем.

Господин Пети уже давно настойчиво умолял меня положить конец этой связи, которую он не мог одобрять с точки зрения религии и которая, к тому же, стала горем моей жизни.

Прочитав это письмо, он произнес «Nunc dimittis» [note 18](#) и воскликнул, что Бог вдохновил шевалье и необходимо принять его предложение, чтобы избавиться от греха, в каком я погрязла на много лет.

Я ответила, что большего и не желаю, но, во-первых, не могу оставить герцога в том горестном положении, в каком он находится, а во-вторых, не знаю, каким образом это сделать, ибо он, несомненно, не позволит мне уехать.

— Попросите, сударыня, вашего досточтимого брата приехать: с ним все станет легко. Что касается несчастий его высочества, то в основном мы полагаем, что его связь с вами является тому единственной причиной. Двойное прелюбодеяние, в котором он живет, отвращает Божье покровительство от его государства и оставляет его самого беззащитным перед местью Господней. Посему ни на минуту не сомневайтесь и положите конец этой связи.

— Но, сударь, если это действительно так, то почему же Людовик Четырнадцатый был так счастлив до тех пор, пока он жил в прелюбодеяниях, о которых вы говорите, и почему же все несчастья обрушились на него тогда, когда он образумился и женился на госпоже де Ментенон? Ваши доводы несколько меня не убеждают.

Церковников никогда ничто не смутит, у них на все находится ответ:

— Он искупает грех, сударыня, да, искупает, и, к сожалению, вместе с ним искупает грехи его королевство. Ну а вам, поверьте мне, остается лишь принять предложение господина шевалье, а мы уж найдем возможность уладить все остальное... Кстати, я могу быть с вами вполне откровенным?

— Пожалуйста, ничего от меня не скрывайте.

— Хорошо, я наберусь мужества, ибо настал решающий час; вы услышите правду, а затем, я в этом не сомневаюсь, примете необходимое

решение... Здесь не любят вас.

— Скажите на милость! — обиженно воскликнула я. — И почему же?

— Прежде всего потому, что вы француженка, а французов здесь ненавидят. При каждой неудаче вас обвиняют в предательстве; потом люди утверждают, что вы подсказываете принцу такие решения, которые не одобряет местная знать; простой народ видит в вас колдунью и клянется, что герцог попал под власть ваших чар и что вы его заморозили; вас считают виновницей всех последних поражений и потерь страны. В отдельных сельских церквах люди молятся за то, чтобы вы были удалены, и, наконец, чтобы признаться вам во всем, расскажу, что даже герцогиня-мать в слезах однажды умоляла меня, чтобы я убедил вас уехать.

— Герцогиня-мать тоже!

— Но не по своему желанию, а под влиянием всеобщего мнения. Она любит вас, но прислушивается к вдовствующей графине ди Верруа... К тому же...

— ... к тому же она считает, что я лишаяю ее части того влияния, которое она оказывала на ум своего сына, при всем том, что она совсем его не знает и никто на него влиять не может. Истинная причина в этом. Я подумаю, мой дорогой аббат; приходите завтра, вы получите мой ответ.

И я действительно подумала.

Я провела ужасную ночь. Все мои желания уносили меня во Францию. Там был г-н ди Верруа; моя семья вполне могла снова сблизить нас; герцог де Шеврёз, мой брат, занимал очень прочное положение и имел все возможности уладить это дело, если бы того пожелал. Сердце мое радостно билось при мысли, что я вновь увижу своего мужа, единственного мужчину, которого я любила, единственного, кого продолжаю любить; в это никто не поверит, но все-таки это правда. Однако покинуть герцога, моего благодетеля, расстаться с моими детьми и примириться с тем, что я, очевидно, больше никогда их не увижу, — все это было ужасно. Поэтому я была в страшной растерянности; наконец я решила на всякий случай вызвать брата, чтобы все с ним обсудить.

Я сообщила принцу, что г-н Пети узнал от одного путешественника о том, что мой брат находится в Генуе, куда я ему и написала. Виктор Амедей сначала воспротивился его приезду, но я обходительностью одолела его противодействие, и он разрешил, чтобы брат приехал, правда не в Турин, а в мой загородный дом. что, впрочем, устраивало меня гораздо больше.

— Вы слишком любите своего брата, сударыня, — заметил он.

— Не знаю, люблю ли, ибо совсем его не знаю или, вернее, знаю очень мало: мы так давно не встречались с ним!

Я понимала, что Виктор Амедей будет доволен подобным ответом и поэтому окажет шевадье хороший прием; не скажи я так, он, быть может, не пожелал бы видеть брата, ведь герцог ревновал меня ко всему, даже к нежным чувствам, какие я питала к моим родственникам.

Добившись немного свободы перед приездом брата (он не заставил себя ждать), я поехала в «Отраду» с моими детьми. Принц любил их больше, чем детей от герцогини, и почти все время проводил с ними. Я уже говорила, что, по примеру Людовика XIV, он признал их, не называя при этом имени их матери. Все считали, что этого от него добилась я, хотя строгие ханжи никак не могли с этим смириться; но принц сделал это по своей воле, мне даже не пришлось об этом беспокоиться. Он узаконил и сына и Дочь. Мой сын всегда носил титул маркиза Сузского, а моя дочь, принцесса Мария Виктория, не изменила фамилии, выйдя замуж за своего кузена Виктора Амедея, сына немого принца ди Кариньяно.

Я ничего не говорю ни о принце ди Кариньяно, ни о доне Габриеле, потому что перестала с ними встречаться, став затворницей и удалившись от света.

Но вот приехал мой брат. Ему было очень тяжело видеть, в каком положении я оказалась, и он обходился с моими детьми не как с племянниками, а как с детьми герцога Савойского, что вынудило меня отослать их назад, в Турин.

Вечером прибыл герцог; шевадье говорил с ним с уважением, какое должно оказывать коронованной особе, но очень холодно, будто не желая, чтобы с ним обращались иначе, чем с любым иностранцем.

— Вы, сударь, проявили большую смелость, приехав сюда, — сказал ему Виктор Амедей. — Французов сейчас у нас не слишком жалуют.

— Имея охранную грамоту вашего высочества, я ничем не рисковал, — возразил шевадье.

— Вы великодушный и смелый враг, сударь; всегда приятно сражаться с достойным противником.

— В армиях его величества все люди таковы, ваша светлость.

За этим ужином мне было очень неловко находиться с ними обоими: брат мой был еще менее любезен, нежели принц, который, вместо того чтобы остаться у меня, как он обычно поступал, потребовал свою карету.

— Сударыня, я вернусь через несколько дней, — сказал он, с обиженным видом глядя на меня. — Оставляю вас предаваться излипаниям родственных чувств.

Мой брат на минуту оставил нас одних. Я от всей души старалась утешить принца, но он по-прежнему говорил со мной в том же

насмешливом тоне:

— Я не желаю делить вас с кем-нибудь; вы не можете одновременно заниматься мной и шевалье. Посвятите всю себя ему, согласен, не буду вас беспокоить.

В глубине души я была этому рада и позволила ему уехать, тоже состроив обиженную мину.

Как только послышался звук отъезжающей кареты, вновь появился мой брат.

— Сестра моя, — сказал он, — вас необходимо вытащить отсюда.

— Другого я и не прошу, только не знаю, как мне это сделать.

— Если вы решились — я все возьму на себя.

— Я сделаю все, что вы пожелаете, но — поторопитесь!

Мы и в самом деле остались с братом одни.

Последующие дни я потратила на то, чтобы показать шевалье этот прелестный край, который ему очень понравился; очень веселые и очень свободные, мы с утра до вечера носились по окрестностям. После прекрасных дней, проведенных когда-то с мужем, эти мгновения остались в моей памяти как самые приятные минуты из тех, что мне довелось пережить по прошествии моей ранней юности.

Мы разработали наш общий план; он был смелым и, тем самым, имел больше шансов на успех. Мы решили, что я, попрошу у принца разрешения проводить шевалье до границы и, вместо того чтобы вернуться обратно, пересеку ее вместе с ним под носом у таможенников и солдат, которые не посмеют меня задержать.

Трудность состояла в том, чтобы получить разрешение принца: Виктор Амедей, как я смела надеяться, вскоре тоже должен был отправиться в ту сторону и мог подумать, что я просто хочу его опередить.

Однако я встретила неожиданное сопротивление, когда приехала к герцогу в Турин, чтобы изложить ему свою просьбу.

— Я не могу вам позволить этого, — сказал он мне, — потому что рискую вас потерять. Вражеские армии стоят совсем близко, и вы подверглись бы опасности попасть в плен. Посудите сами, какая это была бы радость для королевских войск захватить любовницу герцога Савойского! И какой дорогой выкуп меня заставили бы за вас внести!

— Но, сударь, я буду осторожна, не стану приближаться слишком близко к границе; меня не схватят, ручаюсь вам.

— Больше не просите меня, это невозможно, я никогда на такое не соглашусь. -

Что я ни делала, ничего добиться не смогла и вернулась очень опечаленной, в тягостных раздумьях о том, каким образом нам выбраться из этого затруднения. Но шевалье ничуть не смутил отказ принца.

— Успокойтесь, сестра моя, — сказал он. — Герцог сам предлагает нам выход, ведь он должен отправиться в одну из своих поездок; притворитесь больной и скажите, что сами приедете к нему, а когда отправитесь в дорогу, вас похитят, уж за это я отвечаю.

Это предложение было действительно лучше, и мы сразу же прибегли к нему, начав разыгрывать нашу пьесу. Шевалье простился с герцогом и

демонстративно уехал.

Принц вернулся в тот же вечер; он еще держал себя несколько холодно и смущенно; но облако рассеялось, и я снова увидела герцога таким, каким он был обычно. Он сообщил мне о своем намерении скоро отправиться в путь и о том, что рад взять меня с собой. У меня не хватило сил возразить ему, и, кстати, меня охватила невольная печаль; ведь, несмотря ни на что, я его любила и мысль расстаться с ним навсегда, оставив его грустным и несчастным, причиняла мне боль. Я тоже была нежна, как обычно, и это привело его в восторг.

После его отъезда я стала думать о своем бегстве, о том, что должна увезти с собой, о судьбе, которая ждет меня во Франции. Мой брат не скрыл от меня, что родители не одобряют меня и мне не следует на них рассчитывать, что герцог и герцогиня де Шеврёз — люди суровые и неприветливые. Когда я сказала о возможности примирения с моим мужем, он покачал головой и предупредил, что об этом надо думать лишь очень осторожно.

— Мать страшит его, находясь даже на расстоянии в триста льё, — сказал он, — и меры, которые примут в отношении вас в Париже, неспособны вернуть его вам. Но все-таки уезжайте, возьмите с собой все, что вам принадлежит, и я надеюсь, что чуть позднее мне удастся помочь вам снова обрести счастливое положение.

В Турине я была королевой; в Париже мне предстояло жить как простому частному лицу, скорее всего в монастыре, что, в сущности, не изменило бы моей жизни. Мне предстояло расстаться с моими детьми, причем всеми детьми, ведь г-жа ди Верруа не отдаст своих внуков, а герцог отнюдь не был намерен отдать мне маркиза Сузского и Марию Викторию. Как это было печально! И потом мне нравилась Италия, я полюбила эту страну, где пережила такие прекрасные мгновения, где протекла моя молодость. То, что я больше ее не увижу, причиняло мне жестокую боль; я уже хотела было остаться и — могу в этом поклясться, — не будь у меня надежды вновь встретиться с г-ном ди Верруа, не уехала бы.

После бессонной ночи мой выбор был сделан: я решила и велела Бабетте и Марион, которые должны были ехать со мной, тайком упаковать мои жемчуга и драгоценности. Я взяла одежду — все мои дорогие тряпки, все деньги, какие могла собрать, и приготовилась к отъезду.

Одно обстоятельство придало мне мужества.

Герцогиня передала мне через доверенное лицо, что маркиз ди Сан Себастьяно умер и его вдова приехала в Турин. Она написала принцу; тот принял ее и дал ей весьма продолжительную аудиенцию. Вечером он

спросил у принцессы-матери, не доставит ли ей удовольствие вновь увидеть одну особу, пользовавшуюся ее покровительством вполне заслуженно. Он прибавил, что в течение долгих лет эта особа была очень несчастна, но отныне будет находиться при дворе, чтобы жить здесь в покое и наслаждаться благополучием, оплаченным ею слезами.

— Я хотел бы, чтобы она, как и прежде, находилась при вас, ваше высочество. Согласны ли вы на это? — спросил он.

Принцесса надеялась, что вдова станет для меня опасной соперницей, а для нее — преданной подругой; она приняла ее, гордясь своей снисходительностью. Маркиза ди Сан Себастьяно по-прежнему была очень хороша собой; она была еще молода и обладала хитрым и скрытным характером, благодаря которому она оказалась там, где мы ее видим теперь.

Принцесса-мать приняла ее чудесно и сама представила герцогине; та выразила маркизе глубокое почтение и сочла ее очень приятной. Хитрая бестия избегала принца, вопреки ее планам слишком много вспоминавшего о прошлом. Она не могла ни оттолкнуть, ни принять его: было гораздо удобнее держать его на почтительном отдалении. Виктор Амедей еще любил меня довольно пылко, чтобы не стремиться преодолеть этот барьер, хотя, вероятно, он уже думал об этом.

Герцогиня, вовсе не стремившаяся сменить известное на неопределенное, предупредила меня о происходящем, чтобы я могла защищать свои интересы и свое положение. Но сложившиеся обстоятельства были для меня истинным облегчением. Итак, у принца будет подруга, он даже получит любовницу, ибо они не остановятся в начале такого прекрасного пути: это чувство, подрезанное под корень, наверное, еще жило в глубине их сердец. Сан Себастьяно была честолюбива, и занять мое место казалось ей соблазнительным; она его и займет.

Сначала я делала вид, будто ничего не подозреваю; потом мне пришла мысль, что будет неплохо проявить немного ревности: тем самым я смогу внушить моему любовнику мысль изменить мне, если она у него еще не появилась. Ревность в основном этому и способствует.

Поэтому при первой нашей встрече я напустила на себя обиженный вид, что его заинтриговало, отказалась отвечать на его вопросы, наконец позволила себе забыться и заявила ему, что, уж если он сам проявляет подозрительность, то не надо внушать другим такие же горькие опасения.

— В чем дело? Чего вы боитесь? Что это за вздор?

— Вы прекрасно все знаете, ваша светлость, к чему повторять то, что вам уже известно?

— Пусть меня повесят, если я...

— Вы приняли маркизу ди Сан Себастьяно.

— Это правда. Ну и что из того?

— Как что? Но ведь маркиза ди Сан Себастьяно — это та красавица, в которую вы были безумно влюблены, которую оплакивали, когда встретили меня; мне стоило большого труда утешить вас. Она по-прежнему красива и теперь свободна... Как же я могу ее не бояться?

Виктор Амедей поклялся мне, что он ни о чем подобном не думает, но я поняла: иногда мысль об этом приходит ему в голову, хотя пока и не часто, но со временем он непременно к ней вернется.

«Ничего, он забудет меня!» — подумала я.

Но мы так устроены, что эта мысль меня опечалила, хотя в ту минуту она заключала в себе самое пылкое мое желание. Я хотела быть забытой и вместе с тем страшилась оказаться ею, желала порвать узы и, тем не менее, сожалела о них.

При последнем свидании с принцем я едва сдерживала слезы, задыхалась, но все-таки не хотела показывать, насколько я взволнована. Он очень беспокоился по поводу моего недомогания, которое будет еще несколько дней удерживать меня вдали от него, заставил поклясться, что я скоро к нему приеду, а пока буду каждый день присылать к нему курьера. Казалось, он предчувствовал, что мы расстаемся навсегда, ибо трижды возвращался поцеловать меня и не мог вырваться из моих объятий; в конце концов я больше не могла сдержать себя и залилась слезами.

— Главное, не заезжайте дальше условленного места, — повторял он, — возьмите эскорт и не подвергайте себя никакому риску. Я должен был бы приказать вам оставаться здесь, но у меня не хватает мужества на это решиться. Я оставлю вам князя делла Цистерна, вы приедете вместе с ним. Вы ведь скоро приедете, не правда ли?

Обещая ему это, я смотрела, как он уходит, а когда он меня покинул, упала в обморок. Мои француженки предвидели, что так и случится. Они перенесли меня на постель; я пролежала весь вечер; рядом были мои дети: мне не хотелось ни на миг расставаться с ними. Изредка я сама громко вскрикивала при мысли, что скоро их покину, а позднее они, быть может, будут в этом винить меня. Если бы я не любила их так сильно, то взяла бы с собой; но они потеряли бы богатое настоящее и блестящее будущее ради того, чтобы занимать в Париже положение неведомых никому бастардов, поэтому мне надо было принести эту жертву; я принесла ее, но ничто в моей жизни не обошлось мне так дорого.

Наконец условленный день настал; с вечера, не предупредив меня,

Бабетта отправила моих детей в Турин, чтобы я их больше не видела, а мой отъезд оказался менее тягостным. Князь делла Цистерна и его драгуны эскортировали мою нагруженную большими ценностями карету (она могла бы стать славной добычей); впрочем у меня были две кареты, и обе в равной степени нагружены. Мы не рассчитывали, что нас будут сопровождать драгуны, и я проявляла беспокойство; однако курьер предупредил брата о моем отъезде и сообщил ему, по какой дороге я поеду.

Я взглянула на принадлежавший мне дом, где провела много спокойных и счастливых часов, где еще вчера в последний раз обнимала своих детей, и забилась в глубь кареты, не отвечая г-ну делла Цистерна, который, сняв шляпу, подошел к дверце. Подумав, что я нездорова, он удалился.

На третьем ночлеге, когда я заканчивала ужин, таинственно вошла Марион и сказала, что прибыл хорошо замаскированный посланец от моего брата.

Нас должны были похитить этой ночью, без всякого шума. Хозяин был подкуплен; драгунов, охранявших обе кареты, напоят вином со снотворным порошком, так же как князя и его людей; запряженные кареты будут вывезены со двора, а мы пойдем пешком обходным путем, что позволит нам никем не замеченными выбраться из городка. Чтобы не быть ни в чем заподозренным, хозяин гостиницы, после того как все будет сделано, тоже выпьет вина со снотворным, так что утром его найдут спящим, как и всех других, и не станут нив чем подозревать.

Этот великолепный план был задуман за столом пятью или шестью французскими дворянами — все они были моими близкими или дальними родственниками и радовались тому, что могут похитить у Савояра его любовницу. Я могла лишь одобрить этот план: в нем легкомысленные повесы проявили определенный здравый смысл.

Все было исполнено великолепно: нас вывели из гостиницы так, что никто ничего не заметил; все было как в сказках, настоящим волшебством. Французские аванпосты находились отсюда очень далеко, и здесь никто не ожидал столь дерзкого нападения; надо было быть французом, чтобы задумать такой план, а главное — чтобы осуществить его. Мои похитители могли бы перерезать уснувших драгунов, но я поставила условие, что им не причинят никакого зла. Впрочем, похищавший меня отряд был весьма мал: это была дюжина сорвиголов, которые, словно вихрь, пересекли всю страну, выдавая себя за мародеров савойской армии; они переоделись в пьемонтскую форму, а сходство Двух языков не позволяло раскрыть, кто они такие.

Мы неслись галопом всю ночь; повсюду были приготовлены припасы и оседланные лошади; мы ни на минуту не останавливались и на рассвете встретили поджидавший нас большой отряд; теперь нам нечего было бояться, и я наконец оказалась среди моих соотечественников, осыпавших меня поздравлениями.

Граф д'Эстре спросил меня, куда я желаю ехать. Я ответила, что поеду в Париж, в монастырь кармелиток на улице Булуа, где у меня много добрых друзей.

— Ну что ж, гони в Париж! — приказал он моему кучеру.

Я не хотела пересекать границу, не написав герцогу Савойскому; вот мое письмо:

"Монсиньор,

я могла бы попытаться обмануть Ваше высочество, сказать Вам, что меня похитили и я покидаю Италию не по своей воле, но сочла недостойным для себя скрывать от Вас правду. Я уехала добровольно, с помощью шевалье де Люина и его друзей.

Тем не менее я сохраню вечную признательность Вашему королевскому высочеству за ту щедрую доброту, с которой Вы ко мне относились, и я прошу Вас верить, что в сердце моем нет неблагодарности. Я прошу Вас заботиться о моих детях, покинуть их было для меня жестоким ударом; у них остались только Вы, они навсегда разлучены со своей матерью, которая ничего для них сделать не в состоянии. Если Вы сохраните ко мне недоброе чувство, я умоляю Вас не переносить его на этих несчастных и невинных созданий: они должны напоминать Вам лишь о времени счастья. Увы! Это время больше не может вернуться! Не забывайте совсем обо мне, и уверяю Вас еще раз, что я буду вечно Вас помнить..."

Я не сообщила ему причину моего отъезда. В этом случае пришлось бы обвинять и меня и его, но к чему это?

КОММЕНТАРИИ

Роман «Царица Сладострастия. Мемуары мадемуазель де Люин» («La Dame de Volupte». Memoires de mademoiselle de Luynes"), созданный в жанре псевдомемуаров, представляет собой жизнеописание знаменитой графини ди Верруа, урожденной Жанны де Люин, многолетней любовницы Виктора Амедея II, герцога Савойского, которая в конце концов покинула его и вела в Париже жизнь, полную удовольствий и наслаждений, получив у современников прозвище Царица Сладострастия. Это сочинение впервые вышло в свет в 1855 г., в составе третьего тома огромного исторического цикла Дюма «Савойский дом», опубликованного в Турине в 1852-1856 гг. издателем Перреном. Переработанный его вариант вышел затем отдельным изданием в Бельгии: Bruxelles, Alphonse Lebegue, 18mo, 3 v., 1856-1857. Первое издание во Франции: Paris, Michel Levy freres, 12mo, 2v., 1863.

Это первая публикация романа на русском языке. Перевод его был выполнен В.Жуковой специально для настоящего Собрания сочинений по изданию: Paris, Calmann-Levy, 1896 — и по нему же была проведена сверка.

Непосредственным продолжением «Царицы Сладострастия» является роман «Две королевы».

7 ... читатели еще не забыли публикацию «Мемуаров княгини Монако» в «Мушкетере» ... — Роман «Княгиня Монако. Жизнь и любовные приключения» («La Princesse de Monaco. Vie et aventures»), жизнеописание французской аристократки княгини Монако, любовницы графа де Лозена и короля Людовика XIV, имя которой не раз появлялось в скандальной любовной хронике французского двора сер. XVII в., впервые публиковался под названием «Жизнь и любовные приключения Екатерины Шарлотты де Грамон де Гримальди, герцогини де Валантинуа, княгини Монако» («Vie et aventures de Catherine Charlotte de Gramont de Grimaldi, duchesse de Valentinois, princesse de Monaco») в газете «Мушкетер» с 01.01 по 18.09.1854. «Мушкетер» («Le Mousquetaire») — ежедневная парижская газета, основанная Дюма; выходила с 12 ноября 1853 г. по 7 февраля 1857 г.; ее начальный тираж составлял 10 000 экземпляров; газета не оправдала надежд ее основателя, и в 1856 г. он отказался от руководства ею.

... я дал просмотреть эти мемуары одной даме из числа моих приятельниц ... — Имеется в виду Габриель Анна де Куртира, госпожа де Пуаллоуде Сен-Мар (1804-1872) — французская писательница, выступавшая под псевдонимом «Графиня Даш»; принимала участие в

создании романов «Княгиня Монако» (1854), «Царица Сладострастия» (1856 — 1857), «Две королевы» (1864); «Госпожа дю Деффан» (1856 — 1857); сотрудничала в газете «Мушкетер»; автор многочисленных, ныне забытых романов; оставила интересные мемуары, носящие название «Портреты современников» (1864); с Дюма познакомилась в сентябре 1836 г.

... натолкнулся на одну из них, носящую название: «Мемуары Жанны д'Альбер, графини ди Верруа, по прозвищу Царица Сладострастия». — Верруа (де Веррю), Жанна Батиста д'Альбер де Люин, графиня ди (1670 — 1736) — с 1683 г. супруга Джузеппе Скалья, графа ди Верруа, знатного пьемонтского дворянина, генерала на французской службе; став любовницей герцога Савойского, приобрела огромную власть над ним; родила от него дочь и сына; осыпанная милостями и богатыми дарами, она, тем не менее, покинула савойский двор, переселилась в Париж, прожила там еще долгие годы и получила за свое пристрастие к удовольствиям и развлечениям прозвище Царица Сладострастия.

8 ... Она была современница восьми римских пап: Климента X, Иннокентия XI, Александра VIII, Иннокентия XII, Климента XI, Иннокентия XIII, Бенедикта XIII и Климента XII; трех императоров: Леопольда I, Иосифа I и Карла VI; двух королей Франции: Людовика XIV и Людовика XV; двух королей Испании: Карла II и Филиппа V; четырех королей Англии: Карла II, Якова II, Вильгельма III и Георга I. — Климент X (Эмилио Альтьери; 1590 — 1676) — римский папа с 1670 г.

Иннокентий XI (Бенедетто Одескальки; 1611-1689) — римский папа с 1676 г.

Александр VIII (Пьетро Оттобони; 1610-1691) — римский папа с 1689 г. Иннокентий XII (Антонио Пиньятелли; 1615 — 1700) — римский папа с 1691 г.

Климент XI (Джованни Франческо Альбани; 1649-1721) — римский папа с 1700 г.

Иннокентий XIII (Микеланджело леи Конти; 1655 — 1724) — римский папа с 1721 г.

Бенедикт XIII (Винченцо Мария Орсини; 1649 — 1730) — римский папа с 1724 г.

Климент XII (Лоренцо Корсини; 1652-1740) — римский папа с 1730 г.

Леопольд I Габсбург (1640 — 1705) — император Священной Римской империи с 1657 г., сын императора Фердинанда III. Иосиф I Габсбург (1678-1711) — император с 1705 г., сын Леопольда I.

Карл VI Габсбург (1685 — 1740) — император с 1711 г., младший брат

Иосифа I.

Людовик XIV (1638 — 1715) — французский король с 1643 г., сын Людовика XIII.

Людовик XV (1710 — 1774) — французский король с 1715 г., правнук Людовика XIV.

Карл II (1661 — 1700) — испанский король с 1665 г., сын Филиппа IV.

Филипп V (1683-1746) — испанский король с 1700 г., внук Людовика XIV. Карл II Стюарт (1630 — 1685) — английский король с 1660 г., сын Карла I.

Яков II Стюарт (1633 — 1701) — английский король с 1685 по 1689 гг., младший брат Карла II.

Вильгельм III Оранский (1650 — 1702) — английский король с 1689 г., внук Карла I и зять Якова II.

Георг I (1660 — 1727) — английский король с 1714 г. и курфюрст Ганноверский с 1698 г.; внук короля Якова I Стюарта; унаследовал английский трон после смерти своей тетки Анны Стюарт (1665 — 1714), английской королевы с 1702 г., дочери Якова II.

... Она была знакома с герцогами Вандомским, Вильруа, Катина, Вилларом, принцем Евгением, Вольтером, Мариво, регентом, герцогом и герцогиней Менскими ... — Герцог Вандомский — Луи Жозеф, герцог де Вандом (1654 — 1712), видный французский полководец, особенно прославившийся в битвах войны за Испанское наследство; правнук короля Генриха IV и Габриель д'Эстре. Вильруа, Франсуа де Невиль, маркиз, затем герцог де (1644-1730) — маршал Франции (1693); сын наставника Людовика XIV маршала Вильруа; воспитывавшийся вместе с королем, сумел навсегда остаться ловким придворным; как военачальник таланта не проявил; в 1685 г., после смерти своего отца, стал губернатором Лионне; в 1717-1722 гг. занимал должность наставника при юном короле Людовике XV.

Катина, Никола, де (1637 — 1712) — один из талантливейших полководцев Людовика XIV, маршал Франции (1693); участник войн кон. XVII — нач. XVIII в.; в 1690 — 1696 гг. командовал армией, сражавшейся в Италии во время войны с Аугсбургской лигой, и одержал ряд побед над герцогом Савойским; отличался бескорыстием и пользовался любовью солдат; оставил обширную переписку и мемуары.

Виллар, Клод Луи Эктор, герцог де (1653-1734) — французский полководец и дипломат, маршал Франции (1702); участник войн Людовика XIV и Людовика XV; оставил заметный след в истории военного искусства.

Принц Евгений Савойский (1663-1736) — один из известнейших

австрийских полководцев XVII — XVIII вв.; отличался смелостью, решительностью, хладнокровием, тонким пониманием обстановки, в которой ему приходилось действовать, и особенностей противников, с которыми ему приходилось сражаться. Вольтер (настоящее имя — Франсуа Мари Аруэ; 1694-1778) — французский писатель, поэт, философ; выдающийся деятель эпохи Просвещения; сыграл большую роль в идейной подготовке Великой французской революции.

Мариво, Пьер Карле де Шамблен де (1688-1763) — французский драматург и писатель; член Французской академии (1743). Регент — Филипп II Орлеанский (1674 — 1723), сын Филиппа I Орлеанского, брата Людовика XIV, и Елизаветы Шарлотты Пфальдской; первоначально носил титул герцога Шартрского; регент Франции в 1715 — 1723 гг., в годы малолетства Людовика XV; добился утверждения своей власти (вопреки завещанию Людовика XIV) с помощью Парламента, которому он вернул ряд прав, отнятых покойным королем (но в 1718 г. от сделанных уступок сам же и отказался); сначала привлек к управлению государством феодальную знать, упразднив должность государственных секретарей (министров), представителей «дворянства мантии», и заменив их советами, в которых преобладала придворная аристократия, но в 1718 г. вернулся к прежнему варианту: безуспешными оказались его попытки реформирования налоговой и финансовой системы страны (деятельность Д. Лоу); во внешней политике ориентировался на союз с Англией.

Герцог Менский — Луи Огюст де Бурбон, герцог дю Мен (1670 — 1736), сын Людовика XIV и госпожи де Монтеспан, узаконенный отцом.

Герцогиня Менская — Анна Луиза Бенедикта де Бурбон-Конде, герцогиня дю Мен (1676 — 1753), внучка Великого Конде и супруга (с 1692 г.) герцога дю Мена.

... В течение десяти — двенадцати лет она была официальной любовницей Виктора Амедея. — Виктор Амедей II (1666 — 1732) — герцог Савойский в 1675 — 1730 гг., король Сицилии (1713 — 1718), затем Сардинии (1720 — 1730); сын герцога Карла Эммануила II; с 1684 г. был женат на племяннице Людовика XIV Анне Марии Орлеанской; участвовал в войне за Испанское наследство сначала на стороне Франции, потом на стороне ее противников; по Утрехтскому миру (1714) значительно расширил свои владения; в 1730 г., после вступления в морганатический брак, отрекся от власти в пользу своего сына Карла Эммануила III, но уже в следующем году попытался вернуть себе власть, после чего был арестован по приказу сына и препровожден в Риволи, а затем в Монкальери, где и умер.

... После своего бегства из Пьемонта, сохранив старые знакомства в Турине, графиня сумела завязать новые связи с Испанией. — Пьемонт — историческая область на северо-западе Италии; с XIII в. — княжество, ныне — область в Италии. В 1360 — 1363 гг. Пьемонтом завладели графы Савойские, государи образовавшегося в XI в. в Западных Альпах графства (с 1416 г. — герцогства) в составе Священной Римской империи. Этнически жители собственно Савойи (савояры) представляют собой этнографическую группу французов, и в культурном отношении Савойя всегда тяготела к Франции; столицей графства Савойя (позднее — герцогства) с кон. XIII в. был город Шамбери. В 1563 г. герцог Эммануил Филиберт перенес свою столицу в главный город Пьемонта — Турин, и с той поры центр объединенного государства перемещается в Италию, а итальянская культура постепенно становится в нем господствующей. В 1720 г. Савойская династия приобрела остров Сардинию и вместе с ней — королевский титул; новое объединенное государство начало именоваться — хотя и неофициально — Пьемонтским королевством. В 1792 г. французские войска заняли Савойю и присоединили ее к Франции (для этого был проведен референдум); в 1815 г.

Савойя была возвращена Пьемонту, но в 1860 г. окончательно отошла к Франции; ее территория охватывает соврем. департаменты Савойя и Верхняя Савойя. Пьемонт же в XIX в. стал ядром объединенной Италии: в 1861 г. принцы Пьемонтские из Савойской династии взошли на престол новообразованного Итальянского королевства и занимали его вплоть до референдума 1946 г., провозгласившего в Италии республику.

Турин — город в Северной Италии (ныне — центр области Пьемонт); в средние века столица нескольких феодальных владений, резиденция герцогов Савойских; в 1720-1860 гг. столица Сардинского королевства.

... я решил перелистать Сен-Симона. — Сен-Симон, Луи де Рувруа, герцог де (1675 — 1755) — представитель старинной аристократической французской фамилии, автор знаменитых «Мемуаров», где он в подробностях, очень скрупулезно и талантливо описал жизнь при дворе короля Людовика XIV и время правления регента Филиппа Орлеанского, дал полную картину нравов, создал галерею живописных портретов основных исторических персонажей той эпохи; впервые эти мемуары (в неполном виде) были опубликованы в 1829 — 1830 гг.; первое их научное издание (в 20 томах) вышло в 1856 г.; содержащиеся в них сведения широко использованы в данном романе.

... в своих мемуарах он посвятил целый параграф, почти главу, графине ди Верруа. — Этот параграф содержится в главе XXV тома II

«Мемуаров» Сен-Симона.

... она дочь герцога де Люина от его второй жены, которая одновременно приходилась ему теткой, поскольку была сводной сестрой его матери, знаменитой герцогини де Шеврёз. — Герцог де Люин — Луи Шарль д'Альбер, герцог де Люин и де Шеврёз (1620 — 1690), сын герцога де Люина, фаворита короля Людовика XIII, и Мари Эме де Роган-Монбазон, ставшей позднее герцогиней де Шеврёз; вторым браком (с 1661 г.) был женат на ее сводной сестре Анне де Роган-Гемене (1644-1684) — дочери Эркюля де Рогана. герцога де Монбазона (1567 — 1654), и его второй жены (с 1628 г.) Марии Бретонской (1610 — 1657); первым браком (с 1641 г.) был женат на Луизе Марии Сегье, маркизе д'О (1624 — 1651), а третьим (с 1685 г.) — на Маргарите д'Алигре (1641-1722).

Шеврёз, Мари Эме де Роган-Монбазон, герцогиня де (1600-1679) — дочь Эркюля де Рогана и его первой жены (с 1594 г.) Мадлен де Ленонкур (1576 — 1602); с 1617 г. супруга герцога де Люина; в 1621 г. овдовела; с 1622 г. состояла в браке с Клодом Лотарингским, герцогом де Шеврёзом; вся ее жизнь была соткана из любовных интриг и политических козней; она состояла участницей многих заговоров против кардинала Ришелье, а позднее — против кардинала Мазарини.

... Большое число детей от этого второго брака вынуждало герцога де Люина, человека небогатого, пристраивать своих дочерей всеми возможными способами. — От второго брака у герцога де Люина было два сына и пять дочерей:

Луи Жозеф (1672-1758), граф фон Вертинген и Хохенрейхен, имперский фельдмаршал;

Шарль (1674-1734), шевалье де Люин;

Мария Анна (1663 — 1679), с 1678 г. супруга Шарля III Рогана-Гемене (1655-1727);

Шарлотта Виктория (1667 — 1701), с 1682 г. супруга Александра де Энена, герцога де Бурнонвиля (1662 — 1705);

Катрин Анжелика (1668 — 1746), с 1694 г. супруга Шарля Антуана Гуффье, маркиза д'Эйи (1672 — 1706);

Жанна Женевьева (18.01.1670-18.11.1736), с 23.08.1683 супруга Джузеппе Игнацио Скалья, графа ди Верруа, — героиня настоящего романа;

Жанна Тереза (1675 — 1756), с 1698 г. супруга Луи де Кастельно де Клермон-Людева (7-1705). Еще двое детей у него было от первого брака.

... Ее свекровь состояла придворной дамой герцогини Савойской ... — Вдовствующая графиня ди Верруа — Клаудия де Сен-Мишель д'Авюлий,

баронесса д'Эрманс, графиня д'Озазио (1636 — 1706). Герцогиня Савойская — Анна Мария Орлеанская (1669 — 1728), дочь Филиппа I Орлеанского и Генриетты Английской, с 1684 г. супруга Виктора Амедея II, герцога Савойского. ... Граф ди Верруа был очень молод, красив, прекрасно сложен, богат, умен и чрезвычайно учтив. — Верруа, Джузеппе Марио Игнацио Аугусто Манфредо Джироламо, пятый граф ди (1667 — 1704) — знатный пьемонтский дворянин, с 1683 г. супруг Жанны де Люин; генерал на французской службе; погиб во время войны за Испанское наследство, в битве при Гохштедте (см. примеч. к с. 312).

... заявила, что ей необходимо отправиться на воды в Бурбон ... — Бурбон — имеется в виду Бурбон д'Аршамбо, городок в центральной части Франции, в соврем. департаменте Алье, прежняя столица исторической провинции Бурбонне, славится своими термальными источниками.

... ее сопровождал дядя мужа, аббат ди Верруа, которого называли также аббат делла Скалья по их родовому имени. — Здесь имеется в виду Филиберто Скалья ди Верруа, аббат и савойский дипломат, средний сын Аугусто Манфредо Скалья, графа ди Верруа (1587 — 1637), и племянник знаменитого савойского дипломата и министра аббата Алессандро Чезаре Скалья (1592-1641); дядя супруга Жанны де Люин.

... упростила шевалье де Люина, своего брата, с отличием служившего во флоте, приехать повидаться с ней. — Имеется в виду Шарль, шевалье де Люин (1674 — 1734), младший брат графини ди Верруа.

... герцог Савойский ... отправился в путешествие в Шамбери ... — Шамбери — город в Савоие, ее древняя столица; ныне — административный центр французского департамента Савойя.

... Герцог, оскорбленный до крайности, именно так изложил случившееся Вернону, своему послу во Франции. — Биографических сведений о Верноне, савойском после во Франции, найти не удалось. Сен-Симон упоминает о нем также в главе XIII тома XIV своих «Мемуаров», рассказывая о событиях 1704 г.

... Господин и г-жа де Шеврёз сначала никак не хотели видеть ее... — Имеются в виду герцог Шарль Оноре д'Альбер, герцог де Шеврёз

(1646 — 1712) — старший сын Луи Шарля д'Альбера, герцога де Люина, и сводный брат графини ди Верруа, и его супруга (с 1667 г.) Жанна Мария Кольбер (1650-1732) — дочь министра Жана Батиста Кольбера.

... В Турине она оставила весьма привлекательного сына и дочь, которых герцог Савойский, следуя в этом отношении примеру короля, признал. — У графини ди Верруа было двое детей от герцога Савойского (он узаконил их в 1701 г.): Мария Виттория Франческа (1690 — 1766);

Витторио Франческо Филиппо, маркиз Сузский (1694 — 1762). Здесь подразумевается пример Людовика XIV, который узаконил почти всех детей своих официальных любовниц: Луиза Лавальер родила от него семерых детей, из них двое выжили и были узаконены отцом: мадемуазель де Блуа (1667-1739) и граф де Вермандуа (1667-1683);

госпожа де Монтеспан родила от него восемь детей: двое умерли в младенчестве, а остальные — герцог де Мен (1670 — 1736), граф де Вексен (1672 — 1683), мадемуазель де Нант (1673 — 1743), мадемуазель де Тур (1674 -

1681), мадемуазель де Блуа (1677 — 1749) и граф Тулузский (1678 — 1737) — тоже были узаконены отцом.

... Дочь вышла замуж за влюбившегося в нее князя де Кариньяна. — Витторио Амедео Савойский, князь ди Кариньяно (1690 — 1741) — сын Эмануэле Филиберто Амедео Савойского, князя ди Кариньяно (1628-1709), двоюродного дяди Виктора Амедея II, и Анджелики Катерины д'Эсте (1656-1722): супруг Марии Виттории с 1714 г. ... Он был единственный сын знаменитого немого, старшего брата графа Суасонского, отца последнего графа Суасонского и принца Евгения. — Отец Витторио Амедео Савойского, Эмануэле Филиберто Амедео Савойский, князь ди Кариньяно, который был глухонемым от рождения, приходился старшим братом князю Эжену Морису Савойскому, графу Суасонскому (1633 — 1673), супругу Олимпии Манчини, в числе детей которых были Луи Тома де Савуа-Суасон, граф Суасонский (1657 — 1702), последний, кто носил этот титул, и принц Евгений де Савуа-Суасон, выдающийся полководец. Отметим, что у Витторио Амедео Савойского был младший брат, правда рано умерший: князь Томмазо Филиппо (1696-1715).

12 ... Герцог Савойский весьма пылко любил свою незаконнорожденную дочь и обходился с нею так же, как король обходился с герцогиней Орлеанской. — Имеется в виду Людовик XIV, выдавший за Виктора Амедея II свою племянницу Анну Марию Орлеанскую (см. примеч. кс. 8).

... После кончины короля супруги прибыли в Париж, чтобы пополнить двор г-жи ди Верруа и нещадно грабить Францию. — Имеется в виду кончина Людовика XIV, наступившая в 1715 г.

13 ... если им с грехом пополам удастся взобраться на Парнас — ваш добрый поступок может принести вам выгоду. — Парнас — горный массив в Греции к северу от Коринфского залива; в греческой мифологии — местопребывание Аполлона и муз, в переносном смысле — обитель искусств.

... просидели перед прекрасными каминными подставками времен Франциска I ... — Франциск I (1494 — 1547) — король Франции с 1515 г., сын Карла Ангулемского и Луизы Савойской, зять короля Людовика XII, видный представитель абсолютизма XVI в.; сыграл заметную роль в развитии французской культуры Возрождения. 14 ... те, кому не довелось быть тому свидетелями, могут составить о ней представление, прочитав некоторые прекрасные сцены из «Нанины» или «Блудного сына». — «Нанина, или Побезденный предрассудок» («Nanine ou le Prejuge vaincu») — трехактная стихотворная комедия Вольтера, поставленная впервые 16 июня 1749 г., то есть через тринадцать лет после смерти графини ди Верруа, которая, следовательно, ничего о ней знать не могла. Заглавный персонаж этой слезной комедии Нанина — юная, прекрасная и добродетельная крестьянка, в которую влюбляется граф Олбан и, поправ предрассудки против неравных браков, в конце концов женится на ней. «Блудный сын» («L'Enfant prodigue») — пятиактная комедия Вольтера, поставленная впервые в 1736 г.

... он прочел мне отрывок из брошюрки некоего Мелона, секретаря регента; эта брошюрка носит название «Политический опыт о торговле», и в ней содержится похвала в мой адрес ... — Мелон, Жан Франсуа (7 — 1738) — французский экономист; состоял на службе у кардинала Дюбуа, затем стал секретарем Ло, а в 1720 г., после краха его системы, — секретарем регента, в доме которого он жил до смерти этого принца.

«Политический опыт о торговле» («Essai politique sur le commerce») — основное сочинение Мелона, вышедшее в свет в 1734 г. и принесшее автору большую известность.

11 ... во время войны, которую герцог Савойский в союзе с имперцами вел против Франции. — Во время войны за Испанское наследство театр военных действий в Савойе и Северной Италии рассматривался обеими воюющими сторонами как база и путь вторжения в Австрию или Францию. Первые годы войны борьба за эту территорию не дала решительных результатов, несмотря на переход в 1703 г. Виктора Амедея Савойского на сторону противников Людовика XIV. Лишь в 1706 г. французы были вытеснены из Северной Италии, но попытки австрийцев вторгнуться в Южную Францию в 1707 г. были отбиты, после чего активные действия на этом театре прекратились.

... Войска Людовика XIV заняли Пьемонт, и г-н де Лафейад осадил Турин. — Лафейад, Луи д'Обюссон, граф де (1673-1725) — французский военачальник и блестящий царедворец, сын маршала Франции герцога Франсуа де Лафейада; пэр Франции (1716) и маршал Франции (1724);

начал службу полковником кавалерии в 1689 г., в 1704 г. стал генерал-лейтенантом; в 1706 г., в период войны за Испанское наследство, принял участие в походе в Италию и в осаде Турина; умер бездетным, и с его смертью угас род Лафейадов. Осада Турина французами началась 26 мая 1706 г. и велась двумя армиями, одной из которых, численностью в 27 тысяч человек, командовал Лафейад, а второй, в составе 18 тысяч человек, — герцог Орлеанский. Осада продолжалась до 7 сентября, когда на помощь защитникам города, потерявшим к этому времени около 5 тысяч человек, пришел Евгений Савойский с армией в 36 тысяч человек и наголову разбил французов, во многом вследствие неумелого командования Лафейада.

... Его королевское высочество герцог Орлеанский был одним из командующих армией. — Имеется в виду Филипп II Орлеанский, будущий регент (см. примеч. к с. 8), не раз проявлявший себя как храбрый и удачливый полководец. В 1706 г. король доверил ему командование одной из двух армией, осаждавших Турин.

... Король оказывал им все эти милости, желая угодить герцогине Бургундской и не нанося при этом ущерба успеху своего оружия и своим политическим интересам. — Герцогиня Бургундская — Мария Аделаида Савойская (1685 — 1712), дочь Виктора Амедея II и Анны Марии Орлеанской, племянницы Людовика XIV, с 1696 г. супруга герцога Бургундского (1682 — 1712), внука Людовика XIV. ... Что же касается моей матери, жены и детей, то в тот день, когда мне будет угодно удалить их, они уедут из города ... — Мать Виктора Амедея — Мария Жанна Савуа-Немурская (1644 — 1724), вдова герцога Карла Эммануила II (1634 — 1675; правил с 1638 г.). У Виктора Амедея было восемь детей от Анны Марии Орлеанской, из них четверо умерли в младенчестве, старшая дочь Мария Аделаида (1685-1712) с 1696 г. была замужем за герцогом Бургундским, вторая дочь, Мария Луиза Габриелла (1688 — 1714), с 1701 г. была замужем за испанским королем Филиппом V, так что в 1706 г., во время осады Турина, рядом с герцогом Савойским находились только два его сына: первенец Витторио Амедео Филиппо (1699-1715) — принц Пьемонтский, и Карло Эмануэле (1701-1773), граф д'Аоста, будущий король Карл Эммануил III.

... возблагодарим Бога за снятие осады с Барселоны ... — Барселона — старинный город на Средиземноморском побережье Северо-Восточной Испании, в древности и в средние века входивший в разное время в состав многих государств Пиренейского полуострова; с кон. IX в. столица самостоятельного графства Барселонского, очень сильно расширившегося в

XI в. за счет территории соврем. Южной Франции; в 1137 г. в результате династического брака вошел в состав королевства Арагон, а затем — единого Испанского королевства; в средние века и в новое время — один из крупнейших портовых, торговых и промышленных городов в Испании; в настоящее время — столица автономной Каталонии.

В 1706 г., в ходе войны за Испанское наследство, Барселону, которая с 9 октября 1705 г. находилась в руках австрийского претендента, осаждал французский отряд, поддерживаемый военным флотом из тридцати линейных кораблей и многочисленных транспортных судов; осада началась 5 апреля и вначале развивалась успешно, но 10 мая к городу подошел сильный англо-голландский флот, и французам пришлось снять осаду.

16 ... До того, как ему стали приписывать связь с собственными дочерьми, принцессу считали его любовницей ... — У регента Филиппа Орлеанского в браке с Франсуазой Марией Бурбонской было шесть дочерей: Мария Луиза Элизабет (1695 — 1719), с 1710 г. супруга герцога Шарля Беррийского; Мария Луиза Аделаида (1698 — 1743), аббатиса Шельская; Шарлотта Аглая (1700-1761), с 1720 г. супруга герцога Моденского Франческо III; Луиза Элизабет (1709-1742), с 1722 г. супруга наследника испанского престола Людовика; Филиппа Элизабет (1714-1734); Луиза Диана (1716-1736), с 1732 г. супруга Луи Франсуа Бурбона, принца де Конти. Филиппа Орлеанского настойчиво обвиняли в кровосмесительной связи с двумя старшими дочерьми, которые отличались крайней распущенностью.

... из всех потомков Генриха IV он больше всех был похож на него, даже внешне. — Генрих IV Бурбон (1553 — 1610) — король французский (он же Генрих III, король Наваррский); сын Антуана де Бурбона, герцога Вандомского, первого принца крови, и Жанны III д'Альбре, королевы Наваррской; глава протестантской партии во Франции (официально — с 1569 г., реально — со второй пол. 1570-х гг.); с 1589 г. — король Франции (не признанный большей частью подданных); утвердился на престоле после ряда лет упорной борьбы: военных действий, политических и дипломатических усилий (в т.ч. перехода в католичество в 1593 г.); в 1598 г. заключил выгодный для страны мир с Испанией и издал Нантский эдикт, обеспечивший французским протестантам свободу совести и давший им ряд политических гарантий; после расторжения в 1599 г. его брака с бездетной Маргаритой Валуа женился на Марии Медичи, племяннице великого герцога Тосканского, и имел от нее шесть детей: Людовика XIII, Елизавету (ставшую женой Филиппа IV, короля Испании), Кристину (вышедшую замуж за Виктора Амедея I, герцога Савойского), Никола,

герцога Орлеанского (умершего в 1611 г.), Гастона, герцога Анжуйского (затем Орлеанского), и Генриетту (будущую супругу Карла I Английского); в 1610 г. накануне возобновления военного конфликта с Габсбургами был убит католическим фанатиком Равальяком. Один из самых знаменитых королей Франции, он добился прекращения почти сорокалетней кровавой гражданской войны, обеспечил экономическое и политической возрождение страны, укрепил королевскую власть и повысил международный престиж своего государства; во многих аспектах своей внутри— и внешнеполитической деятельности явился непосредственным предшественником кардинала Ришелье.

... Он велел испросить у своего зятя пропуск, с тем чтобы провести денек у принцессы Марии Анны ... — Герцог Филипп Орлеанский был сводный брат Анны Марии Орлеанской, супруги герцога Савойского.

17 ... сплетничая о г-же ди Сан Себастьяне, любовнице короля... — Анна Карлотта Тереза Каналис ди Кумиана, графиня ди Сан Себастьяно (1680-1769) — многолетняя любовница, а затем (с 1730 г.) морганатическая супруга Виктора Амедея II; дочь графа Франческо Маурицио Каналиса ди Кумиана, с 1703 г. супруга Франческо Игнацио Новарина графа ди Сан Себастьяно (? — 1724).

21 ... Джузеппа обвенчалась с неким Паоло Мариани. — Паоло Мариани — скорее всего, вымышленный персонаж.

... поступив на службу к князю де Кариньяну, он приехал с ним в Париж и долгое время жил во дворце Суасон. — Дворец Суасон, расположенный в центре Парижа, на улице Кокильер, называвшийся прежде дворцом Королевы, был куплен в 1606 г. Шарлем де Бурбон-Конде, графом Суасонским, и перестроен им; в 1644 г. дворец унаследовал зять графа, Тома Санойский, князь де Кариньян, генерал-лейтенант на французской службе; последним его собственником из семьи Кариньян был до самой скоси смерти (1741) Виктор Амедей де Кариньян. Однако, обремененный долгами, князь превратил в 1709 г. спой дворец в роскошный игорный дом, где играли на сумасшедшие деньги в бириби и фараон; в 1719 г. он продал примыкавшие ко дворцу сады, конюшни, каретные сараи и старинную часовню, на территории которых новый владелец собирался возвести театральный зал; однако в 1720 г. эта сделка была расторгнута и князь де Кариньян построил в своих садах огромное количество (137!) лавочек для торговцев ценными бумагами Всеобщего банка Д. Ло.

... князь получил привилегию предоставлять помещения для продажи акций банка Ло. — Ло, Джон (1671-1729) — шотландский финансист и

предприниматель; в двадцатилетнем возрасте перебрался в Лондон, но был вынужден бежать оттуда за границу из-за совершенного им на дуэли убийства; в Голландии проявил интерес к деятельности Амстердамского банка и увлекся идеей создать банк нового типа, принципы организации которого он изложил в своем сочинении «Деньги и торговля, рассмотренные в связи с предложением об обеспечении нации деньгами» (1705); разработав собственную кредитно-финансовую систему, он начал осуществлять ее во Франции, где в 1716 г. им был открыт частный акционерный Всеобщий банк, тесно связанный с государством и в 1719 г. превратившийся в государственный Королевский банк; одновременно в 1717 г. он организовал открытое акционерное общество — Миссисипскую (или Луизианскую) компанию; в 1720 г. был назначен генеральным контролером финансов Франции, однако уже к концу этого года выпущенные Королевским банком банкноты обесценились, система Лю потерпела крах, а сам финансист, на которого была возложена ответственность за банкротство Луизианской компании, бежал из Парижа в Венецию, где и закончил жизнь в бедности.

22 ... Затем он вошел в число приближенных кардинала Дюбуа: выполнял его прихоти, а порой был соучастником его распутных развлечений. — Дюбуа, Гийом (1656-1723) — кардинал и французский политический деятель; сын аптекаря, аббат, ставший наставником юного Филиппа II Орлеанского, он был призван своим учеником к власти, когда тот стал регентом; продажный, распутный, беспринципный, лицемерный интриган оказался чрезвычайно ловким дипломатом; в 1717 г. он заключил союз Франции с Англией и Голландией, направленный против Испании, затем стал министром иностранных дел, а в 1722 г. — первым министром; кардинальскую шапку получил в 1721 г.

... Дюбуа ... направил к ней пройдоху Лафара. — Вероятно, имеется в виду Лафар, Филипп Шарль, маркиз де (1687 — 1752) — французский военачальник, приближенный регента Филиппа Орлеанского, маршал Франции (1646).

... Запоры Бастилии не устоят против меня ... — Бастилия — крепость, построенная в 1370 — 1382 гг. у Сент-Антуанских ворот Парижа для защиты города и ставшая позднее государственной тюрьмой; взята восставшим народом 14 июля 1789 г., в начале Великой французской революции, и затем разрушена.

... похитили как-то вечером, когда она выходила из дома г-жи де Тансен. — Тансен, Клодина Александрина Герен де (1685-1749) — французская писательница, хозяйка знаменитого парижского салона;

прославилась своими любовными похождениями и политическими интригами; имела множество любовников (в том числе регента, аббата Дюбуа, Д.Лоу) и от одного из них, шевалье Детуша, родила ребенка, подброшенного ею на церковную паперть, — будущего Жана д'Аламбера (1717-1783), выдающегося философа, писателя и математика; автор пяти романов, среди которых — «Записки графа де Комменжа» (1735), считавшиеся современниками истинным шедевром.

24 ... Но раже в Академии не заседают люди, написавшие лишь одну строку ... — Имеется в виду Французская академия — объединение виднейших деятелей культуры, науки и политики страны; основана кардиналом Ришелье в 1635 г. Выборы в состав Академии производят сами ее члены из соискателей, которые по собственной инициативе выставляют свои кандидатуры.

... Как писала госпожа де Куланж, госпожа де Севинье? — Куланж, Мари Анжелика, маркиза де (1641-1723) — фаворитка г-жи де Ментенон, супруга Филиппа Эмманюеля маркиза де Куланжа: славилась своим умом и обаянием; сохранилось около пятидесяти ее писем, не уступающих по своим достоинствам письмам госпожи де Севинье.

Севинье, Мари де Рабютен-Шанталь, маркиза де (1626 — 1696) — автор знаменитых «Писем» (опубликованы в 1726 г.), которые на протяжении двадцати лет она регулярно посылала своей дочери, графине де Гриньян, сообщая в них новости о жизни Парижа и королевского двора, о последних литературных, театральных и других событиях; служат образцом эпистолярного жанра и содержат интересные исторические и литературные свидетельства.

25 ... четыре строки, при помощи которых г-н де Вольтер, подобно парфянину, вопил, убегая, стрелу честолюбия в мое сердце ... — Парфяне — народ, обитавший в древности в Западной Азии на территории соврем. Ирака и Ирана. По отзывам современников, парфяне отличались свободолюбием и воинственностью, но вместе с тем и коварством; любимым способом боевых действий у них было притворное отступление, а затем нанесение удара по потерявшему бдительность противнику; славились также как отличные лучники. Выражение «парфянская стрела» означает во французском языке язвительный выпад, сделанный под конец разговора.

... представляют собой всего лишь катрен, сочиненный мной за неделю до того разговора в качестве эпитафии для моей могилы ... — Катрен — четверостишие или законченная по смыслу строфа из четырех строк.

... Я родилась 19 сентября 1670 года, того самого года, когда г-н де Боссю)... издал свой великий во 1-й раз: «Мадам умирает, Мадам умерла!» ... — Боссюэ, Жак Бенинь (1627-1704) — французский писатель и церковный деятель, епископ Кондома (1669), епископ Мо (1681); автор сочинений на исторические и политические темы; известный проповедник, прославившийся своими надгробными речами; в 1670 г. стал наставником дофина.

«Мадам умирает, Мадам умерла!» — слова из речи Боссюэ над гробом принцессы Генриетты Анны Английской. В этой речи оратор, акцентировавший внимание на скоротечности болезни, которая унесла принцессу в могилу, намекал на ее отравление. Приведенный Дюма возглас Боссюэ вошел во французский язык в качестве крылатого выражения, указывающего на быстроту свершения какого-либо события.

Генриетта Анна Английская (1644 — 1670) — сестра английского короля Карла II, первая жена брата Людовика XIV герцога Филиппа I Орлеанского; в 1670 г. была посредницей в заключении в Дувре тайного договора между Людовиком XIV и Карлом II против Голландии; умерла вскоре после возвращения во Францию; как предполагали современники, она была отравлена из-за ревности мужа. Мадам — титул матери, супруги, а также незамужних (так!) дочерей, сестер и теток французского монарха.

26 ... Мой отец — сын герцога де Люина, любимца Людовика XIII и одного из участников ужасной трагедии, связанной с Кончини, и Мари де Роган, которая более известна под именем герцогини де Шеврёз, полученным ею от ее второго мужа, нежели как герцогиня де Люин или госпожа коннетабльша, — по первому мужу. — Люин, Шарль, маркиз д'Альбер, герцог де (1578-1621) — министр и фаворит Людовика XIII; крестник Генриха IV, ставший его пажом, он затем поступил на службу к юному Людовику XIII и завоевал его доверие своими талантами сокольничего и умением дрессировать собак; последовательно становится государственным советником (1615), великим сокольничим (1616) и настраивает своего повелителя против королевы-матери и ее всесильного фаворита Кончини; после убийства Кончини (1617) получает все его должности и маркизат Анкр. который переименовывает в маркизат Альбер; в том же году женится на Мари Эме де Роган-Монбазон (см. примеч. к с. 8); в 1619 г. получает в собственность удел Майе в Турене и дает ему имя Люин, становясь герцогом де Люином и пэром Франции; в начале 1621 г. получает звание коннетабля; будучи лично предан королю, он, однако, не проявил себя как значительный государственный деятель. Коннетабль — во Франции и в ряде других государств Западной Европы средневековья и

начала нового времени высший военачальник, подчинявшийся только королю; в определенных случаях, например во время военных действий, даже король не мог отменить приказы коннетабля, он мог лишь сместить его. Эта должность, первоначально означавшая начальника королевской конюшни, в XII в. превратилась в высший военный пост; в XIV в. коннетабль приобрел вышеназванные права; в 1627 г. эта должность во Франции была упразднена.

Людовик XIII Справедливый (1601 — 1643) — король Франции с 1610 г., старший сын Генриха IV и Марии Медичи. Кончини, Кончино, граф дела Пенна (1675 — 1617) — итальянский авантюрист, фаворит королевы Марии Медичи, маркиз д'Анкр, губернатор Нормандии, маршал Франции (1614), фактический правитель страны; был убит в Лувре капитаном гвардейцев Витри и тремя его сообщниками, которых поощрял к этому Шарль д'Альбер.

... У моего отца не было братьев, только единоутробная сестра, мадемуазель де Шеврёз, прославившаяся во времена Фронды своими любовными отношениями с коадьютором, который позднее стал знаменитым и беспокойным кардиналом де Рецем. — Шеврёз, Шарлотта Мари Лотарингская, мадемуазель де (1627-1652) — дочь Клода Лотарингского, герцога де Шевреза, и Мари де Роган-Монбазон; любовница Реца; помимо нее, у этой супружеской четы были еще две дочери: Анна Мария (1624-1652) и Анриетта (1631-1694) — обе они стали монахинями.

Фронда (фр. fronde — «праща») — общественное движение за ограничение королевской власти во Франции в 1648 — 1653 гг., перешедшее в гражданскую войну и сопровождавшееся восстаниями крестьян и городской бедноты. В 1648 — 1649 гг. в Париже разыгрались события т.н. «Парламентской фронды» — возглавленного Парламентом восстания парижской буржуазии, которая требовала проведения некоторых финансовых и административных реформ, и поддержанного народными массами столицы. В 1650 — 1653 гг. за ним последовала «Фронда принцев» — восстание вельмож, преследовавших в основном свои собственные интересы. Правительство подавило обе Фронды частично силой оружия, частично вступив в переговоры с их вождями.

Рец, Жан Франсуа Поль де Гонди де (1613-1679) — французский политический и церковный деятель; с юности мечтал о военной карьере, но семьей был предназначен церкви; с 1643 г. — коадьютор (помощник в епископском сане) архиепископа Парижского; был весьма популярен среди парижского простонародья, пытался играть решающую роль во время

Фронды и фактически возглавил мятеж горожан против Мазарини (1648); примирился с двором в 1649 г., получив сан кардинала; способствовал расколу в среде фрондеров, настраивая горожан против знати, но, когда опасность для двора исчезла, был обвинен в измене и арестован; в 1654 г. бежал за границу — сначала в Испанию, а затем в Италию; в 1662 г. получил прощение, вернулся во Францию и, отказавшись от церковной карьеры, стал настоятелем аббатства Сен-Дени; в 1675 г. удалился в монастырь Сен-Мийель; оставил знаменитые «Мемуары» (1671 — 1675) — одну из вершин французской прозы XVII в.

... вся нежность моей бабушки ... излилась на моего отца, которому она передала доставшееся ей от второго мужа герцогство Шеврёз ... — Вторым мужем Мари де Роган-Монбазон был Клод Лотарингский, герцог де Шеврёз (1578 — 1657), великий камергер и великий сокольничий Франции; Мари де Роган отдала герцогство Шеврёз своему сыну в дар в 1663 г.

... мы не очень кичимся нашим происхождением, ибо прекрасно знаем, что возвышение семьи д'Альбер началось с благосклонности Людовика XIII, завоеванной мастерством моего деда в дрессировке сорокопутов, с помощью которых молодой король охотился на маленьких птичек в садах Лувра. — Отцом коннетабля Люина был Оноре д'Альбер, сеньор де Люин, происходивший из неизвестного дворянского рода.

Сорокопут — небольшая хищная птица отряда воробьиных, питающаяся насекомыми, небольшими птицами и мелкими животными. Лувр — дворец в Париже на правом берегу Сены; построенный в кон. XII в. как крепость, со второй пол. XIV в. время от времени служил резиденцией французских королей (постоянно — местом хранения казны и архивов), но окончательно стал ею лишь в правление Франциска I, когда в 1546 г. старая крепость была снесена и на ее месте воздвигнут новый дворец; строительство продолжалось при преемниках Франциска I, было прервано во время Религиозных войн, возобновлено при Генрихе IV; в 1682 г., после переезда королевского двора в Версаль, Лувр фактически забросили, а в 1750 г. вознамерились вообще снести; новое строительство дворца, объявленного в 1793 г. музеем, предпринял Наполеон I, а завершил лишь Наполеон III в 1853 г. Впрочем, реконструкция и перестройка Лувра продолжают и сейчас.

Во времена юности Людовика XIII к северному фасаду Лувра примыкал большой сад.

... бабушка женила моего будущего отца на своей единокровной сестре, дочери ее отца, герцога де Монбазона, и той самой герцогини де

Монбазон, которая прославилась своими бесконечными ссорами с г-жой де Лонгвиль и загадочная и кровавая смерть которой послужила причиной того, что г-н де Ране из простого аббата, не гнушавшегося суетных радостей, столь несовместимых с его духовным званием, превратился в монаха-трапписта. — Монбазон, Эркюль де Роган, герцог де (1568 — 1654) — великий ловчий, губернатор Парижа и Иль-де-Франса.

Герцогиня де Монбазон — Мария Бретонская (1612 — 1657), старшая дочь графа де Вертю, в 1628 г. ставшая второй женой Эркюля де Рогана, герцога де Монбазона; мачеха герцогини де Шеврёз; была известна множеством любовных связей (в том числе с герцогом де Шеврёзом и герцогом де Бофором).

Лонгвиль, Анна Женестьева де Бурбон-Конде, герцогиня де (1619-1679) — дочь Шарлотты де Монморанси, сестра Великого Конде; жена Генриха II Орлеанского, герцога де Лонгвиля; интимная подруга знаменитого Ларошфуко, хозяйка великосветского литературного салона; играла важную роль в эпоху Фронды. Две эти дамы испытывали взаимную неприязнь, и их отношения особенно обострились, когда во время званого вечера у госпожи Монбазон на полу в ее гостиной были найдены два любовных письма, не оставлявших сомнения в близких отношениях их адресатов. Письма не были подписаны, но герцогиня связала их с именем герцогини де Лонгвиль, что вызвало открытую ссору между этими дамами. Ссора приобрела политическое значение, поскольку противницы принадлежали к знатнейшим и могущественным аристократическим кланам, которые невольно оказались в нее втянутыми. Герцогиня де Лонгвиль, репутация которой была ранее не запятнана, удалилась в свое имение, а ее мать, принцесса Кондс. потребовала от королевы, стоявшей на ее стороне, добиться извинения от обидчицы. После нескольких дней переговоров, в которых принял участие даже Мазарини, герцогиня Монбазон явилась к принцессе Конде и зачитала составленное кардиналом извинение, однако в такой форме, что примирение не состоялось. Через несколько дней Анна Австрийская удалила г-жу Монбазон от двора. Ране, Арман Жан ле Бутийе де (1626 — 1700) — реформатор ордена траппистов; сын секретаря Марии Медичи и крестник кардинала Ришелье; в десятилетнем возрасте принял постриг и стал каноником собора Парижской Богоматери, аббатом и приором ряда монастырей, в том числе и Ла-Траппа; вел при этом жизнь, полную удовольствий и развлечений; однако в 1657 г. на него так подействовала смерть герцогини де Монбазон, что он решил полностью посвятить себя Богу; отказавшись от всех своих бенефиций, за исключением аббатства Ла-Трапп, он занялся коренной его реорганизацией.

Трапписты — монашеский орден, созданный во французском аббатстве Ла-Трапп (отсюда его название) в 1122 г. и имевший очень строгий устав; однако начиная с XVI в. нравы ордена становились все более свободными и дошли до такой распущенности, что монахов-траппистов в обществе стали называть не иначе как «бандиты Ла-Траппа» и возникла потребность в его реформировании, которое и провел аббат Ранее.

Что касается «кровавой смерти» герцогини Монбазон, то бытовал исторический анекдот о том, как Ранее, не подозревавший о смерти госпожи Монбазон, после недолгого своего отсутствия явился к ней в дом и неожиданно для себя увидел ее в гробу, с отрезанной головой, якобы отделенной хирургами при вскрытии тела, и это произвело на несчастного аббата настолько неизгладимое впечатление, что он стал аскетом и чуть ли не увез эту голову с собой в монастырь. Сен-Симон, друживший с Ранее, развенчивает правдивость этой истории в своих «Мемуарах» (том 11).

... мои бабушки, действуя подобно Сиду г-на Корнеля, то есть искусными ходами, положили начало славе женщин нашего рода на поприще любовных походов и политических интриг... — Сид — заглавный герой трагикомедии П.Корнеля, прототипом которого стал Сид Кампеадор (Родриго Диас де Бивар; ок. 1040 — 1099), испанский воин, прославившийся в борьбе с маврами и впоследствии ставший героем испанской народной поэзии.

Корнель, Пьер (1606-1684) — крупнейший французский драматург, представитель классицизма, старший современник Ж.Расина; родился в Руане; учился в иезуитском коллеже, изучал право, стал адвокатом; дебютировал на сцене комедией «Мелита, или Подложные письма» (1629), поставленной с большим успехом в Париже; трагикомедия «Сид» (1636), написанная на тему конфликта любви и долга, принесла ему славу величайшего писателя своего времени; его длительная и плодотворная карьера драматурга — автора трагедий, комедий и трагикомедий — дважды прерывалась на несколько лет, а в 1674 г., после провала его пьесы «Сурена», он окончательно отошел от театра; кроме «Сида», среди самых известных его произведений — трагедии «Гораций», «Цинна, или Милосердие Августа», «Полиевкт», «Родогуна», «Никомед».

27 ... Детей воспитывали в строгости нравов, которая сегодня может показаться чрезвычайно смешной, но во времена правления г-жи де Ментенон неожиданно оказалась уместной. — Ментенон, Франсуаза д'Обинье, маркиза де (1635 — 1719) — внучка знаменитого поэта

Теодора Агриппы д'Обинье, вдова поэта Скаррона, воспитательница

сыновей Людовика XIV от госпожи де Монтеспан, ставшая фавориткой короля и тайно обвенчавшаяся с ним в 1684 г.; в зрелом возрасте отличалась набожностью и благочестием, доходившими до ханжества, что в немалой степени определило атмосферу придворной жизни позднего периода царствования Людовика XIV. ... приставив к дофину строгих прелатов и ученых богословов. — Имеется в виду единственный сын Людовика XIV, Луи (1661-1711), которого называли Великим дофином.

... аббат де Леон ... загорелся идеей дополнить свою посольскую миссию переговорами о моем замужестве. — Сведений об этом родственнике герцогини Анны де Роган-Гемене найти не удалось. Заметим, что Леон — одно из родовых имен семьи Роганов.

29 ... дорогая Жанна, — воскликнула младшая сестра ... — Напомним, что у будущей графини ди Верруа была младшая сестра Жанна Тереза и три старшие сестры: Мария Анна, Шарлотта Виктория и Катрин Анжелика.

30 ... Бедная кукла! Бедняжка Жаклин! Как она была хороша и как любима мною! Жаклин Баварская, да и только! — как в той красивой истории, которую мы читали. — Жаклин (Якоба) Баварская (1401-1436) — единственная дочь и наследница Вильгельма IV (1364 — 1417), герцога Баварского, графа Голландского, Зеландского и Геннегау, и Маргариты Бургундской, дочери герцога Бургундского Филиппа Смелого; в пятилетнем возрасте была выдана замуж за Жана Туренского (1398 — 1416), второго сына французского короля Карла VI (совместное проживание юным супругам было разрешено лишь с 1415 г.); через год после смерти Жана Туренского вышла замуж за своего двоюродного брата Жана IV, герцога Брабантского (1403-1427), однако ее дядя по отцу, Жан Баварский, князь-архиепископ Льежа, оспорил законность этого брака, объявив его кровосмесительным, и потребовал у германского императора Сигизмунда признать его права на наследство Вильгельма IV. В 1419 г. на стороне Жаклин выступил муж ее тетки, Жан Бесстрашный, герцог Бургундский, но Жан Баварский удержал власть над Голландией и Зеландией после того как Жан Брабантский заложил земли своей супруги в обмен на значительную сумму; разгневанная поступком супруга, графиня отправилась в Англию, добилась там расторжения своего брака и вышла замуж в третий раз — теперь за герцога Хэмфри Глостера (1391 — 1447), сына английского короля Генриха IV; в 1424 г. она высадилась вместе с Глостером в Кале, ведя за собой шеститысячное войско, однако уже в следующем году Глостер вернулся в Англию, оставив жену наедине с врагами; Жаклин попала в плен, бежала из него, переодевшись в мужское

платье, и три года после этого оспаривала власть над Нидерландами у своего кузена Филиппа Доброго, герцога Бургундского; однако в 1428 г., после того как ее брак с Глостером был признан папой недействительным, ей пришлось подписать договор с Филиппом Бургундским, по которому она передала ему управление тремя своими графствами как регенту и наследнику, сохраняя при этом титул графини, и поклялась не выходить снова замуж без его согласия; тем не менее в 1432 г. она тайно обвенчалась с наместником Голландии и Зеландии Франком ван Борселеном и, когда Филипп Бургундский заточил ее нового супруга в тюрьму, отреклась от своего титула графини, спасая жизнь мужа; спустя несколько лет, оставшись бездетной, она умерла от чахотки.

... как говорил управляющий Дампьера ... — Дампьер — селение в соврем, департаменте Ивелин, в 30 км к юго-западу от Парижа, знаменитое своим замком, сооруженным в 1550 г. кардиналом Лотарингским; в 1664 г. замок был приобретен герцогом де Люином и в 1683 — 1690 гг. перестроен архитектором Ардуэном Мансаром; окружающие его прекрасные сады были разбиты Ленотром; в местной церкви находится родовая усыпальница Люинов.

31 ... старалась вытянуть шлейф как можно дальше и изобразить герцогиню де Ришелье в тот момент, когда она представляет дам королеве... — Герцогиня де Ришелье — здесь имеется в виду Анна Пуссар дю Вижан (7 — 1684), с 1649 г. супруга Армана Жана II дю Плесси де Виньеро, второго герцога де Ришелье (1629 — 1715), командующего галерным флотом, племянника кардинала де Ришелье; фрейлина, а затем (с 1671 г.) статс-дама королевы; в первом браке она была женой Франсуа Александра д'Альбре, сеньора де Понса, барона де Миоссана. Отметим, что после ее смерти герцог де Ришелье был женат еще дважды: с 1684 г. — на Анне Маргарите д'Асинье (? — 1698), а затем — на Маргарите Терезе Руйе, баронессе де Меле, вдовствующей маркизе де Ноай (? — 1729).

... Фиолетовая одежда должна была бы успокоить меня... — Одежания фиолетового цвета носят во время поста католические священники.

33 ... Я сгорала от нетерпения, хотела покинуть его и рассказать обо всем так, как делал это шевалье де Гиз, когда ему сопутствовал успех у женщин ... — Здесь могут подразумеваться сыновья Карла 1 Лотарингского, герцога де Гиза (1571-1640): Луи Лотарингский (1622-1654), шевалье де Гиз, с 1647 г. герцог де Жуайёз, великий камергер Франции; Роже Лотарингский, шевалье де Гиз (1624 — 1653), мальтийский рыцарь.

Но это вполне может быть и Франсуа Александр Пари Лотарингский,

шевалье де Гиз (1589 — 1614) — родной брат Карла I Лотарингского, мальтийский рыцарь, наместник короля в Провансе.

... На третий день состоялись приемы в Версале... — Версаль — дворцово-парковый ансамбль неподалеку от Парижа, архитектурный шедевр мирового значения; построен Людовиком XIV во второй пол. XVII в.; до Революции — резиденция французских королей.

34 ... интонация, с которой Филиппу Доброму сообщали о несчастьях подлинной принцессы, была не трагичнее моей. — Филипп Добрый (1396 — 1467) — герцог Бургундский с 1419 г., сын Жана Бесстрашного и Маргариты Баварской, двоюродный брат Жаклин Баварской; основатель одного из самых могущественных европейских государств XV в.; от отца унаследовал Бургундию, Франш-Конте, Фландрию и Артуа; в результате многочисленных военных кампаний против своих соседей завоевал Брабант, Голландию, Зеландию, Геннегау, Фрисландию, а купив герцогство Намюр, объединил под своей властью все Нидерланды; был прозван Добрым за свое покровительство искусствам.

36 ... Мы перебрались через Альпы по перевалу Мон-Сени. — Мон-Сени — горный перевал, соединяющий Юго-Восточную Францию и Италию; проходит по глубокой впадине между [райскими и Котскими Альпами, на высоте 2 090 м, вблизи горы Сени (3 123 м); надежная дорога по нему была проложена только в 1803-1810 гг., при Наполеоне I.

38 ... была придворной дамой герцогини Савойской, все еще остававшейся регентшей ... — В год смерти отца Виктору Амдсю. И было всего лишь 9 лет и регентшей при нем была утверждена его мать — Мария Жанна Савуа-Немурская.

39 ... Это были настоящие танталовы муки. — Тантал — в греческой мифологии сын Зевса; в наказание за свои преступления был сброшен в подземное царство и там подвергнут жестокому наказанию: стоя по горло в воде, он не может напиться, так как вода тотчас отступает от губ; с окружающих его деревьев свисают спелые плоды, но ветви тут же взмывают вверх, стоит Танталу протянуть к ним руки; над его головой нависает скала, ежеминутно грозящая падением. Этот миф дал начало крылатому выражению «танталовы муки».

... в Савоие знать была не так разорена, как во Франции, она не пострадала от войн Лиги, эшафотов г-на де Ришелье и батальей времен Фронды ... — Лига — под этим именем во Франции в XVI в. известны две организации воинствующих католиков; Католическая лига (1575) и ее преемница Парижская лига (1585). Обе они возглавлялись герцогом Генрихом Гизом, стремившимся к ограничению королевской власти, а затем

притязавшим на королевский престол. Лиги вели несколько войн против гугенотов и их вождя Генриха IV, ставшего королем в 1589 г.

Ришелье, Арман Жан дю Плесси, герцог, кардинал де (1585-1642) — третий сын Франсуа дю Плесси де Ришелье (1548-1590), главного прево Франции, и Сюзанны де Ла Порт; с 1607 г. епископ Люсонский; в 1616 — 1617 гг. государственный секретарь по иностранным делам; с 1622 г. кардинал; с 1624 г. фактически первый министр Людовика XIII; один из крупнейших государственных деятелей Франции, много сделавший для укрепления абсолютной монархии, усиления внутреннего единства и мощи французского государства, роста его роли в Европе; в своей деятельности постоянно сталкивался не только с оппозицией в различных общественных слоях, но и с враждебностью почти всех членов королевской семьи и ближайшего окружения Людовика XIII, представителей высшей аристократии и придворных кругов; жестоко расправлялся со своими политическими противниками, многие из которых были казнены.

44 ... Она величала себя королевским титулом, но на каком основании — понятия не имею, ибо ее отец был вовсе не король, а милейший герцог Немурский, которого во времена первого регентства обожали все женщины ... — Немурский, Шарль Амедей Савойский, герцог (1624-1652) — генерал-полковник кавалерии; с 1643 г. был женат на Элизабет де Бурбон-Вандом, дочери герцога Сезара де Вандома и сестре герцога де Бофора; один из вождей Фронды, втянутый в нее его любовницей герцогиней де Шатийон; в сражении, произошедшем в Сент-Антуанском предместье, получил девять ран; вскоре после этого был убит на дуэли Бофором.

Первое регентство — здесь: время правления Анны Австрийской, регентши в период малолетства короля Людовика XIV, длившееся с 1643 по 1661 гг.; было объявлено Парламентом в мае 1643 г., через три дня после смерти Людовика XIII.

45 ... и обезображенному мужчине уже нечего было ждать от судьбы, свидетельство чему — г-н де Ларошфуко. — Ларошфуко, Франсуа VI, князь де Марсильяк, герцог де (1613 — 1680) — французский писатель-моралист, знаменитый своими «Мемуарами» (1662) и собранием афоризмов «Размышления, или Моральные изречения и максимы» (1665); участник Фронды.

2 июля 1652 г. во время боев в Сент-Антуанском предместье Ларошфуко был тяжело ранен в лицо мушкетным выстрелом и на какое-то время потерял зрение: война для него на этом закончилась. Принято считать, что это событие круто изменило жизнь князя и его характер.

... Именно по этой причине он стал мизантропом и написал свои

прекрасные максимы, каких никогда бы не сочинил князь де Марсильяк. — Князь де Марсильяк — родовой титул великого моралиста: он был его пятым носителем.

... Герцог Немурский дрался на дуэли со своим шурином герцогом де Бофором ... — Бофор, Франсуа Вандом, герцог де (1616 — 1669) — внук Генриха IV и Габриель д'Эстре от их сына герцога Сезара де Вандома; юность провел в армии; когда был раскрыт заговор Сен-Мара, укрылся в Англии и вернулся во Францию лишь после смерти Ришелье (1642); принял активное участие в придворных интригах, направленных против Мазарини; был заключен в Венсенский замок; бежал из него и стал одним из вождей Фронды принцев; пользовался в Париже большой популярностью и был прозван «Король рынков»; примирившись с двором, получил должность начальника адмиралтейства; участвовал в нескольких экспедициях против североафриканских пиратов; погиб в войне с турками.

... У герцога Немурского остались две дочери: одна из них вышла замуж за герцога Савойского, сына Кристины Французской, а другая — за Альфонса VI, короля Португалии. — Дочери герцога Немурского: Мария Жанна Савуа-Немурская (1644-1724), вышедшая в 1655 г. замуж за Карла Эммануила II, мать Виктора Амедея II, регентша от его имени;

Мария Франсуаза Изабелла Савуа-Немурская (1646 — 1683) — с 1666 г. супруга Альфонса VI Португальского; в 1667 г. развелась с ним и в 1668 г. вышла замуж за его младшего брата Педру. Герцог Савойский — здесь: Карл Эммануил II (1634 — 1675), герцог Савойский с 1638 г., отец Виктора Амедея II. Кристина Французская (1606-1663) — дочь Генриха IV и сестра Людовика XIII, с 1619 г. супруга Виктора Амедея I, герцога Савойского, ставшая после смерти мужа (1637) регентшей от имени своего старшего сына Франческо Джачинто (1632 — 1638), а после его смерти — от имени ее второго сына Карла Эммануила II. Альфонс VI (1643-1683) — король Португалии в 1656-1667 гг., позволявший править вместо него своей матери Луизе Гусман, а затем — графу Каштелу Мельюру; был женат на Марии Франсуазе Савойской: болезненный и слабодушный, был свергнут и удален на остров Терсейра (Азорский архипелаг); в годы его царствования португальские войска одержали ряд побед над испанскими, заставивших Испанию признать независимость Португалии.

... Она расторгла брак, сослала Альфонса в монастырь и вышла замуж: за его брата, наследника трона. — Мария Изабелла Савойская добилась развода с Альфонсом VI по причине его импотенции, отстранила его от власти и вышла замуж за его младшего брата Педру (1648 — 1706), который в 1667 г. был утвержден регентом, а после смерти Альфонса (1683)

стал королем под именем Педру II.

... решили женить Виктора Амедея на португальской инфанте ... — Имеется в виду принцесса Изабелла Луиза (1669 — 1690), дочь Марии Франсуазы Савойской и Педру II; замуж она так ни за кого и не вышла.

... этой любовью была молодая и прекрасная в ту пору маркиза ди Сан Себастьяне ... — См. примеч. к с. 17.

46 ... Она была дочь графа ди Кумиана, обер-гофмейстера герцогского двора и рыцаря ордена Благовещения ... — Франческо Маурицио Каналис, граф ди Кумиана, действительно числится в анналах ордена Благовещения.

Орден Благовещения (орден Аннунциаты) — высший савойский, а затем и итальянский королевский орден, учрежденный в 1362 г. Амедеем VI (1334 -

1383), графом Савойским с 1343 г.; первоначально он должен был насчитывать лишь 15 рыцарей, но затем число их несколько выросло; в 1570 г. было установлено, что кавалер ордена должен иметь предков-дворян по крайней мере в пяти поколениях; одной из почетных привилегий лиц, пожалованных орденом, являлось право на обращение «мой кузен» со стороны государя; знак ордена представляет собой золотую плетенку, в центре которой — изображение архангела Гавриила, сообщающего коленопреклоненной Деве Марии весть о предстоящем рождении Христа.

... Прежде всего она пригласила к себе доктора Петекью ... — Сведений об этом персонаже (Petechia) найти не удалось.

48 ... Однажды его дядя дон Габриель ... он был внебрачный сын его деда... — Дедом Виктора Амедея II был герцог Савойский Виктор Амедей I (1587 — 1637; правил с 1630 г.). Здесь, однако, имеются в виду прадед Виктора Амедея II герцог Савойский Карл Эммануил I Великий (1562-1630; правил с 1580 г.) и его внебрачный сын, генерал кавалерии дон Габриель Савойский, маркиз ди Рива (1620 — 1695), матерью которого была Маргарита де Россильон, маркиза ди Рива (1599-1640).

49 ... Обрадованная тем, что обнаружился еще один врач, с кем она прежде не советовалась, и доверявшая, как господин Арган, оракулам «достойнissime факультете», герцогиня Савойская преисполнилась надежд ... — Арган — персонаж комедии Мольера «Мнимый больной», человек, вообразивший себя больным и ставший добычей врачей и аптекарей; здесь намек на третью интермедию этой пьесы, представляющую собой шуточную церемонию присвоения докторского звания бакалавру, которого изображает Арган. Все ее участники коверкают язык, подражая латыни.

51 ... Все помнили о том, как прежние испанские короли правили в Неаполе и Милане, и понимали, чего можно ожидать в Пьемонте от вице-

короля Португалии. — Неаполитанское королевство было присоединено к владениям Испании в 1504 г., и до 1707 г. оно управлялось испанскими вице-королями.

Миланское герцогство было присоединено к владениям Габсбургов в 1535 г. и до Утрехтского мира (1713) зависело от Испании и управлялось испанскими губернаторами; затем оно отошло к Австрии и, за исключением периода 1797 — 1814 гг., принадлежало ей до 1859 г., после чего было включено в состав Пьемонта, а затем — единого Итальянского королевства.

... Маркиз ди Пьянджа и маркиз ди Парола возглавили сопротивление: это были именитые и влиятельные синьоры. — Сведений об этих пьемонтских вельможах (Piangia, Parola) найти не удалось.

52 ... Герцогиня-мать уехала на неделю к моей свекрови в Верруа ... — Верруа — селение в 30 км к востоку от Турина, на правом берегу реки По; в нем сохранились остатки величественной крепости, заложенной еще в римскую эпоху (название крепости происходит от лат. *verruga* — «холм») и в 1543 г. ставшей уделом рода Ла Скалья в лице Джованни Бернардино, который получил титул графа ди Верруа.

53 ... Герцог Кордовский скоро высадится в Ницце и будет ждать меня, чтобы сопровождать в Лиссабон. — Сведений об этом персонаже (*due de Cordoue*) найти не удалось.

Ницца — портовый город в Юго-Восточной Франции, на берегу Средиземного моря, административный центр соврем. департамента Приморские Альпы, морской курорт; основана ок. 300 г. до н.э.; входила в состав Прованса и Пьемонта; в 1858 г. Пьемонт уступил ее Франции в обмен на помощь в войне против Австрии. Лиссабон — столица Португалии; расположен на правом берегу реки Тежу (исп. Тахо); в 1147 г. был отбит у мавров, и король Альфонс I Завоеватель перенес туда свою столицу. Восточная часть города сохранила свой средневековый облик с прекрасными памятниками архитектуры — собором XIII — XIV вв., церквями, дворцами. В городе неоднократно происходили землетрясения, самые сильные — в 1530 г. и в 1755 г.; в результате последнего, сопровождавшегося пожаром, город был сильно разрушен, после чего отстроен почти заново.

... ответил князь делла Цистерна ... — Вероятно, имеется в виду Амедео Альфонсо даль Поццо, князь делла Цистерна (1662 — 1698).

... вмешался маркиз ди Симиана ... — Сведений об этом персонаже (*Simiane*) найти не удалось.

... подхватил граф ди Прована ди Друент, бывший воспитатель герцога

... — Вероятно, имеется в виду граф Оттавио Прована ди Друент (1652 - 1727) — представитель аристократической пьемонтской семьи, входивший в круг ближайших друзей Виктора Амедея II; отличался странностями характера; носил прозвище «господин ди Друент»; в 1671 — 1675 гг. жил в Париже; был главным шталмейстером Виктора Амедея II; в 1682 г. участвовал в заговоре против регентши и вследствие этого оказался под арестом в крепости Ниццы; затем находился в изгнании во Франции; в 1692 — 1695 гг. построил знаменитый дворец в Турине, позднее получивший название Палаццо Бароло (в 1701 г. в нем покончила собой, выбросившись из окна, единственная дочь графа, Елена Матильда, с 1695 г. супруга маркиза Джироламо Габриеле Фаллетти ди Бароло).

55 ... В Пинероло стоят французы: они вам помогут. — Пинероло (фр. форма — Пиньероль) — крепость в Пьемонте, имевшая важное стратегическое значение; завоеванная войсками Франциска I в 1536 г., по Като-Камбрезийскому мирному договору была оставлена за Францией, однако в 1574 г. возвращена Савойе королем Генрихом III; в 1630 г. вновь была захвачена Францией и принадлежала ей до 1706 г.

56 ... в каком неприятном положении я мог оказаться, женившись на инфанте Изабелле. — Инфанта Изабелла — см. примеч. к с. 45.

... кардинал д'Эстре ... был тогда послом Франции в Турине ... — Эстре, Сезар, кардинал д' (1628-1714) — французский прелат и дипломат; епископ Ланский, затем кардинал (1674); член Французской академии (1656).

... придумала его г-жа де Лафайет, автор «Заиды» и «Принцессы Киевской» — Лафайет, Мари Мадлен Пьюш де Ла Вернь, графиня де (1634 — 1693) — знаменитая французская писательница, автор прославленного романа «Принцесса Клевская» (1678); подруга Ларошфуко; хозяйка литературного салона.

«Заида. Испанская повесть» («Zaïde. Histoire Espagnole») — двухтомный роман госпожи де Лафайет, опубликованный в 1669-1671 гг. у издателя Клода Барбена; ее содержание — трагическая история любви и ревности, разворачивающаяся в Испании во времена мавританского владычества.

Роман госпожи де Лафайет «Принцесса Клевская» («La Princesse de Cleves») вышел без указания имени автора в мае 1678 г. у того же издателя. Его сюжет — трагическая история женщины, вышедшей замуж без любви, по настоянию матери, за доброго и честного принца Клевского и вскоре страстно полюбившей прекрасного герцога Немурского, который кружил головы всем дамам при французском дворе; честная женщина признается

во всем мужу, он прощает ее, но яд ревности проникает в душу несчастного супруга, и он умирает от горя; став свободной, принцесса Клевская отказывается выйти замуж за герцога Немурского и заканчивает свои дни в монастыре.

57 ... девиза, позаимствованного ... у поэта Вергилия ... — Публий Вергилий Марон (70-19 до н.э.) — древнеримский поэт; получил юридическое образование, но отказался от карьеры адвоката и обратился к поэзии и философии; его первое произведение «Буколики» сделало его известным и позволило сблизиться с окружением императора Августа; вершиной его творчества стала поэма «Энеида», задуманная как римская параллель поэмам Гомера, но оставшаяся неоконченной; произведения его оказали огромное влияние на развитие европейской литературы.

58 ... он осознал свою силу, и, как говори.! король Карл IX на следующий день после Варфоломеевской ночи, осота I настолько, что мог уже показать, каковы его намерения. ~ Карл IX (1550 — 1574) — король Франции с 1560 г.; второй сын Генриха II; дал согласие на массовое избиение французских протестантов (гугенотов) в 1572 г. — т.н. Варфоломеевскую ночь, — которое началось в ночь с 23 на 24 августа (под праздник святого Варфоломея, отсюда ее название) в Париже и перекинулось в провинции Франции; было организовано правительством и воинствующими католиками.

61 ... герцогиня-мать вызвала к себе своего главного шталмейстера, графа ди Сан Себастьяно ... — Имеется в виду граф Франческо Игнацио Новарина ди Сан Себастьяно (7-1724), с 1703 г. супруг синьорины ди Кумиана.

62 ... Пришлось убеждать его в том, как важно для него не уподобиться Людовику XIV и не повторить историю с синьориной ди Манчини... — Имеется в виду Мария Манчини (1640-1716) — племянница кардинала Мазарини, до своего замужества внушившая подлинную страсть юному Людовику XIV; с 1661 г. супруга Лоренцо Онофрио Колонна, князя Паллиано и Кастильоне (1637 — 1689), великого коннетабля Неаполитанского королевства и вице-короля Арагона (1678); измученная ревностью мужа, в 1672 г. бежала из дома вдвоем с укрывавшейся у нее Гортензией Манчини, ее сестрой, вместе с ней уехала в Прованс и вместе с ней была задержана в Эксе (обе дамы были при этом в мужском наряде); после этого ей пришлось покинуть Францию и удалиться в Испанские Нидерланды, где по приказу мужа она была заключена в крепость Антверпена; затем получила разрешение приехать в Испанию, помирилась с мужем, но вскоре была заключена им в монастырь и лишь после смерти

коннетабля обрела свободу; последние годы провела в неизвестности; умерла в Пизе 11 мая 1716 г.

64 ... сказал г-ну ди Сантина, одному из своих приближенных ... — Сведений об этом персонаже (Santina) найти не удалось.

... Девчонка может вырасти; не забудьте, что в ее жилах течет кровь д'Альберов, Шеврёзов и Лонгвилей. — Заметим, что в жилах графини ди Верруа, урожденной де Люин, не было крови ни Шеврёзов, ни Лонгвилей.

Лонгвили — ветвь французского королевского рода, потомки Жана Дюнуа, графа де Лонгвиля (ок. 1403 — 1468), знаменитого французского полководца, сподвижника Жанны д'Арк, внебрачного сына герцога Людовика Орлеанского (второго сына короля Карла V).

... Недалеко от Турина находится небольшой город Кивает. — Кивассо (фр. назв. — Шива) — город в Италии, в 22 км к северо-востоку от Турина, на реке По; старинная резиденция владельцев Монферрато.

65 ... Посреди Кивассо расположен монастырь капуцинов. — Капуцины (ит. сарруссино, от сарруссио — «капюшон») — ветвь ордена францисканцев, отделившаяся от него в 1525 г.; основана миноритом Маттеоди Башио (ок. 1495-1552); во Франции играли важную роль в борьбе с протестантизмом и в реформе католицизма.

... Подозревали, что Луиджи занимается поисками философского камня. — Философский камень — по представлениям средневековых алхимиков, вещество, обладающее чудесными свойствами превращать неблагородные металлы в золото и серебро, возвращать молодость и т.п.

70 ... граф ди Мариани смирился с одинокой жизнью в Турине ... — Вероятно, это вымышленная фигура.

... граф Карло Мариани взял в жены Анджелу, дочь маркиза ди Спенцо. умершего несколько месяцев спустя. — Маркиз ди Спенио (Spenzo) — по-видимому, также вымышленная фигура.

72 ... Двадцать лет назад ... я повстречал вас во Дворце дожей в Венеции ... — Венеция — город в Северной Италии, в области Венето: расположен на островах Венецианской лагуны в Адриатическом море; в средние века купеческая республика, занимавшая одно из ведущих мест в европейской торговле.

Дворец дожей (ит. Палаццо Дукале — Герцогский дворец) — резиденция правителей Венецианской республики и место заседаний сената, Большого совета и Верховного суда; построен в 1350-1442 гг.

74 ... на глазах у всех торговал в генуэзском порту. — Генуя — город в Северной Италии, на берегу Генуэзского залива Лигурийского моря; ныне главный город провинции Генуя и области Лигурия, крупный порт

Средиземного моря; в средние века могущественная морская держава (с XII в. — город-республика), соперница Пизы и Венеции; в XV-XVI вв. утратила прежнее положение и с XVI в. находилась в зависимости от Испании; в 1797 г. была завоевана Францией; Венским конгрессом была включена в состав Сардинского королевства и вместе с ним вошла в единую Италию.

86 ... То был иезуит отец Добантон, впоследствии ставший известным во Франции и Испании. — Добантон, Гийом (1648 — 1723) — французский иезуит, вначале духовник Великого дофина, а с 1700 г. — духовник юного испанского короля Филиппа V, имевший на него огромное влияние; в 1705 г. вследствие интриг был отстранен от этой должности и вернулся во Францию; в 1706 г. уехал в Рим и стал помощником генерала иезуитов; в 1716 г. был вновь призван в Мадрид Филиппом V, вернувшим ему полное доверие; умер в то самое время, когда кардинал Дюбуа замыслил сделать его духовником юного Людовика XV.

... Король — в то время Виктор Амедей уже носил этот титул ... — В соответствии с условиями Утрехтского мира Виктор Амедей II получил в свое владение остров Сицилию и титул короля, однако в 1720 г. был вынужден обменять Сицилию на Сардинию. ... Примерно то же говорил Людовику XIV г-н Мазарини по поводу первых министров. — Мазарини, Джулио (1602-1661) — французский государственный деятель; сын сицилийского дворянина; был на военной, а затем на дипломатической службе у папы римского; во время заключения мира в Кераско (1631) и в период пребывания в Париже в качестве папского нунция (1634-1636) своими незаурядными дипломатическими способностями обратил на себя внимание Ришелье и стал его доверенным лицом; с 1640 г. на службе Франции, с 1641 г. кардинал; умирая. Ришелье указал на него Людовику XIII как на своего преемника на посту первого министра, и король согласился с этим решением; в регентство Анны Австрийской — первый министр и фаворит (возможно, даже тайный муж) королевы; продолжал политику укрепления абсолютизма; в 1648-1653 гг. боролся с Фрондой и был главной мишенью ненависти ее участников; оставался у кормила власти до конца жизни; добился больших успехов в области внешней политики (заключил Вестфальский мир, договоры с Англией, Пиренейский мир), обеспечил политическую гегемонию Франции в Европе.

87 ... Во время обеда обсуждали, что делать с неким аббатом Пети, кюре прихода святого Леодегария ... — Вероятно, речь идет о церковном приходе святого Леодегария в городе Шамбери.

Святой Леодегарий (ок. 616-678) — епископ Отёнский, ослепленный, а

затем обезглавленный врагами; почитается как мученик.

... Покойный господин ди Верруа слушал его как оракула ... — Имеется в виду Карло Витторио Скалья, четвертый граф ди Верруа — главный наместник графства Ницца, старший сын Аугусто Манфредо Скалья, третьего графа ди Верруа; кавалер ордена Благовещения.

88 ... отцы-иезуиты попросили в виде одолжения доверить заботы о моей душе отцу Добантону, одному из их светил, что он в дальнейшем действительно доказал, подарив миру буллу «Unigenitus», написанную им в соавторстве с кардиналом Сапрани. — «Unigenitus Dei Filius» — булла папы Климента XI, обнародованная 8 сентября 1713 г.; в ней были осуждены принципы учения голландского богослова Корнелия Янсения, изложенные в книге «Моральные размышления» его последователя Паскье Кенеля (1634 — 1719) и тяготевшие к протестантизму.

Сведений о кардинал Сапрани (Sapranì) найти не удалось; скорее всего, здесь опечатка в оригинале.

89 ... Играли в реверси ... — Реверси — старинная карточная игра испанского происхождения.

... располагал довольно крупными доходами, получая их... при покойном герцоге и при ныне правящем ... — Покойный герцог — Карл Эммануил II.

90 ... глаза-щелки, горевшие, тем не менее, как карбункулы ... — Карбункул — старинное название густо-красных драгоценных камней (рубина, фаната и др.).

... Осторожней, господин командор ... — Командор — здесь: одно из высших должностных лиц в средневековых военно-монашеских орденах.

94 ... Это принц Дармштадтский. — Имеется в виду Георг Людвиг Гессен-Дармштадтский (1669-1705) — один из младших сыновей ландграфа Людвиг VI Гессен-Дармштадтского (1630-1678; правил с 1661 г.); имперский фельдмаршал, вице-король Каталонии (1698-1701), испанский гранд и кавалер ордена Золотого руна (1697); погиб во время осады Барселоны.

... При дворе его называли Угрюмым Красавцем — в память об Амадисе Галльском, на которого он был во многом похож. — Амадис Галльский — заглавный герой средневекового испанского рыцарского романа, литературными корнями уходящего в легенду и около 1500 г. ставшего широко известным благодаря публикации и доработке его испанским писателем де Монтальво (кон. XV — нач. XVI в.). Впоследствии книга была переведена на французский язык, а имя странствующего рыцаря Аманиса, пылкого, верного и благородного возлюбленного, стало

нарицательным.

... О чем только не шли речь: о Франции, Империи, Савойе, Тоскане... — Тоскана — историческая области в Центральной Италии; с кон. X в. входила в состав Священной Римской империи (до этого была в составе владений Древнего Рима, Византии, империи Карла Великого); с 1569 г. — самостоятельное Великое герцогство Тосканское; в 1737 г. перешла под власть Габсбургов (с перерывом в 1801-1815, когда она была под властью Франции); в 1861 г. вошла в единое Итальянское королевство; ныне область Италии.

... известно ли вам, что теперь, когда португальский брак определенно расстроился, герцога Савойского пытаются женить на принцессе Пармской? — У правившего в это время (с 1646 г.) в Парме герцога Рануччо II Фарнезе (1630-1694) от его второй жены. Изабеллы д'Эсте (1635 — 1666; замужем с 1664 г.), была дочь Маргарита (1664 — 1718), вышедшая замуж за Франческо д'Эсте, герцога Моденского; от третьей жены, Марии д'Эсте (1644 — 1684; замужем с 1668 г.), — дочь Изабелла (? -1718), ставшая монахиней. ... и являет собой фактотума его высокопреосвященства епископа. — Фактотум (от лат. *fac totum* — «делай все») — доверенное лицо, беспрекословно исполняющее чьи-либо поручения.

98 ... Некогого аббата ... Альберо ... Альберони! — Альберони, Джулио (1664-1752) — испанский государственный деятель, фактический первый министр Испании в 1716-1719 гг.; итальянец по происхождению, сын садовника, воспитанный иезуитами; с 1712 г. представитель Пармы в Испании; устроил свадьбу Филиппа V Испанского с Елизаветой Фарнезе (см. примеч. к с. 321); проводил централизацию администрации и налоговые реформы; в результате поражения Испании в войне с Четверным союзом (Англии, Франции, Австрии и Соединенных Провинций, вызванной военными экспедициями испанцев на Сардинию (1717) и Сицилию (1718), вышел в отставку; легат Равенны в 1735 г. и Болоньи в 1740 г.

... хитер и изворотлив, как десять иезуитских капитулов. — Капитул — коллегия руководящих лиц в монашеских и духовно-рыцарских орденах.

99 ... Я имею в виду принца Евгения Савойского; в то время ему было всего двадцать лет и он собирался предложить свои услуги императору. — В те времена, когда Евгению Савойскому (см. примеч. к с. 8) было двадцать лет, императором был Леопольд I Габсбург (см. там же).

... Он отправлялся на войну с турками, куда, вопреки воле короля, собрались также принцы де Конти (король не простил им этого бегства, и

принцам пришлось раскаиваться в содеянном всю жизнь). — Конти — младшая ветвь рода Бурбон-Конде, родоначальником которой стал Арман де Бурбон (1629-1666), младший брат Великого Конде.

Здесь имеются в виду его сыновья: Луи Арман де Бурбон, принц де Конти (1661-1685), отправившийся воевать в Венгрию с турками и с отличием участвовавший в битве при Эстергоме (1685); Франсуа Луи де Бурбон, принц де Конти, принц де Ла Рош-сюр-Йон (1664-1709), который вместе с братом воевал с турками, по возвращении из Венгрии впал в немилость, но в конце концов поступил на французскую службу, участвовал в битвах при Флерюсс (1690) и Стен-керке (1692) и прославился при Нериндсис (1693).

... Принц Евгений был сын знаменитой г-жи де Суасон, племянницы кардинала Машрины, столь любимой Людовиком XIV в его молодости и столь обманутой им позднее. — Госпожа де Суасон — Олимпия Манчини (1639 — 1708). племянница кардинала Мазарини; до того как в 1657 г. выйти замуж за Эжена Мориса де Сануа-Кариньяна (1633-1673), получившего титул графа Суасонского, мечтала стать супругой Людовика XIV; после его женитьбы стала старшей фрейлиной королевы Марии Терезы; вследствие ее нападок на мадемуазель де Лавальер была удалена от королевского двора и уехала во Фландрию; затем жила в Испании, путешествовала по Германии и Англии; умерла в Брюсселе.

... 8 1680 году г-жа де Суасон вынуждена была покинуть Францию из-за суда над Лавуазен и Лавигурё, обвиненными в колдовстве и еще более страшных грехах. — Лавуазен, Катерина Дезай (ок. 1640-1680) — французская авантюристка, акушерка, замешанная в знаменитом деле об отравлениях (1679); было обвинена в изготовлении ядов и колдовстве, приговорена к смерти и сожжена на Гревской площади.

Лавигурё — известная отравительница, сожженная на Гревской площади в 1680 г.

... ее судил бы заседавший в Арсенале чрезвычайный суд, который, как утверждают, нашел в том, что ему удалось узнать, достаточно оснований, чтобы сжечь ее заживо. — Имеется в виду чрезвычайная комиссия, созданная для расследования дела об отравлениях; была учреждена в 1680 г.; ее местопребыванием был парижский Арсенал. Поскольку отравителей обычно приговаривали к сожжению на костре, заседавший в Арсенале суд назывался *Chambre ardente* — «Огненный суд».

97 ... Король настолько был убежден в ее виновности, что однажды сказал ее зятю, герцогу Буйонскому ... — Герцог Буйонский — Морис Годфруа де Ла Тур д'Овернь. третий герцог Буйонский (1641-1721),

племянник маршала Тюрсна; с 1662 г. супруг Марии Анны Манчини (1646-1714), младшей сестры Олимпии Манчини, графини Суасонской.

... Всемогущий в то время г-н де Лувуа, давно привыкший к низостям придворных ... затаил смертельную ненависть к нему. — Лувуа, Франсуа Мишель Ле Тельс маркиз де (1641-1691) — крупный французский государственный деятель, сын канцлера Мишеля Ле Тельс военный министр с 1672 г.; оказал огромное значение на формирование французской армии; во время войн разрабатывал планы операций и руководил ими; отличался непомерным властолюбием, нередко приводившим его к столкновению с военачальниками.

98 ... он из рода Люнуа и состоит в родстве с Савойским домом, а иностранцы никогда не приносили нам удачи на занимаемых ими должностях. — Неясное место: итальянские князья Кариньяно. из рода которых происходил принц Евгений Савойский, не были родственниками Дюнуа (см. примеч. к с. 64).

... он отправился в приемную отца Лашеза, распорядившегося бенефициями... — Лашез. Франсуа д'Экс де (1624 — 1709) — французский иезуит, с 1674 г. духовник Людовика XIV. Бенефиций — церковная должность, приносящая доходы.

99 ... Принц Евгений питал особое, ни с чем не сравнимое отвращение к г-же де Ментенон. — Госпожа де Ментенон — см. примеч. к с. 27.

... если б маршал де Виллар не остановил меня в Ленене, а англичане явились в назначенное место, я повелевал бы в столице великого короля, и уж тогда эта Ментенон была бы заперта в монастыре на всю оставшуюся ее жизнь. — 24 июля 1712 г. в сражении при Денене (на севере Франции) во время войны за Испанское наследство, когда Франция находилась в чрезвычайно тяжелом положении, Виллар нанес поражение австро-голландской армии под командованием принца Евгения, действовавшего довольно нерешительно из-за двойственной политики Великобритании и втянувшегося в борьбу за отдельные крепости, и добился тем самым перелома в ходе военных действий.

100 ... Войне, ее хитростям и стратегическим уловкам учатся так же, как игре на теорбе; это одновременно и наука и искусство. — Теорба — старинный музыкальный инструмент; басовая разновидность лютни, вышедшая из употребления во второй пол. XVIII в.

102 ... клички им выбирали из прекраснейших исторических имен: это были Цезари, Помпеи, Карлы Великие, Байарды. — Цезарь, Гай Юлий (100/102 — 44 до н.э.) — древнеримский полководец, государственный деятель и писатель, диктатор; был убит заговорщиками-республиканцами.

Помпеи, Гней (106-48 до н.э.) — древнеримский полководец и политический деятель, консул 70, 55 и 52 гг. до н.э.; за свои победы получил прозвище «Великий»; вначале был противником сената и союзником Цезаря, потом стал его противником в борьбе за власть; был разбит Цезарем при Фарсале в Греции (48 г. до н.э.). после чего бежал в Египет, где был убит.

Карл Великий (742 — 814) — с 768 г. франкский король; с 800 г. император.

Баярд, Пьер дю Терайль, сеньор де (ок. 1475-1524) — французский военачальник; прославлен современниками как образец мужества и благородства и прозван «рыцарем без страха и упрека».

... Сучек называли по именам богинь: Венера, Юнона, Флора, Помочи, Минерва — тут был весь Олимп. — Венера — римская богиня весны, садов, произрастания и расцвета; со временем стала отождествляться с греческой Афродитой и превратилась в богиню любви и красоты.

Юнона (гр. Гера) — в античной мифологии царица богов, сестра и жена верховного бога Юпитера (гр. Зевс), покровительница семьи и брака.

Флора — древнеиталийская богиня цветов, юности и удовольствий. Помона — в римской мифологии богиня плодов. Минерва (гр. Афина Паллада) — в античной мифологии богиня-воительница и девственница, покровительница мудрости и женских ремесел.

... у любимца по клинке Идомей конуру называли «остров Крит». — Идомей — в греческой мифологии внук Миноса, царь Крита, участник Троянской войны; согласно некоторым вариантам мифа, по возвращении из-под Трои был изгнан с Крита.

... великий приор — так называли дона Габриеля, судьбою предназначенного к вступлению в мальтийские рыцари, — был в восторге от успехов своих учеников... — Великий приор — в католических духовно-рыцарских орденах второе после великого магистра должностное лицо.

... в бою он сражался, как ландскнехт! — Ландскнехты — наемные пешие войска в XV-XVII вв.; появились в Германии; вербовались, как правило, из низших слоев населения, причем обычно нанимались на одну кампанию и не были постоянным войском в современном смысле.

104 ... посылаю вас в Венецию, к дожу ... — Дож — с кон. VII в. до конца существования независимой Венецианской республики (1797) ее глава, избиравшийся пожизненно. С XIII в. власть дожей уменьшается и переходит к замкнутой корпорации наиболее знатных семейств, главы которых образуют высший орган республики — Большой совет; с этого времени дожи делают почти безвластными, хотя и весьма почитаемыми

номинальными главами государства.

Дожем Венеции в 1688-1694 гг., то есть в описываемое в романе время, был Франческо Морозини (1618-1694).

108 ... Я училась развлекать гостей — наука очень редкая, особенно за пределами Франции, где покойный король своим благородством и величием поневоле привил это умение всем дамам. — Имеется в виду Людовик XIV.

110 ... герцогиня-мать должна была устроить в дворцовом саду большой праздник по случаю помолвки ее августейшего сына с французской принцессой Анной Марией Орлеанской, племянницей Людовика XIV, дочерью Месье, а следовательно, сестрой регента, хотя у них были разные матери, ибо эта принцесса была сестра королевы Испании и, как и та, дочь той несчастной Генриетты Английской, что была отравлена шевалье де Лорреном и маркизом д'Эффия. — Анна Мария Орлеанская — см. примеч. к с. 8.

Месье — титул младшего (следующего за королем по времени рождения) брата короля во Франции; в данном случае имеется в виду Филипп I Орлеанский (1640-1701), младший брат Людовика XIV, со времени восшествия которого на престол (1643) он носил этот титул; до смерти Гастона Орлеанского (1660) назывался герцогом Анжуйским; имел странные женские вкусы; в 1661 г. женился на Генриетте Английской, сестре Карла II, и проявил себя необычайно ревнивым мужем, в особенности из-за того, что за ней стал ухаживать король; 30 июня 1670 г., через несколько дней после ее возвращения из поездки в Англию, во время которой Генриетта содействовала заключению договора о союзе Франции и Англии, она скоропостижно умерла, и при дворе поговаривали об отравлении ее; через год Филипп женился на дочери курфюрста Пфальцского Шарлотте Элизабет; от первого брака у него было пятеро детей, из которых выжили только две девочки — Мария Луиза, будущая королева Испанская, и Анна Мария, будущая герцогиня Савойская, а от второго — сын Филипп, будущий регент Франции, и дочь Элизабет Шарлотта; герцог проявил себя способным полководцем, разбив Вильгельма Оранского в битве при Касселе (1677), но Людовик XIV, завидуя успехам своего брата, перестал доверять ему командование войсками.

Испанская королева — Мария Луиза Орлеанская (1662-1689), с 1679 г. супруга испанского короля Карла II.

Лоррен, Филипп, шевалье де (1643-1702) — фаворит Филиппа I Орлеанского; родной брат Луи I Лотарингского, графа д'Аркур-Арманьяка;

аббат Сен-Бенуа-сюр-Луар; по некоторым сведениям, участвовал в убийстве Генриетты Анны Английской. Эффиа, Антуан де Рюзе, маркиз д' (1638 — 1719) — внук маршала д'Эффиа, конюший герцога Филиппа I Орлеанского, замешанный, согласно утверждению Сен-Симона, в убийстве Генриетты Анны Английской; позднее стал конюшим регента Филиппа II Орлеанского, а затем его личным советником; на нем закончился род Эффиа.

111 ... его должны были украшать двенадцать симметрично расположенных круглых камней, более или менее обработанных; эти камни свекровь называла «мазаринами дома ди Верруа» — вероятно, в подражание знаменитым Двенадцати мазаринам. — Имеются в виду двенадцать самых крупных алмазов французской короны, которые, кардинал Мазарини поручил огранить парижским ювелирам, дав тем самым толчок к развитию искусства огранки этих камней, и которые стали называть его именем (они весили около 16 карат каждый и имели форму округленного четырехугольника). Заметим, что Мазарини собрал огромную коллекцию алмазов и был их знатоком; ему даже приписывают изобретение особого метода их огранки, т.н. "розой", когда обработанный камень имеет форму полушара с 24 треугольными гранями и плоской базой.

116 ... Отнимите у Юпитера его золотистое облако — и кто станет поддерживать его? — Юпитер — в римской мифологии бог неба, дневного света, грозы, царь богов, отождествляемый с гр. Зевсом.

... мы так ловко провели нашего аргуса. — Аргус — в древнегреческой мифологии великан, сын Геи-Земли; страж, имеющий сто глаз; воплощение звездного неба. В переносном смысле аргус — бдительный страж.

117 ... во Франции подобный обычай ввел герцог де Мазарини ... — Герцог де Мазарини — Ла Мейере, Арман Шарль де Ла Порт, маркиз де (1632 — 1713), французский генерал, командующий артиллерией, сын маршала де Ла Мейере; в 1661 г. женился на Гортензии Манчини (1646-1699), племяннице кардинала, и принял титул герцога де Мазарини, унаследовав все огромные богатства могущественного министра и его дворец; в 1666 г. супруга оставила его; после этого, впав в крайнее благочестие, он собственными руками уничтожил скульптуры и картины из завещанной ему Мазарини художественной коллекции, которые не устраивали его с точки зрения благопристойности.

118 ... отдал ее так перед своей свадьбой для молодой и прекрасной графини делла Специя ... — Эта особа (Spezzia) — явно вымышленный персонаж.

120 ... наши грезы не стоят и шести денье. — Денье — французская старинная медная монета, двенадцатая часть су.

121 ... горели факелы, играла музыка, воды По плескались у наших ног... — По — река на севере Италии, длиной 652 км; берет начало в Котских Альпах, пересекает с запада на восток Паданскую долину и впадает в Адриатическое море; на ней стоит Турин.

... Мы пили лакрима-криси из хрустальных бокалов ... — Лакрима-криси (*Lacrima Christi* — «Слезы Христа») — высокосортное белое столовое вино, которое изготавливается из винограда, выращиваемого на склонах Везувия; в XVII — XIX вв. производилось в небольшом количестве и подавалось только к столу аристократов.

... Письма г-жи де Севинье были бы не настолько прелестны, если бы в них говорилось лишь о ней и о г-же де Гриньян, которую я всегда терпеть не могла. — Гриньян, Франсуаза Маргарита, графиня де (1646 — 1705) — любимая дочь и главная корреспондентка госпожи де Севинье; была очень умна, образованна и необычайно красива (представленная ко двору в 1663 г., она сразу же заслужила звание самой красивой девушки Франции); в 1669 г. вышла замуж за Франсуа Жюля Адемара де Монтея, графа де Гриньяна (1629 — 1714), наместника короля в Лангедоке и Провансе (у него это был уже третий брак).

123 ... Мой супруг достиг в моих глазах высоты в тридцать локтей, как истукан Навуходоносора в Священном Писании. — Навуходоносор — вавилонский царь в 605-562 гг. до н.э., сын и наследник царя Набопаласара, основателя Нововавилонского царства; в 605 г. до н.э. захватил территории Сирии и Палестины, в 598 г. до н.э. совершил поход в Северную Аравию, в 597 г. до н.э. занял Иерусалим, а в 587 (или 586) г. до н.э., после того как город восстал, захватил и разрушил его, уничтожил Иудейское царство и увел в плен большое число жителей Иудеи.

Здесь имеется в виду рассказанная в библейской Книге Даниила история о том, как «царь Навуходоносор сделал золотой истукан, вышиною в шестьдесят локтей, шириною в шесть локтей, поставил его на поле Деирс, в области Вавилонской» и повелел всем народам, племенам и языкам прийти, пасть и поклониться этому истукану. «А кто не падет и не поклонится, тотчас брошен будет в печь, раскаленную огнем» (Даниил, 3).

Священное Писание — свод священных книг иудейской и христианской религий; состоит из Ветхого Завета, признаваемого каждым из этих вероучений, и Нового Завета, признаваемого только христианством.

Локоть — старинная мера длины, нередко упоминающаяся в Священном Писании; равняется 0,4375 м. Локоть делился на две пяди, пядь

на шесть ладоней, ладонь на четыре пальца.

124 ... Легко догадаться, что это принц Филиберти Амедео, глава родовой ветви Кариньяно и двоюродный брат Виктора Амедея. — Напомним, что принц Филиберто Амедео Кариньяно (см. примеч. к с. II) приходился двоюродным дядей Виктору Амедею II.

125 ... Образование, полученное принцем в соответствии с распоряжением его отца, принца Томмазо, было так хорошо продумано ... — Томмазо

Франческо. принц ли Кариньяно (1596 — 1656) — родной брат герцога Савойского Виктора Амедея I, деда Виктора Амедея II. ... не его вина, что ему не удалось сделать двор Турина во всем похожим на Версаль; он стремился к этому постоянно: сначала обзавелся собственной Монтеспан — ею была я, ну а его Ментенон известна всем. У него был своп герцог Менский — им был мой сын; своя герцогиня Орлеанская — ее роль играла моя дочь. Монсеньером был его старший сын. — Монтеспан, Франсуаза Атенаис де Рошшуар-Мортсмар, мадемуазель де Тонне-Шарант, в замужестве маркиза де Монтеспан (1641-1707) — с 1667 г. фаворитка Людовика XIV; среди рожденных ей от короля детей — герцог Менский (см. примеч. к с. 8), граф Тулузский, мадемуазель де Нант, вышедшая замуж на внука Великого Конде, и мадемуазель де Блуа, супруга Филиппа Орлеанского (регента); впоследствии уступила свое место госпоже де Ментенон. но оставалась при дворе до 1691 г.

Герцогиня Орлеанская — Анна Мария Орлеанская (см. примеч. к с. 8). «Монсеньер» — со времен Людовика XIV титул дофина. В годы долгого правления короля этот титул последовательно носили его единственный законный сын Луи, Великий Дофин (см. примеч. к с. 27), который здесь и имеется в виду, а затем его внук Луи, герцог Бургундский (1682-1712), и два его правнука.

... Впрочем, наверное, он думал о Карле V. Он любил великие примеры. — Карл V (1500-1558) — король Испании (Карлос I) с 1516 по 1556 гг., император Священной Римской империи с 1519 г.; в 1555 — 1556 гг., потерпев поражение в борьбе с протестантскими князьями Германии, отрекся от своих престолов и передал управление Испанией, Нидерландами и Неаполем своему сыну — Филиппу II, а германскую корону завешал брату — Фердинанду, после чего удалился в монастырь, где и умер.

126 ... Шляпа из тончайшего кастора ... — Кастор — плотное тонкое сукно с ворсом на изнаночной стороне, изготавливаемое из пряжи с добавлением бобрового или козьего меха.

127 ... Его старший сын совсем не разделял этих склонностей ... —

Имеется в виду Витторио Амедео Филиппе Джузеппе, принц Пьемонтский (1699 — 1715) — наследник престола, умерший в шестнадцатилетнем возрасте.

... а ныне правящий король был еще более далек от них. — Второй сын Виктора Амедея II, в пользу которого он отрекся от престола, — Карл Эммануил III (1701-1773), принц Пьемонтский с 1715 г., король Сардинский и герцог Савойский с 1730 г.

... Когда его дочь, будущая герцогиня Бургундская, столь достойная сожаления, уезжала во Францию, он наставлял ее, учил разбираться в сложных взаимоотношениях при французском дворе ... — Мария Аделаида Савойская (см. примеч. к с. 15) стала супругой герцога Бургундского в двенадцатилетнем возрасте; в возрасте двадцати семи лет, через два месяца после того как ее супруг стал дофином, она умерла от кори, на шесть дней опередив его.

128 ... Граф де ла Тур, один из ближайших его приближенных ... — Вероятно, имеется в виду граф Филиберт Салье дела Тур (1643-1708) — глава финансового ведомства Савойи (1683), государственный секретарь и военный министр (1699).

... Вместе они отправились в Риволи ... — Риволи — селение в 2 км к западу от Турина, в котором находился замок герцогов Савойских.

130 ... проводили бесконечные часы в беседах о Версале, Париже, Сен-Клу ... — Сен-Клу — небольшой городок на берегу Сены (в соврем. департаменте О-де-Сен). Находившуюся в нем резиденцию Гонди, в которой в 1589 г. был убит король Генрих III, купил Месье, брат Людовика XIV, и превратил ее во дворец (именно он здесь и подразумевается); в 1785 г. этот дворец купила королева Мария Антуанетта; в январе 1871 г., во время Франко-прусской войны, его сожгли немцы.

... я имела честь довольно часто посещать Пале-Рояль и играть с дочерьми Месье ... — Пале-Рояль («Королевский дворец») — резиденция кардинала Ришелье, построенная в 1629 — 1639 гг. и завешанная кардиналом королю Людовику XIII; дворец, сохранившийся до сих пор, находится недалеко от Лувра, на современной площади Пале-Рояля; после событий Фронды Людовик XIV предоставил дворец в пользование Генриетте Французской, вдове Карла I, а в 1662 г. передал в собственность своему брату Филиппу I Орлеанскому, который уже жил там с 1661 г.; ныне в нем помещается высший контрольно-административный орган Французской республики — Государственный совет.

... Обе дочери Месье надеялись выйти замуж за дофина ... — Дофин — см. примеч. к с. 27.

131 ... Тем не менее принцесса родила шестерых детей. Но, за исключением ныне здравствующего короля, все они умерли в юном возрасте. — Анна Мария Орлеанская родила восьмерых детей: Витторио Амедео Филиппо (1699-1715), принца Пьемонтского; Карло Эмануэле (1701-1773), будущего короля Карла Эммануила III; Эмануэле Филиберто, герцога Шабле (1705-1705); Марию Аделаиду (1685-1712), будущую герцогиню Бургундскую; Марию Анну (1687-1690); Марию Луизу Габриеллу (1688-1714), с 1701 г. супругу испанского короля Филиппа V, и еще двух младенцев, скончавшихся при рождении (1691 и 1697 гг.).

133 ... В тот же вечер было решено отправиться в масках на площадь Святого Марка. — Площадь Святого Марка — центральная площадь Венеции, примыкающая к собору святого Марка; место проведения религиозных и политических собраний, манифестаций и карнавалов.

... Господин д'Аво был искусным дипломатом ... — Аво, Жан Антуан де Мем, граф д' (1640 — 1709) — французский дипломат, посол в Венеции и Голландии; принимал участие во многих дипломатических переговорах своего времени.

... Его высочество пришли приветствовать от имени дожа и Светлейшей республики ... — Титул «Светлейшая» указывал на государственный суверенитет и независимость Венецианской республики.

... агенты инквизиции уже окружили нас. — Инквизиция — здесь: политическая полиция Венеции.

134 ... Виктор Амедей все сильнее распилился, приставал к коломбинам и арлекинам ... — Коломбина — традиционный персонаж итальянской комедии дель арте: служанка, участвующая в развитии интриги. Арлекин — один из персонажей комедии дель арте. первоначально — простак: увалень, позднее — слуга-хитрси, одетый в костюм из разноцветных треугольников.

... В Герцогском дворце накрыт стол для его высочества ... — Герцогский дворец (Палаццо Дукале) — то же, что Дворец дожей (см. примеч. к с. 72).

... Вам станут подавать в комнате, где, возможно, будут находиться один из проведиторов... и несколько патрициев ... — Проведитор — один из чиновников Венецианской республики, в обязанности которого входило наблюдение над общественными учреждениями и управление определенными провинциями.

... Наконец мы вошли в великолепный и необыкновенный Дворец дожей, поднялись по лестнице Гигантов, прошли мимо пастей львов, куда бросают доносы для Совета Десяти... — Лестница Гигантов («Скала деи

Джиганти»), ведущая из внутреннего двора Палаццо Дукале в его галереи, была построена в кон. XV в.; свое название получила после того, как в 1554 г. на ней были установлены две гигантские статуи — Марса и Нептуна, военного и морского покровителей Венеции; на ее верхней площадке совершались разного рода торжественные церемонии, включая и коронование дожа. Совет Десяти, в функции которого входила охрана безопасности государства, был создан в 1310 г., после того как был раскрыт заговор против Республики; десять его членов избирались сроком на один год, в течение которого они имели ничем не ограниченное право шпионить за любым венецианцем (включая и дожа) и распоряжаться его жизнью и смертью; однако по окончании срока полномочий членов Совета любой из них мог быть привлечен к ответственности за нарушение справедливости. Совет, обосновавшийся во Дворце дожей, широко применял систему доносов; с этой целью в стенах дворца были устроены специальные прорезы, а к ним прикреплены скульптурные маски, изображавшие человеческие лица с открытыми ртами — туда и полагалось опускать доносы; эти маски назывались «уста́ми льва».

135 ... Герцог Савойский провел в Венеции несколько встреч с представителями Аугсбургской лиги ... — Аугсбургская лига — союз, который тайно заключили 9 июля 1686 г. Голландия, Священная Римская империя, Испания, Швеция, Бавария и Саксония с целью приостановить территориальные захваты Франции в Западной Европе; в сентябре того же года к нему присоединились курфюрст Пфальцский и герцог Гольштейн-Готторпский, а в 1689 г. и Англия. В 1688-1697 гг. Лига вела с Францией войну (она получила название войны за Пфальцское наследство), закончившуюся подписанием Рисвикского мира (20 сентября 1697 г.).

Виктор Амедей II тайно примкнул к Аугсбургской лиге в 1689 г., во время своего краткого пребывания на карнавале в Венеции.

136 ... побывал в Гетто или на набережной Скъявони... — Гетто — еврейский квартал Венеции, расположенный на севере лагуны; с XIV — XV вв. заселялся евреями из Италии, Германии, Испании, Португалии. Османской империи; в 1516 г. поселения евреев были объединены в отдельный квартал, который им запрещалось покидать по ночам и в дни христианских праздников; в XVII в. еврейская община Венеции насчитывала около 5 000 человек, но поднес пришла в упадок.

Скъявони (Рива-дсльи-Скъявони) — самая широкая набережная в Венеции; расположена рядом с Палаццо Дукале. ... Контарини, самый ветреный из всех венецианских ветреников. — Контарини — одна из двенадцати знатнейших фамилий Венецианской республики; ее

представители не раз были дожами; в частности в 1659-1674 гг. эту должность занимал Доменико Контарини, а в 1676-1683 гг. — Луиджи Контарини.

140 ... белоснежных, как офирский жемчуг, зубов ... — Офир — в Библии страна, откуда торговый флот царя Соломона привозил золото, серебро, слоновую кость, красное дерево и драгоценные камни (3 Царств); скорее всего, эта была Индия или аравийские области на берегу Персидского залива.

141 ... принес что-то вроде дохлой каменной куницы ... — Каменная куница (белодушка) — хищный зверек из семейства куньих; населяет горные, частично равнинные районы Европы, Передней, Средней и Центральной Азии; обладает размерами несколько меньшими, чем лесная куница, и на горле имеет пятно белого цвета; обитает в бедных лесом скалистых горах, каменоломнях и пещерах.

... написал какие-то кабалистические знаки ... — Кабалистические знаки — таинственные, непонятные; название происходит от слова «кабала» (или «каббала»): так именовалось средневековое мистическое течение в иудейской религии, проповедовавшее поиск основы всех вещей в цифрах и буквах еврейского алфавита.

143 ... Стало известно, что за его действиями следили, знали о соглашениях с английским королем Вильгельмом, а также курфюрстом Баварским. — Вильгельм 111 — см. примеч. к с. 8.

Курфюрст Баварский — Максимилиан 11 Эммануил фон Виттсльсбах (1662-1726), курфюрст Баварский с 1679 г., сын курфюрста Фердинанда; с 1683 г. поддерживал Австрию в войне с турками; в 1685 г. вторым браком женился на дочери императора Леопольда I и в 1692 г. стал правителем Испанских Нидерландов: в 1698 г. его малолетний сын Иосиф Фердинанд был объявлен наследником испанского короля Карла II (однако через несколько месяцев ребенок умер); во время войны за Испанское наследство встал на сторону Франции; в 1704 г., после того как франко-баварская армия потерпела сокрушительное поражение при Гохштедте (1704), был изгнан из Империи; после подписания Раштадтского мира (1714) вернул себе Баварию: в 1717 г. поддерживал императора в войне с турками.

... Посол герцога в Венеции рассказал ему об одной из своих бесед с г-ном д'Аво ... — Установить, кто был савойским послом в Венеции в это время (1689 г.). не удалось.

144 ... чтобы успокоить Людовика XIV, герцог снова начал политически невыгодную и непопулярную войну против вальдеисов, или барбетов, губительные последствия которой испытал на себе его отец. —

Вальденсы — христианская секта, основанная в XII в. лионским купцом Пьером Вальдо, — отсюда самоназвания «вальденсы» и «лионские братья»; выступали против обмирщения церкви, за добровольную бедность (отсюда еще одно самоназвание — «лионские бедняки») и были весьма популярны благодаря идеям бедной церкви: жестоко преследовались церковью. Во Франции их деятельность пришла в упадок к XV в., но она надолго сохранилась в горных альпийских деревнях Италии, и новое ее оживление было вызвано реформационным движением в католической церкви. Барбетты — насмешливое прозвище пьемонтских вальденсов, связанное с тем, что они называли своих пасторов «barbes» (на их диалекте это означало «дяди»); позднее так же стали называть кальвинистов в Севеннах.

Герцоги Савойские упорно пытались обратить в католичество обитавших на их землях вальденсов, но, натолкнувшись на их вооруженное сопротивление, герцог Эммануил Филиберт был вынужден даровать им указ о веротерпимости (1561), в котором признавалось право на существование целого ряда общин вальденсов. Однако те общины, которые не были перечислены в этом документе, по-прежнему подвергались преследованиям. В 1655 г. герцог Карл Эммануил II начал жестокое усмирение непокорных общин, вызвавшее негодование всего протестантского мира. В 1685 г. по соглашению с Людовиком XIV, отменившим Нантский эдикт, герцог Виктор Амедей II вновь начал насильственное обращение вальденсов в католичество. Восставших усмирили, но большая их часть была вынуждена бежать в Швейцарию и Германию; вскоре, однако, в 1686 — 1690 гг. они силой добились права вернуться на родину.

...Он уже давно собирался отобрать у Людовика Пинероло и Касале и искал только подходящего случая для этого ... — Пинероло — см. примеч. к с. 55.

Касале-Монферрато (фр. название — Казаль) — укрепленный город в Италии, в провинции Алессандрия области Пьемонт, на реке По, закрывающий путь в ее долину; древняя столица маркграфства Монферрато, с XVI в. принадлежавшего герцогам Мантуанским и в 1631 г., войны за Мантуанское наследство (1627-1631). частично уступленного ими герцогам Савойским (в 1703 г. к Савойе отошла и остальная часть Монферрато).

... Герцог не дремал, зная что Касале, самая прочная стратегическая позиция в Италии, находится в руках короля Франции и что командует этой крепостью г-н де Трессан, храбрый и искусный солдат. — Сведений об этом военачальнике (Tressan) найти не удалось.

... Касале был продан королю герцогом Мантуанским. бездельником и сластолюбцем. — Здесь имеется в виду Фердинанд Карл IV де Гонзага (1652 — 1708) — герцог Мантуанский с 1665 г.; в 1707 г., в ходе войны за Испанское наследство, был лишен своего герцогства австрийцами, изгнан из Империи и принял сторону Людовика XIV. Крепость Касале была продана им Людовику XIV в 1681 г. в результате сложной политической интриги, в центре которой стоял министр герцога — граф Эрколс Маттиоли.

... Он еще далеко не был уверен в императоре... — Императором в это время был Леопольд I (см. примеч. к с. 8).

... Маршал де Катина командовал королевской армией в Дофине и Севеннах. — Катина — см. примеч. к с. 8.

Дофине — историческая провинция Франции (с 1349 г.), на юго-востоке страны (соврем. департаменты Изер. Дром и Верхние Альпы). Севенны — горы на юго-востоке Франции, юго-восточная часть Центрального Французского массива; длина их около 150 км, а максимальная высота — 1 702 м; были одним из очагов французского протестантского движения.

... я жду другого гостя, моего кузена Евгения, покрывшего себя славой в Венгрии... — Впервые военную славу Евгений Савойский завоевал в 1683 г., во время нашествия войск турецкого великого-везира Кара Мустафы на Вену; затем, в 1686 г., он отличился при осаде Офсна (Буды, цитадели нынешнего Будапешта), а 8 декабря 1687 г. — в битве при Мохаче (город на юге Венгрии), в которой имперские войска под командованием Карла IV Лотарингского разгромили турецкую армию султана Мехмеда IV; в 1687 г. он уже имел чин генерала.

148 ... Обещаю вам поговорить с герцогом. — С герцогом Пармским? — До 1694 г. в Парме правил герцог Рануччо II Фарнезе (см. примеч. к с. 94), а затем — его сын от третьего брака Франческо Мария (1678-1727).

161 ... увидела горящие глаза принца Гессенского, одного из самых верных и настойчивых моих поклонников. — См. примеч. к с. 94.

162 ... довольно скоро, между Пасхой и Троицей. — Троица (Духов день) — праздник, который христианская церковь отмечает в память о сошествии Святого Духа на апостолов (на 50-й день после Пасхи).

166 ... Однажды вечером г-жа ди Пеция во время игры непринужденно беседовала с герцогом ... — Сведений об этой особе (Pezzia) найти не удалось.

167 ... Уезжая, она метнула в меня парфянскую стрелу. — См. примеч.

к с. 25.

168 ... даже если придется просить его высочество одолжить карабинеров его полка ... — Карабинеры — в Западной Европе пешие или конные солдаты, вооруженные карабином; отборные стрелки. В Италии, кроме того, так называли жандармов.

171 ... К удивлению всего двора, я отказалась от курант и котильонов... — Куранта — старинный танец итальянского происхождения, первоначально пантомимический; был известен с XVI в.; около 1700 г. превратился в торжественный, полный достоинства танец, предварявший менуэт; один из любимых танцев Людовика XIV; перестал исполняться около 1720 г.

Котильон — своеобразный танец-игра французского происхождения, обычно завершавший бал; состоял из определенного количества классических фигур.

173 ... нечто вроде рыцарского турнира с конными состязаниями и боями на притуплённых копьях, как это бывало на каруселях Людовика XIV в годы его молодости ... — Карусель — особый вид придворного праздника, имитировавший рыцарский турнир: его участники, не сталкиваясь в схватке, демонстрировали умение владеть конем и оружием, выстраивались и перестраивались в конных процессиях и т.п. Самая грандиозная карусель в царствование Людовика XIV была устроена 5 июня 1662 г. в саду Тюильри в честь Олимпии Манчини, племянницы кардинала Мазарини.

... Герцогиня выбрала костюм одной из героинь прекрасной поэмы Тассо с чисто итальянским сюжетом ... — Тассо, Торквато (1544 — 1595) — итальянский поэт, автор христианской героической поэмы «Освобожденный Иерусалим» (1574 -

1575), которая и имеется здесь в виду, а также лирических стихов, пасторальных драм и трактатов.

... Так она стала Клориндой и настояла на том, чтобы я представляла Армиду. — Клоринда — персонаж «Освобожденного Иерусалима», сарацинская дева-воительница, в которую безответно влюблен рыцарь-крестоносец Танкредо.

Армада — персонаж «Освобожденного Иерусалима», владелица роскошных волшебных садов, название которых стало нарицательным; поэтическая красавица, увлекшая многих рыцарей.

... он спросил, не сражался ли странствующий рыцарь Ринальдо с турками в Богемии, а г-жа ди Пеция подтвердила, что именно так все и происходило. — Ринальдо — один из главных персонажей

«Освобожденного Иерусалима», рыцарь-крестоносец, своего рода христианский Ахилл, без которого святой город не может быть взят; бесстрашный воитель, способный, однако, предаться на время неге и сладострастию. Ринальдо также заглавный герой ранней поэмы Тассо, опубликованной в 1562 г. и воспевающей подвиги паладина каролингского цикла Реноде Монтобана.

... на нем были короткие шаровары, ожерелья и брыжи... — Брыжи — воротник, жабо или манжеты, собранные в виде оборок; украшение старинной женской и мужской одежды.

174 ... Придворным сфинксам, прочитавшим это слово, было над чем поломать голову ... — Сфинкс — в древнегреческой мифологии крылатое существо с туловищем льва, головой и грудью женщины, обитавшее на скале близ Фив и пожиравшее путников, которые не могли разрешить задаваемые им загадки; в переносном смысле — то, что представляет собой загадку, непонятную для других. Неясно, почему здесь сфинксам предлагается разгадывать загадку, а не задавать ее.

177 ... я одну за другой родила своих дочерей, а затем сына. — Сведений о законных детях графини ди Верруа найти не удалось.

... его бабушка ... была дочь Генриха Четвертого ... — Имеется в виду Кристина Французская — см. примеч. к с. 45.

179 ... Кардинал д'Эстре однажды утром переслал мне письмо ... — Кардинал д'Эстре — см. примеч. к с. 56.

... г-жа ди Верруа уехала с ее высочеством на несколько недель в монастырь Шамбери. — В Шамбери (см. примеч. к с. II) было несколько женских монастырей: бернардинок, кармелиток, Благовещения. Визитации и др., так что нельзя сказать, о каком именно монастыре здесь может идти речь.

181 ... Госпожа де Монтеспан начинала с того же! — Госпожа де Монтеспан (см. примеч. к с. 125), которая была замужем за маркизом де Монтеспаном с 1663 г., в первое время пыталась противостоять любовным домогательствам Людовика XIV и хотела покинуть двор, но муж запретил ей поступить так, хотя позднее, когда ее связь с королем стала фактом, начал протестовать, за что был отправлен в Бастилию, а затем сослан; в 1691 г. ей пришлось оставить двор, и последние годы жизни она провела, замаливая грех «двойного прелюбодеяния».

187 ... через моего брата, герцога де Шеврёза, выразил желание повидать меня. — Шеврёз — см. примеч. к с. 11.

188 ... В Лионе ... мы провели целую неделю ... — Лион — главный город исторической области Лионне; расположен при слиянии рек Рона и

Сона: ныне административный центр департамента Рона: один из крупнейших городов Франции; в V — XII вв. центр различных феодальных владений; с 1312 г. находился под властью французских королей.

189 ... он пригласил трех врачей, и каждый из них, как у Мольера, прописал свое лекарство. — Мольер (настоящее имя — Жан Батист Поклен; 1622 -

1673) — знаменитый французский драматург, актер, театральный деятель; автор бессмертных комедий, из которых наибольшей известностью пользуются «Дон Жуан», «Скупой», «Тартюф» и др.; сочетая традиции народного театра с достижениями классицизма, создал жанр социально-бытовой комедии, высмеивая предрассудки, ограниченность, невежество, ханжество и лицемерие дворян и выскочек-буржуа; проявил глубокое понимание природы человеческих пороков и слабостей; оказал огромное влияние на развитие мировой драматургии.

У Мольера есть несколько пьес, высмеивающих врачей и современную ему медицину. Здесь, по-видимому, речь идет о сценах комедии «Мнимый больной», в которых медики осматривают заглавного героя Аргана.

... нужна хорошая лодка, чтобы спуститься вниз по Роне... — Рона — река в Швейцарии и Франции, длиной 812 км; берет начало из Ронского ледника в Лепонтинских Альпах, протекает через Женевское озеро и по Ронской низменности, впадает в Лионский залив Средиземного моря (к западу от Марселя).

191 ... Если бы вы были французом, я отослала бы вас к Мольеру и его «Школе жен» ... — «Школа жен» («L'Ecole des femmes») — пятиактная пьеса Мольера, написанная в стихах и поставленная впервые 26 декабря 1662 г. в театре Пале-Рояля; принесла автору огромный успех. Сюжет ее таков: старик Арнольф, вбивший себе в голову, что женщина может быть добродетельной, лишь оставаясь невежественной, воспитывает в своем доме юную сироту Агнес, которая видится только с придурковатой служанкой и таким же слугой, и рассчитывает жениться на ней. Однако наивность Агнес способствует лишь тому, что она легко, без всяких угрызений совести уступает любовным домогательствам юного Ораса.

194 ... в поле, недалеко от Катано ... — Этот топоним (Catano) идентифицировать не удалось.

197 ... она владеет землями стоимостью в три миллиона римских скудо... — Скудо — старинная итальянская серебряная монета.

2(X) ... Клянусь святым Януарием! — Святой Януарий (Сан Дженнаро) — католический святой, епископ города Беневенто, почитаемый как главный покровитель Неаполя; погиб мученической смертью ок. 305 г.

в городе Поццуоли вблизи Неаполя.

204 ... в ужасные камеры, которые назывались «in расе» ... ~ In расе (лат. «в мире») — в данном значении: подземная монастырская тюрьма, куда пожизненно заключали особо грешных преступников. Слова «In расе» нередко писали на надгробиях христиан первых веков (в значении: «Да почиет в мире»), а такая тюрьма и воспринималась как могила.

214 ... Клянусь кровью святого Януария ... — Всемирной известностью пользуется чудо, связанное с кровью святого Януария и на протяжении многих веков ежегодно повторяющееся в Неаполе 19 сентября (в день принятия им мученичества) и в ряде других случаев; оно заключается в переходе крови святого, хранящейся в тщательно закупоренных ампулах, из твердого состояния в жидкое вне зависимости от температуры во внешней среде; ампулы в свою очередь хранятся в специальном ларце с двумя хрустальными стенками, отделанными металлом; ларец находится на строгом попечении канцелярии архиепископа Неаполя и совета, состоящего из двенадцати знатных граждан города.

216 ... Дочери рода Роганов не позволяют так унижать себя ... — Роганы — один из самых знатных родов Франции, потомки древних королей и герцогов Бретани; владели огромными землями в Бретани, в том числе герцогством Роган и княжеством Гемене; при Людовике XIV были возведены в ранг иностранных принцев; к этому роду принадлежали принцы Гемене, герцоги Монбазоны, принцы Субизы, принцы Леоны, герцоги Роган-Шабо и многие другие знатные французские семьи.

Напомним, что Жанна де Люин была внучка Эркюля Рогана, герцога де Монбазона (и в то же время его правнучка).

217 ... Принц Дармштадтский находился в Мадриде и ... был очень обласкан королевой Испании. — С 1665 г. королем Испании был Карл II (см. примеч. к с. 8); он был женат дважды: первый раз (1679) на Марии Луизе Орлеанской (см. примеч. к с. 110), племяннице Людовика XIV, которая умерла в 1689 г., второй раз (1690) — на Марии Анне Нёйбургской (1667-1740). Здесь речь идет о второй его супруге.

218 ... зато приедут герцог де Шеврёз или шевалье де Люин. — См. примеч. к с. 11.

222 ... г-жу де Монтеспан обожала ее семья ... все чтили и уважали эту женщину, принимавшую даже непреклонную аббатису де Фонтевро, свою сестру. — Аббатиса Фонтевро — Мари Мадлен Габриель де Рошшуар-Мортемар (1645-?), младшая сестра госпожи де Монтеспан.

Фонтевро — селение в Центральной Франции, в котором находился

первый монастырь основанного французским религиозным деятелем Робером д'Арбрисселем (ок. 1045 — 1117) женского монашеского ордена с очень строгим уставом. Монастыри ордена Фонтевро (даже мужские) управлялись аббатисами как наместницами Богоматери. Орден состоял из четырех отделений: для девушек и вдов, для больных, для кающихся женщин, для священников; он получил довольно широкое распространение во Франции, но во время Революции был упразднен.

226 ... ее кузен женился на принцессе Виктории Баварской ... — Мария Анна Кристина Виктория Баварская (1660 — 1690) — дочь баварского курфюрста Фердинанда и Аделаиды Генриетты Савойской, с 1680 г. супруга Великого дофина; родила ему трех сыновей; была некрасива, но обладала умом и обаянием.

227 ... у нас родился сын, его приняли как наследника короны. — См. примеч. к с. 11.

230 ... Война во Фландрии, без сомнения, продлится долго и будет смертоносной ... — Имеется в виду война за Пфальцское наследство (см. примеч. к с. 135), которая длилась девять лет и была, по существу говоря, общеевропейской.

... дорогой дядюшка вернет мне мои славные крепости Барро, Пинероло и Касале... — Барро — селение в нынешнем французском департаменте Изер, в 36 км к северо-востоку от Гренобля; в 1596 г. в 2 км от него, на правом берегу реки Изер, герцог Карл Эммануил I Савойский соорудил форт Барро, который сразу же после этого был захвачен французским военачальником Ледигьером (1543-1626), ставшим впоследствии маршалом и коннетаблем Франции.

231 ... среди них был и полк г-на ди Верруа. — Джузеппе Игнацио Скалья, граф ди Верруа, командовал кавалерийским полком, носившим название «Драгуны Верруа», или «Голубые драгуны»; полк состоял из 300 кавалеристов.

232 ... упаси меня Бог сравнивать себя с Карлом Великим, однако у меня, так же как у него, есть свой круглый стол и свои храбрецы, без которых я не смог бы ничего предпринять... — Здесь, вероятно, автор смешивает две героические легенды: Круглый стол, символ равенства, был не у Карла Великого (см. примеч. к с. 102) и его двенадцати соратников-пэров, а у легендарного короля бритов Артура, героя цикла средневековых рыцарских романов: за этим столом собирались рыцари его двора.

233 ... Ну что ж, дорогой кузен, все потеряно, кроме чести! — Виктор Амедей повторяет здесь слова «Все потеряно, кроме чести», произнесенные французским королем Франциском I после разгрома его

армии испанскими и имперскими войсками в битве при городе Павия в Северной Италии 24 февраля 1525 г.

... Наместник Миланского герцогства уже получил приказ прислать вам шесть тысяч всадников и восемь тысяч пехотинцев. — Испанским наместником Миланского герцогства был в то время (с 1686 по 1691 гг.) Антонио де Аяла Веласко, граф де Фуэнсалида.

234 ... Катина, отправившийся из Дофине и продвинувшийся до Авильяны, где в это время он разбил лагерь, потребовал от герцога Савойского прислать государственного министра, чтобы тот выслушал распоряжения короля Франции. — Авильяна — крепость на реке Дора-Рипария, в 18 км к западу от Турина.

235 ... когда приказы, посланные в Милан, и договор, подписанный 3 июня с членами Аугсбургской лиги, вступят в силу. — Виктор Амедей официально присоединился к Аугсбургской лиге 4 июня 1690 г.

... несмотря на все старания и подготовленность графа фон Брандиса, полномочного представителя герцога в Милане ... переговоры несколько затягивались ... — Сведений об этом персонаже (Brandis) найти не удалось. Многие представители старинного немецкого дворянского рода Брандис жили в Италии и оставили след в ее истории.

... было решено доиграть комедию до конца и направить в Париж старого маркиш ди Сан Томмазо, изворотливого и ловкого посланника, чтобы сбить с толку французов и отвести подозрения. — Вероятно, имеется в виду маркиз Каррон ди Сан Томмаю, представитель знатного пьемонтского рода.

296 ... мой ангел-хранитель и моя Эгерия... — Эгерия — в древнеримской мифологии нимфа одного из ручьев города, легендарная возлюбленная (или жена) царя Нумы Помпилия (ок. 715 — ок. 672 до н.э.), которому она помогала своими советами; в переносном смысле — мудрая советчица.

... грозные призывы, по сравнению с которыми бахвальство гасконцев выглядело бы приветствием. — Гасконь — историческая область на юго-западе Франции, между Гаронной и Пиренеями, населенная в древности басками, а ныне французами-гасконцами, говорящими на особом наречии; в 1 в. вошла в состав Римской империи, а позже принадлежала многим государствам; в XV в. отошла к Франции. Во французской литературе гасконцев часто изображают хвастунами и бахвалами.

238 ... крест ордена Благовещения, усыпанный бриллиантами. — См. примеч. к с. 46.

249 ... Пришлось отобрать ружья и шпаги у тех, кто не был

ополченцем или солдатом, иначе война началась бы со второй Сицилийской вечерни. — Сицилийская вечерня — народное восстание в Палермо против французских завоевателей 31 марта 1282 г., начавшееся, как гласит легенда, по звону колокола к вечерне. В различных городах Сицилии тогда было убито более трех тысяч французов.

240 ... принц Евгений ... вернулся в Вену, а на его месте оказался генерал Караффа ... — Караффа, Антонио (1646-1693) — австрийский фельдмаршал, итальянец по происхождению; прославился при снятии осады с Вены (1683) и захвате Трансильвании.

... стало известно о поражении принца в битве под Стаффардой. — Стаффарда — селение в Пьемонте, в провинции Кунео; 18 августа 1690 г., в ходе войны за Пфальцское наследство, здесь произошло сражение между французами под командованием маршала Катина и австрийцами под командованием Виктора Амедея Савойского; австрийцы потерпели там сокрушительное поражение.

... Посла Франции отвезли в замок Иерея ... — Иврея — небольшой городок в Пьемонте, у одного из альпийских перевалов, в 30 км к северу от Кивассо; временно захватывался французами в 1641. 1796 и 1800 гг.

... подвергнув тем же притеснениям, которые выпали на долю маркиза д'Ольяни, посланника герцога в Париже. — Сведений об этом персонаже (Ogliani) найти не удалось.

... у него отобрали крепость Сузу — ключ к его владениям ... — Суза — город в Пьемонте, в 45 км к западу от Турина, на реке Дора-Рипария, давший свое имя Сузскому проходу.

... Эти злополучные вальдеисы и барбетты, которых мои отец и я преследовали по наущению нашего общего врага, сегодня захватили Барселоннет и Мон-Дофен ... — Барселоннет — город во Франции, в соврем, департаменте Альпы Верхнего Прованса, построенный в 1231 г. на развалинах древнеримского города; попеременно принадлежал то Савоие, то Франции, к которой окончательно отошел в соответствии с условиями Утрехтского мирного договора. Мон-Дофен — небольшая крепость в 30 км к северу от Барселоннета, в соврем, французском департаменте Верхние Альпы, на возвышенности у места впадения реки Гель в Дюрансу; фортификационные работы в ней начались под руководством Вобана и Катина в 1698 г.

241 ... Катина неожиданно попытался напасть на наши войска в долине Аосты. — Долина Аосты — область в верхнем течении реки Дора-Бальтеа, притока По, в Западных Альпах; названа по городу Аоста, стоящему на этой реке; в описываемое в романе время — графство в

составе Савойского герцогства; после перехода собственно Савойи к Франции в 1860 г. осталась за Савойской династией и вошла в состав Итальянского королевства; ныне— представляет собой особую автономную область Италии Валье-д'Аоста.

... Несчастный случай, взрыв порохового погреба, позволил французам завладеть Ниццей; таким образом в их власти оказался переход через Апеннины и Южные Альпы. — Французские войска окружили Ниццу 26 марта 1691 г., и после ультиматума Катина сам город сдался без боя, однако его цитадель продолжала сопротивление; 30 марта крепость подверглась усиленному бомбардированию, вследствие чего донжон, в котором находился пороховой склад, взорвался; 5 апреля крепость капитулировала; падение ее произвело сильное впечатление на современников, ибо она считалась неприступной.

242 ... Граф де Вруссак, все тот же храбрый полковник, которого я уже упоминала и которому оказывали содействие граф Приура и шевалье ди Виллафалетто, очень долго держался в этой крепости ... — Сведений об этих защитниках цитадели Ниццы в 1691 г. (Vrussaques, Prioura, Villafalet) найти не удалось, и выше речь ни об одном из них не шла.

... Отступив к Онелье, он через несколько дней доказал свою отвагу, дав там ответный бой. — Онелья — портовый городок в Лигурии, на берегу Генуэзского залива, в прежней провинции Порто Маурицио; стоит у впадения реки Прино в Средиземное море. ... Овладев Ниццей. Катина совершил прорыв через Авильяну ... — Авильяна — см. примеч. к с. 234.

... Супруга герцога была на шестом месяце беременности ... — Ребенок, родившийся у герцогини Савойской 11 июня 1691 г., умер при появлении на свет.

... вместе с герцогиней-матерью она уехала в Верчелли ... — Верчелли — город в Пьемонте, на реке Сезия; был независимой республикой, затем принадлежал Милану, а с 1427 г. — герцогам Савойским.

243 ... и под Стасъхрардоу и под Марсальей отказался верить принцу. — Марсалья — селение в Пьемонте, в провинции Кунео; 6 октября 1693 г. возле него состоялось сражение между французами, которыми командовал маршал Катина, и объединенными силами австрийцев, испанцев и англичан во главе с Виктором Амедеем II; союзники потерпели сокрушительное поражение и потеряли около 6 000 человек.

... Рядом с принцем Евгением находимся один из его ближайших друзей — князь де Коммерси, принадлежавший к Лотарингскому дому ... — Ком-мерси, Шарль Франсуа Лотарингский, князь де (1661 — 1702) — австрийский генерал, внук Карла Лотарингского, герцога д'Эльбёфа,

военную карьеру начал в Венгрии, в сражениях с турками; был тяжело ранен дротиком в битве при Мохаче (12 августа 1686 г.); участвовал в захвате Белграда (1688); в 1692 г. стал генералом имперской кавалерии; погиб в битве при Луццаре

... в Турции, во время осады Белграда, молодой человек получил тяжелое ранение ... — Белград — столица Сербии; стоит у впадения реки Савы в Дунай; в 1521 г. был захвачен турками, у которых его начиная с 1681 г. и вплоть до окончательного изгнания их в 1867 г. пытались отвоевать австрийцы и сербы; неоднократно подвергался осаде; одна из них, о которой здесь и идет речь, произошла в 1688 г.: курфюрст Баварский, командующий имперскими войсками, взял город приступом после кровопролитных боев, однако в 1690 г. турки захватили его снова. Во время осады Белграда князь де Коммерси был контужен.

... корнет его полка позволил туркам отобрать у него свой. — Корнет — здесь; кавалерийский офицер-знаменосец.

... Двадцатитысячное войско разбило лагерь вокруг города: то были солдаты из Испании. Вюртемберга и Савойи. — Вюртемберг — графство, с 1495 г. — герцогство, с 1806 г. — королевство на западе Германии, с 1918 г. — земля, с 1951 г. — часть земли ФРГ Баден-Вюртемберг.

... Ждали курфюрста Баварского, герцога Шомберга и князя Караффу ... — Курфюрст Баварский — см. примеч. к с. 143. Шомберг, Карл, второй герцог (1645 — 1693) — сын французского маршала Шомберга (1615-1690), генерал на службе союзников; погиб от ран, полученных им в битве при Марсалье.

... Катина, по своему обыкновению, перехитрил нас, напал на Карманьола и взял ее... — Карманьола — укрепленный город в Пьемонте, в 20 км к югу от Турина; был захвачен маршалом Катина 10 июня 1691 г.; фортификационные сооружения в городе не сохранились.

244 ... Кераско и Кивассо были разрушены, а все силы для отпора врагу сосредоточены в Кунео. — Кераско — укрепленный город в Пьемонте, в провинции Кунео, у слияния рек Танаро и Стура-ди-Демонте, в 45 км к югу от Турина; до 1260 г. был независимым городом, затем принадлежал королям Неаполитанским, а потом — графам и герцогам Савойским; в 1631 г. в нем был подписан договор, завершивший войну за Мантуанское наследство. Кивассо — см. примеч. к с. 64. Кунео — город в Северной Италии, в Пьемонте, на реке Стура-ди-Демонте, притоке По; расположен в 75 км к югу от Турина; центр одноименной провинции.

... в том числе восемьсот вальденсов под командованием их знаменитого главаря, которого, помнится, звали Гильельмо. — Сведений об

этом персонаже (Guillelmo) найти не удалось. ... В осажденном городе командовал граф делла Ровере ... — Сведений об этом защитнике города Кунео в 1691 г. найти не удалось. Делла Ровере — знаменитая итальянская семья, родом из Савоны, своим возвышением обязанная тому, что два ее представителя стали папами: Сикст IV и Юлий II.

... граф ди Бернеццо во главе трех савоиских полков и подразделений союзников нашел способ проникнуть в крепость ... — Джузеппе Эмануэле Витторио Азинари, маркиз ди Бернеццо — савойский генерал, участвовавший в обороне города Кунео в 1691 г.

... пора брать Ниццу ... и вырвать Монмельян из рук врага ... — Монмельян — городок в Савойе, в 14 км к юго-востоку от Шамбери, на реке Изер; славился своей цитаделью, которую, впрочем, неоднократно захватывали французы; Катина взял ее в 1691 г.

... в город вошел граф Каста, затем граф Каретто — и оба во главе новых подкреплений... — Сведений об этих персонажах (Costa, Caretto) найти не удалось.

246 ...он поручил Месье написать Виктору Амедео одно из тех родственных посланий, где каждая фраза тщательно взвешена и является условием подлинного договора. — Месье — см. примеч. к с. 110.

... ему уступали Пинероло и Фенестрелле ... — Фенестрелле — городок в Пьемонте, в верховьях реки Кизоне, в 30 км к северо-западу от Пинероло; важный стратегический пункт; впервые фортификационные сооружения в нем были возведены Людовиком XIV в 1694 г.; по условиям Утрехтского мира отошел к Савойе.

... Господин де Шамери, тайный гонец из Франции ... — Сведений об этом персонаже (Chamegy) найти не удалось.

247 ... савойские принцы захватили Амбрён и Гийестр. — Амбрён — городок в соврем, французском департаменте Верхние Альпы, в 34 км от Гапа; стоит на холме, возвышающемся над рекой Дюранс; в XVI в. был резиденцией архиепископа.

Гийестр — городок в соврем, французском департаменте Верхние Альпы, в 20 км к северо-востоку от Амбрёна; в нем когда-то находился замок архиепископов Амбрёнских.

... Вслед за первой победой принцы почти без боя овладели Гапом. — Гап — город на юго-востоке Франции, главный город соврем, департамента Верхние Альпы.

248 ... собирались идти на Лион через Систерон и Экс. Прованс был охвачен ... ужасом ... — Систерон — городок в соврем, департаменте Альпы Верхнего Прованса, в 40 км к северо-западу от города Динь, на реке

Дюранс.

Экс-ан-Прованс — город на юго-востоке Франции, севернее Марселя, в соврем, департаменте Буш-де-Рон; столица Прованса. Прованс — древняя провинция на юге Франции, на берегу Средиземного моря, между реками Рона и Вар (соврем, департаменты Нижние Альпы, Буш-дю-Рон, а также части департаментов Дром, Вар и Воклюз).

249 ... мы отомстили за мерзости французов в Пфальце ... — Пфальц (Палатинат) — феодальное владение в Западной Германии, известное с XII в.; его владельцы, пфальцграфы Рейнские, с XIV в. получили права курфюрстов — выборщиков императора; с XIV в. им правила ветвь рода Виттельсбахов, курфюрстов Баварских; с XVI в. в нем утвердился протестантизм в его кальвинистской форме; во время войн Революции и Наполеона территория Пфальца была поделена между Францией и несколькими германскими государствами; по решению Венского конгресса большая его часть отошла к Баварии и вместе с ней в 1871 г. была включена в состав Германской империи; ныне относится к земле Рейнланд-Пфальц ФРГ.

В 1687-1688 гг., в начале войны с Аугсбургской лигой, французские войска, действуя по приказу военного министра Людовика XIV Лувуа, зверски опустошили те земли Пфальца, что лежали на левом берегу Рейна к северу от Эльзаса; при этом были сожжены крупнейшие города региона, много других городов и деревень; на части территории Пфальца были запрещены посевы. Отдавая этот приказ, Лувуа полагал, что опустошение прилегающих к Франции областей предохранит ее от вражеского вторжения.

... Господин де Тессе, французский комендант Пинероло, подкупал предателей ... — Тессе, Рене де Фрулле, граф де (1650 — 1725) — французский военачальник и дипломат, маршал Франции (1703); военную карьеру начал в 1670 г.; в 1692 г. стал генерал-лейтенантом; в начале войны с Аугсбургской лигой воевал в Пфальце; затем сражался в Италии и в 1693 г. осадой взял Пинероло; вел переговоры с герцогом Виктором Амедеем II Савойским, закончившиеся подписанием мира (1696); в 1700 — 1704 гг. командовал французскими войсками в Италии; с 1723 г. посол в Испании.

250 ... его комендант г-н де Крессо капитулировал. — Сведений об этом персонаже (Cressau), французском коменданте крепости Касале, найти не удалось.

... По условиям договора укрепления Касале следовало разрушить до основания, а сам город возвратить герцогу Мантуанскому, которому он принадлежал до известного постыдного торга. — Герцог Мантуанский —

см. примеч. к с. 144.

... он замыслил паломничество к Мадонне Лоретской. — Согласно преданию, когда возникла угроза разрушения турками дома, в котором жила в Назарете Богоматерь, этот Святой дом (Santa Casa) был перенесен ангелами сначала (1241) в Далмацию, а затем (10 декабря 1295 г.) в Италию, в лавровую рощу (лат. laurentum). Рядом со Святым домом возник небольшой городок, носящий название Лорето (провинция Марке, недалеко от Анконы). Лоретская христианская святыня привлекала к себе многочисленных паломников, которые верили, что Святой дом перенесли на своих крыльях ангелы, исполнявшие Божье повеление; в кон. XV в. это чудо было признано папой Сикстом IV. Соответствующий праздник (10 декабря) был установлен в кон. XVIII в.

251 ... Еще в Турине герцога попытались обмануть, сообщив ему о смерти короля Вильгельма, — событии, обрекавшем Лигу на раскол и ставившем союзников в очень трудное положение. — Английский король Вильгельм III на самом деле умер в 1702 г.

... Пинероло, все его укрепления и замок Переса будут разрушены ... — Пероса Арджентина — крепость в Пьемонте, в 12 км к северо-западу от Пинероло, на реке Кизоне.

... герцог Бургундский, внук короля, вступит в брак с Аделаидой Савойской, старшей дочерью Виктора Амедея ... — Луи, герцог Бургундский (1682-1712) — дофин Франции, внук Людовика XIV, старший сын Великого дофина; под руководством Фенелона и герцога де Бовилье получил прекрасное образование; в 1697 г. женился на Марии Аделаиде Савойской (см. примеч. к с.

15); в 1702 г. командовал армией во Фландрии, а в следующем году стал главнокомандующим французской армии, действовавшей в Германии; в 1711 г., после смерти отца, стал наследником престола, но умер менее чем через год от инфекционного заболевания, лишь на шесть дней пережив свою жену, скончавшуюся от той же болезни.

253 ... осада Валенцы на реке По ... явилась его первым итогом. — Валенца — город в Пьемонте, в провинции Алессандрия, на правом берегу реки По, в 12 км к северу от города Алессандрия.

... За этим договором последовали договоры в Виджевано и в Павии, благодаря которым вся Европа признала нейтралитет Италии ... — Виджевано — город на севере Италии, в Ломбардии, в провинции Павия, недалеко от реки Тичино. 7 октября 1696 г. в доминиканском монастыре этого города был подписан мирный договор между французами и австрийцами.

Павия — город на севере Италии, на реке Тичино, центр одноименной провинции.

... Наконец, был заключен Рисвикский мир, а затем Карловицкий. — Рисвикский мир (Рисвик — небольшой городок в Голландии), заключенный в 1697 г. и положивший конец войне Франции с Аугсбург-гской лигой, включал всебя четыре мирных договора, которые Франция заключила с Нидерландами, Англией, Испанией и Империей; в соответствии с этими договорами, Франция отказалась от большинства приобретений, сделанных ею в ходе войны и накануне ее. В соответствии с условиями Карловицкого мира (Карловиц — город в Сербии, на Дунае; соврем. Сремски-Карловцы), подписанного в январе 1699 г., Турция, потерпевшая поражение от союза Австрии, России, Польши и Венеции, покидала Венгрию, прекращала притязать на Трансильванию и уступала значительные территории Польше и Венеции.

... Завещание короля Испании вновь разожгло огонь разногласий ... — Имеется в виду соперничество Франции и Австрии из-за т.н. Испанского наследства — владений бездетного короля Испании Карла II в Европе, Америке и Азии. В предвидении смерти Карла II соперники, претендующие на испанские земли по праву родства с умирающим королем, безуспешно пытались договориться о дележе наследства. В 1700 г. Карл II умер, завещав Испанию и ее владения внуку Людовика XIV герцогу Анжуйскому (будущему испанскому королю Филиппу

V). Наследство было принято, после чего против Франции и Испании, к которым примкнули Бавария и Савойя (изменившая союзу в 1703 г.), образовалась коалиция из Империи, Англии, Голландии, Португалии, Бранденбурга и нескольких мелких немецких и итальянских государств; при этом претендентом на испанский трон выступал австрийский эрцгерцог Карл Габсбург. Война 1701 — 1714 гг. сразу же приняла мировой характер: военные действия велись во Фландрии, в Западной Германии, Испании, Италии, Америке и на морях, причем для Франции они не были удачными. Хотя французскому принцу удалось утвердиться в Испании, на других театрах Франция потерпела крупные поражения и лишилась своих союзников; страна была разорена, и от окончательного краха Людовика XIV спасли лишь разногласия между его противниками, усилившиеся в 1712 г., когда эрцгерцог Карл стал императором и Европе начала грозить австрийская гегемония вместо французской. Первая от союза отступила Англия; в 1712 г. начались мирные переговоры, а в 1713 — 1714 гг. были подписаны Утрехтский и Раштадтский мирные договоры. Согласно им. Бурбоны утвердились на испанском троне, но Испания уступила своим

противникам фактически все свои владения в Европе вне Пиренейского полуострова; Франция лишилась многих земель в Америке, но в Европе понесла относительно небольшие потери.

254 ...в Вене сожалели об отказе герцога отдать руку принцессы королю Римскому ... — Имеется в виду старший сын императора Леопольда I, будущий император Иосиф I Габсбург (см. примеч. к с. 8), с 1690 г. носивший титул короля Римского, который получали наследники императорского престола.

257 ... вдова Скаррон не превозносит себя так, как его величество король Людовик Четырнадцатый ... она никогда не догадается, что мне известна скарронада ... — Вдова Скаррон — маркиза де Ментенон (см. примеч. к с. 27).

Скарронада — вероятно, имеются в виду куплеты, направленные против госпожи де Ментенон (по аналогии с известными мазаринадами).

258 ... Княгиня делла Цистерна и еще одна дама вместе с маркизом ди Промеро должны были сопровождать принцессу до моста Бовуазен, где им предстояло передать ее на попечение герцогини де Люд и французского посольства. — Княгиня делла Цистерна — вероятно, имеется в виду супруга (с 1684 г.) Амедео Альфонсо князя делла Чис-терна (см. примеч. к с. 53) Мария Анриетта Ле Арди (1661 — 1753), дочь французского маркиза де ла Трусса.

Сведений о маркизе ди Промеро (Promero) найти не удалось. Мост Бовуазен перекинут через небольшую реку Гьер (приток Роны), разделявшей прежде территории Франции и Савойи; на обеих ее берегах выросли два города с одинаковым названием Ле-Пон-Бовуазен, которые в течение многих веков служили воротами из Савойи во Францию; когда между французской и савойской династиями заключались брачные союзы, именно здесь встречали вступающих в супружество принцев и принцесс. 16 октября 1696 г. в присутствии 20 000 зрителей на этом месте проходила церемония торжественной передачи принцессы Марии Аделаиды Савойской представителям французского двора.

Герцогиня де Люд — Маргарита Луиза Сюзанна де Бетюн (? — 1726), дочь Максимилиена Франсуа, герцога де Сюлли, и Шарлотты Сегье, в первом браке (1658) супруга Армана де Грамона, графа де Гиша (1638 — 1673); овдовев, вышла замуж снова (1681) — на этот раз за Анри де Дайона, герцога де Люда (ок. 1622-1685), первого дворянина королевских покоев, коменданта Сен-Жермена и Версаля и командующего артиллерией (1669); в 1696 г. стала придворной дамой герцогини Бургундской.

... Мост целиком принадлежал Франции; при входе на него принцессу

ожидали граф де Бриен и придворные дамы ... — Граф де Бриен — возможно, имеется в виду Луи Анри де Ломени, граф де Бриен (1635 — 1698), французский потомственный дипломат и литератор, государственный секретарь по иностранным делам; в 1663 г. впал в немилость и был отстранен от своей должности, после чего стал монахом-ораторианцем; однако в 1674 г. был исключен из ордена и подвергнут тюремному заключению; в 1692 г. выпущен на свободу, но в 1696 г. вновь ее лишен.

261 ... я хочу выдать мою вторую дочь за герцога Анжуйского, когда он станет Филиппом Пятым. — Филипп V (см. примеч. к с. 8), король Испании с 1700 г., первый из династии Бурбонов, второй сын Великого дофина, носивший титул герцога Анжуйского и призванный на испанский трон по завещанию Карла II, первым браком (1701) был женат на Марии Луизе Габриелле Савойской (1688-1714), второй дочери Виктора Амедея, а вторым (1714) — на Елизавете Фарнезе (см. примеч. к с. 321).

... посылает грамоту о присвоении ему звания верховного главнокомандующего его христианнейшего и его католического величеств ... — В кон. XIII в. французские монархи получили от папы официальный титул «христианнейших», а Франция была объявлена, также официально, «старшей дочерью Церкви»: таким путем папы стремились заручиться поддержкой Франции в конфликте с императорами. «Католический король» — с кон. XV в. официальное наименование испанских королей, которого они добились от папы, чтобы сравняться в почестях и религиозной значимости с французскими королями.

... Он приезжал в Турин несколько ранее в сопровождении некоего аббата Вантони, камергера ... — Сведений об этом персонаже (Vantoni), камергере герцога Мантуанского, найти не удалось.

262 ... У герцога Мантуанского были две постоянные любовницы: при дворе и для представительства — графиня Калори, а кроме нее — некая девица по имени Маттиа ... — Графиня Калори — Мария Магдалина Натта, графиня ди Фрассинето (1675-1745), с 1692 г. супруга Джулио-Чезаре Калори, графа ди Монтеманьо(? — 1714), официальная любовница герцога Мантуанского Карла Фердинанда IV. Сведений о девице Маттиа (Mania), другой любовнице герцога Мантуанского, найти не удалось.

... Позднее герцог Мантуанский женился на мадемуазель д'Эльбёф. — Герцог Мантуанский Фердинанд Карл IV был женат дважды: первый раз (1670) на Анне (1655-1703), дочери Фердинанда III, герцога Гвастальского; второй раз (1704) — на Сюзанне (1686 — 1710), дочери Карла III, герцога д'Эльбёфа.

Австрии хотела навязать ему невесту из рода Аренбергов — Арснбсри — знатный немецкий род имя которого происходит от названия их владения, расположенного между Кельном и Ютихом и возведенного в достоинство княжества, многие его представители оставили заметный след в европейской истории XVII — XIX вв

Катина пока еще не отозвали, но к нему прислали вроде бы в качестве помощника, а на самом деле — в качестве командующего марша ла де Вильруа, на чьем счету к тому времени было немало стычек с принцем Евгением — Вильруа (см примеч к с 8) и принц Евгений встречались на полях сражении при Кьяри (1701), Кремоне (1702) и Рамии (1706) — и каждый раз французский маршал терпел поражение два три раза Вильруа высылали в его лионское губернаторство — Вильруа был губернатором Лионне с 1685 г он воспитывался вместе с Людовиком XIV, поскольку отец будущего маршала был гувернером короля — Имеется в виду Вильруа, Никола де Невиль, маркиз, затем герцог де (1598 — 1685) — маршал Франции, с 1615 г по праву преемственности губернатор провинции Лионне, военную карьеру начал в 1617 г, участвовал во многих кампаниях, в 1646 г стал наставником Людовика XIV и маршалом Франции, в 1661 г — государственным министром главой королевского совета финансов, в 1663 г — герцогом и пэром

Когда маршала прислали к нам, он был всего лишь старым любовником г-жи де Вантадур — Госпожа де Вантадур — Шарютта Элеонора Мадлен, урожденная де Ла Мот-Уданкур (1651-1744), с 1671 г супруга герцога де Вантадура

264 что же касается его способностей, то «взгляните, что осталось», как говорит Пти Жан в «Сутягах» — «Сутяги» ("Les Plaideurs) — трехактная стихотворная комедия Расина (1668), которая высмеивала нравы, царившие в парижском Дворце правосудия Пти-Жан — персонаж «Сутяг», корыстный привратник судьи, пикардийский крестьянин, характер которого являет собой смесь наивности и хитрости, он изъясняется лишь пословицами и поговорками

Приведенные в тексте слова содержатся в пародийной сцене суда над собакой, укравшей каплуна (III, 3)

Свидетели тому три прокурора, у коих сей Лимон В лохмотья мантию порвал Взгляните, что осталось Чтоб оправдать нас, еще угодно доказательств. Однако произносит эти слова другой персонаж комедии — секретарь судьи

Между тем произошла битва при Кьяри — Кьяри — город в Ломбардии, в провинции Брешиа, близ реки Ольо, место сражения 1

сентября 1701 г, в котором участвовали с одной стороны 22 000 австрийцев под командованием принца Евгения Савойского, а с другой — 38 000 французов и испанцев под командованием маршала Вильруа, принц занял небольшой город Кьяри, где был атакован союзниками, которые после двухчасового боя отступили, потеряв около 3 000 человек, австрийцы же потеряли всего 117 человек

265 ... он послал герцогу ... прекрасных турецких коней, которые сохранились у него еще с Зенты. — Зснта (сопрем. Сснта) — город в Сербии, в Восподинс, на реке Тиса; 11 сентября 1697 г. близ него австрийские войска под командованием принца Евгения Савойского одержали блистательную победу над турками под началом великого вс-зира Ильяса Мехмеда, которая привела к подписанию Карловицкого мира; турки потеряли в этом сражении 29 000 человек, австрийцы — 500.

167 ... Именно в это время Кремона сумела устоять под натиском принца Евгения. К великой радости обеих армий, Вильруа попал там в плен. — Кремона — город в Северной Италии, на реке По; главный город провинции; была оккупирована французами в 1702 г. и стала главной ставкой маршала Вильруа, командовавшего союзными франко-испанскими войсками.

I февраля 1702 г. она была неожиданно атакована австрийцами под командованием принца Евгения Савойского (в этом им помогло предательство одного из горожан); защитники города не успели подать сигнал тревоги, и многие командиры союзников попали в плен, в том числе и маршал Вильруа. Однако часть гарнизона сумела укрепиться в цитадели, что сделало пребывание принца Евгения в городе опасным, и с приближением шедшего на помощь городу подкрепления австрийцы отступили.

... воздадим хвалу Беплоне ... — Беллона — римская богиня войны, иногда считающаяся супругой Марса.

... стало известно, что в наши края пришлют герцога Вандомского. — Герцог Вандомский — см. примеч. к с. 8.

269 ... сопровождал архиепископа Пармского, когда тот представлял своего повелителя на переговорах ... — То есть выступал от имени герцога Пармского Франческо II Фарнезе (см. примеч. к с. 148).

... это будет, как в басне об обезьяне и короне ... — Имеется в виду басня Лафонтена «Лиса, обезьяна и звери» («Le Renard, le Singe et les animaux», VI, 6), заимствованная у Эзопа: после смерти льва, своего царя, звери пытаются надеть на себя его корону, но одним она мала, другим велика, третим мешают рога, и сделать это удастся лишь обезьяне, умевшей

кривляться и проявившей изворотливость. Ее и выбирают царем. Однако недовольная лиса хитростью заставляет обезьяну обнаружить присущую ей глупость, после чего нового царя свергают.

271 ... Людовик XIV изъявил желание, чтобы принц принял его католическое величество в Алессандрии. — Алессандрия — укрепленный город в Северо-Восточной Италии, на берегу реки Танаро, центр одноименной провинции; название получил в честь папы Александра III, правившего в 1159-1181 гг.; в первые годы XVIII в. был уступлен Австрией герцогам Савойским и принадлежал им до начала революционных войн конца того же века.

... Филипп V, высадившийся в Финале, направился в Алессандрию в портшезе. — Финале — имеется в виду Финале Марина, небольшой портовый город на берегу Генуэзского залива, вместе с селениями Финале Борго и Финале Пиа составлявший маленький маркизат Финале, который был продан в 1590 г. Испании владевшим им семейством Каретто, а в 1713 г. перепродан королем Карлом VI генуэзцам.

272 ... он не будет требовать, чтобы король просил у него руку его дочери, как это сделал Карл Эммануил, отправившийся лично сватать в жены дочь Филиппа II... — Имеется в виду Карл Эммануил I Великий (1562-1630) — герцог Савойский и принц Пьемонтский с 1580 г.; 11 марта 1585 г. в испанском городе Сарагоса он вступил в брак с Марией Екатериной Австрийской (1567 -

1597), дочерью Филиппа II и Елизаветы Французской.

Филипп II (1527 — 1598) — король Испании с 1556 г.; жестоко преследовал в своих владениях протестантов и еретиков; в 1581 г. подчинил Португалию; потерпел поражение в своих попытках завоевать Англию и восстановить там католичество (1588); в результате Нидерландской революции потерял Северные Нидерланды.

... Однако г-на деЛувиля, фактотума этого двора, переубедили ... — Лувиль, Шарль Огюст д'Аллонвиль, маркиз де (1668-1731) — французский дипломат; с 1690 г. состоял при герцоге Анжуйском и сопровождал его в Испанию, где стал первым дворянином королевских покоев; в течение трех лет, в 1700-1703 гг., по существу руководил действиями юного Филиппа V; в 1703 г. был отозван во Францию и исполнял функции первого дворянина при герцогах Бургундском и Беррийском.

... король Испании ... держал себя крайне любезно, особенно с дочерью Месье, которая одновременно была его теткой и тещей. — Анна Мария Орлеанская, герцогиня Савойская, приходилась Филиппу V двоюродной теткой.

... у меня в доме находился граф Аверсберг, тайный посланец императора. — Вероятно, имеется в виду граф фон Аверсберг, имперский посол в Испании после смерти Карла II, упоминаемый Сен-Симоном.

273 ... если бы посол Франции г-н Фелиппо ... не перехватил послание ... — Фелиппо, Раймон Балтазар Поншартрен, маркиз де (ок. 1650 — 1713) — французский политический деятель и дипломат, генерал, государственный советник; происходил из чиновничьего клана бюрократии Людовика XIV; посол в Кёльне и Турине (1700); противодействовал политическим интригам Виктора Амедея II и, после того как тот объявил войну Франции, находился у него в плену (1703-1704); в конце жизни был губернатором американских колоний Франции; оставил мемуары.

... король послал приказ герцогу Вандомскому разоружить пьемонтские войска, находившиеся в его распоряжении и только что показавшие чудеса доблести в битве под Луцарой. — Луццара — селение в Италии, в провинции Реджо нель Эмилия, на правом берегу реки По; 15 августа 1702 г. франко-испанские войска под командованием герцога Вандомского в кровопролитном сражении близ этого селения разгромили австрийцев, находившихся под командованием принца Евгения Савойского.

274 ... Его негодование распространилось по всей стране со скоростью порохового привода ... — Пороховой привод — принятый от XIV до XIX в. способ поджигать взрывной заряд: от заряда насыпается дорожка пороха на расстояние нескольких метров; порох поджигается, огонь бежит по указанной дорожке, а подрывник должен успеть спрятаться, пока огонь не дойдет до основного заряда. 279 ... Он подписал Венский договор ... — В октябре 1703 г. Виктор Амедей II в очередной раз перешел на сторону противников Франции и объявил ей войну. По тайному договору, заключенному 27 октября 1703 г. между ним и императором Леопольдом I, герцог получал за это ряд владений в Северной Италии; ему также были обещаны территории, которые коалиция намеревалась завоевать в Южной Франции.

283 ... Кажется, вы держите за пазухой ящик Пандоры. — После похищения титаном Прометеем огня боги решили отомстить людям и создали женщину Пандору, предложив ее в супруги Эпиметею, брату-близнецу Прометея. Прометей неоднократно предупреждал брата не принимать никаких даров от богов, но тот не послушался и взял Пандору в жены. Затем боги вручили Эпиметею ларец, в котором находились все несчастья, пороки и болезни, и тот, подстрекаемый Пандорой, невзирая на предупреждения Прометея, принял его; любопытная Пандора открыла ящик, и все беды разлетелись по миру. В ужасе Пандора захлопнула

крышку, и на дне ларца осталась лишь надежда — даже ее люди оказались лишены.

... письмо ... было от шевалье де Люина ... — См. примеч. к с. 11. ... Прочитав это письмо, он произнес «Nunc dimittis» ... — «Nunc dimittis» (лат. «Ныне отпускающе») — первые слова стиха из евангелия от Луки (2: 29-32), который в синодальном переводе звучит так: «Ныне отпускаешь раба твоего, Владыко, по слову твоему, с миром; ибо видели очи мои спасение твое, которое ты уготовал пред лицом всех народов, свет к просвещению язычников и славу народа твоего Израиля». Согласно евангельской легенде, старец Симеон, который был обречен жить до тех пор, пока не увидит Господа, произнес эти слова, увидев принесенного в храм младенца Иисуса. Это выражение употребляется как формула освобождения от тяжелой миссии, облегчения от сознания исполненного долга. 286 ... Мой сын всегда носил титул маркиза Сузского, а моя дочь, принцесса Мария Виктория, не изменила фамилии, выйдя замуж за своего кузена Виктора Амедея, сына немого принца ди Кариньяно. — См. примеч. к с. 11.

291 ... все они были моими близкими или дальними родственниками и радовались тому, что могут похитить у Савояра его любовницу. — «Савояр» — прозвище герцога Савойского.

292 ... Граф д'Эстре спросил меня, куда я желаю ехать. — Вероятно, имеется в виду Виктор Мари, маркиз де Кёвр, герцог д'Эстре (1660 — 1737) — маршал Франции (1703) и вице-адмирал, государственный министр, член Французской академии (1715); сын графа Жана д'Эстре (1634-1707), маршала Франции; племянник кардинала д'Эстре (см. примеч. к с. 56); в период войны с Аугсбургской лигой служил в сухопутной армии, затем командовал Средиземноморским флотом; участвовал в морских сражениях войны за Испанское наследство.

... Я ответила, что поеду в Париж, в монастырь кармелиток на улице Булуа, где у меня много добрых подруг. — Улица Булуа, находящаяся в самом центре Парижа и известная с 1359 г., носит нынешнее название с XVII в.; в районе современных домов №№ 17 — 21 находились семь зданий, в которых начиная с 1657 г. обитали монахини-кармелитки, прежде жившие в предместье Сен-Жак; в 1689 г. община переехала на улицу Гренель, однако эти дома оставались в ее собственности до самой Революции.

Note1

«Мемуары», том II, глава XXV

Note2

Пер. Ю.Денисова

Note3

Богиня-мать мне путь указала (лат.) — «Энеида», I, 381.

Note4

Проклятье! (ит.)

Note5

О Боже! (ит.)

Note6

Черт побери! (ит.)

Note7

«Единородная» (лат.)

Note8

Здесь: крайний предел (лат.)

Note9

С любовью (ит.)

Note10

Великий господин (ит.)

Note11

Хорошо! (ит.)

Note12

Отец мой! (ит.)

Note13

Черт возьми! (ит.)

Note14

«В мире» (лат.)

Note15

Сводник (ит.)

Note16

Пер. Ю. Денисова

Note17

Кабинет (исп.)

Note18

«Ныне отпущающе» (лат.)